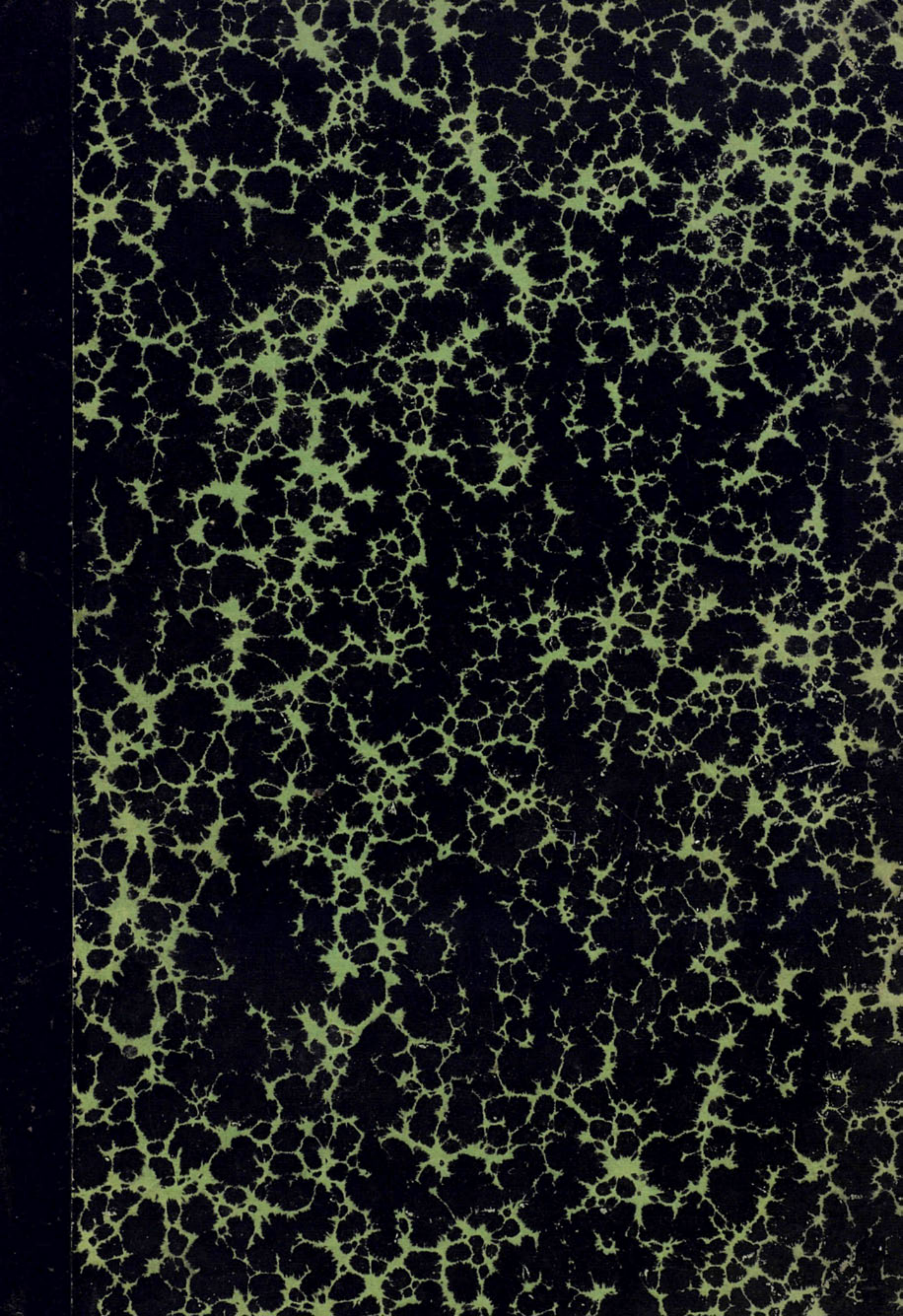

БОРЬБА

ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ

ЗА

ГАЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

И. П. Филевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., 80.
1890.

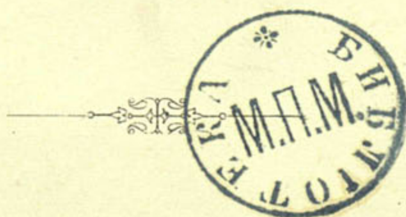
БОРЬБА
ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ

ЗА

ГАЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

И. П. Филевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., 80.
1890.

Константину Николаевичу

Бестужеву-Рюмину

посвящаю

эту книгу.

Оглавленіе.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . V—X

Предметъ изслѣдованія . . . . 1—5

ГЛАВА I. Польша, Литва и Татаре до 1340 г. . . . . 5—54

Главнѣйшіе моменты внутренней исторіи Польши до 1410 г.—Факторы тевтонизма и постепенное усиленіе нѣмецкаго вліянія въ Польшѣ.—Дѣла прусскія и призваніе Нѣмецкаго ордена.—Отношеніе современныхъ польскихъ историковъ къ вопросу о нѣмецкомъ вліяніи.—Локетекъ и Казиміръ.—Татаре и ихъ отношенія къ Галичу.—Поворотный моментъ польской исторической жизни.

ГЛАВА II. Очеркъ военныхъ дѣйствій 1340—1387 годовъ . . . . . . 54—120

1340-й годъ: Критическое разсмотрѣніе главнѣйшихъ показаній, относящихся къ событіямъ этого года.—Выводы.—Событія 1341—1349 гг.: Димитрій Дитко и Даніилъ Острожскій.—Любартъ и его отношенія къ Галичу и Литвѣ.—Католическая пропаганда въ Галичѣ.—Участіе Рима въ русско-польской борьбѣ.—Отторженіе Санока.

Событія 1349—1366 гг.: Завоеваніе Галичины Казиміромъ.—Усилія Литвы возвратить ее.—Союзъ Казиміра съ Людовикомъ.—Татаре.—Отношенія къ нимъ Казиміра и Литвы.—Договоръ 1352 г.

Событія 1366—1370 гг. Союзъ Казиміра съ рыцарями. Договоръ 1366 года.

Событія 1370—1377 гг.: Смерть Казиміра.—Слабость польскаго правительства.—Владиславъ Опольскій въ Галичинѣ.—Набѣгъ литовцевъ 1376 г.—Военныя дѣйствія 1377 года.—Смерть Ольгерда.

Событія 1377—1387 гг.: Холмско-Бельзская земля.—Смерть Любарта.—Окончательное присоелиненіе Галичины къ Польшѣ.

ГЛАВА III. Дѣла церковныя . . . . 121—170

1204 годъ: Пропаганда на Руси доминиканъ и миноритовъ.—Отношенія къ Руси Любушскихъ епископовъ.—Вопросъ о русской митрополіи въ началѣ XIV в.—Попытки Литвы разорвать духовное единство русскаго міра.—Отдѣленіе Галицкой митрополіи.—Учрежденіе латинскихъ епископскихъ каѳедръ въ Галицко-Волынской землѣ. Булла Dobitum pastoralis officii.

ГЛАВА IV. Дѣла гражданскія . . . . 171—220

Общій характеръ русско-польской борьбы.—Тѣсная связь Галицкой земли съ другими русскими землями.—Объединительныя попытки Галицко-Волынскихъ князей и ихъ результаты.—Положеніе Галича съ половины XIV в.—Административныя отношенія къ Польшѣ.—Положеніе и роль отдѣльныхъ классовъ русскаго общества въ Галичинѣ, по занятіи ея поляками.—Иноземцы.—Заключеніе.

ГЛАВА V. Галицко-Волынская земля во второй половинѣ XIV в. въ исторической литературѣ 221

Предисловіе.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы неоднократно имѣли случай указывать, что за все время самостоятельности Галичъ не только ничѣмъ не выдѣлялся въ ряду другихъ русскихъ земель, но что ходъ его внутренней жизни представляетъ замѣчательную аналогію съ ходомъ историческаго развитія земли, ставшей впослѣдствіи ядромъ объединенія Руси. По крайней мѣрѣ, наиболѣе важные моменты были какъ бы предвосхищены Галичемъ: здѣсь раньше, чѣмъ на сѣверѣ, старымъ городамъ противопоставленъ былъ новый городъ, княжій—Галичъ; здѣсь же раньше начинается объединеніе земель, и одновременно югъ и сѣверъ стараются перемѣстить въ свою землю представителя духовнаго единства Руси. Нельзя не отмѣтить, что всѣ эти проявленія были связаны именно съ галицкою почвой. Представителями ихъ явились, правда, князья Волынскіе, но возможность ихъ осуществленія опиралась, очевидно на Галичъ. „Болѣе ми того не надобѣ Володиміръ", говоритъ Романъ, получивъ Галичъ: не изъ Володиміра, слѣдовательно, можно было стремиться къ достиженію великихъ цѣлей. Такую же притягательную силу имѣлъ Галичъ и для Даніила, который не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не овладѣлъ имъ; только утвердившись здѣсь, развернулъ онъ свою дѣятельность и, на сколько было возможно, добился осуществленія идей отца.

Эти идеи скоро стали общимъ достояніемъ населенія и поддерживали цѣлость земли при слабыхъ Даниловичахъ и Юріи-Болеславѣ. Но на галицко-волынской почвѣ онѣ не могли осуществиться. Другая земля, шедшая, какъ мы видѣли, по слѣдамъ Галича, явилась ихъ полною выразительницей. Роль Москвы опредѣлилась какъ разъ тогда, когда надъ Галичемъ разразилась гроза, и какъ разъ незадолго до окончательнаго прекращенія борьбы на западѣ былъ нанесенъ первый рѣшительный ударъ вѣковому врагу на востокѣ, при чемъ пало значеніе Литвы, какъ русской державы. Имя Димитрія стало грознымъ для враговъ: его „боялся и трепеталъ" Ягайло; съ надеждой и упованіемъ стала произносить его вся Русь отъ края и до края. Моментъ, ставшій рѣшительнымъ для Восточной Руси, былъ не менѣе рѣшительнымъ и для Западной. Побѣда на востокѣ стала залогомъ будущей

побѣды и на западѣ. Въ этомъ и заключается тѣсная связь исторической жизни обѣихъ половинъ русскаго міра, при всемъ видимомъ различіи ея хода. Съ этого времени, связанный съ Польшею, Галичъ является мѣстомъ постояннаго противодѣйствія Польшѣ, а въ силу этого онъ былъ объектомъ непрерывнаго воздѣйствія съ ея стороны. Какъ сказывалось то и другое въ занимающій насъ періодъ—до 1433 г.,—отвѣтъ представляютъ настоящіе очерки. То, что происходило на Галицкой почвѣ послѣ 1433 г., не входитъ въ предѣлы нашей задачи, но мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь слова П. А. Кулиша, прекрасно опредѣлившаго историческую роль Галичины. Именно она, а не другая часть юго-западной Руси, „выработала идею церковнаго братства, какъ единственное оставшееся ей средство возвратить русской іерархіи прежній характеръ, а Русской церкви прежнюю самодѣятельность; она послужила разсадникомъ церковныхъ братствъ по другимъ русскимъ областямъ, она дала братствамъ людей для защиты народнаго дѣла“. Раньше другихъ частей оторванная отъ своего цѣлаго политически, Галичина позже всѣхъ другихъ частей порвала съ нимъ связь церковную. „Была, значитъ“—продолжаемъ словами Кулиша—„въ прикарпатскомъ краѣ какая-то сила, которой не доставало жителямъ прочихъ частей польской Руси для того, чтобы заявить о своей русской народности, въ виду иноплеменнаго общества, стремившагося переработать русскій элементъ въ собственную сущность“. На галицкой почвѣ столкнулись Русь и Польша. Польша, по видимому, восторжествовала. Конецъ XIV вѣка представляетъ начало новаго блестящаго періода польской исторіи. „Для тѣхъ“, говоритъ Бобжинскій, —„которые освободили страну отъ домашнихъ смутъ, присоединили безъ оружія Русь и Литву, а оружіемъ нанесли рѣшительный ударъ ордену, казалось не было ничего невозможнаго“. Да, казалось... А между тѣмъ во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ польской исторіи, среди видимаго блеска и славы, пытливое вниманіе изслѣдователя поражается диссонансами, которые постепенно становятся все болѣе и болѣе грозными и наконецъ разражаются надъ Польшею громомъ. Ни претворить въ себя Русь, ни тѣмъ болѣе уничтожить ее Польша оказалась не въ силахъ. Безъ уніи она „не могла существовать, но унія же и подрывала ея существованіе“. Кругъ безвыходный, признается Смолька, и ищетъ выхода въ сознаніи принесенной на алтарь высшихъ цѣлей жертвы, которая „не можетъ пропасть безъ слѣда и, подобно фениксу, должна возродиться изъ пепла“. Какое безотрадное для народа, неубѣдительное для историка объясненіе! Что всего хуже, оно вноситъ мистическій туманъ туда, гдѣ дѣло чрезвычайно ясно. „Для счастья Ягайла Польша“, по мѣткому выраженію Каро,—„была слишкомъ мала“, ея ядро оказалось слишкомъ незначительнымъ для того „пространства“, которое временно ему удалось механически связать съ собою. Послѣ Люблинской уніи

несоотвѣтствіе данныхъ, какими обладала Польша, съ цѣлями, какихъ она положила достигнуть, стало очевиднымъ; но польское ядро оказалось сравнительно слабымъ даже съ тою землицей, которой первый періодъ совмѣстной жизни съ Польшей разсматривается въ предлагаемыхъ очеркахъ. Какъ ни старалась Польша, она достигла лишь того, что на небольшомъ пространствѣ Галичины гораздо раньше обозначились всѣ тѣ явленія, которыя впослѣдствіи совершались на всей западно-русской землѣ.

Даже послѣдній цвѣтъ польскаго господства, церковная унія, съ введеніемъ которой можно усматривать въ польско-русскихъ отношеніяхъ начало конца, и та лишь на нѣсколько лѣтъ не совпала съ заключеніемъ галицкой трагедіи. Только нѣсколькими годами позже (именно въ 1443 г.) проникли сюда отголоски Флорентійской уніи, предшественницы Брестской; но за то одновременно съ ними обнаружились отмѣченные Длугошемъ результаты польскаго хозяйничанья—бѣгство русскихъ въ степи и мстительные набѣги ихъ оттуда на новыхъ хозяевъ; обнаружилось козачество! Далеко отъ Галичины окрѣпло оно, но лишь на галицкой почвѣ счелъ возможнымъ остановиться Хмельницкій. И по настоящее время „только представители русской національности въ Галичинѣ имѣютъ право на названіе народа, которое дается не высокою образованностью, не завоевательными подвигами, а живою связью живыхъ людей и отдаленнѣйшимъ прошедшимъ страны" (Кулишъ). Главный источникъ противудѣйствующей силы не изсякъ такимъ образомъ въ Галичинѣ и до сего дня. Изслѣдователю отдаленной эпохи нѣтъ дѣла до современной политической злобы, но если эта злоба представляетъ очевидный результатъ историческаго хода, если все продолжающіяся воздѣйствія и противодѣйствія, измѣнившись въ формахъ, продолжаютъ оставаться тѣ же по существу, будучи направлены, съ одной стороны, къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, искаженію народности, съ другой—къ ея охраненію, то подобный фактъ не только позволительно, но должно отмѣтить. Связь всѣхъ этихъ явленій до такой степени очевидна, что совершенно излишне уяснять ее подробнѣе. Можно сказать, что и въ настоящее время старый Галичъ не измѣняетъ своей исторической роли: продолжая и теперь оказывать посильное противодѣйствіе не только не прекращающимся, но какъ будто даже усиливающимся попыткамъ полонизаціи, онъ вмѣстѣ съ другими своими частями, давно соединенными съ цѣлымъ, но лишь весьма недавно освобожденными отъ иноплеменнаго вліянія, оказываетъ воздѣйствіе на развитіе и укрѣпленіе національнаго обще-русскаго сознанія. Все это опредѣляетъ значеніе столѣтія русско-польскихъ отношеній, послужившихъ предметомъ настоящихъ очерковъ.

Предметъ этотъ въ наукѣ или вовсе оставленъ безъ вниманія, или затрогивается лишь мимоходомъ. Исторія Галича привлекаетъ къ себѣ общее

вниманіе: русскіе и поляки, чехи и нѣмцы посвящаютъ ей свои труды, и все-таки рѣшительный моментъ столкновенія Польши и Литвы-Руси, слѣдующая за нимъ продолжительная борьба и внутреннія отношенія въ странѣ до смерти Ягайла, все это остается въ сторонѣ, не разъясненнымъ, какъ будто не поддающимся изслѣдованію. А между тѣмъ занимающій насъ періодъ представляется во многихъ отношеніяхъ весьма важнымъ. Имъ на дѣлѣ опредѣляется значеніе предшествующей дѣятельности западно-русскихъ объединителей—Романа и Даніила, и, что, пожалуй, еще важнѣе, взаимное отношеніе главнѣйшихъ частей русскаго міра—юной Москвы и стараго Галича, въ періодъ непосредственно слѣдующій. Такимъ образомъ не только въ западно-русской, но и обще-русской исторіи судьбы Галицко-Волынской земли восполняютъ чувствительный пробѣлъ, весьма замѣтный въ теперешней постановкѣ вопроса объ отношеніи русскихъ земель другъ къ другу со времени смерти Даніила. Что касается исторіи Западной Руси, то занимающій насъ періодъ представляетъ исходный моментъ ея вѣковыхъ отношеній къ Польшѣ. Эти отношенія рѣшительно не могутъ быть поняты правильно безъ правильнаго освѣщенія ихъ начала, опредѣлившаго въ концѣ концовъ положеніе обѣихъ сторонъ и обусловившаго ихъ дальнѣйшую роль. Точно также, здѣсь же получаетъ объясненіе роль Литвы и ея отношенія къ Руси при Гедиминѣ и за все время княженія Ольгерда, какъ равно и отношенія Руси и Литвы къ татарамъ.

Указывая научное значеніе знанимающаго насъ вопроса, мы указываемъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣли, какія мы имѣли въ виду. Въ какой мѣрѣ мы ихъ достигли—судить не намъ. Считаемъ нужнымъ прибавить, что въ виду характера предмета мы старались въ большинствѣ случаевъ говорить словами документовъ и нигдѣ не допускали предположеній, которыя бы противорѣчили ихъ свидѣтельству. Вотъ почему мы должны были отвести, быть можетъ, слишкомъ много мѣста примѣчаніямъ.

Трудъ конченъ, и мысль естественно переносится къ тѣмъ, безъ содѣйствія коихъ онъ врядъ ли могъ бы быть исполненъ. Все время я пользовался совѣтами и указаніями К. Н. Бестужева-Рюмина. Постоянное содѣйствіе и самое теплое вниманіе я встрѣтилъ со стороны Е. Е. Замысловскаго и Л. Н. Майкова. Благодаря П. А. Сырку и В. А. Кракау, я имѣлъ возможность свободно пользоваться многими книгами, что̀ весьма облегчало мою работу.

И. Филевичъ.

С.-Петербургъ
24-го марта 1890 года.

Судьбы западной Руси въ первой половинѣ XIV вѣка представляются до настоящаго времени весьма темными. А между тѣмъ, именно въ это время, завязываются узлы международныхъ отношеній нашего запада такъ крѣпко, что исторія на протяженіи вѣковъ, даже и понынѣ, занимается лишь ихъ распутываніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, первые представители новой литовской династіи быстро расширяютъ предѣлы своего государства, прилагая въ то же время всѣ старанія для его устройства и упроченія; предпослѣдній Пястъ по возможности возстановляетъ единство польскихъ земель и въ 1320 году полагаетъ основаніе ихъ прочнаго объединенія; въ то же самое время исконный врагъ славянства — нѣмецъ все болѣе и болѣе тѣснитъ поляковъ съ запада и сѣвера, а въ лицѣ крѣпко засѣвшихъ на балтійскомъ побережьѣ рыцарей посягаетъ и на Литву. Общій врагъ естественно велъ оба государства къ союзу, и событія конца первой четверти XIV вѣка, по прекращеніи династіи Романовичей, правда, очень темныя и запутанныя, на сколько они могутъ быть въ настоящее время раскрыты, представляютъ дѣйствительно факты, свидѣтельствующіе о заключеніи такого союза, который, вытекая изъ естественнаго положенія вещей, не нарушая, а напротивъ, соотвѣтствуя интересамъ обоихъ государствъ, могъ, казалось, принести обильные и прекрасные плоды. При преемникахъ Гедимина и Локетка дѣло приняло совершенно другой характеръ. Оба союзника 1325 г. — и Польша, и Литва, заявляютъ въ 1340 г. притязаніе на выморочное галицко-владимірское наслѣдіе; для обоихъ оно кажется столь необходимымъ, что начавшаяся съ этого года борьба продолжалась безъ перерыва почти полвѣка; заключаемы были временныя перемирія для роздыха и сбора новыхъ силъ, но ни разу не оказалось возможности сойдтись на какихъ-нибудь обезпечивающихъ обѣимъ сторонамъ прочный миръ условіяхъ, хотя такой миръ былъ

для обѣихъ сторонъ очень нуженъ: борьба была кровавая и требовала страшнаго напряженія. Завершилась она никѣмъ не предвидѣнною случайностью—бракомъ Ягайла и Ядвиги; но даже и послѣ этого она, собственно, лишь измѣнила свой характеръ: переставъ быть кровавою, стала дипломатическою и иногда до того обострялась, что какъ будто снова готова была выйдти въ открытое поле битвъ. Каковы были права Польши на западно-русскія земли—лучше всего показываетъ позднѣйшая аргументація ея дипломатовъ, по поводу которой серьезный польскій историкъ прямо говоритъ: „Или литовцы не знали собственной исторіи, или нравственный перевѣсъ Польши, должно быть, былъ великъ, если литовскіе послы довольствовались утвержденіями, которыя такъ легко было опровергнуть“ [1]). Впрочемъ, возбуждать вопросъ о правахъ даютъ основаніе лишь позднѣйшіе дипломатическіе споры, въ которыхъ обѣ стороны пытались разрѣшить дѣло юридически, ни разу однако не касаясь источника наслѣдственнаго права—до того онъ оказался не замѣтнымъ, а основываясь лишь на фактахъ завоеванія Казиміра—съ одной, Гедимина, съ другой стороны: доказательство, что борьба вытекала не столько изъ правъ наслѣдства Пястовъ и Гедиминовичей, какъ изъ хода исторіи обоихъ государствъ [2]). Культурно-религіозный характеръ борьбы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію [3]). Этимъ объясняется какъ продолжительность и жестокость перваго ея періода, такъ и то обстоятельство, что рядомъ шло коренное измѣненіе основъ жизни. На это были направлены всѣ усилія Польши, пользовавшейся все время самымъ горячимъ содѣйствіемъ Рима,

---

[1]) *К Стадницкій.* Synowie Gedymina. Lwów 1881 г. 1, 137.

[2]) Прямыя заявленія со стороны Казиміра о законныхъ правахъ на Русь, какъ напримѣръ, въ пожалованіи Рѣшова Яну Пакославу: „quibus (русскимъ князьямъ) divina clemencia legitimus successor extitimus“. Cod. d. P. 1, 210, встрѣчаются очень рѣдко. Въ письмѣ Бенедикта XII Краковскому епископу причиной предпріятія Казиміра въ 1340 г. выставлено его негодованіе и желаніе отмстить причиненную католической вѣрѣ отравленіемъ Юрія-Болеслава обиду, *Theiner.* M. P. 1, № 566.

[3]) Такъ смотрѣли на это и Казиміръ, и папа: Rex (Казиміръ) per diligentiam suam plura silvas, nemora et loca Merice nuncupata Cracoviensis et Gnesnensis diocesium versus metas Russie et Ungarie consistentes, in quibus fere bestie seviebant, ad culturam redegerit et in eis castra, villas et oppida construxerit et edificare fecerit . . . . ac fideles Christiani ibidem degentes . . . in fide catholica roborati, infideles attraherent ad fidei unitatem. *Theiner.* M. P. 1, № 866; такъ смотрятъ на это—и теперь польскіе историки, напримѣръ, Шуйскій; Смолька

Вотъ почему содержаніе борьбы составляютъ не только военныя дѣйствія противниковъ, но и мирная дѣятельность, которой они предавались въ спорномъ раіонѣ съ какою-то лихорадочною горячностью каждый разъ, какъ только открывалась для нея какая-нибудь возможность.

Вступленіе Ягайла на польскій престолъ составило въ исторіи борьбы поворотный моментъ, но при всей податливости польско-литовскаго государя, полякамъ только въ предпослѣдній годъ его жизни удалось окончательно присоединить къ Польшѣ галицкую часть галицко-владимірскаго наслѣдія. Другая часть его—Волынь — до 1569 года оставалась за Литвой и только послѣ Люблинской уніи была присоединена къ Польшѣ. 1433 годъ былъ для Галицкой Руси завершеніемъ того процесса, какой съ 1569 года начинается на всемъ пространствѣ Литовско-Русскаго государства. Послѣднему представителю новой польской династіи суждено было завершить дѣло, начатое послѣднимъ Пястомъ. 1569 годъ связывается, такимъ образомъ, не только внутренно, но и внѣшне съ 1340 годомъ, представляющимъ, въ свою очередь, развитіе событій, намѣченныхъ уже смертью послѣднихъ Романовичей, хотя и въ совершенно другомъ направленіи.

Таковъ собственно объемъ затрогиваемаго въ данномъ случаѣ вопроса; такъ далеко до и послѣ 1340 года тянется естественная связь событій. Мы не будемъ разсматривать его въ этомъ объемѣ: онъ слишкомъ сложенъ и требуетъ многихъ подготовительныхъ работъ, которыя только начинаютъ появляться. Наша цѣль—прослѣдить первый періодъ борьбы, до окончательнаго включенія въ составъ польскихъ земель Галицкой Руси, которая, задолго до Люблинской уніи, является какъ бы прообразомъ судьбы Руси юго-западной. Въ меньшихъ размѣрахъ, въ менѣе продолжительный срокъ, съ болѣе яркими—что вполнѣ естественно—результатами происходило въ Галичинѣ буквально то же, что медленнѣе и не столь открыто подготовлялось въ Руси юго-западной съ 1386 по 1569 г., а послѣ Люблинской уніи и совершалось уже безъ стѣсненій. Указанный характеръ борьбы естественно опредѣляетъ стороны, на которыя должно быть обращено особенное вниманіе: очеркъ военныхъ дѣйствій и внутренныя мѣры польскаго правительства въ очутившейся подъ его властью части Руси. Въ послѣднемъ случаѣ особенное значеніе имѣютъ дѣла церковныя, почему они и будутъ разсмотрѣны отдѣльно. Военная борьба получаетъ особенный характеръ еще и потому, что она происходитъ, такъ-сказать, въ виду двухъ иноплеменныхъ

силъ — нѣмецкой и татарской, затруднявшихъ свободныя дѣйствія противниковъ и вызывавшихъ нерѣдко въ самомъ ходѣ ея существенныя усложненія. На сколько такое сосѣдство, особенно нѣмецкое, обнаруживало въ данномъ случаѣ свое вліяніе, увидимъ сейчасъ, такъ какъ предшествовавшій 1340 году ходъ исторической жизни Польши и Литвы необходимо долженъ быть разсмотрѣнъ по стольку, по скольку онъ, какъ сказано, составлялъ причину ихъ враждебнаго столкновенія.

I.

Польша, Литва и татаре до 1340 года [1]).

Колебанія и повороты въ ходѣ исторической жизни народовъ обычны, но едва ли въ какой-нибудь исторіи они выступаютъ съ столь рѣзкою рельефностью, какъ въ исторіи Польши. Въ первый ея періодъ (960—1138 гг.) это обнаруживается особенно ярко. За едва замѣтнымъ выступленіемъ Польши на историческое поприще при Мешкѣ I слѣдуетъ періодъ блеска и славы удивительныхъ подвиговъ и смѣлыхъ замысловъ Болеслава Храбраго, пытавшагося сдѣлать Польшу центромъ западнаго и восточнаго славянства. Пятнадцатилѣтній періодъ вслѣдъ за смертью Храбраго открываетъ картину такого паденія, разстройства и безсилія, что блескъ и слава времени недавно минувшаго стали вскорѣ легендой, не только никогда болѣе въ дѣйствительности не осуществлявшеюся, но тѣмъ болѣе пріукрашиваемою, чѣмъ сильнѣе чувствовалась невозможность даже приблизительнаго ея осуществленія. Возстановленіе порядка и цѣлости государства совершается при Казимірѣ I, главнымъ образомъ, благодаря внѣшнему содѣйствію—Генриха III, Ярослава Мудраго—а дѣятельность двухъ послѣдующихъ польскихъ Болеславовъ—II и III уже явно не заключаетъ въ себѣ никакихъ задатковъ дальнѣйшаго преуспѣянія: первый изъ нихъ и умираетъ въ изгнаніи, второй передъ

---

[1]) Въ настоящей главѣ будутъ указаны лишь тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы, которыя ближайшимъ образомъ обусловили ихъ столкновеніе. Очеркъ внутренней жизни Польши имѣетъ въ виду, конечно, лишь группировку фактовъ болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ.

смертью назначаетъ Краковъ столицею государства, какъ будто указывая этимъ на безплодность своей дѣятельности, исходившей изъ Великой Польши [1]). Очевидно, уже въ то время польской исторической жизни существовали причины, мѣшавшія правильному ея ходу и развитію. Періодъ, слѣдовавшій за смертью Кривоуста, представляетъ въ исторіи Польши печальную картину все болѣе и болѣе усиливающагося внутренняго разстройства, въ которомъ прежде всего совершенно падаетъ значеніе великаго краковскаго князя, затѣмъ съ 1216 года начинаются безпрерывные княжескіе споры, сопровождаемые фактами, о которыхъ не могутъ дать никакого понятія смуты удѣльнаго періода на Руси даже въ самое мрачное его время. Польша того времени представляла, по образному выраженію Шайнохи, „пепелище, тлѣющее искрами домашнихъ раздоровъ, взаимныхъ измѣнъ, вѣроломныхъ союзовъ съ вражьими сосѣдями на собственную и отечества гибель" [2]). Такое состояніе Польши продолжается почти до конца XIII вѣка. Съ 1279 до 1306 года въ исторіи Польши видимъ четыре момента поочередной смѣны подъема и паденія. Слабый почин Лешка Чернаго парализуется участіемъ инороднаго элемента и смѣняется полнымъ торжествомъ его при Генрихѣ Добромъ. Сознательныя и энергичныя дѣйствія Премыслава велико-польскаго, выставившаго знамя государственнаго единства и 26-го іюня 1295 года торжественно короновавшагося въ Гнѣзнѣ, кончаются плачевною гибелью „послѣдняго великополянина". Кто бы ни были убійцы Премыслава—Бранденбургскіе ли маркграфы, или Наленчи и Зарембы [3]) во всякомъ случаѣ главнѣйшую выгоду извлекли отсюда нѣмцы, а мысль Премыслава осуществилась лишь 20-го января 1320 года, и уже не въ ближайшей къ нѣмцамъ Великой Польшѣ, а въ Краковѣ, болѣе отдаленномъ и безопасномъ отъ двухъ передовыхъ постовъ тевтонизма—Бранденбурга и Ордена. До какой степени положеніе ка-

---

[1]) Какимъ образомъ случилось, что онъ (Кривоустъ), всецѣло велико-польскій князь назначилъ въ завѣщаніи главный городъ Хорватіи великокняжескою столицей?.... Развѣ предостерегъ его политическій инстинктъ, что въ иномъ случаѣ Польша можетъ потерять Хорватію, бывшую предметомъ посягательствъ Премысловичей съ запада и Ростиславичей со стороны Сана и Днѣстра. *С. Смолька* Rok 1386. Краковъ 1886, стр. 54.

[2]) *К. Шайноха*, Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski. Lwów. 1859, стр. 256,

[3]) Всего вѣроятнѣе, быть можетъ, посредственно is fecit cui prodest, какъ и объясняли это позднѣйшія извѣстія. *Röpell*, G. P., 558, пр. 42.

залось безнадежнымъ самимъ полякамъ, доказываетъ отпаденіе ихъ отъ Локетка и призваніе Вячеслава Чешскаго, что̀ составляетъ новое торжество иноземщины: „Отъ иноземнаго государя“, говоритъ Репель, — „ожидали поляки спасенія отечества, а тотъ уже напередъ всѣ свои пріобрѣтенія въ Польшѣ взялъ въ качествѣ лена отъ Нѣмецкаго императора Альбрехта“ [1]). Царствованіе Локетка представляетъ отчаянную борьбу съ тевтонизмомъ—съ нѣмецкимъ мѣщанствомъ внутри, съ Орденомъ внѣ. Всѣ силы были направлены исключительно на борьбу; но подъ конецъ жизни этого польскаго и славянскаго богатыря, не смотря на побѣду при Пловцахъ, послѣдовало занятіе рыцарями Бреста, Иновроцлава и Куявъ. Локетокъ умиралъ, оставляя государство въ самомъ безотрадномъ положеніи, испытавъ всю тяжесть усилій, потраченныхъ на открытую борьбу, почти безъ надежды, что сынъ его пойметъ предстоявшую ему задачу. Въ предсмертныхъ словахъ его, обращенныхъ къ сподвижникамъ и Казиміру, выразилось вполнѣ безнадежное отчаяніе умиравшаго [2]). Время Казиміра Великаго представляетъ въ исторіи Польши рѣшительный поворотъ на новый путь. По видимому, всѣ силы ея были обращены Казиміромъ на востокъ, но нѣмецкій историкъ Польши находитъ возможнымъ считать главною идеей періода, слѣдовавшаго за Казиміровымъ, отраженіе нѣмецкаго напора [3]), а подъ конецъ правленія Ягайловой династіи идея эта проникаетъ въ массы, и Сарницкій въ 1587 году называетъ поляковъ praecipui tutores slavonicae confoederationis.

Отмѣченные нами промежутки 1138—1279 [4]) и 1340—1410 годовъ являются такимъ образомъ временемъ постепеннаго созрѣванія, всеобщаго уясненія смысла и значенія фактовъ, явно обнаружившихся въ ихъ концѣ: въ послѣдніе годы XIII вѣка видимъ уже на польской почвѣ столкновеніе польскаго элемента съ нѣмецкимъ, и лишь 1410 годъ показалъ, что движеніе на востокъ обезсиленной этимъ элемен-

---

[1]) Ib. 562, Интересно сравнить мнѣніе другаго нѣмецкаго историка Польши; см. *Caro*, G. P., II, 1—3.

[2]) „Мужи, мои и моего потомства доброжелатели! О, еслибы сынъ мой, по моему примѣру, обращался съ вами также, какъ и я, и вы бы къ нему относились также, какъ и ко мнѣ; но, не дай Богъ, будетъ иначе,—предоставляю это вашему усмотрѣнію и вѣрности“. Лѣтоп. Малоп. M. P. H. III, 197.

[3]) *Caro* G. P. III, 56.

[4]) Это годъ смерти Болеславовъ—Стыдливаго и Великопольскаго и начала княженія Лешка Чернаго. Возстаніе противъ него, обнаружившее силу нѣмцевъ въ Польшѣ, произошло въ 1285 году.

томъ Польши за новыми силами для общей племенной славянско-нѣмецкой борьбы, не было напраснымъ.

Такимъ образомъ неустанная, но безплодная борьба Польши съ тевтонизмомъ до соединенія ея съ Литвой-Русью, рѣшительное отраженіе нѣмецкаго напора соединенными силами и слѣдовавшій за этимъ расцвѣтъ польской жизни открываютъ намъ связь двухъ главнѣйшихъ періодовъ польской исторіи—Пястовъ и Ягайловичей, и причину поворотнаго ея движенія, раздѣляющаго оба эти періода, не оставляя никакого сомнѣнія въ томъ, что главнымъ тормазомъ, мѣшавшимъ правильному развитію польской жизни, устранить который Польша сама по себѣ была не въ силахъ и должна была повернуть на востокъ за необходимыми для этого средствами, было иноземное вліяніе. Для уясненія поворота необходимо поэтому указать, какъ происходилъ и въ чемъ сказывался въ польской жизни обратившій ее на востокъ нѣмецкій напоръ.

Императорская власть, нѣмецкая колонизація и право—вотъ факторы тевтонизма, дѣйствовавшіе послѣдовательно, одинъ за другимъ на всемъ пространствѣ Польши. Съ XIII вѣка является новый, по видимому, внѣшній факторъ—Орденъ, самый яркій выразитель нѣмецкихъ стремленій, оказавшій однако весьма сильное вліяніе на внутреннюю жизнь Польши. Какъ же дѣйствовалъ на Польшу каждый изъ этихъ факторовъ?

Во мракѣ начальной исторіи Польши одинъ фактъ выступаетъ съ роковою ясностью—фактъ перваго столкновенія польскаго Мешка съ пограничнымъ нѣмецкимъ маркграфомъ, кончившійся, по сообщенію Титмара, признаніемъ императорской власти со стороны польскаго князя. Столкновеніе произошло какъ разъ въ знаменательный въ нѣмецкой жизни моментъ. Это было время пробужденія силъ германской націи, которое обнаруживается какъ во внутреннемъ укрѣпленіи государственнаго единства, такъ и во внѣшнихъ предпріятіяхъ противъ датчанъ, чеховъ, угровъ, во вмѣшательствѣ нѣмцевъ въ дѣла французскія и италіанскія. Второй походъ Оттона Великаго въ Италію доставилъ ему императорскую корону, а нѣмецкой націи—то первенствующее положеніе среди другихъ народовъ, которое естественно связывалось съ новою ролью ея представителя-верховнаго главы всего христіанскаго міра, единственнаго источника всякой законной власти. Не только западныя, но и византійскія понятія сложились на образованіе фикціи объ императорской власти. Глубоко прониклись ею нѣмецкіе государи Саксонской, Франконской и Швабской династій, и

тѣмъ скорѣе, тѣмъ блистательнѣе развилась эта фикція, что нашла для себя богатый матеріалъ въ нѣмецкомъ народномъ характерѣ: о нѣмецкомъ властолюбіи много и краснорѣчиво говорятъ славянскіе источники; рѣзче всякихъ словъ обнаружилось оно на дѣлѣ въ печальной судьбѣ западнаго славянства, не столь ярко сказалось, но все же дало себя чувствовать и по ту сторону Альповъ, и за Рейномъ. Теоретически, говоритъ В. И. Ламанскій [1),—въ идеѣ признавалась и уважалась власть императора даже въ странахъ, совершенно не подвластныхъ имперіи. Къ половинѣ XII вѣка фикція императорства облеклась въ стройную, величавую теорію, дававшую отвѣты на всѣ вопросы и сомнѣнія: императоръ есть вассалъ самого Бога, и лишь ему одному обязанъ вѣрностью и повиновеніемъ; онъ стоитъ выше всего на свѣтѣ, даже выше папы, и никому въ мірѣ не обязанъ отчетомъ. Всякое другое ученіе есть ложь. Такъ писалъ Фридрихъ Рыжебородый Трирскому архіепископу Гиллину; и если крайности этой теоріи вызвали противодѣйствіе, породили теорію папства, то споры и борьба двухъ верховныхъ представителей западнаго міра могли имѣть лишь то отношеніе къ занимающему насъ вопросу, что временно ослабляли силу лучей осѣнявшаго, вѣрнѣе, ослѣплявшаго Польшу императорскаго величія. Минуты нѣкотораго подъема польской силы въ первый періодъ польской исторической жизни, не считая времени Болеслава Храбраго, совпадаютъ какъ разъ съ такими моментами. Личности польскихъ и нѣмецкихъ государей имѣли, конечно, значеніе во взаимныхъ отношеніяхъ, но характеръ этихъ отношеній вовсе не обусловливался въ такой степени индивидуальностью государей, какъ утверждаютъ нѣкоторые польскіе историки, а вытекалъ естественно изъ указанной теоріи императорства, характера и стремленій нѣмецкаго народа, по отношенію къ славянству и Польшѣ неуклонно ее поддерживавшаго. Все свое правленіе оставался Мешко вѣрнымъ помощникомъ нѣмцевъ въ ихъ борьбѣ съ западнымъ славянствомъ; его образъ дѣйствій можно считатъ поворотнымъ моментомъ въ исторіи борьбы западнаго славянства съ тевтонизмомъ, напирающимъ все сильнѣе и встрѣчающимъ съ этого времени, вмѣсто прежняго дружнаго противодѣйствія, полную разобщенность [2]). Несомнѣнно, новыя отношенія къ импера-

---

[1]) Видные дѣятели западно-славянской образованности Слав. Сборникъ т. 1-й. С.-Пб. 1875 г.

[2]) *Ѳ. Успенскій.* Первыя славянскія монархіи. С.-Пб. 1872, стр. 189, 191, пр. 3.

тору доставляли Мешку извѣстныя выгоды; быть можетъ, они открывали ему нѣкоторые виды на сосѣднія земли упорныхъ противниковъ нѣмецкаго господства [1]), во всякомъ случаѣ хоть сколько-нибудь обезпечивали отъ того пренебрежительнаго отношенія, которое испыталъ Мешко со стороны графа Годо, но все же, вытекая лишь изъ личныхъ или династическихъ интересовъ, были совершенно не естественны, и лучше всего это доказала дѣятельность польскаго и славянскаго героя-преемника Мешка, Болеслава Храбраго. Двѣнадцать лѣтъ, лишь съ небольшими промежутками, боролся Болеславъ противъ нѣмцевъ. Заслуги его для славянства одинаково признаютъ какъ нѣмецкіе, такъ и славянскіе историки [2]); современные ему нѣмцы, въ лицѣ Титмара, не находятъ словъ для выраженія негодованія и горечи, при каждомъ упоминаніи о немъ: „ужасный славянинъ, бѣшеный нахалъ, хитрая лисица, гадъ ядовитый, левъ рыкающій", и еще болѣе краснорѣчиво: „разоритель большей части имперіи, нашъ врагъ, нашъ гонитель"—таковы эпитеты, постоянно прилагаемые Титмаромъ къ имени Болеслава. Благочестивый епископъ считаетъ нужнымъ молить Бога о прощеніи императору даже вынужденныхъ попущеній бывшему даннику. Для поляковъ отъ славы Храбраго осталось, какъ сказано, только преданіе; подвиги его нисколько не ослабили нѣмецкихъ притязаній. Торжественная коронація Болеслава вовсе не была для нѣмцевъ актомъ освобожденія Польши, а лишь безумною дерзостью (temeritas), за которую виновникъ ея получилъ скорое возмездіе—смерть.

Судьба Мешка II представляетъ столько трагизма, и именно въ отношеніи его къ нѣмцамъ, что даже судьба правителей переднихъ славянъ, напримѣръ, бодрицкихъ князей Мстивоя и Готшалка, можетъ показаться лишь блѣднымъ ея подобіемъ. Участникъ славы и подвиговъ отца, заявившій первыми своими дѣйствіями желаніе идти по его слѣдамъ, подъ конецъ правленія безсильно склоняется передъ императоромъ, вынужденный, по словамъ нѣмецкаго хрониста, „забыть о коронѣ и королевскомъ украшеніи",—его регаліи

---

[1]) Ib., 158 пр. 1: 990 г. Поляки столкнулись на Одрѣ съ чехами: „все ведетъ къ догадкѣ, что оба князя (Мечиславъ и Болеславъ) претендовали на эту землю (слубскую жупу)—одинъ какъ на подарокъ отъ нѣмцевъ, другой—какъ на военную добычу".

[2]) *Röpell*, 135; *Успенскій*, ib. 255 и всѣ поляки; между ними отдѣльное мѣсто занимаетъ *А. Малецкій*: Rozgląd w—dziejach—*Przewodnik lit i nauk*. 1875 стр. 205—216.

были уже въ рукахъ императора [1]), доставленныя ему нѣмецкою женой Мешка Рихезой, а нѣмецкая рука позднѣйшихъ польскихъ хронистовъ затираетъ слѣдъ даже перваго самостоятельнаго его выступленія—коронаціи [2]). Казиміръ „вѣрно служилъ имперіи", а кромѣ того, долженъ былъ нести еще и тяжесть чешскаго данничества. Только смерть Брячислава фактически освободила Польшу отъ чешской зависимости; о возстановленіи королевскаго титула нечего было и думать.

Правленіе преемника Казиміра, Болеслава II, совпало съ тѣмъ временемъ, когда всѣ силы имперіи обращены были на внутреннія дѣла. Нѣмцы перестаютъ угрожать Польшѣ, но и съ ея стороны не видимъ уже никакихъ дѣйствій на нѣмецкомъ пограничьѣ. Смѣлый князь обращается въ другую сторону, и хотя не считаетъ нужнымъ исполнять предписанія императора, которыхъ тотъ не могъ поддержать силой, тѣмъ не менѣе является къ нему по его зову, выслушиваетъ его угрозы и лишь тогда рѣшается прямо заявить о своей независимости, когда внутреннія замѣшательства въ Германіи достигаютъ крайняго напряженія: вѣдь коронація Болеслава совершена была въ тотъ же годъ, когда нѣмецкіе князья отрѣшили Генриха отъ императорской власти; но послѣ этого, въ теченіе цѣлыхъ 229 лѣтъ до 1295 г., ни одному изъ польскихъ государей не приходитъ даже мысль о коронаціи. И опять за временнымъ, хотя въ дѣйствительности совершенно безплоднымъ для Польши подъемомъ слѣдуетъ катастрофа, какъ и въ первый разъ—обусловленная внутренними причинами, но развѣ слова слабаго Владислава Германа, обращенныя къ сыновьямъ, при раздѣленіи между ними государства: „пусть тотъ потеряетъ свою землю, кто будетъ льнуть къ чужимъ и приводить ихъ на ги-

[1]) M. P. H. I, 346. Объ отношеніяхъ Мешка II къ имперіи ib., пр. 4, гдѣ сведены всѣ мѣста нѣмецкихъ хроникъ. Бѣлевскій полагаетъ, что корона, отосланная императору Безпримомъ была, вѣроятно, корона Болеслава Храбраго. Объ этомъ и о Рихезѣ см. *Анат. Левицкій* Mieszko II — Rozpr. i Sprawozd. V; прил. 5, 194.

[2]) Et licet coronatus non fuit, propter dignitatem tamen uxoris sororis videlicet Ottonis... appellatus est rex. Chr. pr. p. M. P. H., III, 445; но ср. письмо Матильды ib. I, 323: deus omnipotens, cuius constitutione regali diademate coronatus es. Какъ вообще развивалось въ польскихъ источникахъ представленіе о лѣнивости Мешка см. *А. Малецкій—Przw.* 1875, стр. 971. О національности составителя Chr. pr. p. см. M. P. H. III, 423.

бель отечества“ [1]), не указываютъ, что иноземная сила все еще висѣла надъ Польшей какъ грозная туча, а польскій духъ поникъ подъ ея вліяніемъ до того, что оказывался способнымъ лишь къ пассивному сопротивленію? Бо́льшую часть жизни Владиславъ провелъ въ Плоцкѣ, какъ бы желая уйдти подальше отъ западной границы. При Болеславѣ Кривоустѣ картина нѣсколько измѣнилась. Коварный и властолюбивый, но мало способный Генрихъ V рѣшился окончательно установить опредѣленность въ отношеніи польскихъ государей къ императорству; косвенное вмѣшательство Кривоуста въ дѣла венгерскія должно было еще сильнѣе побуждать къ этому императора. Какъ требованія Генриха, такъ и отвѣтъ Кривоуста сообщаетъ намъ придворный польскій историкъ того времени Галлъ [2]); и если даже не считать приведенный имъ отвѣтъ польскаго государя буквально точнымъ, во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить, что Кривоуста возмущало не столько само требованіе, сколько тонъ, какимъ оно было предложено, что онъ самъ признавалъ извѣстныя отношенія своихъ предшественниковъ къ императорамъ [3]).

Дѣло, какъ извѣстно, кончилось полною неудачей нѣмцевъ, а народныя легенды о собачьемъ полѣ, записанныя даже завѣдомо нѣмецкими руками польскихъ хронистовъ, лучше всего показываютъ, какое сильное впечатлѣніе произвела неудача Генриха на народъ [4]). Мужественный отпоръ, оказанный нѣмцамъ плохо вооруженными польскими войсками при Одрѣ, при осадѣ Глогова, показалъ императору, что еще не всѣ поляки смотрѣли на него глазами многихъ изъ своихъ представителей [5]).

Едва ли не слѣдуетъ въ этомъ торжествѣ видѣть причину того подъема нравственныхъ силъ Польши, который сказался въ дѣятельности на Поморьѣ, и слѣды котораго въ дальнѣйшемъ развитіи по словамъ Репеля встрѣчаются рѣдко [6]). Но и Кривоусту не пришлось

---

[1]) М. Галлъ. М. Р. Н. I, 434.

[2]) Ib., 465.

[3]) Ib.: Quodsi bonitate, non ferocitate pecuniam vel milites in auxilium romanae ecclesiae postulasses, non minus auxilii vel consilii forsan apud nos, quam tui antecessores apud nostros impetrasses.

[4]) Chr. pr. p. M. P. H. III, 466 слл.; не могъ обойдти этихъ преданій и составитель Chr. pol. ib., 630; о его національности см. ib. 596.

[5]) Sbigneus eum (императора) concitat in furorem promittens, paucos esse Polonos, qui Cesareae resisterent voluntati M. P. H. III, 466.

[6]) *Röpell*, G. P., 233.

умереть спокойно. Не говоримъ уже о медленномъ и деликатномъ воздѣйствіи жены-нѣмки и епископа Оттона, которое, конечно, не даромъ считаетъ нужнымъ отмѣтить историкъ нѣмецкаго императорства [1]). Неудачи предпріятій послѣднихъ лѣтъ жизни Кривоуста дали основаніе императору Лотарю снова принять въ отношеніи Польши угрожающій тонъ. 15-го августа 1135 года въ Мерзебургѣ императоръ мирилъ чешскаго и польскаго государей. Заплатилъ ли Болеславъ требуемую императоромъ дань—не знаемъ, но онъ принесъ ему ленную присягу за Поморье и Ругію и при входѣ въ церковь несъ предъ императоромъ мечъ. Для нѣмцевъ того времени смыслъ такихъ „формальностей" былъ ясенъ. По заявленію одного изъ нихъ Болеславъ miles efficitur императора [2]), и утвержденіе, что для Болеслава указанныя формальности были безразличны, едва ли не слишкомъ смѣло. Утѣшеніемъ должна была служить торжественная встрѣча, устроенная Кривоусту, по приказу императора, въ Магдебургѣ, куда прибылъ Болеславъ на обратномъ пути изъ Гильдесгейма, поклонившись тамъ мощамъ св. Годегарда. Можно очень сомнѣваться, что польскій государь былъ „восхищенъ" этою встрѣчей [3]). Отношеніе къ нѣмцамъ должно было отравлять послѣдніе годы его жизни [4]). Онъ умеръ еще

---

[1]) Die drei Schwäbinnen u. Bischof Otto haben den Frieden jener Länder (славянскаго востока), u. der deutschen Einfluss im Osten besser gewahrt, als es König Heinrich vermochte. Одна изъ этихъ швабокъ была Саломея, вторая жена Кривоуста.

[2]) Annal. saxo ad 1135 г.

[3]) *С. Смолька*, Мешко Старый, 202.

[4]) Отношенія Болеслава III къ имперіи весьма важны, къ сожалѣнію, они не ясны. См. *А. Малецкій*, Panowanie Bol. Krzyw. *Przew. l. i n.* 1873 и его же Testament, ib., 1876 г., тутъ и тамъ отношенія эти представлены не одинаково и въ обоихъ случаяхъ не удовлетворительно. Въ нашихъ глазахъ существеннымъ является: первоначальное требованіе Лотаремъ—500 гривенъ, что можетъ соотвѣтствовать увеличенію объема государства поморскими пріобрѣтеніями (Генрихъ V требовалъ 300 гр.), и окончательное исполненіе Болеславомъ того, что Малецкій называетъ „формальностью, быть можетъ, безразличною" для польскаго князя (?!); Panowanie, 621. На какомъ основаніи утверждается рѣшительно, что „формальность" имѣла отношеніе лишь къ Поморью и Ругіи (о послѣдней см. Testament, 10 пр. 1)—не понимаемъ. Вѣдь за нихъ Болеславъ прямо принесъ присягу. Мало убѣдительными кажутся намъ выводы, основанные на грамматическихъ соображеніяхъ (Panowanie, 619): та или другая форма глагола ничего не рѣшаетъ, да и плата денегъ не имѣетъ существеннаго значенія. Важно то положеніе, какое занималъ польскій князь передъ императоромъ, а его уясняетъ какъ считаемая

въ цвѣтѣ силъ, а съ его смертью начинается въ польской исторіи новый періодъ [1]). Разсмотрѣніе отношенія польскихъ государей къ императорамъ мы могли бы закончить смертью Кривоуста. Если эти отношенія заключались лишь въ личной зависимости польскаго государя, то съ прекращеніемъ въ Польшѣ единовластія, съ раздѣленіемъ ея на отдѣльныя земли, значеніе и роль польскихъ князей совершенно измѣнились, потерявъ прежнее общее значеніе для всей земли. Въ виду того однако, что установленное Кривоустомъ старѣйшинство (сеніоратъ) сохраняло, нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, видимость единства земли въ лицѣ Краковскаго князя, что далѣе, факты этого времени, именно въ отношеніи Польши къ императорамъ, становятся особенно яркими и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на отношеніе къ нимъ Болеслава III, продолжимъ наше разсмотрѣніе до 1210 года, когда, по рѣшенію духовенства и шляхетства, сеніоратъ, поколебленный уже въ борьбѣ братьевъ съ Мешкомъ Старымъ, упраздненъ былъ окончательно [2]). Установленный Кривоустомъ порядокъ удержался весьма недолго [3]). Много условій сложилось для его ниспроверженія: личный характеръ Владислава, отчужденіе его отъ младшихъ братьевъ, подстрекательство жены-нѣмки, интересы шляхетства, видѣвшаго въ раздѣленіи Польши обстоятельство благопріятствовавшее его планамъ, все это привело къ тому, что

почему-то, незначительною „формальность", такъ еще болѣе общій характеръ отношеній обѣихъ сторонъ за время предшествующее и послѣдующее. Что касается формальностей, то истинное ихъ значеніе въ сущности понятно Малецкому, что̀ видно изъ параллели отношеній Лотаря и папы, приводимой имъ въ „Завѣщаніи" (12). Тѣмъ болѣе странными кажутся послѣ этого слова: „jak Lotarowi nie spadła w politycznym sensie z głowy korona cesarska, tak też i władca polski nie doznał żadnego nawet w oczach cesarza tego uszczerbku (ib.) Впрочемъ, подобная нечувствительность едва ли не имѣетъ болѣе глубокаго смысла. Ею страдаютъ не только польскіе писатели (ср. *С. Смолька*, Мешко, 271, гдѣ церемонія въ Кришковѣ представляется какъ пустая, дѣтская забава императора), но ее можно замѣтить и у чешскаго лѣтописца: „отчего не обѣщать?" говоритъ онъ, по поводу обязательствъ польскихъ князей передъ Конрадомъ въ 1146 г.

[1]) Весьма мѣткія замѣчанія объ отношеніи удѣльнаго періода польской исторіи къ предшествующему и послѣдующему см. у *Смольки*, Мешко, XI, XV, XVI.

[2]) *Röpell*, G. P., 404, но здѣсь отношенія къ этому факту куріи представлены невѣрно см. *Grünhagen*, G. Schlesiens, I, 46, пр. 5 и 6. Папская булла Cod. d. min. P., 12.

[3]) Вопросъ о времени изгнанія Владислава (конецъ 1145 или начало 1146) всесторонне разсмотрѣнъ *С. Смолькою*, Мешко, прил. IV; выводы сведены на стр. 462—463.

31-го марта 1146 года Владиславъ явился ко двору Конрада III съ просьбой о помощи.

Положеніе изгнанника и его отношеніе къ императору легко себѣ представить, а потому мы не считаемъ нужнымъ выдвигать моментъ свиданія Владислава съ императоромъ Конрадомъ въ Каинѣ (близъ Альтенбурга). Гораздо характернѣе, что самостоятельныя дѣйствія поляковъ по отношенію даже къ Владиславу, казались преемнику Конрада, связанному съ изгнанникомъ не столь тѣсными узами, „безчестіемъ, нанесеннымъ Римской имперіи“ [1]). Вообще обстоятельства, сопровождавшія предпріятія Конрада III въ 1146 году заключаютъ въ себѣ всѣ характерныя черты отношеній польскихъ государей къ императорамъ: послѣдніе не имѣютъ реальной возможности осуществить свои притязанія въ полномъ объемѣ, а первые пользуются этимъ, хотя принципіально признаютъ надъ собою императорскую власть. Пострадалъ въ этомъ случаѣ лишь Владиславъ, ничего не достигшій. Дѣло не вышло и на этотъ разъ изъ той неопредѣленности, которая, по деликатности вопроса, допускаетъ разныя толкованія. Какова однако была сущность—оказалось сейчасъ же, когда при преемникѣ Конрада, дѣла имперіи развязали на время руки императора. „Poloni sub iugo dominationis nostrae reducti“, сообщаетъ Вибальду Фридрихъ I, вотъ то, о чемъ всегда, хотя не въ столь рѣзкой формѣ, заявляли императоры, и чего польскіе князья не могли на себѣ не чувствовать въ большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствамъ. Объясненіе униженія, которому долженъ былъ подвергнуться Болеславъ IV, любовью императора къ символизму [2]), является страннымъ не только въ виду очевиднаго смысла факта, но и потому, что для среднихъ вѣковъ символы составляли вовсе не пустую игру или внѣшнюю формальность.

Урокъ, данный императоромъ польскому государю въ Кришковѣ, не прошелъ даромъ. Младшій сынъ Кривоуста, быть можетъ—предвидя возможнсть новаго униженія, поспѣшилъ отправить пословъ къ тому же Фридриху, когда онъ 1184 г. „задумалъ снова напомнить о старомъ верховенствѣ императоровъ надъ польскими князьями“ [3]).

Только возобновивъ признаніе своей зависимости, Казиміръ почувствовалъ себя, по словамъ Репеля, спокойнѣе и рѣшился на

---

[1]) Письмо Фридриха I къ Вибальду: M. P. H. II, 22.

[2]) *Смолька*, Мешко, 271; *Нарушевичъ*, VI, 38 пр. 6; но ср. ib. 39 пр. 3.

[3]) *Röpell*, G. P., 377.

внѣшнія предпріятія на юго-востокѣ. Вотъ рядъ фактовъ, рисующихъ отношенія польскихъ государей къ императорству. Значеніе князя въ разсмотрѣнный нами періодъ польской исторіи никѣмъ изъ историковъ не подвергается сомнѣнію. Еще по смерти Кривоуста Мешко мечталъ объ осуществленіи идеала прежней княжеской власти, еще при немъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ формально-правовомъ отношеніи князя къ народу. Прежнее зданіе, по видимому, еще стояло и рушилось только при Казимірѣ. Князь былъ единственнымъ жизненнымъ центромъ: отъ него все исходило, къ нему и возвращалось; онъ былъ сердцемъ политической и общественной жизни народа, но что̀ сказать объ организмѣ, жизненный центръ котораго парализованъ? Если даже Владиславъ Германъ чувствовалъ тяжесть иноземнаго „ярма", то въ какой степени должны были чувствовать ее другіе польскіе князья? Для ближайшихъ помощниковъ государя „ярмо" было очевидно; народъ могъ бы, пожалуй, не замѣтить его, если бы не напоминало о немъ умаленіе государева титула—прекращеніе королевскаго достоинства, смыслъ и значеніе котораго такъ ярко были указаны Болеславомъ Храбрымъ. Съ 1076 по 1295 годъ ни одинъ изъ польскихъ государей не смѣлъ думать о королевской коронѣ. Совсѣмъ невѣроятно, что это умаленіе достоинства польскаго государя было слѣдствіемъ добровольнаго отказа князей, вытекающаго изъ глубокаго религіознаго смиренія [1]).

Вѣдь легенды о лишеніи польскихъ государей королевскаго титула Григоріемъ VII могли, конечно, возникнуть лишь позже. Другое объясненіе, что причиной этого былъ суевѣрный страхъ, вытекающій изъ составившагося въ народѣ убѣжденія, что королевская корона приносила Польшѣ одни лишь бѣдствія [2]), несомнѣнно справедливъ; но такое убѣжденіе вытекало не изъ суевѣрія, а изъ самой простой очевидности, обусловливаемой, какъ мы видѣли, внѣшними отношеніями [3]).

---

[1]) *Шайноха*, Болеславъ Хр., 368.

[2]) *А. Малецкій—Przewodnik l. i n.* 1875, стр. 1067.

[3]) Быть можетъ, Мешко Старый думалъ о коронѣ, но, по замѣчанію его историка, надѣялся лишь выпросить эту милость у императора. *Смолька*, Мешко, 289. Къ XIII в. убѣжденіе въ верховныхъ правахъ императора было, конечно, всеобщимъ, если даже Викентій, обошедшій Кришково, признаетъ эти права; М. Р. Н. II, 431. Что, однако, мысль о коронаціи жила и возрождалась въ болѣе отрадныя минуты польской жизни—доказываетъ легенда, отмѣченная въ Chr. pr. p. М. Р. Н. III, 476.

Попытка Премыслава велико-польскаго получаетъ поэтому особенно важное значенie и рѣшительно выдвигаетъ его личность; но чрезвычайная осторожность, съ какою долженъ былъ при этомъ дѣйствовать Премыславъ, и отношенie къ факту коронацiи польскихъ лѣтописцевъ, въ сущности мало на него обратившихъ вниманiя [1]), лучше всего доказываетъ, какъ полное паденie сознанiя политическаго единства, такъ, быть можетъ, еще болѣе полное паденie чувства нацiональнаго достоинства, по скольку оно воплощается въ лицѣ государя.

Того нацiональнаго подъема, который дается народу сознанiемъ полной его независимости и свободы, въ польской жизни по смерти Болеслава Храбраго быть не могло. „Нѣкогда", говоритъ Гельмольдъ въ началѣ своей „Хроники славянъ",—„Польша имѣла короля; теперь владѣютъ въ ней разные князья и, наравнѣ съ Чехами, служатъ императору и платятъ дань". Если, по смыслу коронацiи Болеслава Храбраго и Мешка II, королевскiй титулъ долженъ былъ означать полную независимость Польши, то можно сказать, что такою независимостью за весь разсмотрѣнный нами перiодъ Польша пользовалась лишь десять лѣтъ (1025—1032; 1077—1079). Едва ли не поэтому вся исторiя Пястовскаго перiода отъ смерти Храбраго отличается такимъ безотраднымъ характеромъ; едва ли не поэтому всѣ начинанiя вянутъ, такъ-сказать, въ зародышѣ. Иначе и быть не могло. Если— воспользуемся сравненiемъ Смольки—„польскiй князь въ древнѣйшее время былъ солнцемъ, котораго лучи все согрѣвали и освѣщали, и ничто не могло ни выярости, ни расцвѣсть безъ ихъ живительнаго дѣйствiя" [2]), то лучи этого солнца, постоянно закрываемаго императорскою тучей, естественно не могли дать ни надлежащаго роста, ни надлежащей силы всему, чтò ни произрастало подъ ихъ влiянiемъ. Сердце польскаго организма было парализовано. Совершенно справедливо замѣчаетъ Репель по поводу столкновенiя въ 963 году: „Хотя зависимость Польши отъ нѣмцевъ была лишь личною зависимостью князя, такъ какъ ни императоръ, ни вообще нѣмцы не вмѣшивались во внутреннiя дѣла столь отдаленнаго края, тѣмъ не менѣе вновь завязавшiяся отношенiя оказали воздѣйствiе на цѣлый народъ" [3]).

[1]) См. Рочники въ М. Р. Н., II—III, или совершенно обходящiе этотъ фактъ, или касающiеся его поверхностно.

[2]) *Смолька*, Мешко, 361.

[3]) *Röpell*, G. P., 95.

Одновременно съ прекращеніемъ государственнаго единства Польши прекращается для императоровъ всякая возможность обращать на нее вниманіе. Генриху VI и Фридриху II было не до Польши, а съ 1256 г. начинается въ Германіи междуцарствіе. Иноземное тевтонское вліяніе не только однако не прекращается' но напротивъ, усиливается, становясь не временнымъ уже и, такъ-сказать, идеальнымъ, а постояннымъ, осязательнымъ, дѣйствуетъ не издали, а на самой польской почвѣ. Разумѣемъ нѣмецкую колонизацію.

Въ 1163 г. вернулись въ Польшу три сына изгнаннаго братьями Владислава и получили въ удѣлъ Силезію. Фактъ, замѣчаетъ Грюнгагенъ,—первостепенной важности: ближайшая къ Германіи польская область, не безъ содѣйствій императора, получила князей, 17-ть лѣтъ проведшихъ въ нѣмеччинѣ; нѣмецкому вліянію открылся широкій просторъ [1]). Послѣдовавшія немедленно за этимъ обстоятельства какъ нельзя болѣе подтверждаютъ справедливость такого взгляда.

Въ 1175 г. утвердились окончательно въ Любушѣ шульпфортскіе цистерсы [2]). Князь Болеславъ Высокій „благоразумно" склонилъ епископа Жирослава отказаться отъ десятины во всѣхъ новыхъ нѣмецкихъ поселеніяхъ, какъ уже существующихъ, такъ и имѣющихъ быть основанными. Обстоятельство, что епископъ согласился безъ затрудненія, показываетъ, что онъ вовсе не предугадывалъ значенія того, чему содѣйствовалъ, и что̀ причинило не мало затрудненій его преемникамъ, послуживъ впослѣдствіи первымъ поводомъ къ выдѣленію Силезской епархіи изъ ряда другихъ епархій Польши [3]).

Любушскіе монахи блистательно выполнили свою задачу. По словамъ Грюнгагена, они наполнили все пространство вокругъ монастыря—вдоль и вширь — нѣмецкими поселеніями. Подъ конецъ XII вѣка появляются все чаще и чаще города съ нѣмецкимъ правомъ, а при преемникѣ Болеслава Генрихѣ оно уже процвѣтаетъ по всей Силезіи.

Въ странѣ произошла рѣшительная перемѣна: первобытный лѣсъ, покрывавшій ее, падалъ подъ топоромъ колонистовъ, которые за свой

---

[1]) *B. Grünhagen*, Geschichte Schlesiens, I, 33: „und insoweit verdient das Jahr 1163 als ein epochenmachendes wohl angesehen zu werden".

[2]) Шульпфорта—близъ Наумбурга. Цистерское аббатство основано здѣсь въ 1137 г.

[3]) Ib. 87.

трудъ получали богатые надѣлы; осушались болота, проводились дороги; на недавно еще пустыхъ мѣстахъ выростали села съ храмами по серединѣ; рядомъ съ протянутыми въ длину славянскими поселками возникали воздвигаемыя по круговой линіи нѣмецкія постройки. Земля, обработываемая лучшими орудіями и болѣе тщательно, приносила болѣе богатые плоды; среди крѣпостнаго славянскаго населенія возникалъ классъ свободныхъ нѣмецкихъ крестьянъ; вотъ картина, которую съ любовью и гордостью рисуютъ нѣмецкіе историки [1]).

Какъ ко всему этому относились силезскіе поляки, видно изъ того, что они пытались было сгруппироваться около сына Генриха I— Конрада, воспользовавшись неудовольствіями, возникшими въ княжеской семьѣ, и силой положить предѣлъ нѣмецкимъ вожделѣніямъ своего князя. Сраженіе при Студницѣ (Роткирхѣ, между Лигницей и Гольдбергомъ) кончилось однако не въ ихъ пользу, быть можетъ, благодаря нѣмецкимъ рыцарямъ, которые „съ радостью" поспѣшили на помощь Генриху [2]). Такъ печально кончился въ Силезіи польскій протестъ; о какихъ-нибудь дальнѣйшихъ проявленіяхъ польской народности въ этой польской области мы потомъ не слышимъ. Если Генрихъ I еще не вполнѣ проникся нѣмецкими понятіями, по крайней мѣрѣ, относительно своей княжеской власти, то наставленіе магдебургскихъ чиновъ должно было въ достаточной мѣрѣ восполнить этотъ пробѣлъ [3]).

Преемники Генриха не только уже никогда не возбуждали неудовольствія въ Магдебургѣ, но напротивъ, вызывали восторженные отзывы главы нѣмецкихъ миннезингеровъ Тангейзера, ибо и потомокъ

---

[1]) Ib. 61.

[2]) Henricus cum Theutonicis tam advenis, quam eciam Polonis militibus et aliis, de locibus, quibus potuit recollectis, campum obtinuit cum triumpho. Chr. pr. p. M. P. H. Ш, 487.

[3]) Cum igitur vestri nominis fama celebris vos piissimum et mitissimum predicet dominum, miramur, cuius suggestione eos, qui ad civitatem vestram edificandam confluxerunt, quibus etiam nostra jura observanda de vestro obtentu transmisimus, in hiis omnibus infringendis turbare proponatis. Ne igitur aliquorum forte iniquorum apud vos proficiat malignitas in hiis immutandis et ut civitatensibus vestris in posterum caveri possit et subveniri, quedam nostre civitatis jura, magis necessaria et communia in presenti cedula notata, tam vobis legenda, quam ipsis observanda tradidimus. *Tzchoppe* und *Stenzel*, Urkundensammlung. Hamburg 1832, стр. 271. Даже издатели отмѣчаютъ дерзость тона: „wie keck die Magdeburger dem Schlesischen Fürsten sagten"... ib. 270, пр.

Болеслава Храбраго сталъ миннезингеромъ [1]). Понятно, какова должна была быть судьба страны, ими управляемой. Еще при Генрихѣ I земля между Бобромъ и Нейсой стала почти нѣмецкою [2]), а въ скоромъ времени послѣ татарскаго погрома всѣ силезскіе города имѣли уже нѣмецкое право, основывались на томъ же правѣ новые, и нѣмецкій языкъ и обычаи становились повсемѣстны; къ концу XIII вѣка, то-есть, при польскомъ миннезингерѣ, Силезія, собственно, была уже потеряна для Польши [3]). Вотъ почему особенное значеніе и не для одной Силезіи, а для всей Польши, имѣетъ возвышеніе силезскихъ князей. Генрихъ I оставилъ сыну своему Генриху II сильное владѣніе, которое, по замѣчанію Репеля, могло бы послужить ядромъ объединенія польскихъ земель, если бы не татарскій погромъ [4]).

Битву при Лигницѣ, остановившую въ 1241 г. татаръ, Грюнгагенъ считаетъ „кровавымъ крещеніемъ юнаго нѣмецкаго ростка на востокѣ, первой полной славы страницей его исторіи". Нельзя сомнѣваться, что она была спасительна для славянской Польши: гораздо легче было бороться съ сыновьями Генриха, раздѣлившими между собою отцовское владѣніе, и вскорѣ Великая и Малая Польша освободились отъ силезцевъ. Этимъ, однако, опасность онѣмеченія не была уничтожена. Къ половинѣ XIII вѣка мы видимъ рѣшительныя дѣйствія бранденбуржцевъ въ сторону Великой Польши, и въ результатѣ возникновеніе Новой Марки, то-есть, прочное утвержденіе нѣмецкаго господства уже на польской почвѣ. Правда, Премыславъ еще юношей (1272 г.) нѣсколько задержалъ бранденбургскій напоръ. Дрезденко (Дризенъ) и Сантокъ остались въ рукахъ поляковъ, но мы видѣли, что бранденбуржцы не забыли этого Премыславу, а нѣмецкая колонизація своимъ порядкомъ подвигалась все впередъ [5]). Одновременно утверждается нѣмецкій элементъ и въ столицѣ Малой Польши. 5-го

---

[2]) *Grünhagen*, G. Schl. I, 100, и пр. 25, 26. Пѣсня Генриха IV: Ich klage dir, Mai, ich klage dir Sommerwonne по польски у *Шайнохи*, Bol. Chr., 328 Что нѣмецкое вліяніе могло однако сказываться и въ другой формѣ, дѣлая князей veluti fur et latro et non ut princeps, см. Годиславъ въ М. Р. Н. II, 577.

[2]) *Grünhagen*, G. Schl. I, 62.

[3]) *Röpell*, G. P., 484—487.

[4]) Грюнгагенъ предполагаетъ, что Генрихъ I думалъ о доставленіи своему сыну королевской короны (G. Schl. I, 55). Конечно, въ такомъ случаѣ, она содѣйствовала бы лишь увеличенію императорскаго блеска.

[5]) Фактическій перечень у *Репеля*, G. P., прил. 18 и 19, могъ бы въ настоящее время быть увеличенъ во много разъ.

іюля 1257 г. Болеславъ Стыдливый заводитъ въ Краковѣ магдебургію; нѣмецкая колонія была здѣсь, значитъ, и раньше [1]). Быстро шло усиленіе нѣмецкаго элемента въ Краковѣ. Въ первый разъ политическая сила краковскихъ нѣмцевъ обнаружилась въ 1285 г. въ прямомъ столкновеніи съ краковскою шляхтой, ведшею Конрада Мазовскаго въ городъ противъ Лешка Чернаго. Отъ послѣдняго, въ благодарность за побѣду и на зло шляхтѣ, получили нѣмцы важные привилеи, а городъ былъ окруженъ стѣнами. Въ нихъ, по словамъ Бобжинскаго, польскій языкъ былъ языкомъ не понятнымъ, чужимъ; элементъ и языкъ нѣмецкій были всевластны; о томъ, что это—Польша, свидѣтельствовалъ лишь Вавельскій кремль [2]). Обширная торговля и тѣсная солидарность разбросанныхъ уже тогда въ разныхъ мѣстахъ Польши нѣмецкихъ колоній давала нѣмцамъ особенную силу и значеніе.

Въ 1289 г. краковскіе нѣмцы являются уже распорядителями княжескаго стола. Противъ кандидата краковской и сандомірской шляхты Болеслава Мазовскаго они выставили знакомаго уже намъ польскаго миннезингера. Не помогли побѣды Локетка, Краковъ былъ занятъ силезцами, а онъ самъ едва убѣжалъ пѣшъ [3]), и то лишь благодаря содѣйствію францисканскихъ монаховъ. Князь Нѣмецкой имперіи сѣлъ въ Краковѣ; южной Польшѣ въ ближайшемъ будущемъ предстояла участь Силезіи [4]). На этотъ разъ, однако, судьба, въ видѣ исключенія, оказалась для нѣмцевъ не благопріятною. Вѣроятно усердное служеніе Миннѣ было причиной той хворости, которая уже въ слѣдующемъ году свела Генриха IV въ могилу. Дѣтей у него не было [5]). Съ его смертью, говоритъ Грюнгагенъ,—прекратилось господство Силезіи, начавшееся съ XIII вѣка при Генрихѣ I, на время прерванное татарскимъ погромомъ и возстановленное снова Генрихомъ IV; прекратилась вмѣстѣ съ тѣмъ и надежда раздвинуть границы области, полной нѣмецкой жизни и вліянія, до Вислы и даже

---

[1]) *I. Шуйскій*, Kraków aż do początku XV w. Opowiad. Варшава 1882 г., стр. 195, 197.

[2]) *М. Бобжинскій*, Bunt wójta krakowskiego Alberta z roku 1311. *Bibl. Warsz.* 1877, III, 330. Перечень источниковъ, касающихся этого характернаго эпизода польской исторіи, см. ib., 335 пр. 1.

[3]) Лѣтоп. Крак. М. Р. Н. II, 852.

[4]) *Röpell*, G. P., 545.

[5]) Женатъ онъ былъ на бранденбургской принцессѣ Мехтильдѣ, что, разумѣется, тоже не осталось бы безъ значенія.

за нее, и древнюю польскую столицу сдѣлать передовымъ постомъ германизма [1]).

Но и смерть Генриха IV не измѣнила рокового хода польской исторіи. Въ Краковѣ, сѣлъ опять князь Нѣмецкой имперіи. Должно быть, однако, сила краковскихъ нѣмцевъ была черезъ-чуръ велика, если Вацлавъ Чешскій, сѣвъ въ Краковѣ, не оказалъ имъ особеннаго расположенія [2]). И еще разъ обнаружилась она, поставивъ Локетка, уже по занятіи имъ Кракова, въ самое затруднительное положеніе. Во главѣ бунта 1311 г. стоялъ наслѣдственный краковскій войтъ Альбертъ и братъ его Генрихъ, настоятель Мѣхова. Незадолго передъ этимъ получившій отъ Локетка значительные привилеи, Краковскій епископъ Муската, какъ силезецъ, тоже держалъ сторону мятежниковъ. Но это была уже послѣдняя попытка краковскихъ нѣмцевъ ставить князей, какіе имъ угодны. Болеславъ Опольскій, правда, поспѣшилъ на зовъ, дворецъ Альберта превращенъ былъ въ крѣпость, но гарнизонъ Локетка удержался; бунтъ былъ усмиренъ и, понятно, суровыми мѣрами [3]), а съ 1312 г. замѣтна уже значительная перемѣна въ положеніи краковской колоніи [4]).

Побѣда Локетка была однако въ сущности лишь устраненіемъ того, что̀ никоимъ образомъ не могло быть терпимо, если Польша хоть номинально хотѣла оставаться Польшей. Политическія притязанія нѣмцевъ въ Польшѣ были уничтожены, но мирное ихъ распространеніе по прежнему продолжалось, составляя явленіе, до такой степени ничѣмъ не отвратимое, что тотъ же Локетокъ, всю жизнь отчаянно боровшійся съ тевтонизмомъ, чувствуя приближеніе смерти, пожаловалъ нѣмецкое право всѣмъ имѣніямъ того самаго Мѣховскаго монастыря, настоятелемъ котораго былъ въ 1311 г. братъ Альберта— Генрихъ [5]).

Въ общемъ, къ концу XIII вѣка границу распространенія нѣмецкаго элемента на востокъ составляла Висла; слѣдовательно, изъ всѣхъ

---

[1]) *Grünhagen*, G. Schl. I, 114.

[2]) *Шуйскій*, Krakow..., 201.

[3]) Anno domini... Albertus advocatus cracoviensis cum concivibus suis Boleslao duci Opaviensi (opoliensi) civitatem cracoviensem tradiderunt et privati sunt advocacia, et qui nesciebant dicere soczovycza, koło, mylye, młyn decolati sunt omnes. Лѣтоп. Красинск. M. P. H., III, 133. Ср. Лѣтоп. капит. Крак. ib., II, 815.

[4]) *Шуйскій*, Kraków, 206.

[5]) *Caro*, G. P. II, 169 пр. 3.

польскихъ земель только одна Мазовія оставалась болѣе или менѣе отъ него свободною [1]); но на протяженіи ея изгиба отъ Кракова до Плоцка, то здѣсь, то тамъ нѣмцы перешагнули и этотъ рубежъ.

Начало нѣмецкой колонизаціи въ Мазовіи можно относить къ 1230 году [2]). Съ 1254 г., послѣ убѣдительнаго зазыва нѣмецкихъ поселенцевъ княземъ Сомовитомъ [3]), число ихъ должно было значительно увеличиться [4]). Надо помнить, что они „вездѣ сохраняли языкъ и обычаи, право и устройство родины“ [5]), что они всегда получали особые привилеи, ставившіе ихъ въ исключительное положеніе по отношенію къ власти, что подобное имъ привилегированное положеніе составило въ скоромъ времени цѣль стремленій, въ концѣ концовъ увѣнчавшихся успѣхомъ, для коренного польскаго населенія,—и станетъ совершенно понятно, что эти нѣмецкія поселенія составляли не просто чужеядные наросты на славянскомъ тѣлѣ Польши, но имѣли для въ нея гораздо болѣе важное значеніе: они внесли въ ея славянскій организмъ инородный элементъ въ такой степени, что, по замѣчанію Репеля, дальнѣйшій ходъ ея жизни долженъ былъ заключаться уже въ совмѣстномъ развитіи обоихъ элементовъ славянскаго и германскаго [6]). „Во взаимной борьбѣ двухъ правъ польскаго и нѣмецкаго побѣда, очевидно, должна была склониться въ пользу втораго, и польское право, въ свою очередь, должно было сдѣлаться исключеніемъ изъ нормальнаго порядка. Тогда-то

[1]) *Röpell*. Ueber die Verbreitung d. Magdeburgerstadtrechts. Breslau 1857 г., стр. 246.

[2]) Kod. Maz. № 6, быть можетъ, даже раньше: *Ф. Козловскій*, Dzieje Mazowsza, Варшава. 1858, стр. 46, пр. 2, на основаніи документа, находящагося въ частныхъ рукахъ, копіи котораго хранились, по его словамъ, въ коронномъ архивѣ, сообщаетъ, что въ 1224 г. Конрадъ даровалъ нѣмецкое право 4 селамъ. Но ничего подобнаго я не нашелъ ни въ Inventarium (изданіе это, впрочемъ, и неполное, и неисправное), ни въ кодексѣ Мазовецкомъ.

[3]) Accedant itaque securi hospites de quacunque natione ad incolendas terras.. scientes, quod omni servitute ab eis relegata gaudebunt pleno iure teutonico Kod. Maz. № 24. Поселенія эти основывались въ земляхъ епископа, то-есть, и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, представитель церкви подавалъ руку германизаціи; см. грамоту епископа Петра 1237 г. ib. № 11.

[4]) Въ Мазовіи распространялось по преимуществу такъ-называемое Кульмское право. Ко времени прекращенія Мазовской княжеской линіи 1526 г. имъ пользовались всѣ города Мазовіи. *Röpell*, Uebb. d. Verbreitung, 253.

[5]) Ib. 243.

[6]) *Röpell*, G. P. 563.

нѣмецкое право и теряетъ свое специальное имя. Рѣшительная побѣда одержана имъ въ концѣ XIV вѣка.....Актъ Людовика (1374 г.) окончательно возводитъ нѣмецкое право въ общій государственный законъ" [1]). До XV вѣка разливъ нѣметчины не встрѣчалъ въ Польшѣ никакого отпора. Въ указанномъ предсмертномъ пожалованіи Локетка Мѣхову лучше всего обнаружилось безсиліе задержать его. Но чтобы опасность, угрожавшую Польшѣ, представить себѣ въ дѣйствительной громадности, необходимо обратить вниманіе на то, что̀ происходило на сѣверной ея границѣ, гдѣ къ тридцатымъ годамъ XIII вѣка утвердился Нѣмецкій орденъ. То, что̀ засѣвалось на польской почвѣ незамѣтно и постепенно, выросло и расцвѣло въ отношеніяхъ къ Польшѣ этого фактора германизма, которымъ мы заключимъ наше обозрѣніе. Отъ того-то и во взглядахъ историковъ встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ полное единогласіе [2]). Это очень облегчаетъ нашу задачу. Мы могли бы ограничиться просто перечнемъ фактовъ, начиная съ восмидесятыхъ годовъ XIII вѣка, когда орденъ, утвердившись въ Пруссіи, началъ наступать на Польшу. Картина получилась бы очень яркая. Не будемъ, однако, изображать ее: она слишкомъ извѣстна, но остановиться на обстоятельствахъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ утвержденіе нѣмецкаго господства на сѣверной границѣ Польши, считаемъ не лишнимъ. Обстоятельства эти дадутъ намъ возможность еще разъ оцѣнить, какъ внутреннюю

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. С.-Пб. 1868, стр. 25; см. также превосходныя заключительныя замѣчанія, 298 слл. Замѣчанія *А. Павинскаго*, въ его рецензіи (С.-Пб. 1871) указанной книги, въ сущности нисколько не ослабляютъ основныхъ взглядовъ ея автора, имѣя въ виду лишь сгладить нѣкоторыя рѣзкости. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что рецензія слишкомъ изолируетъ нѣмецкое право. Въ дѣйствительности, оно является лишь частью того общаго тевтонскаго вліянія, которое только въ совокупности всѣхъ своихъ проявленій получаетъ полный смыслъ и значеніе. Вотъ почему намъ кажутся неосновательными замѣчанія г. Павинскаго (стр. 21), ограничивающія положенія г. Владимірскаго-Буданова о вліяніи нѣмецкаго права на ослабленіе княжеской власти.

[2]) Нѣмецкіе историки находятъ въ исторіи ордена не мало блестящихъ страницъ: „Die Kämpfe der deutschen Ordensritter im Morgenlande fesseln den Blick durch den Adel der Begeisterung, womit sie begonnen, durch den Glanz der Tapferkeit, womit sie geführt wurden", говоритъ Ватерихъ. Не будемъ спорить, ибо мы очень цѣнимъ чувства національной гордости. Мы имѣемъ въ виду лишь отношенія Ордена къ Польшѣ, а въ этомъ случаѣ факты, представленные самими же нѣмецкими историками, на столько краснорѣчивы, что не могутъ возбуждать никакихъ разногласій.

силу Польши, такъ и отношеніе къ ней ближайшихъ ея западныхъ сосѣдей.

Причиной, заставившей поляковъ обратиться къ содѣйствію Нѣмецкаго ордена, было исключительное положеніе Мазовскаго княжества. Обосновалось оно по преимуществу на правомъ берегу Вислы отъ устья Пилицы по обѣ стороны нижняго теченія Западнаго Буга. Устье этой рѣки, еще на пространствѣ своего нижняго теченія переходящей въ область другаго племени, представляло наиболѣе безопасный пунктъ страны, отовсюду угрожаемой враждебными сосѣдями. Въ отношеніяхъ къ нимъ и въ воздѣйствіи на нихъ со стороны поляковъ, однимъ словомъ, въ успѣхахъ здѣсь польской колонизаціи могла бы такимъ образомъ наиболѣе ярко сказаться, какъ внутренняя сила польскаго племени, такъ и то, на сколько ея развитію способны были содѣйствовать польскіе государи.

Прочная польская колонизація началась здѣсь, можно думать, лишь во время непосредственно слѣдовавшихъ за смертью Мешка II смутъ, особенно со времени нападенія Брячислава Чешскаго [1]); но вниманіе польскихъ государей, очевидно, слишкомъ было отвлекаемо въ другую сторону, на западъ, и польское колонизаціонное движеніе не нашло надлежащей поддержки. Когда вниманіе обратилось въ эту сторону, было уже поздно. Польша была уже безсильна для какихъ-нибудь прочныхъ и важныхъ внѣшнихъ предпріятій. Вотъ почему если они изрѣдка и совершались, то безъ опредѣленнаго плана и надлежащей настойчивости. Со времени окончательнаго выдѣленія Мазовіи въ удѣльное княжество, съ 1207 г., она очутилась въ особенномъ, сравнительно съ другими польскими землями, положеніи, всего болѣе напоминающемъ положеніе русскихъ окраинныхъ княжествъ. И что же? Конрадъ Мазовскій оказался совершенно безсильнымъ противъ нападеній враждебныхъ сосѣдей. У польскихъ князей не видимъ даже признака сознанія необходимости поддержать польскій постъ на крайнемъ востокѣ: время съ 1233 по 1246 гг. занято борьбой Конрада съ Силезскими князьями. Польская колонизація отошла лишь на весьма небольшое разстояніе отъ Вислы. Вообще, замѣтимъ кстати, Висла составляла очевидную восточную границу польскаго племени, которое, правда, въ верхнемъ и среднемъ теченіи

---

[1]) Eo tempore Bohemi Gneznen et Poznan destruxerunt... Illi vero qui de manibus hostium evadebant, vel qui suorum seditionem devitabant, ultra fluvium Wysla in Mazoviam fugiebant. М. Галлъ М. Р. Н. I, 416.

переходило за нее къ югу и востоку, на правый берегъ рѣки, но о предѣлахъ его распространенія въ эти стороны, какъ равно и объ этнографическомъ составѣ здѣшняго населенія въ древнѣйшее время, мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Не мало вопросовъ, въ этомъ случаѣ, возбуждаетъ Мазовія. Позднѣйшее время слишкомъ заслонило отъ насъ древнѣйшее положеніе, и теперь болѣе или менѣе точное его возстановленіе встрѣчаетъ множество преградъ не только чисто научнаго характера. Фактъ, однако, остается фактомъ: сплошное польское населеніе на обоихъ берегахъ Вислы видимъ именно въ Мазовіи. Въ верхнемъ теченіи рѣки русскія поселенія доходили до Кракова; западную часть водораздѣла между Саномъ и Вепремъ занимали какіе-то сомнительные „ляхове украиняне"; въ 50 верстахъ къ востоку отъ Варшавы и теперь начинаются сплошныя русскія поселенія. По Нареву жили уже литовцы, далѣе къ западу пруссы. Очевидные слѣды русскаго вліянія даже въ самомъ Краковѣ замѣчены были уже давно [1]); извѣстно, что тщательное ихъ уничтоженіе относится ко временамъ новѣйшимъ; но такіе же слѣды оказываются и въ Мазовіи. Подъ 1339 г. упоминается настоятель приходской церкви св. Георгія въ Варшавѣ [2]). Мы позволимъ себѣ указать на весьма характерный слѣдъ болѣе древняго и притомъ литературнаго русскаго вліянія даже въ Плоцкѣ [3]). Лица, вдоль и поперекъ изъѣздившія среднее Прибужье, отмѣчаютъ и въ настоящее время единство право- и лѣвобережнаго его населенія въ нравахъ, обычаяхъ, говорѣ, костюмахъ, даже въ типѣ [4]). Полагаемъ, въ древнѣйшее время это единство простиралось гораздо далѣе къ западу, и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) *Н. Дашкевичъ*, Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1885, стр. 107, пр. 1.

[2]) *А. В. Лонгиновъ*, Грамоты Юрія II—*Чтенія* 1887, II. 13.

[3]) Имѣемъ въ виду упоминаніе Луки Давида о хроникѣ Христіана. Вотъ, что онъ говоритъ о ней: „dieser Christianus der erste preussische Bischoff schreibt im Buche, dass er hinder sich gelassen von seinen Pfarrkindern, nemlich den vom Teuffel vorblendeten und vorstockten Preussen in latinischer Sprache gemacht, das Titel oder überschrift ist, Liber filiorum Boelial et eorum supertitionibus, dass ist das Buch von den Belials Kindern und irem missglauben, das Ime von Iaroslao die Zeit Thumprobst zu Plotzka in der Masauren ein Buch *in Reuscher Sprache*, aber mit Greckschen (то-есть, конечно, русскими) Buchstaben geschrieben, geliehen wurden". *Voigt*, G. Pr. I, прил. 1, 618. Фойгтъ предполагаетъ, что Христіанъ, зная польскій языкъ, могъ понимать и по русски (ib., 624); прибавимъ, онъ долженъ былъ знать и русскую грамоту.

[4]) *Е. М. Крыжановскій*, Забужная Русь. С.-Пб. 1885, стр. 79.

смѣемъ думать, что наше предположеніе о слабыхъ успѣхахъ польской колонизаціи въ Мазовіи не такъ уже рискованно.

Одновременно съ выдѣленіемъ Мазовскаго княжества начинается въ 1209 году миссіонерская дѣятельность оливскаго цистерскаго монаха Христіана, положившаго твердое начало утвержденію христіанства среди пруссовъ. Личность Христіана у Фойгта не играетъ той роли, какая ей должна принадлежать въ дѣйствительности, а между тѣмъ едва ли не въ ней заключается узелъ занимающихъ насъ въ данную минуту событій. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ остановиться на ней. Затрогиваемыя нами обстоятельства кажутся намъ заслуживающими двойнаго вниманія: они рисуютъ отношеніе къ Польшѣ нѣмецкихъ членовъ ея церкви и открываютъ, на нашъ взглядъ, ближайшій поводъ призванія рыцарей. Какой церкви принадлежалъ Христіанъ— польской, нѣмецкой, или можетъ быть, положеніе его было совершенно исключительное?—вотъ первый вопросъ, представляющійся въ данномъ случаѣ. Собственно говоря, мы не усматриваемъ здѣсь никакихъ сомнѣній, но таково свойство вопросовъ, болѣе или менѣе затрогивающихъ національныя страсти, что они остаются вопросами, не смотря на очевидность фактовъ. Отсутствіе точной опредѣленности, невозможной по самому существу дѣла—не забудемъ, что естественный ходъ его былъ прерванъ въ самомъ началѣ, и это, понятно, должно было произвесть не малую путаницу,—даетъ изслѣдователямъ основаніе освѣщать факты, сообразуясь больше съ своими взглядами, чѣмъ съ исторической дѣйствительностью. Раскрываются никому не извѣстныя намѣренія [1]), факты остаются, конечно, темными, ибо раскрыть ихъ могутъ лишь общій смыслъ и связь событій, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ фактъ берется самъ по себѣ, отдѣльно, независимо отъ предшествующаго и послѣдующаго.

Разсмотримъ положеніе Христіана въ той связи, какая представляется сама собою. Въ 1178 г. Поморскій князь Самборъ основалъ Оливскій монастырь, подчиненный въ церковномъ отношеніи Куявскому епископу [2]). Какъ большая часть польскихъ цистерскихъ монастырей, Оливскій монастырь былъ, по составу монаховъ, нѣмецкій и,

---

[1]) „Es war nie die Absicht des Papstes Preussen der Metropole Gnezen unterzuordnen“, говоритъ *Watterich*: Die Gründung des deutschen Ordensstaates in Preussen. Leipz. 1857 г., пр. 31.

[2]) Quintodecimo Calendas Aprilis Samborius Pomeraniae dux monasterium ordinis Cisterciensis in villa sua ducali Oliwa, Wladislaviensis diocesis fundat... Длугошъ (Крак. изд.) 1178 г., кн. VI, стр. 101.

можно думать, имѣлъ такое же значеніе для Пруссіи, какъ Любушъ для Силезіи; по крайней мѣрѣ, въ пожалованіи Владислава Одонича представляется бывшему его члену право призывать нѣмецкихъ поселенцевъ, которымъ дарованы чрезвычайно широкія льготы [1]). Для насъ важно лишь то, что Оливскій монастырь входитъ въ составъ польской церковной провинціи. Съ 1209 г. начинается миссіонерская дѣятельность Христіана. Конечно, въ дѣлѣ проповѣди слова Божія онъ былъ предоставленъ самому себѣ, но можно ли допустить, чтобы новая духовная паства оставалась безъ всякой іерархической связи, безъ включенія ея въ составъ какой-нибудь епархіи, до основанія Прусской? По практикѣ Римской церкви, вновь учреждаемыя епархіи, до окончательнаго ихъ устройства, подчинялись непосредственно куріи. Они вѣдались или самимъ папой, или назначеннымъ ad hoc легатомъ. То же встрѣчаемъ и здѣсь. Легатомъ назначенъ былъ Гнѣзненскій епископъ; когда?—неизвѣстно; знаемъ только, что въ 1219 г. папа освободилъ его отъ этой обязанности не по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, а лишь по слабому состоянію здоровья [2]). Онъ и умеръ въ этомъ же году. Три года спустя, въ Хелминскую землю прибыло польское крестовое ополченіе. Генрихъ Силезскій соединился съ Конрадомъ Мазовскимъ для прочнаго утвержденія здѣсь христіанства. Замѣчательно, что въ ополченіи этомъ участвовали епископы: Гнѣзненскій, Вроцлавскій, Краковскій, Познанскій, Любушскій и много представителей польскаго шляхетства. Щедрыя пожалованія, сдѣланныя Христіану поляками—князьями, рыцарствомъ и духовенствомъ, доказываютъ ихъ сильное религіозное одушевленіе. Что̀ именно оно руководило дѣйствіями поляковъ—свидѣтельствуетъ подтвердительная папская грамота [3]). Нужно ли еще лучшее доказательство, что на новую епархію польское духовенство смотрѣло, какъ на часть своей

---

[1]) Cod. d. Pr. 1, № 7. Ватерихъ, пр. 15, относитъ документъ къ 1217, а не 1212 г., но относительно личности „епископа и аббата Пруссіи“ не сомнѣвается.

[2]) Cod. d. Pr. 1, № 13. Почему Ватерихъ полагаетъ, что назначеніе легатомъ именно Гнѣзненскаго архіепископа должно было оставаться „ohne alles Präjudiz für die Zukunft“ (пр. 31), не понимаю.

[3]) Idem dux (мазовскій и куявскій) terram eundem cum quibusdam villis consistentibus in eadem... tibi et per te ecclesie tue ac tuis successoribus contulit *intuitu pietatis*. *Theiner*, M. P. 1, № 29. M. P. H. IV, 50: Christianus... primus episcopus. Hic districtus, territoria et villas, quibus inclytus Conradus Masoviae dux ecclesiam Culmensem anno d. 1222 dotaverat, ordini cessit.

церкви, ибо какъ же можно допустить, что, безъ этого, оно оказывало бы столько заботъ объ ея устройствѣ и упроченіи, даже съ очевиднымъ ущербомъ своихъ интересовъ? [1]) Затѣмъ, въ скоромъ времени послѣ устройства церковнаго управленія въ Пруссіи, Хелминская епархія подчинена была Рижскимъ архіепископамъ. Обстоятельство это подало поводъ къ продолжительнымъ спорамъ съ ними Гнѣзненскихъ. Вопросъ поднялъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ іерарховъ Яковъ Свинка, и по его настоянію, Бонифацій VIII назначилъ даже особую коммиссію для разслѣдованія дѣла. Если оно кончилось не въ пользу Гнѣзна, то единственно благодаря тому, что съ рыцарями ничего нельзя было подѣлать [2]). Церковная связь Хелминской епархіи съ Польшей не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Нѣмецкій проповѣдникъ, принадлежавшій къ Польской церкви, распространялъ христіанство въ Пруссіи. подъ покровительствомъ польскихъ князей и польскаго духовенства, положившихъ первыя основы новой епархіи. Дѣло только что устанавливалось, но такъ, что, при естественномъ ходѣ, можно утверждать съ полнымъ основаніемъ, Пруссія вошла бы въ составъ Польской церковной провинціи [3]). Какъ же относился этотъ членъ польской церкви къ ней и

---

[1]) См. превосходныя замѣчанія о епископствахъ Крушвицко-Куявскомъ и Плоцкомъ у *А. Малецкаго*, Kościelne stosunki. *Przewodnik* 1875. Относительно jus ducale никакъ нельзя согласиться съ *Ватерихомъ*, пр. 50; ср. *Репель*, 431. пр. 23.

[2]) *M. Buliński*. Historya Kościoła polskiego. Kraków. 1873, I, стр. 250 слл.

[3]) Обращаемъ вниманіе на папскую грамоту 1211 г. Гнѣзненскому архіепископу (*Ватерихъ*, прил. № 1). Исключительныя полномочія, предоставленныя Христіану въ 1218 (ib. № 6 и 7), доказываютъ лишь исключительность его положенія и ничего болѣе, а грамота Гонорія III, мая 16-го 1218 г. (ib. № 8a), подтверждаетъ лишь справедливость взгляда самого же Ватериха о различіи характера папскихъ буллъ Гонорія III и Григорія IX (ib. 112). Вообще Ватерихъ слишкомъ идеализируетъ Христіана, о которомъ, между прочимъ, вотъ что говоритъ Фойгтъ: „Endlich war auch Christians Charakter und Gesinnungsart wohl keineswegs ganz fleckenlos; er war nicht frei von jenem Neide, von jenem hierarchischen Herrschlust, von jenem Selbstsucht und jenem Eigennutze, die damals fast durch den ganzen geistlichen Stand gingen; er war selbst nicht rein von Verleumdungssucht und einem gewissen böswilligen Streben auch das Heilsame und das anerkannte Gute zu hindern, sobald seine Selbstsucht und sein Eigennutz dadurch vom beabsichtigten Ziele zurückgehalten wurden. Gesch. Pr. II, 459. Быть можетъ, такая характеристика Христіана по отношеніямъ къ Ордену нѣсколько строга, но ее вполнѣ подтверждаютъ отношенія Христіана къ польскимъ князьямъ въ 1222 г. и къ Гюнтеру.

къ польскимъ князьямъ? Мы уже указывали на его роль въ утвержденіи нѣмецкой колонизаціи въ Пруссіи. Съ самаго начала у него вышли недоразумѣнія съ Конрадомъ, столь характерно освѣщаемыя Ватерихомъ [1]). Въ результатѣ обращенія Христіана къ папѣ должно было, по словамъ Ватериха, получиться новое государство отдѣльное и независимое отъ польскихъ княжествъ [2]). Въ 1215 г. Христіанъ былъ вторично въ Римѣ. Здѣсь, можетъ быть, онъ былъ поставленъ во епископы [3]), а отъ двухъ прибывшихъ съ нимъ обращенныхъ пруссаковъ получилъ Ланзанію и Лобавскую землю. Пожалованіе это утверждено было папой. Вообще оно неопредѣленнаго характера [4]), тѣмъ не менѣе оно дало основаніе Христіану другими глазами, чѣмъ прежде, смотрѣть и на Хелминскую землю [5]).

Всѣ старанія Христіана направляются затѣмъ на возможное устраненіе содѣйствія поляковъ и, на оборотъ, на привлеченіе нѣмцевъ. Первый крестовый походъ противъ пруссаковъ не проповѣдывался, благодаря Христіану, ни въ Мазовіи, ни въ Куявіи. На дѣлѣ оказалось, что ополченіе явилось не изъ Германіи, а изъ Силезіи съ польскими епископами, польскимъ рыцарствомъ. Можно сказать, что лишь благодаря ему Христіанъ могъ считать свое дѣло упроченнымъ, и тѣмъ не менѣе его отношенія къ польскимъ князьямъ представляются весьма загадочными, а извѣстное расположеніе Генриха I къ нѣмцамъ и недовѣріе къ Конраду дало все-таки возможность Христіану болѣе или менѣе отгородиться отъ послѣдняго [6]). Силезскіе князья и здѣсь, такимъ образомъ, оставались вѣрны своей печальной въ отношеніи

---

[1]) Gründung, 8—10.

[2]) Трудно, однако, согласиться съ толкованіемъ папскаго обращенія къ польскимъ князьямъ у Ватериха; ib. прил. № 3.

[3]) Ib., пр. 16; но вообще время поставленія Христіана въ епископы возбуждаетъ сомнѣнія.

[4]) Утверждать, какъ *Ватерихъ*, 12: „So kehrte Chr. denn als Preussens Bischof und Herr von den ersten Fürsten des Landes begleitet aus Italien zurück„ по крайней мѣрѣ неосторожно: дѣлается вѣдь рѣшительное заявленіе о весьма важномъ вопросѣ—временномъ существованіи духовнаго княжества (ib. 25), въ сущности лишь на основаніи заявленія заинтересованной стороны (Cod. d. Pr. 1, 25).

[5]) „Obgleich das Kulmische Gebiet seit mehr als 100 Jahren zur polnischen Herrschaft gerechnet wurde, so sah man es doch immer als einen eroberten Theil. von Preussen an". *Ватерихъ*, пр. 15. Въ глазахъ нѣмецкаго историка и завоеваніе не составляло для поляковъ права.

[6]) *Watterich*, прил. № 10.

къ славянской Польшѣ роли [1]). Дѣйствія Христіана должны были наконецъ вызвать серьезное опасеніе со стороны Конрада. Вѣроятно, не былъ ими доволенъ и епископъ Плоцкій Гюнтеръ. Оба они, однако, не усматривали въ самой Польшѣ никакихъ средствъ противодѣйствія нѣмецкому монаху, и вотъ по указанію Гюнтера [2]), польскій князь

[1]) M. P. H. IV, 165.

[2]) *Ватерихъ*, прим. 69 и M. P. H. IV, 165. Считаемъ, поэтому поводу, умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о роли Польской церкви въ занимающемъ насъ вопросѣ. Вообще ее нельзя считать прямымъ факторомъ германизма въ виду тѣхъ услугъ, которыя она по временамъ оказывала польской народности; несомнѣнно однако, церковь во многомъ ему содѣйствовала, и если измѣненіе строя польской общественной жизни произошло, главнымъ образомъ, благодаря развитію иммунитета—явленія во всякомъ случаѣ чужеземнаго, то надо сказать, что Польская церковь сдѣлала въ этомъ отношеніи первый шагъ. Въ немъ, однако, нельзя усматривать спеціально тевтонскаго вліянія, а какъ сказано, вообще иноземное. Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о личномъ составѣ высшаго польскаго духовенства. Существующіе списки польскихъ іерарховъ даютъ въ этомъ отношеніи мало (см. Каталоги епископовъ Краковскихъ и архіепископовъ Гнѣзненскихъ M. P. H. III; о другихъ спискахъ см. *Röpell*, 300, прим. 1). Въ первый разъ появились поляки на епископскихъ каѳедрахъ въ Гнѣзнѣ въ 1027, Краковѣ въ 1059, Плоцкѣ въ 1087, Познани въ 1106, Вроцлавѣ въ 1215 г.; но и послѣ того въ составѣ польскаго епископата видимъ очень часто иноземцевъ, и уже по преимуществу нѣмцевъ (нѣсколько замѣчаній о древнѣйшемъ романскомъ вліяніи см. *Grünhagen*, G. Schl. I, 19—23). Мы видѣли, какое значеніе для утвержденія нѣмецкаго элемента въ Пруссіи имѣлъ Христіанъ. Генрихъ Мѣховскій, братъ Альберта былъ нѣмецъ, Янъ Муската—онѣмеченный силезецъ; при дворѣ Конрада, кромѣ Гюнтера, находимъ еще аббатовъ—Гвидо и Фалькольда, монаховъ—Фалета и Бенеда, плоцкаго настоятеля Адлярда, капеллановъ — Готпольда и Гизмара, все нѣмцы (*Козловскій*, Dzieje Mazowsza 55, пр. 1). Еще болѣе важное значеніе имѣли монастыри: изъ 27 цистерскихъ монастырей 14 были исключительно нѣмецкіе (*А. Малецкій*, Klasztory i zakony, *Przewodnik*, 595; 1875 г.), а надо имѣть въ виду экономическую роль именно этихъ монастырей. Замѣчательно, что до 1280 года они распространялись почти исключительно. Что касается другихъ орденовъ, то большинство ихъ, по замѣчанію Репеля (571), были филіи монастырей нѣмецкихъ. Это не подлежитъ сомнѣнію относительно Великой Польши; относительно Малой и Мазовіи лишь нѣтъ столь опредѣленныхъ данныхъ. Еще при Сигизмундѣ I были въ Польшѣ монастыри, наполненные исключительно нѣмцами; поляки туда вовсе и не принимались. Нѣмецкіе монахи, по словамъ Грюнгагена, „wurden naturgemäsz die wichtigsten Beförderer der Germanisation“; съ другой стороны, для колонистовъ нѣмецкій монастырь на чужбинѣ былъ своего рода гарантіей— „es war wie das antike Mitnehmen der heimischen Götter in die Fremde“ (40). Со второй половины XIII вѣка замѣчается въ высшемъ польскомъ духовенствѣ пробужденіе національнаго сознанія. Слышимъ о жалобѣ папѣ на „невыносимый гнетъ германизма“. Особенно важны постановленія двухъ Ленчицкихъ синодовъ 1257 и 1285 года; но

обращается къ представителю Нѣмецкаго ордена. Имъ былъ тогда Германъ Зальца—имя, заставляющее невольно отмѣтить какую-то фатальность, преслѣдующую польскія начинанія. Въ самомъ дѣлѣ, кто былъ Германъ? Другъ Фридриха II, онъ былъ, конечно, глубоко проникнутъ сознаніемъ величія и міровой роли императорской власти; его сотрудникъ и совѣтникъ, онъ имѣлъ возможность и присмотрѣться, и не мало извлечь изъ тѣхъ образцовъ, византійскихъ и арабскихъ, которые на почвѣ Сицилійскаго государства сталкивались съ западными феодальными порядками; конечно, надо было обладать необыкновеннымъ тактомъ, чтобы вести переговоры между императоромъ и папой и сохранять въ то же время уваженіе и расположеніе обоихъ [1]); но что̀ дѣйствительно ставило его высоко, что̀ сообщало его планамъ и дѣйствіямъ особенное значеніе—это его глубокій и горячій патріотизмъ. Не даромъ Фойгтъ, указывая на его тюрингское происхожденіе, замѣчаетъ: „онъ былъ уроженецъ той страны, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ по сю пору лѣса и долины оглашаются пѣснями“ [2]). Эта тюрингская пѣсня сообщила всему существу Германа глубоко національный отпечатокъ: ни средневѣковой космополитизмъ, ни монашество не стерли этого отпечатка. Онъ былъ нѣмецъ всецѣло, насквозь, и этимъ, конечно, только и можно объяснить, почему онъ занимаетъ въ нѣмецкой исторіи такое дѣйствительно высокое мѣсто. Этимъ, думаемъ, слѣдуетъ объяснять и то, почему онъ съ первой же минуты ясно понялъ и вполнѣ опредѣлилъ все значеніе предложенія Конрада, почему съ этого времени „душа его не знала покоя“, почему все вниманіе, всю энергію онъ обратилъ на новое дѣло. Высокая идея защиты Гроба Господня могла увлекать и одушевлять его, но умъ, привыкшій считаться съ дѣйствительностью, не могъ не открывать невозможности достиженія цѣли. Къ тому же, защита Святаго Гроба была общимъ дѣломъ всѣхъ христіанъ. Совсѣмъ другіе виды пред-

---

вообще нельзя не замѣтить, что синодальныя постановленія касались не столько церковной практики или духовно-нравственныхъ вопросовъ, сколько матеріальной стороны и политической роли церкви (*M. Buliński*, Historya Kość. P. I, 361—374).

[1]) Орденская хроника такъ характеризуетъ его: „Er war eyn from, verständig, weyse Man, wolberedt gottfürchtig, eines erbaren Lebens, hochangeschen beym Babst und beym Kaiser. *Voigt*. G. Pr. II, 74, прим. 1. Будучи глубоко религіознымъ, онъ былъ, однако, свободомыслящъ и мало стѣснялся папскими интердиктами, когда они не совпадали съ его интересами; ibid. 206.

[2]) Ibid. 70.

ставляло предложенiе Конрада. Германъ не могъ не знать о положенiи страны, куда звалъ его польскiй князь. Не такъ давно былъ въ Римѣ Ливонскiй епископъ, затѣмъ Христiанъ. Мы готовы допустить, что желанiе послужить распространенiю христiанства давало значительный толчекъ его энергiи; но врядъ ли ошибемся, предположивъ, что еще болѣе сильно дѣйствовали на нее другiя побужденiя: вѣдь Пруссiя страна языческая, слѣдовательно, ею можетъ распоряжаться императоръ, а развѣ не выгодно будетъ ему утвердить господство вѣрныхъ и надежныхъ его слугъ на сѣверной границѣ того государства, которое пока было, все-таки, лишь отдаленнымъ спутникомъ императорскаго солнца? Не удалось утвердиться на почвѣ Мадьярскаго государства, въ Седмиградiи: король Андрей оказался слишкомъ сильнымъ, но развѣ смогутъ оказать противодѣйствiе слабые польскiе князья? Наконецъ, развѣ можно допустить, чтобы роль нѣмцевъ въ Польшѣ была неизвѣстна представителю Нѣмецкаго ордена? Вѣроятно, въ февралѣ 1226 года явились послы Конрада къ Герману, а уже въ мартѣ онъ выхлопоталъ у Фридриха II не только подтвержденiе пожалованiя Хелминской земли, но и передачу всей Пруссiи „velut vetum et debitum ius imperii" [1]). Грамота была получена, конечно, не затѣмъ чтобы показать ее князю. Въ 1228 году Германъ отправилъ въ Польшу своихъ пословъ [2]). Оказалось, что поперекъ смѣлыхъ и широкихъ плановъ гросмейстера сталъ епископъ Христiанъ. Столкнулись представители одного и того же элемента, и ихъ столкновенiе бросаетъ весьма яркiй свѣтъ на политику ордена, съ перваго его появленiя на новомъ мѣстѣ. Столкновенiе это характерно и само по себѣ. Мы уже видѣли нѣчто подобное въ отношенiи двухъ нѣмецкихъ прелатовъ Польской церкви—Христiана и Гюнтера; теперь столкнулись интересы Христiана и рыцарей; потомъ, когда къ Польской Пруссiи пододвинулись Бранденбургскiе маркграфы и уже готовы были наложить на нее свою руку, тѣ же нѣмецкiе рыцари постарались ее удержать. Какъ будто Польша стала уже въ такой степени безотвѣтною жертвой германизма, что можно было сталкиваться на ея почвѣ нѣмецкимъ мелкимъ, втораго порядка, интересамъ очевидно, безъ ущерба нѣмецкому господству вообще! Въ 1230 году Германъ получилъ и папское подтвержденiе пожалованiя Конрада [3]), въ

---

[1]) Грамота у *Ватериха*, прил. № 11.

[2]) Ibid., 50, пр. 87.

[3]) Одновременность папской грамоты съ Владиславскимъ договоромъ, за-

которомъ Пруссія представлялась какъ цѣль дѣйствій и стремленій рыцарей. Въ концѣ концовъ они ея достигли. Ордену помогъ случай—плѣнъ Христіана. Когда онъ освободился изъ него, онъ засталъ въ странѣ совершенно новые порядки. Измѣнить ихъ оказался онъ не въ силахъ и палъ жертвой—во имя чего? это мы сказали сейчасъ. Ни Пруссіи, ни Польшѣ отъ этого легче не стало. Къ 1283 году покорена была вся Пруссія. Вѣроятно, при этомъ совершено было не мало подвиговъ, какими ознаменовалось первое выступленіе рыцарей противъ Пруссаковъ [1]). Но не только въ латахъ воина выступали рыцари. Гдѣ нужно, они умѣли быть и угодливыми ростовщиками. Ихъ договоръ съ Лешкомъ Куявскимъ, у котораго они взяли за деньги Михаловскую землю, Каро прямо называетъ ростовщическимъ [2]).

Впослѣдствіи и Поморскіе, и Мазовскіе князья, и даже самъ Казимiръ прибѣгали въ случаяхъ нужды къ рыцарскому кошельку, и онъ каждый разъ открывался, лишь бы обезпеченіемъ уплаты была какая-нибудь область, въ которой рыцари немедленно прочно утверждали свое господство. Въ 1309 году они заняли Гданскъ. Какъ утвердились они здѣсь, какъ заняли потомъ другіе города и совершенно отрѣзали Польшу отъ моря, мы разказывать не будемъ. Новое нѣмецкое государство было наконецъ утверждено, и въ томъ же году столица великаго магистра была перенесена изъ Венеціи въ Маріенбургъ. Внутреннимъ порядкомъ, благоустройствомъ и строгой дисциплиной это новое государство превосходило всѣ тогдашнія европейскія государства; въ національномъ единствѣ съ Германіей и культурно-религіозномъ со всею западною Европой въ вѣкъ не остывшаго еще религіознаго одушевленія, оно получало такой громадный запасъ силъ, что сравнительно съ ними силы раздробленной Польши и только что выходящей изъ своихъ лѣсовъ Литвы можно считать ничтожными. Утвердившійся на устьяхъ Вислы отпрыскъ тевтонизма крѣпко свилъ и широко распустилъ свою паутину; прикрывшись знаменемъ креста, онъ обста-

---

ключеннымъ рыцарями съ Христіаномъ (ib. прил. № 15 и 16), ставитъ Ватериха въ немалое затрудненіе въ объясненіи чистоты образа дѣйствій Германа, ib. пр. 153.

[1]) Въ 1320 г. выступили рыцари на священную войну впервые. Прусаки von den Rittern überrascht, versuchten sie, sich in den Burgtrümmern zu vertheidigen, aber sie wurden, obgleich nicht gering an Zahl, durch den frischen Kampfesmuth der Ritter überwältigt und sämmtlich niedergehauen. Ib., 93.

[2]) *Каро*, II, 20: das kann aber nicht in Abrede gestellt werden, dass der ganze Act etwas wucherischer Natur war.

вилъ предпріятія противъ язычниковъ самыми пріятными для западныхъ паладиновъ условіями, пожарами и опустошеніями очищалъ себѣ дорогу до Полоцка и Вильны съ одной, за изгибъ Вислы—съ другой стороны, и славянско-литовскою кровью удобрялъ почву для пышнаго всхода сѣмянъ германской культуры. Именно такая расчистка считалась наиболѣе вѣрнымъ средствомъ угодить Богу, заслужить вѣчное спасеніе; изъ католической Европы ежегодно для этой цѣли отправлялись въ Пруссію и Ливонію толпы искателей приключеній и мрачныхъ фанатиковъ, а представитель католическаго міра не находилъ словъ для прославленія подобныхъ подвиговъ [1]). Полякамъ приходилось лишь со страхомъ смотрѣть, какъ у естественнаго ихъ выхода въ морѣ устраивался страшный врагъ, котораго они же сами выростили. Безъ кровавой борьбы съ орденомъ Польша дольше существовать не могла. Каковы были ея шансы, если бы Польшѣ пришлось бороться съ нѣмцами одинъ на одинъ, не трудно сказать. Рядомъ утвердилось сильное государство. Временное соперничество его съ Бранденбургомъ не повело ни къ какимъ выгоднымъ для Польши послѣдствіямъ; въ скоромъ времени было мирно улажено самими же рыцарями и въ случаѣ надобности могло перейдти въ тѣсный союзъ въ виду богатой добычи. Съ юго-запада чешскіе Люксембурги господствовали въ Силезіи, а „самый рыцарственный воинъ и самый воинственный рыцарь, какой когда-либо сидѣлъ на тронѣ“, Іоаннъ, успѣлъ утвердить свою власть на противоположномъ концѣ Польши въ Мазовіи [2]). Какъ будто для содѣйствія скорѣйшему осуществленію нѣмецкихъ плановъ по верховьямъ Вислы устремляются въ глубь страны нѣмецкіе колонисты — купцы, ремесленники, земледѣльцы, гонимые смутами и безпорядками на родинѣ. На чужбинѣ находили они защиту и покровительство власти и широкій просторъ для своей энергіи и дѣятельности. Какъ вели они себя въ Польшѣ, о чемъ подумывали ихъ вожди—мы видѣли. Постепенно неуклонно тянутся по Вислѣ нѣ-

---

[1]) Ac tum Vinrichus contractis copiis tertiam irruptionem fecit in Lithuaniam eamque *late ferro flammaque est pervagatus. His aliisque egregiis facinoribus* in fidei hostes editis promeruere cruciferi ut ipsos pontifex Carolo Imperatori comendaret: quid, inquit, amoris, quid favoris et gratiae ordo beatae Mariae Theutonicorum murus christianitatis tutissimus et christianae fidei propagator mirabilis et infidelium impugnator magnificus in conspectu catholicorum principum et totius christstiani populi mereatur. *Raynald.* Annales ad 1366, XXIX.

[2]) 1329 г. Kod. Maz. № 59.

мецкія руки съ сѣвера и юга. Устье рѣки естественно связано съ ея верховьями. Здѣсь, по справедливому замѣчанію Каро [1]), былъ ключъ къ богатствамъ Торна и Данцига, и если вспомнить, что скудныя свѣдѣнія о послѣднихъ Даниловичахъ принадлежатъ Кенигсбергскому и Торунскому архивамъ, станетъ ясно, что орденъ не только понималъ, но и отлично выполнялъ свою задачу. Какая участь ожидала Польшу, еслибъ она ни откуда не получила помощи, можно судить по тѣмъ мечтамъ, съ какими носился орденъ даже послѣ 1410 года.

Уже сломила его силу Грюнвальдская битва, а великій магистръ въ письмѣ къ Рижскому епископу еще утѣшаетъ себя мыслью о времени, когда „старый обычай польскій и злость польская будутъ въ корнѣ истреблены и никогда болѣе не взойдутъ“ [2]). Предостереженія и горькія напоминанія получала Польша уже давно отъ своихъ ближайшихъ къ нѣмцамъ сосѣдей—соплеменниковъ-чеховъ и даже отъ мадьяровъ. На канунѣ своей гибели Премыславъ-Оттокаръ такъ взывалъ къ полякамъ о помощи: „По многимъ причинамъ вы должны поспѣшить къ намъ съ помощью, ибо, если, не дай Богъ, придется намъ пасть подъ ярмомъ Римской державы, ненасытная жадность тевтоновъ усилится, и ихъ руки достигнутъ и до вашей земли. Мы для васъ щитъ и охрана, и если Боже упаси, не выдержимъ натиска, можете быть увѣрены, великія опасности грозятъ вамъ и вашему народу. Нетерпѣливая жадность тевтоновъ не ограничится вашею зависимостью, она бросится на ваши владѣнія, и вы испытаете тиранію ея невыносимыхъ насилій. О, какую участь приготовятъ вамъ тевтоны! Спѣшите же къ намъ съ помощью, спѣшите!“

Призывъ къ дружному содѣйствію, какъ бывало обыкновенно въ славянскомъ мірѣ, остался безъ отголоска, но исполненіе предсказаній Премыслава совершилось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Тевтоны уже сжимали Польшу своими желѣзными тисками.

Мы старались разсмотрѣть нѣмецкое вліяніе на Польшу въ его

---

[1]) G. P., III, 60.

[2]) *Шайноха*, Dzieła V, 243. Варш. 1887; M. P. H. II, 815: Sub anno dni 1331 rex Wladislaus dictus Loketko... per temerarios fratres et rabidos, fratres Thorunenses cruciferos, invasus, temere contra Deum et justiciam terram suam occupare volentes.... *conantes exterminare ydyoma polonicum...* Замѣчательно: это и предшествующее ему мѣсто о краковскомъ бунтѣ было выскоблено и возстановлено лишь при помощи химическихъ средствъ (ibid., пр.). Видно, нѣмецкая рука прошла весьма тщательно по польскимъ памятникамъ!

общихъ, наиболѣе замѣтныхъ проявленіяхъ. При обсужденіи его послѣдствій тамъ, гдѣ они выступаютъ съ очевидною яркостью, нѣмецкіе историки прямо указываютъ на необходимость прибѣгнуть къ „болѣе широкому историческому созерцанію“ [1]), которое, конечно, совершенно примиряетъ нѣмцевъ съ неизбѣжно предстоявшею Польшѣ гибелью. Съ ними можно не соглашаться, но ихъ легко понять. Во всякомъ случаѣ, имъ нельзя не отдать справедливости въ томъ, что они не стараются прикрывать ужасающую наготу фактовъ. До сихъ поръ, однако, факты эти представляются лишь въ общемъ очертаніи,—многаго еще можно ожидать отъ разслѣдованія частностей. Къ сожалѣнію, польская историческая наука останавливается на этой сторонѣ неохотно: вліяніе императорской власти игнорируется ею совершенно; правда, нѣтъ разногласій и прикрытія истины во взглядахъ на воздѣйствіе ордена, но что̀ сказать объ отношеніи польскихъ историковъ къ вліянію нѣмецкой колонизаціи и права? У поляковъ, говорятъ одни,—не было торговой предпріимчивости; съ прекращеніемъ внѣшнихъ войнъ, прекратился притокъ рабочихъ рукъ, доставляемыхъ раньше плѣнными; странѣ грозилъ матеріальный кризисъ, если бы не отвратила его нѣмецкая колонизація, — въ виду этого она считается благодѣтельною. Соображеніе не единственное. По другимъ оказывается, что лишь благодаря нѣмецкой колонизаціи и праву Польша получила благодѣянія самоуправленія, „лишь благодаря нѣмецкому праву выработался въ Польшѣ новый общественный строй, по которому всѣ общественныя задачи были предоставлены самому обществу безъ всякаго содѣйствія государя; онъ сталъ лишь представителемъ идеи государства“. По современному катехизису, это, конечно, большое благодѣяніе, а поляки всегда гордились и продолжаютъ гордиться тѣмъ, что не отставали отъ европейской современности или, по образному выраженію Смольки, тѣмъ, что „naród cały wprzęga się do rydwanu prądów powszechnodziejowych“. Предоставляя полякамъ утѣшаться послѣднимъ, не можемъ не указать полной несостоятельности приведенныхъ выше соображеній. Еще первый польскій хронистъ М. Галлъ отмѣтилъ невыгодность географическаго положенія Польши. Польша, говоритъ онъ,—удалена отъ торговыхъ путей, а потому извѣстна лишь немногимъ, ведущимъ торговлю съ Русью. Откуда — спрашивается—могли, при такихъ условіяхъ, набраться поляки торговой

---

[1]) *Каро*, II, 63.

предпріимчивости? Вѣдь, надо думать, она создается благопріятными условіями. Доставить такія условія Польшѣ, дать ей выходъ къ морю стремились лучшіе польскіе государи.

Выходъ этотъ заперли, однако, нѣмцы. Поселившіеся въ Польшѣ нѣмецкіе колонисты вели, правда, обширную торговлю. Что же, сообщили они торговую предпріимчивость полякамъ, образовался въ Польшѣ свой промышленный и торговый классъ? Нѣтъ! Безъ сомнѣнія, благодѣтельнымъ считалось нѣмецкое право въ свое время. „Принимая во вниманіе, что нѣмецкое право приноситъ намъ и жителямъ нашего государства не мало выгодъ, желая ихъ увеличить по возможности, предоставляемъ нѣмецкое право всѣмъ, поселившимся или имѣющимъ поселиться въ нашемъ городѣ" и пр. [1])—вотъ всегдашній приступъ въ жалованныхъ грамотахъ. Нельзя игнорировать этотъ взглядъ, но нельзя и забывать, что многое въ исторіи представляется въ истинномъ своемъ значеніи лишь поколѣніямъ позднѣйшимъ. Еще болѣе непонятна аргументація о самоуправленіи. Утверждаютъ [2]), что духъ самоуправленія внесли нѣмцы, что въ польскомъ организмѣ онъ отсутствовалъ; откуда же—спрашивается—возникла потребность, которая при этомъ представляется всеобщей, если духъ отсутствовалъ, если его могли внести только чужане? Все это горькая, обидная для славянской мысли иронія! Европейская, даже не европейская, а нѣмецкая колесница — пользуемся еще разъ выраженіемъ Смольки — торжественно катилась по славянскому тѣлу Польши. Еще нѣсколько ея раскатовъ, и кто знаетъ, что̀ осталось бы отъ этого тѣла? Быть можетъ, дѣйствительно удалось бы нѣмцамъ истребить въ корнѣ „старый обычай польскій и злость польскую", уничтожить ydyoma polonicum.

Настала великая пора, и нѣтъ въ исторіи Польши, кромѣ времени Болеслава Храбраго, періода болѣе важнаго, чѣмъ начало XIV вѣка; нѣтъ у ней героя, кромѣ опять-таки того же Болеслава, болѣе дивнаго, чѣмъ Владиславъ Локетокъ. Когда, по занятіи рыцарями Гданска, Локетокъ наконецъ могъ поспѣшить туда и не былъ впущенъ въ городъ, положеніе представилось ему сразу во всей ужасающей наготѣ. Ударъ былъ до того ошеломляющій, что неудивительно, если онъ оглушилъ маленькаго тѣломъ, но великаго духомъ героя. Положеніе

---

[1]) *R. Hube.* Prawo polskie w XIV w. Варш. 1881 г. 9, пр. 2.

[2]) *M. Bobrzyński.* O założeniu wyższego i najwyższego sądu na zamku Krakowskim. Rozpr. wydz. hist.-filoz. Ak. Krak. 1875, IV, 112.

его было таково, что о какомъ бы ни было немедленномъ противодѣйствіи нечего было и думать. Локетокъ, однако, не палъ подъ придавившей его тяжестью. Мысль о борьбѣ, о мести, о справедливой мести за нанесенную польскому народу рану охватила съ той поры Локетка всецѣло. Были ли у него шансы на успѣхъ? Мы уже знаемъ, каковы были послѣднія минуты жизни героя. Какое государство оставлялъ Локетокъ сыну? „Со стѣнъ Кракова видны были границы Силезіи, явно тяготѣвшей къ Чехіи и формально ей подчиненной; за Пилицей тянулась Мазовія независимая, завистливая, соединявшаяся съ орденомъ противъ Польши; Сѣрадзскою областью Краковъ связывался съ Великою Польшей, но за Нотецей владѣли рыцари, а занятая ими Куявія уничтожала естественную границу ихъ владѣній—Вислу“ [1]). Локетокъ, очевидно, не достигъ цѣли, и едва ли кто умиралъ въ такой тяжелой безнадежности, какъ онъ. Но, поставивъ вопросъ, мы, конечно, имѣли въ виду не личную жизнь Локетка. Идеи великихъ людей переживаютъ ихъ на цѣлые вѣка, и не даромъ въ исторіи цѣлые періоды означаются ихъ именами. Имѣла ли, спрашиваемъ, идея Локетка шансы на успѣхъ, разумѣется, не такой, какой открываетъ намъ дальнѣйшая исторія Польши? Мы не думаемъ, что утвердительный отвѣтъ поставитъ насъ на почвѣ историческихъ „еслибы“. Есть факты, и весьма краснорѣчивые, хотя ихъ обыкновенно обходятъ. Къ осуществленію двухъ своихъ завѣтныхъ цѣлей—коронаціи и борьбы съ тевтонизмомъ—стремился Локетокъ съ подобающею важности задачъ серьезностью и осмотрительностью. Горько было для него сознаніе, что Польша не могла достичь ихъ своими собственными силами, но фактъ былъ очевиденъ. Только глупые не видятъ очевидности, только слабые падаютъ подъ бременемъ. Умъ Локетка обнаружился въ томъ, что онъ призналъ очевидность, а величіе и сила—въ томъ, что не палъ подъ ея тяжестью, не потерялъ надежды ее вынести. Въ виду невозможности бороться однѣми собственными силами, надо было найдти союзниковъ, и онъ нашелъ ихъ. Каковы были отношенія его къ Гедимину, увидимъ сейчасъ, но объ отношеніяхъ Локетка къ двумъ другимъ союзникамъ—Карлу Роберту и папѣ—замѣтимъ, въ виду позднѣйшихъ отношеній къ нимъ Казиміра, что Локетокъ ничѣмъ не заплатилъ за содѣйствіе Карла, точнѣе, что отношенія ихъ были поставлены Локеткомъ такъ, что не потребовалось со стороны Польши никакой жертвы въ пользу Венгріи; если же союзъ съ папой въ матеріальномъ отно-

[1]) *Шуйскій*, Opowiadania, 8.

шеніи стоилъ Польшѣ весьма не дешево [1]), то, съ другой стороны, обстоятельство, что и Локетокъ оказался нужнымъ папѣ, а равно, что ему было отлично извѣстно, какъ въ одно время святѣйшій отецъ то называлъ его „лжецомъ и разбойникомъ“, то посылалъ индульгенціи и величалъ „возлюбленѣйшимъ сыномъ“ [2]),—ставило и въ этомъ случаѣ Локетка въ положеніе союзника вполнѣ равноправнаго. Въ обоихъ случаяхъ при Казимірѣ мы увидимъ совершенно другое. Для насъ, впрочемъ, не столь важны союзы Локетка съ Венгріей и куріей, не въ нихъ заключался залогъ возможности успѣха въ борьбѣ съ тевтонизмомъ. На нашъ взглядъ, его давали отношенія къ Гедимину. Постараемся раскрыть ихъ, на сколько это возможно, при темнотѣ и запутанности данныхъ.

Въ послѣдніе годы первой четверти XIV вѣка не стало послѣднихъ Даниловичей [3]). Владиславъ Локетокъ, извѣщая объ этомъ папу [4]) (21-го іюля 1324 г.), выражаетъ сильную тревогу за возможныя для своего государства послѣдствія ихъ смерти. Гроза татарскаго нашествія тѣмъ болѣе вѣроятная, что въ Галичъ были посланы Усбекомъ два намѣстника [5]), не давала покоя Польскому королю, собиравшему всѣ силы для борьбы съ орденомъ. Вѣроятно, не одно письмо было отправлено имъ къ папѣ, если папская канцелярія въ теченіи полутора мѣсяца—съ 20-го іюня по 1-е августа 1325 года—отправила въ Польшу четыре грамоты, то къ королю, возбуждая его мужество, то къ польскому духовенству и народу съ призывами къ крестовому походу противъ прилегающихъ къ Польшѣ „схизматиковъ, татаръ, язычниковъ и разныхъ другихъ невѣрныхъ“ [6]). Впрочемъ оживленному обмѣну сношеній содѣйствовало еще одно обстоятельство: въ числѣ невѣрныхъ, наиболѣе интересовавшихъ папу, былъ, по остроумному замѣчанію Каро, жестокій врагъ его—Людовикъ Баварскій [7]). Мы не знаемъ въ точности результатовъ

---

[1]) *Каро*, II, 124.

[2]) Ib. 109.

[3]) Вопросъ о времени и обстоятельствахъ смерти послѣднихъ Даниловичей можно, кажется, считать рѣшеннымъ: *Řežabek*. Jiri II, poslední kniže veškeré Malé Rusi—*Časopis Mus.. Kral. Česk.* 1883 г., стр. 130.

[4]) Письмо у *Raynald*. Ad 1324, XV и *Карамзинъ* IV; пр. 275.

[5]) *Карамзинъ,* IV, 153, пр. 329.

[6]) *Theiner*. M. P. I, №№: 316, 334, 335, 338.

[7]) Надо думать, что неудача переговоровъ съ Гедиминомъ еще не была извѣстна папѣ: изъ Риги папскіе послы выѣхали лишь около 29-го мая 1325 г.»

сношенiй Локетка съ Римомъ. О нихъ можемъ лишь догадываться. Перечень враговъ, противъ которыхъ папа провозглашалъ крестовый походъ, не лишенъ интереса. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, папскiя грамоты посылались на усиленныя мольбы короля, то очевидно, для послѣдняго были страшны не одни татаре, ибо перечень враговъ былъ, разумѣется, продиктованъ папѣ Владиславомъ, а Людовика Баварскаго можно разумѣть лишь подъ „разными другими невѣрными". Кого же разумѣть подъ язычниками? Конечно, литовцевъ. Такъ думаетъ и Ржежабекъ [1]); но устраняя естественно возникающiе при этомъ вопросы предположенiемъ, что это были лишь небольшiе литовскiе отряды, оставшiеся послѣ ухода главнаго Гедиминова войска, онъ этимъ объясненiемъ предлагаетъ только мнимое успокоенiе назойливой пытливости изслѣдователя: удовлетвориться имъ нельзя. Думаемъ, что объясненiя всѣхъ этихъ темныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ слѣдуетъ искать въ отношенiяхъ Литвы къ Руси. Съ самаго начала княженiя Витеня дѣйствуютъ не одни литовцы, какъ прежде, а „литовцы и русскiе" [2]). Русскiй элементъ до такой степени усиливается, что литовскiе государи опираются на него по преимуществу. Указанiе и обоснованiе этихъ фактовъ составляетъ главнѣйшую заслугу труда В. Б. Антоновича. Къ сожалѣнiю, черезъ-чуръ увлекшись критикой извѣстiй о раннемъ завоеванiи Кiева, онъ удѣлилъ сравнительно слишкомъ мало мѣста отношенiямъ Гедимина къ Волыни [3]). Пробѣлъ замѣтилъ и въ значительной степени восполнилъ Н. П. Дашкевичъ [4]). Неясностей остается еще очень много, и врядъ ли можно надѣяться на полное ихъ устраненiе; общiй ходъ, однако, можетъ быть, кажется, представленъ и теперь.

Указанное Дашкевичемъ сообщенiе Равданской рукописи [5]) о томъ, что въ концѣ 1315 г. Гедиминъ находился въ походѣ противъ Русскихъ князей, кажется намъ особенно важнымъ. Съ 1311 г. начинается упорная борьба Витеня съ орденомъ; въ ней принимаетъ участiе и Юрiй I. Заставляетъ думать такъ, съ одной стороны, ука-

---

В. Г. Васильевскiй, Обращенiе Гедимина въ католичество. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, II.

[1]) *Časop.* 129 пр. 19.

[2]) *В. Б. Антоновичъ*. Очеркъ исторiи в. кн. Литовскаго. Монографiи. Кiевъ, 1885 г., стр. 40 слл.

[3]) Ib. 57.

[4]) Замѣтки, 44 слл.

[5]) Относится къ 1488 г.; см. о ней *Нарбутъ*, Dzieje I, 159.

заніе грамоты 1316 г. на то, что союзъ ордена съ Юріемъ существовалъ [1]), съ другой—возникшая затѣмъ борьба Гедимина съ Галицко-Волынскимъ княземъ [2]). Какія обстоятельства заставили Юрія примкнуть къ ордену, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, хотя и нѣтъ на нихъ прямыхъ указаній. Кривицкая и Полоцкая земли, безъ всякаго сомнѣнія, находились уже тогда въ рукахъ Литвы, когда именно была присоединена Минская область—не извѣстно, но вѣроятность ранняго присоединенія къ Литвѣ Подляшья ясно указывала Юрію на новаго весьма опаснаго врага. Собственно для князей Литва была опаснѣе татаръ ровно настолько, насколько власть ея была благодѣтельнѣе для народа. Едва ли не въ этой противоположности интересовъ и слѣдуетъ усматривать причину пораженія испытаннаго отъ литовцевъ, какъ Юріемъ I въ 1316 г., такъ и его преемниками, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда между рыцарями и литовцами было заключено временное перемиріе. Эту пріостановку военныхъ дѣйствій на нѣмецкой границѣ литовскихъ владѣній и имѣла въ виду Литовская лѣтопись, опредѣляя время похода Гедимина на князей южно-русскихъ [3]).

Несомнѣнно, передаваемыя ею подробности спутаны, вслѣдствіе желанія расширить по возможности предѣлы завоеваній Гедимина. Однако, догадка, что Льва уже въ 1320 г. не было въ живыхъ, опровергается убѣдительными доводами Ржежабка [4]): грамота Андрея торнскимъ купцамъ [5]) свидѣтельствуетъ лишь, что Андрей правилъ Владиміромъ отдѣльно отъ брата, которому остался Галичъ, а также, что въ виду угрожающей отъ Литвы опасности Владимірскій князь старался войдти въ тѣснѣйшій союзъ съ нѣмцами, но именно это и заставляло Гедимина дѣйствовать. Въ происшедшей затѣмъ борьбѣ гибнетъ сначала князь Владимірскій Андрей (1321 г.), а потомъ и Галицкій Левъ (1322 г.).

Обстоятельства 1322 г. были слишкомъ серьезны для того, чтобы Гедиминъ могъ окончательно устроиться на югѣ [6]). Грознымъ нашествіемъ рыцарей онъ былъ отозванъ на сѣверъ. Именно это обстоятельство, по нашему мнѣнію, дало возможность тата-

---

[1]) Грамота у Карамзина IV, пр. 268.

[2]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 58.

[3]) Быховецъ, 15 (Pomniki do dziejów litewskich *Narbutta*. Wilno. 1846).

[4]) *Časop.* 127, пр. 11.

[5]) Дополн. къ А. И. № 38.

[6]) *Даниловичъ*, Skarbiec, № 295.

рамъ предупредить литовцевъ въ Галичѣ, куда Усбекъ посылаетъ двухъ своихъ намѣстниковъ. Непосредственное сосѣдство татаръ очень обезпокоило Локетка, и мы видѣли его обращеніе въ Римъ за помощью. Каковы были результаты—не знаемъ; но знаемъ, что папскіе призывы къ крестовому походу продолжались до августа 1325 г., и что въ этомъ году произошелъ бракъ сына Локетка Казиміра съ дочерью Гедимина Анной и, по всей вѣроятности, именно въ этомъ же году на галицко-владимірскомъ столѣ утвердился Болеславъ-Юрій, Пястъ, родственникъ Даниловичей и ближайшій сосѣдъ литовцевъ [1]). Съ этого же года начинаются совмѣстныя предпріятія поляковъ и литовцевъ противъ бранденбуржцевъ, а затѣмъ и противъ ордена, приведшія къ пораженію рыцарей при Пловцахъ 1331 г.

Подъ этимъ же годомъ Длугошъ помѣщаетъ бракъ Юрія-Болеслава съ дочерью Гедимина [2]), а Ржежабекъ относитъ сюда же и бракъ Любарта съ дочерью Андрея, при чемъ, по его мнѣнію, былъ сдѣланъ уговоръ относительно будущаго наслѣдства въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ, которое должно было перейдти къ Любарту [3]). Мы видимъ такимъ образомъ, что завязавшіяся сношенія не прекратились, что они — на сколько можно проникнуть окутывающій ихъ мракъ, развивались совершенно естественно. Не трудно сказать, къ чему могли привести они при дальнѣйшемъ развитіи: Литвѣ открывалась возможность расширенія границъ до естественныхъ этнографическихъ предѣловъ русскаго племени на западѣ; Польша, въ союзѣ съ Литвой, развѣ не могла надѣяться возвратить отнятое достояніе, окрѣпнуть на своемъ природномъ корнѣ?

Не важны были результаты побѣды при Пловцахъ, но развѣ можно требовать мгновенной передѣлки того, что̀ создавалось вѣками? Важно было то, что Польша побѣдила. Лишь съ того времени, говоритъ Длугошъ,—почувствовали рыцари, что они ведутъ войну съ Польшей; прежде они презирали польскія войска и никогда не допускали для себя возможности быть побѣжденными [4]), за первымъ ударомъ тевтонизму могли бы послѣдовать другіе, ибо и для Литвы борьба съ нѣмцами составляла жизненный интересъ. Къ такимъ

---

[1]) Первая его грамота имѣла бы въ такомъ случаѣ характеръ извѣщенія рыцарей о вступленіи его на престолъ, чему весьма соотвѣтствуетъ ея содержаніе.

[2]) Длугошъ, IX, 155.

[3]) *Časop.*, 211, пр. 81.

[4]) Длугошъ, подъ 1331, IX, 152.

естественнымъ комбинаціямъ, къ такимъ плодотворнымъ результатамъ приводили Локетка его славянскій умъ и чувство. Одна цѣль— коронація — была уже достигнута, къ достиженію другой былъ имъ указанъ прямой путь. Но не даромъ польско-славянскій богатырь умиралъ съ такими тяжелыми предчувствіями; не даромъ возлагалъ онъ болѣе надеждъ на своихъ сподвижниковъ, чѣмъ на своего наслѣдника. Конечно, нельзя было ожидать, что Казиміръ, постыдно бѣжавшій съ поля битвы подъ Пловцами и первый распространившій среди народа вѣсть о полномъ пораженіи, но въ то же время успѣвшій прославиться любовными похожденіями при иностранныхъ дворахъ, пойдетъ по слѣдамъ отца. И онъ дѣйствительно не пошелъ. Своими вкусами, понятіями и идеалами онъ принадлежалъ всецѣло чужбинѣ. Заклятые враги отца становятся друзьями сына. Казиміръ не только не сдерживалъ колонизаціоннаго напора нѣмцевъ, что̀, послѣ Локетка, было легче [1]), но даже покровительствовалъ ихъ переселенію [2]). Правда, онъ подчинилъ ихъ государству, учредивъ верховный судъ въ Краковѣ, но это вытекало не изъ сознательнаго стремленія оберечь національные интересы, а какъ и другія важныя внутреннія реформы, изъ подражанія мадьярскому Анжуйцу, на что̀ указываетъ благоговѣющій передъ памятью Казиміра польскій историкъ [3]). Время Казиміра отмѣчено множествомъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о чрезмѣрныхъ успѣхахъ иноземнаго вліянія: пожалованіе нѣмецкаго права городамъ и селамъ поражаетъ при Казимірѣ своимъ громаднымъ количествомъ. На самого короля анжуйское вліяніе оказало такое же дѣйствіе, какое потомъ италіанское вліяніе Боны оказало на послѣдняго Ягайловича. Это отмѣчаютъ и поляки [4]). Удивительно ли, что нѣмецкіе историки Польши прославляютъ Казиміра? „Ни въ чемъ исторія не была столь справедлива, какъ въ томъ, что она назвала Казиміра Великимъ", вос-

[1]) Die Colonisation in den Zeiten Wladislaws Lokieteks nicht eben grosse Fortschritte machte. *Röpell*, Ub. d. Verbr., 249.

[2]) So war er auch darauf bedacht die deutschen Ansiedler als die tüchtigsten Ackerbauer und thätigsten Handwerker und Kaufleute in seinen alten Gebieten zu vermehren; ib., 251; а Губе говоритъ: liczne po Kazimierzu dochowane akta uczą nas, że jednem z najwięcej zajmujących go zajęć przez cały ciąg jego panowania było zakładanie nowych osad wiejskich... zwyczajnie na prawie niemieckiem Pr. p. w XIV w., 7.

[3]) *Шуйскій*, Opowiad., 24.

[4]) Ib., 30—31.

клицаетъ Каро [1]). Другой нѣмецкій историкъ Польши говоритъ о царствованіи Казиміра слѣдующее: „Немедленно по своемъ вступленіи на престолъ, Казиміръ обнаружилъ вѣрное пониманіе положенія, нуждъ и задачъ своего государства... Договорами въ Тренчинѣ (1335 г.) и Калишѣ (1343 г.) онъ не только обезпечилъ его ядру, Великой и Малой Польшѣ, внутренній миръ, въ которомъ оно такъ нуждалось, но и безпрепятственное сношеніе съ западомъ, необходимое для дальнѣйшихъ шаговъ къ высшей цивилизаціи, и затѣмъ указалъ возстановившей свои силы націи тотъ путь на востокъ, который проложилъ туда его соименный предшественникъ Казиміръ Справедливый" [2]).

Польскимъ историкамъ царствованіе Казиміра даетъ основаніе называть первую половину XIV вѣка „вѣкомъ Казиміра" [3]), съ гордостью заявлять, что благодаря ему, „Европа подвинулась на двѣсти миль къ востоку" [4]). Въ этомъ, конечно, и заключается причина трогательнаго единогласія польскихъ и нѣмецкихъ отзывовъ о личности и дѣятельности послѣдняго Пяста. Но явно насильственная связь послѣдующихъ выигрышей и пріобрѣтеній съ дѣятельностью Казиміра [5]) и то чувство смущенія и досады, какое вызываетъ въ Шуйскомъ хвалебный отзывъ Каро [6]) ручаются за то, что указанные взгляды на Казиміра не могутъ удержаться, хотя, вѣроятно, еще долго придется ждать въ польской исторіографіи столь же справедливой оцѣнки его дѣятельности, какую находимъ у Малецкаго въ оцѣнкѣ движенія Болеслава Храбраго на Русь [7]). Крайности патріотической польской точки зрѣнія (особенно у Смольки) слишкомъ очевидны, и фактически гораздо вѣрнѣе оцѣнка нѣмецкихъ историковъ, Репеля

---

[1]) G. P. II, 362.

[2]) *Röpell*, Ueb. d. Verbr., 250. Что касается пути, якобы проложеннаго Казиміромъ Справедливымъ на востокъ, то объ этомъ странномъ недоразумѣніи скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

[3]) *Шайноха*. Сочиненія, т. 1-й.

[4]) *Шуйскій*, Opowiad., 22.

[5]) Оправдывая отношенія Казиміра къ мадьярскимъ Анжуйцамъ, Шуйскій говоритъ: „Если дѣло касалось будущаго возмездія нѣмцамъ, то совершить его могло лишь сильное государство. И нельзя забывать, что, каково бы ни было правленіе Людовика, оно вело къ правленію Ядвиги, Ядвига къ соединенію съ Литвой, соединеніе съ Литвой къ Грюнвальду" (ib. 20). Чего нельзя оправдать такого рода разсужденіями! См. также у *Смольки*, Rok 1386: „анжуйскіе образцы" и „политическій горизонтъ Казиміра".

[6]) „Gdy chwali nas prawie ganić bierze ochota".

[7]) *А. Малецкій*, Rozgląd w dziejach, *Przew*. l. i n. 1875.

и Каро. Если бы патріотическая страстность не затемняла взглядовъ польскихъ историковъ, они бы увидѣли въ Казимірѣ представителя славянскаго государства, который долженъ былъ продолжать борьбу съ германизмомъ. Вмѣсто этого, всѣ силы націи обращены были совершенно въ другую сторону, на достиженіе совсѣмъ иныхъ цѣлей. Потому-то борьба за Русь при Казимірѣ была личнымъ его дѣломъ, и прошло не мало времени, пока дѣйствительно силы націи туда обратились. На неправду рѣшиться трудно, и мы думаемъ, что врядъ ли Казиміръ склонилъ бы къ этому свой народъ, еслибы не помогла ему та сила, которая ничѣмъ не стѣснялась для вящей славы Божіей, и тѣ элементы, съ которыми такъ упорно, отчаянно боролся его великій отецъ. Жизнь и подвиги его ничего не говорили ни сердцу, ни уму сына; на отца онъ не походилъ ни въ чемъ. „Ихъ надгробные памятники и понынѣ какъ бы олицетворяютъ характеры ихъ царствованій, представляя разительный контрастъ другъ съ другомъ: одинъ—бѣдный, полинявшій, другой—богатый, устроенный артистическою рукой иноземныхъ мастеровъ. По лицу Локетокъ—польскій хлопъ, лишь съ короной на головѣ и въ царской мантіи; но не видно народныхъ чертъ въ лицѣ Казиміра, обрамленномъ завитками по иноземной модѣ; отецъ былъ еще насквозь сынъ своего народа, чувствовалъ и думалъ, любилъ и ненавидѣлъ какъ народъ, надъ которымъ царствовалъ; сынъ всталъ уже высоко надъ народнымъ уровнемъ“ [1]). Послѣднія слова въ нашемъ разумѣніи—вовсе не похвала. Для насъ несомнѣнно одно: только благодаря этому Казиміръ могъ двинуть Польшу на тотъ путь, на которомъ она нашла свою печальную гибель. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что въ дѣйствіяхъ Польши на почвѣ перваго пріобрѣтенія Казиміра заключаются сѣмена всѣхъ будущихъ ея бѣдствій [2]).

---

[1]) *С. Смолька*, Rok 1386, 60.

[2]) Предвидимъ упрекъ въ недостаточной обоснованности нашего взгляда на личность Казиміра; онъ слишкомъ расходится съ общеутвердившимся. Но мы пишемъ не исторію Казиміра. Громаднаго значенія его дѣятельности для внутренней жизни Польши (сжатый, но весьма дѣльный очеркъ ея у *Hube*, Pr. p. w XIV w., часть 1) мы вовсе не отвергаемъ; мы указываемъ лишь одну сторону, которая кажется намъ особенно важною и которая въ занимающихъ насъ отношеніяхъ выступаетъ особенно ярко. Ниже мы увидимъ, какихъ ужасныхъ усилій стоила Казиміру борьба съ Литвой-Русью. По взглядамъ польскихъ историковъ, онъ добивался береговъ Чернаго моря, а между тѣмъ не задумался пожертвовать естественнымъ выходомъ Польши къ морю по Калишскому миру.

Перейдемъ теперь къ Литвѣ. Коротокъ и прямъ путь, приведшій Литовцевъ на галицко-владимірскую почву; отчасти мы его уже намѣтили выше. Древнѣйшія отношенія Литвы и Руси темны. Намъ не извѣстна даже дата перваго утвержденія литовскаго господства на русской почвѣ. Потому ли, что русскія земли Полоцкаго, Туровскаго и Смоленскаго княжествъ были въ половинѣ XIII вѣка на столько слабы, что не привлекали къ себѣ рѣшительно никакого вниманія лѣтописцевъ [1]), или быть можетъ, потому, что для русскихъ такое утвержденіе не представляло существенной перемѣны, что сближеніе верхнелитвиновъ и бѣлоруссовъ, начавшееся въ незапамятныя времена, совершенно уничтожало рѣзкія проявленія борьбы [2]), возникавшей лишь при обстоятельствахъ исключительныхъ и не надолго,—какъ бы ни было, фактъ тотъ, что Литовцы въ лицѣ новой своей династіи сознали собственное безсиліе и необходимость обратиться къ другому народу, а такимъ народомъ, по естественному историческому ходу, могъ быть лишь народъ русскій [3]). При Гедиминѣ объединеніе западнорусскихъ земель подъ литовскимъ владычествомъ составляетъ вполнѣ сознательную задачу литовской политики, тѣмъ болѣе легкую, что она находитъ прямую поддержку со стороны русскаго народа, а Ольгердъ формулируетъ ее передъ рыцарями уже съ полной опредѣленностью, сообщая имъ условія принятія христіанства [4]). Еслибы поэтому о господствѣ Любарта въ Галичѣ по смерти послѣдняго князя Юрія-Болеслава ничего не говорили ни Янъ [5]), ни Длугошъ [6]), менѣе другихъ имѣвшій основаніе приводить подобное показаніе,

---

[1]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 18—23.

[2]) *М. О. Кояловичъ*, Чтенія по исторіи З. Р. С.-Пб. 1884, стр. 90.

[3]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 35.

[4]) Однимъ изъ этихъ условій, по сообщенію хроники Германа де-Вартберге (Ss. rr. pr. II, 79), было: quod Ordo locaretur ad solitudines inter Tartaros et Rutenos ad defendendum eos ab impugnatione Tartarorum et quod nihil iuris Ordo sibi reservaret apud Rutenos, sed *omnis Russia ad Litwinos deberet simpliciter pertinere*. *С. Смолька*, Kiejstut i Jagiełło. Краковъ. 1888, стр. 26; см. также *К. Стадницкій*, Olgerd i Kiejstut, Львовъ. 1870, стр. 114 слл.

[5]) Boleslao... per toxicum interempto Lubardus filius Gedimini... eundem ducatum Russiae possidebat. M. P. H, II, 629.

[6]) Lubardus matrimonium filiae unicae ducis Wladimiriensis sortitus, cum qua illi ducatus *Leopoliensis* et Wladimiriensis obveniebant. Длугошъ подъ 1382, X, 404. У Писторія (Corp. hist. pol. III, 166) въ генеалогической таблицѣ Литовскихъ князей при имени Любарта сказано: Lubardus a patre nihil acceperat, sed ex uxore dux erat Leopoliensis et Vuladimiriensis. Uxor filia et heres ducis Leopoliensis et Vuladimiriensis.

такъ соотвѣтственно обстоятельствамъ (ибо Гедиминъ умеръ какъ разъ около 1341 года разъясненное Ржежабкомъ) [1]), то по естественному ходу событій слѣдовало бы признать, что Любартъ имѣлъ полное основаніе смотрѣть на себя, какъ на законнаго преемника погибшаго во Владимірѣ князя [2]). Если затѣмъ исторія представляетъ намъ продолжительную и въ высшей степени упорную борьбу Польши и Литвы за галицко-владимірское наслѣдіе, требовавшую крайняго напряженія силъ съ обѣихъ сторонъ, то очевидно, ужь никакъ не приходится объяснять ее лишь жадностью къ захватамъ со стороны Любарта. Вмѣшательство Польши совершенно нарушало естественный ходъ историческаго развитія литовскаго могущества и давало полное основаніе для всемѣрнаго его отпора со стороны Литвы-Руси. Вотъ объясненіе русско-польской борьбы, начавшейся съ 1340 года.

Въ февралѣ этого же года на Польшу сдѣлали грозный набѣгъ татары [3]), тоже принимающіе участіе въ занимающихъ насъ событіяхъ. Объ отношеніяхъ Галицкой Руси къ татарамъ при преемникахъ Даніила, утвердилось мнѣніе, что она была вполнѣ отъ нихъ независима. На основаніи грамотъ Галицкихъ князей 1316 и 1327 гг. галицкіе историки утверждаютъ, что „татары не только не имѣли никакой власти, ниже вліянія на Галицко-Владимірское государство, но напротивъ, галицкіе государи были необоримымъ щитомъ отъ татаръ для западныхъ народовъ“ [4]). Но такое утвержденіе, едва ли не вытекающее, главнымъ образомъ, изъ мѣстнаго патріотизма галицкихъ историковъ (хотя, впрочемъ, оно принимается и Ржежабкомъ [5]), приводитъ ихъ же къ предположенію о совершенно случайномъ возобновленіи татарской власти [6]), врядъ ли выдерживающемъ критику.

---

[1]) *Časop.* 207, 209 и пр. 81.

[2]) См. выше изложеніе событій 1331 г.

[3]) Anno dni 1340 die XX Febr. cum Tartari intrassent regnum Polonie et ob hoc rex et totum regnum Hungarie turbaretur Theiner M. H. 1, № 957. Прибавленное къ этому сообщенію замѣчаніе сборщика папскихъ денегъ въ Венгріи: commutavi subito pecunias, quas tunc habebam, рѣшительно исключаетъ всякія сомнѣнія на счетъ точности сообщенія. Обращаемъ на это вниманіе въ виду послѣдующихъ событій 1340 г.

[4]) *Зубрицкій*, Исторія III, 269.

[5]) Předchůdci Iiřiho II... z potupného poddanstvi tatarského docela se vybavili. *Časop.*, 212.

[6]) „По смерти Юрія II *пригадалъ собѣ* (!) ханъ кинчацкій Усбекъ, що его предкамъ князи галицкіи послушали“. *И. Шараневичъ*, Исторія, 150.

Мы должны, въ виду этого, остановиться на отношеніи Галицко-Владимірской Руси къ татарамъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе являются, какъ сказано, участниками занимающей насъ борьбы.

Въ концѣ 1245 г. [1]) Даніилъ отправился въ орду и сталъ такимъ образомъ „ханскимъ холопомъ" на ряду съ остальными русскими князьями, но его отношенія къ Куремсѣ [3]) доказываютъ, что тягость татарскаго ига была въ Галичѣ первое время весьма незначительна, вовсе не мѣшая Даніилу заботиться не только о благосостояніи и процвѣтаніи страны, но даже позволяя мечтать о сверженіи ненавистнаго ига. Попытки папы поднять крестовое ополченіе противъ татаръ [3]) могли въ началѣ поддерживать подобныя мечты, а обстоятельство, что, потерявъ надежду на западъ, Даніилъ рѣшился выступить противъ татаръ съ однѣми собственными силами, доказываетъ, что тяжесть ига была вовсе не такъ велика. Попытка оказалась напрасною. Когда на мѣстѣ Куремсы сталъ „безбожный, злый" Бурундай, отношенія измѣнились. Передъ Бурундаемъ, какъ нѣкогда передъ Батыемъ, Даніилъ бѣжалъ въ Венгрію [4]). Настало иго, а явнымъ о немъ свидѣтельствомъ явились разметанные, по татарскому наказу, города. Своекорыстно-мелкая политика послѣднихъ Даниловичей значительно усилила власть татаръ.

Въ 1274 г. Левъ Даниловичъ просилъ у нихъ помощи противъ Литвы. Ханъ послалъ ему многочисленную рать, состоявшую изъ татарскихъ и русскихъ войскъ: „тогда бо бяху вси князи въ волѣ татарской" [5]). Въ 1276 г. произошло примиреніе съ литовцами, но татары, очевидно, внимательно слѣдили за отношеніями Галицкихъ князей, и въ 1277 г. „окаянный и беззаконный" Ногай обратился къ тому же Льву съ такою рѣчью: „всегда ми жалуете на Литву, осе же вы далъ есмь рать и воеводу... поидете же съ ними на ворогы своѣ" [6]),—слова, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что Даниловичи находились въ зависимости, которую въ значительной степени усиливали сами. Это особенно ярко обнаружилось въ отношеніяхъ Льва къ Польшѣ. По смерти Болеслава Стыдливаго (1279 г.), Левъ пожелалъ „части въ землѣ Лядской" и обратился къ Ногаю за помощью. Въ предпріятіи

---

[1]) *Дашкевичъ*, Княженіе Даніила Галицкаго, 136 пр. 2.

[2]) Ип. л., 560.

[3]) *Дашкевичъ* Княженіе Д. Г. 140 пр. 2.

[4]) Ип. л., 562.

[5]) Ib., 575.

[6]) Ib., 578.

должны были принять участіе и другіе князья—Мстиславъ съ сыномъ Даниломъ и Владиміръ, хотя и противъ воли. Радостно выступилъ Левъ „съ силою великою и гордостью великой" въ 1280 г., но „Богъ учинилъ надъ нимъ волю свою": погибло много русскихъ бояръ и добрыхъ слугъ, потерпѣли уронъ и татары [1]). Вѣроятно, на обратномъ пути они постарались вознаградить себя грабежемъ Галицкой земли, а подъ 1283 г. лѣтопись сообщаетъ о страшномъ разореніи, какое испытали русскія земли отъ татаръ: Телебуга уже „велитъ" князьямъ Волынскимъ „идти съ собою" наравнѣ съ заднѣпровскими князьями; въ результатѣ—совершенное опустошеніе земель Владимірской и Львовской. По смерти послѣднихъ Даниловичей, Усбекъ, какъ мы видѣли, присылаетъ въ Русь двухъ своихъ намѣстниковъ; галичанамъ пришлось для избавленія отъ нихъ прибѣгнуть къ яду. Затѣмъ встрѣчаемъ свидѣтельство, что и Юрій Болеславъ сѣлъ на галицкомъ столѣ не безъ согласія хана [2]).

Подъ конецъ своего правленія онъ соединяется съ татарами для общихъ предпріятій противъ Польши [3]). Ближайшихъ и точныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ его къ татарамъ мы не имѣемъ, но, судя по тому, что, какъ выше упомянуто, въ 1340 г. татары сдѣлали грозный набѣгъ на Польшу еще при его жизни, можно думать, что дорога туда была для нихъ совершенно свободна, что, слѣдовательно, Галичъ находился подъ ихъ властью. Подъ тѣмъ же годомъ находимъ свѣдѣнія о сношеніяхъ Бенедикта XII съ Усбекомъ, обмѣнявшимся съ папой посольствами и изъявившимъ согласіе на распространеніе христіанства въ его владѣніяхъ. Въ своемъ посланіи къ Усбеку папа старается удержать его отъ набѣговъ на владѣнія королей Польскаго и Угорскаго, пограничныхъ съ владѣніями хана [4]). Такимъ образомъ относительно конца XIII вѣка и послѣдняго года царствованія Усбека мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства о татарской власти въ Галицкой землѣ. Остается подъ сомнѣ-

[1]) Ib., 582.

[2]) Imperator Tartarorum procuravit eis christianum latinum. *Карамз.* IV, пр. 329.

[3]) Anno dni 1337 Tartari cum Ruthenis castrum Lublyn vallaverunt. Лѣтоп. св. Креста М. Р. Н. III, 78.

[4]) Et insuper cum, sicut intelleximus inter tuos ac... Hungariae et Poloniae regum officiales et subditos *in confiniis* imperii tui et regnorum regum praedictorum quandoque suscitari contingat dissensiones et guerras, ex quibus strages hominum, lapsus rerum... *Theiner* M. H. I, № 960.

ніемъ лишь начало XIV вѣка. Сомнѣніе это, какъ сказано, возбуждаютъ грамоты Галицкихъ князей 1316 и 1327 гг., въ которыхъ они обѣщаютъ ордену защиту противъ татаръ [1]). Единственные документы дипломатическаго языка, относительно вопроса, который въ самихъ грамотахъ можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, а по своей важности, былъ бы непремѣнно замѣченъ русскими и врядъ ли пропалъ бы безслѣдно въ лѣтописяхъ, при полномъ отсутствіи какихъ бы ни было другихъ свѣдѣній о весьма небольшомъ промежуткѣ времени княженія послѣднихъ Даниловичей,—врядъ ли могутъ служить основаніемъ для столь рѣшительнаго утвержденія, какое мы видѣли въ мнѣніяхъ объ этомъ Зубрицкаго, Шараневича и Ржежабка. Если въ дипломатическихъ документахъ нашего времени мы считаемъ нужнымъ обращать вниманіе не только на буквальный смыслъ, но и на вызвавшія и сопутствовавшія ихъ изданію обстоятельства, то было бы несправедливо въ подобныхъ же документахъ прошлаго времени оставлять послѣднія безъ всякаго вниманія. Такими именно обстоятельствами являются тогдашнія дѣла на литовско-русскомъ пограничьи, о которыхъ мы упоминали выше. Особенно важнымъ кажется намъ въ данномъ случаѣ, что грамота 1316 г. совпадаетъ съ временемъ дѣйствій Гедимина противъ южно-русскихъ князей; главная сила ея поэтому заключается ужь никакъ не въ татарскихъ отношеніяхъ. Мы знаемъ, что вообще татары не вмѣшивались въ дѣла подвластныхъ имъ земель. Галичъ все время находился въ болѣе благопріятномъ къ нимъ отношеніи, чѣмъ сѣверная Русь: въ немъ не слышимъ ничего ни о переписи, ни о баскакахъ, ни объ откупщикахъ дани.

Въ житіи митрополита Петра Волынская земля названа „преимуща всякимъ обильствомъ и славою"; но изъ всего этого слѣдуетъ только то, что она находилась въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ къ татарамъ, чѣмъ Русь сѣверная, не больше. Тѣ, которые объ „обильствѣ" имѣли нѣсколько другое понятіе, смотрѣли на одно сосѣдство съ татарами совсѣмъ иначе, и не слѣдуетъ игнорировать этихъ показаній, если даже и не считать ихъ буквально точными [2]).

---

[1]) Ceterum terras vestras fideliter premunire curabimus pro tartaris dummodo nobis constiterit et ab hostili qualibet invasione. Грамоты Андрея и Льва у Карамзина, IV, пр. 268, Юрія II у *Ржежабка* и *Voigt*, Cod. d. pr. II.

[2]) Cum itaque sicut ex parte vestra fuit nobis expositum vos et alii ecclesie romane fideles a scizmaticis, Tartaris et paganis... impugnationes depopulationes,

Съ другой стороны, совершенно естественно, что съ половины XIV вѣка о татарахъ упоминается гораздо чаще. Вопервыхъ, при ихъ участіи происходила ожесточенная борьба, живо интересовавшая не только Польшу, но и Римъ; вовторыхъ, вслѣдствіе ослабленія Золотой орды, отъ нея отложилась орда Подольская [1]). Какъ это, такъ и физическія бѣдствія—голодъ, зараза, свирѣпствовавшая какъ разъ въ это время, о чемъ упоминаетъ Витодуранъ, должны были привести татаръ въ движеніе и сдѣлать сосѣдство съ ними тягостнѣе.

Въ первомъ договорѣ Казиміра съ Литовскими князьями обѣимъ сторонамъ приходится имѣть въ виду татаръ [2]); черезъ три года послѣ этого Казиміръ былъ вынужденъ признать себя данникомъ хана [3]). Короткое время самостоятельности Подольской орды должно было непремѣнно привести къ такимъ результатамъ, но не видно, чтобъ они представляли нѣчто новое; они являются лишь нѣкоторымъ усиленіемъ стараго порядка [4]).

Вотъ почему мнѣніе о полной независимости послѣднихъ Даниловичей отъ татаръ мы рѣшаемся признать несостоятельнымъ.

Мы не знаемъ ближайшихъ причинъ татарскаго набѣга на Польшу въ февралѣ 1340 г., но если, что̀ всего вѣроятнѣе, это былъ просто грабительскій набѣгъ, то несомнѣнно, татары не щадили Русской земли, которая, по ихъ удаленіи, должна была представлять печальную картину разореннаго края, гдѣ некому было возстановить порядокъ, ибо еще въ мартѣ погибъ Юрій-Болеславъ, и легко себѣ

---

captivitates, servitutes et carceres et alias diversorum generum penas et cruciatus multiplices patiamini, quibus nec obviare potestis, nec resistere per vos ipsos. *Theiner*, M. P. I, № 316.

[1]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 125.

[2]) При чемъ прямо сказано: „аже поидутъ Татарове на Ляхы, тогда Руси *неволя поити* и съ Татары“ А. З. Р. I; № 1.

[3]) Упрекая за это Казиміра, Иннокентій VI пишетъ: quodque iam pro certa parte terre Ruthenorum scizmaticorum, quam tibi cum christianorum effusione sanguinis vendicasti, eorundem Tartarorum Regi in non modici annui census prestatione tributarium te fecisti. *Theiner*, M. P. I, № 776.

[4]) Анон. Леоб: Rex Tartarorum hoc audiens (о набѣгѣ Казиміра 1340 г.) regnum asserit esse suum, tamquam sibi et suis progenitoribus censuale. *Стадницкій*. Synowie, II, 12 пр. 27. Такіе же именно резоны приводятъ у Длугоша (подъ 1344, IX, 213) галичане, обратившись къ татарамъ за помощью. Въ письмѣ къ епископу Краковскому 29-го іюня 1341 г. папа говоритъ: cui (хану) gens ipsa (русскіе) tributaria dinoscitur. *Theiner*, M. P. I, № 566; въ другомъ документѣ 1351 г.: Tartari, qui Ruthenis dominabantur eisdem. ib. № 702.

представить положенiе страны, внутреннiя дѣла которой, благодаря правленiю послѣдняго князя, находились въ состоянiи крайняго напряженiя, испытавшей опустошительный набѣгъ и, наконецъ, оставшейся безъ всякой верховной власти.

Казимiру, при его настроенiи, мудрено было не воспользоваться такимъ случаемъ, и онъ двинулся на Русь. Завладѣть ею стало съ этого времени его завѣтною цѣлью.

Это движенiе Польши на Русь, представляющее поворотный моментъ въ исторiи обѣихъ, въ началѣ вовсе не заключало въ себѣ признаковъ будущаго своего значенiя, свидѣтельствуя лишь о крайнемъ истощенiи силъ польскаго организма. Первое предпрiятiе Казимiра было, какъ увидимъ, неудачно. Дальнѣйшая борьба требовала съ его стороны чрезмѣрныхъ жертвъ, и все-таки, можно думать, будь Казимiръ предоставленъ однѣмъ собственнымъ силамъ, врядъ ли удалось бы ему достигнуть цѣли [1]. Не забудемъ, что только случайность—бракъ Ягайла съ Ядвигой—окончательно закрѣпила за Польшею Галицкую Русь, открывъ вмѣстѣ съ этимъ совершенно новые для Польши горизонты. Лишь съ этого момента однообразно-печальная картина ея исторiи оживляется богатствомъ содержанiя и разнообразiемъ фактовъ, получающихъ особенно оригинальную окраску отъ постояннаго взаимодѣйствiя элементовъ, объединенныхъ новою династiей—польскаго, литовскаго и русскаго. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно время Казимiра должно считать тѣмъ фундаментомъ, на которомъ исторiя строила потомъ свое зданiе. Если Польша двинулась на Русь „за хлѣбомъ насущнымъ,“ чего не отвергаютъ польскiе ученые [2], то дѣйствительно въ Русской землѣ она нашла обильные его запасы. Благодаря имъ, она не только поддержала и оживила свои истощенныя силы, но прiобрѣла славу. Очевидность этого дѣлаетъ излишнимъ фактическiя доказательства.

Отмѣтимъ лишь одну сторону, представляющую особенно яркое подтвержденiе глубокаго влiянiя, какое оказало на Польшу начавшееся съ тѣхъ поръ русское воздѣйствiе: оно отразилось на польскомъ языкѣ, удержавъ его въ формахъ славянскихъ, смѣшавъ его съ братскимъ, не обезображеннымъ западнымъ влiянiемъ языкомъ рус-

---

[1]) 1343 г. Климентъ VI пишетъ Казимiру: et pro honore S-te Romane ecclesie in ipsis partibus defendendo multa subieris hactenus et subire te oporteat onera, expensarum, ad que suportanda, nequis sufficere per te ipsum *Theiner*, M. P. I, № 605.

[2]) *С. Смолька*, Rok 1386, 76.

скимъ [1]). „Въ старину", говоритъ Бобжинскій [2]),—„умѣли поляки вести войны, производить наѣзды, опустошать, теперь (то-есть, со времени Казиміра) научились прочно присоединять къ себѣ пріобрѣтенія". Въ какой степени прочно—показываетъ исторія взаимныхъ отношеній Польши и Литвы-Руси, и нельзя не замѣтить, что крайнее напряженіе силъ начинателя, неразборчивость въ средствахъ для достиженія цѣли и тѣснѣйшій союзъ съ куріей представляются поистинѣ знаменательными, не предвѣщая съ самаго начала ничего хорошаго.

---

[1]) Это говоритъ Крашевскій, но и знатокъ старопольской письменности Пржиборовскій не отвергаетъ русскаго вліянія. *В. Макушевъ*. Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность. Славянск. Сборн. III, С.-Пб. 1876.

[2]) Dzieje P., I, 208, но ср. *Каро* III: 67 слл.

II.

Очеркъ военныхъ дѣйствій 1340—1387 годовъ.

Братья и дружино! Богъ всегда Рускыя землѣ и Рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть; на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть...
Ип. л. 310.

1340 годъ.

1340 г. марта 25-го погибъ во Владимірѣ [1]) Юрій-Болеславъ, отравленный столь сильнымъ ядомъ, что трупъ его разлетѣлся на части [2]). Галицко-Владимірское княженіе вторично осиротѣло.

И вотъ повторяется, по видимому, почти то же, что̀ происходило въ 1324 г., по прекращеніи рода прямыхъ потомковъ Даніила, повторяется, по крайней мѣрѣ, начало тогдашнихъ событій. Казиміръ пишетъ молительное письмо Бенедикту XII, содержаніе котораго подробно сообщаетъ папа въ отвѣтѣ, данномъ въ Авиньонѣ 1-го августа 1340 г. [3]). На первый планъ выдвигается здѣсь гроза татар-

[1]) М. Р. Н., III, 284.

[2]) Ioh. Vitodurani Chronik, Eccardus, Corp. hist. med. aevi. I, стр. 1862. Къ яду галичане прибѣгаютъ съ 1322 г. уже второй разъ см. выше, стр. 50. О нравственномъ состояніи Львова того времени Зимоловичъ говоритъ: „Львовъ татаръ, сарацинъ и евреевъ, опоганенный ихъ безобразными ересями, кощунствами и гнусными обычаями, былъ полонъ колдуновъ, чаровницъ, ворожей и всякаго другаго безстыдства“, у *К. Стадницкаго* Synowie, II, 12, пр. Владиміръ былъ въ тѣсныхъ связяхъ со Львовомъ торговыхъ и административныхъ.

[3]) *Theiner*. M. H., I, № 958.

скаго нашествія, на этотъ разъ не какъ вѣроятная возможность, а какъ ожидаемая со дня на день неизбѣжность [1]), затѣмъ вѣрность Польши папскому престолу. Только эти два мотива приводитъ Казиміръ, прося у папы помощи. Для Бенедикта ихъ оказалось вполнѣ достаточно. Онъ горячо откликается на просьбу Казиміра и немедленно предписываетъ епископамъ Гнѣзненскому, Краковскому и Вроцлавскому проповѣдывать крестовый походъ, какъ и въ 1324 г., не только противъ татаръ, но и противъ другихъ невѣрныхъ [2]).

Оправдались ли опасенія Казиміра, основанныя на „достовѣрныхъ сообщеніяхъ"? Прямаго отвѣта, то-есть, извѣстія о татарскомъ набѣгѣ, не обусловленномъ дѣйствіями самого Казиміра, не находимъ въ документахъ, но кажется, напрасно и искать его. Ближайшій по времени документъ папской канцеляріи, относящійся къ занимающимъ насъ дѣламъ, можетъ разсѣять всякія на этотъ счетъ недоумѣнія. Имѣемъ въ виду письмо Бенедикта XII къ Краковскому епископу отъ 29-го іюня 1341 г. [3]). Лишь только, говоритъ папа,— русскіе схизматики нечестиво извели ядомъ родственника короля, сына правовѣрныхъ родителей—князя Болеслава, вмѣстѣ съ нѣкоторыми его приближенными, король, ужаснувшись подобнаго злодѣянія и горя желаніемъ отмстить обиду, причиненную христіанской вѣрѣ, двинулся на Русь и нанесъ русскимъ не мало трововъ. Тутъ прерывается у Тейнера повѣствованіе папы, заимствуемое, очевидно, изъ сообщенія Казиміра. Далѣе говорится объ обращеніи русскаго воеводы къ Усбеку за помощью, о полученіи отъ него таковой, о затруднительномъ положеніи Казиміра, въ виду превосходящихъ силъ противниковъ, для борьбы съ которыми потребна была помощь сосѣднихъ государей, Казиміромъ, однако, не полученная, и наконецъ о мирномъ договорѣ короля съ помянутымъ воеводой на подходящихъ для послѣдняго условіяхъ, хотя и съ признаніемъ нѣкото-

---

[1]) Ib.: ad tuum—пишетъ папа Казиміру—fidedigna relatione pervenit auditum, quod dicti Tartari hujusmodi conceptus iniquos (плановъ нападенія) continere sub clave silentii nequeuntes, pretensis occasionibus frivolis, publice comminantur, quod ipsi ad invasionem et destructionem regni prefati (Польши) et desolationem fidelium habitantium in eodem et religionem catholicam inibi profanandam, conflatis potentie sue viribus infra breve tempus hostiliter properabunt.

[2]) Quoscunque alios infideles, volentes ac presumentes invadere te et dictum regnum polonie, ib. № 959.

[3]) *Theiner*. M. P., I, № 566.

рой зависимости отъ Польскаго короля. Казимiръ клятвенно поручился въ соблюденiи договора, и вотъ эта-то клятва до такой степени яко бы обременяла его совѣсть, что онъ рѣшился искать облегченiя въ Римѣ. Папа благосклонно отнесся къ просьбѣ, поручивъ Краковскому епископу наложить за „безумную клятву спасительную эпитимiю“. Кажется, не нужно обладать особенною дальновидностью, чтобы во второмъ письмѣ 1341 года видѣть неожиданную развязку событiй, которыя имѣетъ въ виду первое, 1340 г. Причиной обращенiя Казимiра къ папѣ былъ страхъ предъ татарскимъ набѣгомъ; татары дѣйствительно появились, оказалась какъ нельзя болѣе потребной Казимiру и помощь. Но какой неожиданный поворотъ! Въ началѣ 1340 г. Казимiръ молилъ папу о помощи и всевозможномъ содѣйствiи. Конечно, въ просьбѣ онъ являлся лишь жертвой, на которую ежеминутно готова обрушиться татарская гроза. На дѣлѣ оказалось, что татары явились по приглашенiю русскаго воеводы для отраженiя возмездiя, приготовленнаго самимъ Казимiромъ русскимъ боярамъ за „ужаснувшее его отравленiе благовѣрнаго князя-католика“. Обращенiе Казимiра къ папѣ и обстоятельства, совершенно неожиданно разыгравшiяся въ 1340 г. на галицкой почвѣ, представляютъ завязку борьбы, кончившейся лишь въ 1387 году.

Содержанiе этой борьбы за весь сорокасемилѣтнiй перiодъ времени представляетъ такой неровный каменистый путь, что изслѣдователь, желающiй идти по немъ, рискуетъ падать, или по крайней мѣрѣ, спотыкаться много разъ; начальный ея моментъ—1340 г.—представляетъ путаницу, еще до сихъ поръ удовлетворительно ни кѣмъ не разъясненную. Одно лишь указано вѣрно: незначительныя обстоятельства 1340 г. послужили канвой, на которой патрiотизмъ и фантазiя польскихъ историковъ нарисовали узоры, совершенно закрывшiе первоначальную историческую дѣйствительность [1]). Открыть эту первоначальную канву, отдѣлить отъ нея позднѣйшiя наслоенiя, представить фактъ въ чистомъ, такъ-сказать, его видѣ—вотъ задача изслѣдователя. Успѣшное ея достиженiе чрезвычайно затрудняется состоянiемъ относящагося къ вопросу историческаго матерiала, критически совершенно не разработаннаго. Изслѣдователю приходится брать на себя двойной трудъ, а слѣдовательно, и двойную отвѣтственность. Это, конечно, страшно, и если мы, тѣмъ не менѣе, рѣ-

---

[1]) *Каро*, G. P. II, 231, пр. 1.

шаемся ступить на столь трудный для прохожденія путь, то единственно побуждаемые сознаніемъ необходимости его пройдти и согрѣваемые убѣжденіемъ, что даже возможныя на немъ паденія значительно облегчатъ трудъ будущаго изслѣдователя.

Обратимъ вниманіе прежде всего на тотъ фактъ, что событія 1340 г. не нашли никакого отголоска въ русскихъ источникахъ. Если исключить сообщеніе Густынской лѣтописи подъ 1340 г., представляющее пересказъ Кромера, съ добавленіемъ извѣстія о раздѣленіи Казиміромъ Русской земли на воеводства и повѣты [1]), то надо сказать, что о событіяхъ въ Галицкой Руси первыхъ годовъ четвертаго десятилѣтія XIV вѣка нѣтъ упоминанія ни въ одной изъ русскихъ, ни въ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописяхъ [2]). Что касается польскихъ источниковъ, то до Длугоша только два изъ нихъ упоминаютъ о предпріятіяхъ Казиміра 1340 г.: Янъ и такъ-называемая лѣтопись Траски [3]). Выходитъ, что за предѣлами территоріи, ближайшимъ образомъ затронутой предпріятіемъ Казиміра, событія 1340 г. обратили гораздо болѣе вниманія: упоминаніе о нихъ находится въ двухъ хроникахъ: монаха Леобенскаго (въ Штиріи) и Витодурана (въ Швейцаріи) [4]). Каковы бы ни были общія достоинства обѣихъ хроникъ, но уже одна отдаленность ихъ составителей отъ мѣста дѣйствія не позволяетъ придавать имъ рѣшающее значеніе въ спорномъ и темномъ вопросѣ. Оба сообщенія составлялись, конечно, по слухамъ, и главный интересъ событій заключался для хронистовъ не въ дѣйствіяхъ Польскаго короля, а въ движеніяхъ татаръ, все еще привлекавшихъ къ себѣ вниманіе и въ февралѣ 1340 г. напомнившихъ о своей грозной силѣ. Въ обоихъ источникахъ предпріятіе Казиміра является лишь грабительскимъ посягательствомъ, вызвавшимъ татарское вмѣшательство. О какихъ бы ни было другихъ слѣдствіяхъ Казиміровой попытки оба источника совершенно умалчиваютъ. Для насъ, въ виду этого, они

---

[1]) Прибавл. къ Ип. л., Полн. Собр. II, 349. Источникъ добавленія неизвѣстенъ, ср. *К. Стадницкій*, Synowie, II, 228.

[2]) Темное извѣстіе лѣтописи Быховца, стр. 57: Как wczynił nad pany ruskimi premyslskimi pozwawszy ich do rady y tam porezali y Premysł zaseli—трудно пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному году.

[3]) Оба источника въ М. Р Н., II.

[4]) Всѣ относящіяся къ событію 1340 г. показанія сведены у *К. Стадницкаго*, Synowie, II, 12, пр. 27.

не могутъ имѣть ни какого особеннаго значенія. Что касается лѣтописи Траски, то скажемъ сразу: мы усматриваемъ въ ней признаки явной недостовѣрности [1]). Остается такимъ образомъ изъ польскихъ современныхъ событію свидѣтельствъ одно лишь показаніе Яна во 2-й главѣ его хроники. Сличимъ это показаніе съ несомнѣнно-подлиннымъ документомъ папской канцеляріи, представляющимъ, конечно, повтореніе офиціальной реляціи Казиміра, съ указаннымъ выше папскимъ письмомъ 1341 г. Причины предпріятія Казиміра въ обоихъ свидѣтельствахъ показаны согласно [2]), а равно и первые его результаты [3]). Затѣмъ начинаются существенныя разногласія. У Яна сообщается о признаніи власти Казиміра со стороны бояръ и о принесеніи ему присяги на вѣрность, и только уже послѣ этого „нѣкій сквернѣйшій перемышльскій бояринъ Дѣтко съ нѣкіимъ же Даніиломъ Острожскимъ“ отправляются къ хану на собственный страхъ, безъ вѣдома другихъ русскихъ бояръ, и внушаютъ ему, что Казиміръ отнялъ его владѣнія, чѣмъ и побуждаютъ хана къ высылкѣ огромнаго татарскаго войска для совмѣстныхъ съ русскими дѣйствій противъ поляковъ. Соединенное русско-татарское войско дошло до Вислы, Казиміръ мужественно противосталъ ему и не допустилъ переправиться черезъ рѣку. При этомъ поляки потеряли лишь одного человѣка. Татары, повернувъ назадъ, пытались было овладѣть Люблиномъ, но неудачно. Совсѣмъ не такъ представляется намъ дѣло въ папскомъ письмѣ: русскій воевода обращается къ хану немедленно и на совершенно естественномъ основаніи—зависимости; ханъ даетъ помощь, какую можетъ, сейчасъ, болѣе значительное войско

---

[1]) См. ниже.

[2]) *У Тейнера*: quod cum dudum geus schizmatica Ruthenorum quondam Boleslaum Ducem Russie ipsius Regis (Казиміра) consanguineum germanum, de fidelibus procreatum parentibus, veneno impie, ac nonnullos alios Christi fideles eidem Duci, dum viveret, obsequentes immaniter occidissent, idem Rex hujusmodi scelus abhorrens et zelo ulciscende iniurie fidei christiane accensus, cum exercitu suo terram Russie dictam gentem expugnaturus intravit.

У *Яна*: mortuo magnifico principe Kazimiro, dicto Georgio, totius regni Russiae duce, qui Kazimirus avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat, Kazimirus rex Poloniae praelibatus cum maqua potentia gentis suae regnum Russiae potenter intravit, de nece consanguinei sui vindictam sumere volens.

[3]) *У Тейнера*: et per ipsum (Казиміромъ) eidem genti multis dampnis illatis...

У *Яна*: Cujus potentiae (Казиміра) Ruthenorum principes, barones, comites ac caeteri nobiles resistere non valentes...

обѣщаетъ прислать, и тогда только Казиміръ, видя недостаточность собственныхъ средствъ для противодѣйствія, вступаетъ съ тѣмъ же русскимъ воеводой въ переговоры, кончившіеся для него при указанныхъ обстоятельствахъ удивительно благопріятно. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ соединеннаго русско-татарскаго ополченія папское письмо не говоритъ ничего. Вотъ содержаніе двухъ, относящихся къ одному и тому же факту, показаній. О свидѣтельствѣ Яна мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже; теперь ограничимся замѣчаніемъ, что три первыя главы его хроники возбуждаютъ сомнѣнія, до сихъ поръ еще окончательно не устраненныя. Конечно, въ такомъ случаѣ намъ остается держаться показаній документа, не возбуждающаго никакихъ подозрѣній, кромѣ того обстоятельства, что онъ представляетъ сообщеніе со словъ лишь одной заинтересованной стороны. Эта односторонность весьма замѣтна. Отъ сомнѣнія въ правдивости сообщенія Казиміра трудно освободиться въ виду явной невѣроятности фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Казиміръ очутился въ затруднительномъ положеніи, но такъ удачно вышелъ изъ него, что русскій воевода не только не воспользовался бывшими въ его рукахъ средствами, но обязался королю нѣкоторыми службами; Казиміръ только что принужденный обдумывать, какъ бы самому выйдти изъ затрудненія, великодушно обязался всячески защищать и воеводу, и русскихъ и ни въ чемъ не стѣснять ихъ обрядовъ, правъ и обычаевъ. Не говоримъ о полной неопредѣленности заявленія [1]), о ясно вытекающей изъ самаго текста логической невозможности такого результата.

Допустимъ, что факты не всегда слѣдуютъ логикѣ, но надо же, чтобы такое отступленіе нашло себѣ мѣсто именно въ данномъ случаѣ. Упомянутое папское письмо, въ виду отмѣченной выше невозможности основываться на показаніяхъ Яна, есть единственный современный предпріятію документъ, разказывающій о событіяхъ 1340 г.— нужды нѣтъ, что со словъ наиболѣе заинтересованнаго лица. Злой рокъ, преслѣдующій Галичину, отмѣтивъ себя полнымъ отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ о занятіи ея поляками, поразительно даетъ себя чувствовать не столько въ указанномъ перерывѣ папскаго письма, сколько въ общемъ его характерѣ. Случайно это или нѣтъ, но не-

---

[1]) Capitaneus et gens predicta se dicti regis mandatis et beneplacitis coaptabant, iidem rex et capitaneus atque gens certa conventiones et pacta cum certis serviciis et subjectionibus eidem regi exhibendis concorditer invicem inierunt. *Theiner*, какъ выше.

сомнѣнно, что событіе 1340 года не нашло другаго современнаго отголоска вблизи. Очевидно, тогда, когда оно происходило, оно еще никому не казалось чреватымъ грядущими послѣдствіями и было оставлено безъ всякаго вниманія. Сдѣлаемъ надъ собою нѣкоторое усиліе, станемъ на время на эту точку зрѣнія современниковъ, забудемъ о важности событія для времени послѣдующаго и разсмотримъ его въ томъ свѣтѣ, какой могутъ сообщить намъ о немъ документы несомнѣнной подлинности. Кромѣ указанныхъ папскихъ писемъ, таковыми должно считать еще двѣ грамоты: одну, относящуюся ко времени непосредственно слѣдующему за предпріятіемъ Казиміра, и другую, принадлежащую 1344 году, но находящуюся въ непосредственной связи съ занимающимъ насъ событіемъ. Папское письмо 1340 года составляетъ, такъ-сказать, прелюдію, оно предшествуетъ факту, а потому мы оставляемъ его пока въ сторонѣ. Объ общемъ характерѣ папскаго письма 1341 года мы уже говорили. Въ томъ, что̀ для насъ самое важное въ извѣстіи о подчиненіи Руси верховной власти Польскаго короля, мы имѣемъ полную возможность фактически провѣрить его справедливость.

Каковы бы ни были внѣшнія отношенія Галицко-Владимірскаго княжества къ сосѣднимъ державамъ, несомнѣнно, до 1340 г., то-есть, при послѣднихъ Романовичахъ и Юріи-Болеславѣ, оно не находилось ни въ какой зависимости отъ Польши. Если наше объясненіе событій 1331 г. въ предыдущей главѣ вѣрно, то скорѣе можно допускать вліяніе Литвы: кто знаетъ, не оно ли тяготило Юрія, не для избѣжанія ли и отвращенія его, онъ такъ круто повернулъ въ послѣдніе годы своего правленія? Намъ кажется это правдоподобнымъ. Но какъ бы ни было, отъ Польши Галичъ зависимъ не былъ, и въ 1337 г., мы видѣли, Юрій-Болеславъ воевалъ противъ нея съ помощью татаръ. Вотъ почему указаніе папской грамоты 1341 г. должно считать въ равной мѣрѣ существеннымъ и неожиданнымъ. Если оно справедливо, то обязательство короля не ломать обрядъ, права и обычаи новыхъ подданныхъ, въ виду цѣли предпріятія, встрѣтившей сильное противодѣйствіе, благодаря которому Казиміръ оказался въ затруднительномъ положеніи, еще не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Что̀ же въ такомъ случаѣ могло омрачать радость по поводу новаго пріобрѣтенія? Неужели жажда мести до такой степени овладѣла Казиміромъ, что одного подчиненія, не ознаменовавшагося суровымъ наказаніемъ за совершенное надъ родственникомъ короля преступленіе, ему было мало? Неужели несомнѣнно

выгодный договоръ съ виновниками смерти Болеслава, потому только что это былъ договоръ, могъ въ такой степени смущать совѣсть Казиміра, что за облегченіемъ ея пришлось обращаться въ Римъ? То, что̀ мы знаемъ о Казимірѣ, не рисуетъ его столь чувствительнымъ, въ такой степени заботливымъ о спасеніи души [1]). Другихъ, однако, обстоятельствъ, внѣ предѣловъ предпріятія Казиміра, сколько-нибудь объясняющихъ перемѣну въ его настроеніи, найдти нельзя. Ихъ приходится искать на той же галицкой почвѣ Едва ли объясненіе не дается грамотою упоминаемаго въ папскомъ письмѣ воеводы, данною имъ торнскимъ купцамъ и, очевидно, относящеюся ко времени непосредственно послѣ предпріятія Казиміра [2]). Въ ней Димитрій Дѣтко, „provisor seu capitaneus terrae Russiae“, объявляетъ, что раздоръ съ Польскимъ королемъ, происшедшій по внушенію діавола [3]), благодатію Св. Духа прекратился, и теперь между ними миръ. Прежнихъ, независимыхъ отъ Польши князей онъ называетъ здѣсь своими предшественниками, обѣщаетъ купцамъ сохранить тѣ же права, какими они пользовались прежде, и въ заключеніе скрѣпляетъ документъ собственной скрѣпой. Въ такомъ важномъ документѣ—подлинность его не подвергается сомнѣнію—мы не видимъ ни малѣйшаго признака зависимости Галицкой Руси отъ Польскаго короля, на что̀ указалъ еще Каро [4]). Разсказы позднѣйшихъ польскихъ анналистовъ заставляютъ Казиміра, по одной версіи — поручить охрану города его нѣмецкимъ жителямъ (Траска), по другой— оставить въ разоренномъ яко бы Львовѣ польскій гарнизонъ (Длугошъ).

---

[1]) Rex prestito iuramento promisit, quod Capitaneum et gentem predictos in omnibus tueri debebat, ipsosque in eorum ritibus, iuribus et consuetudinibus conservare: verum quia dictus Rex, sicut asserit, dubitabat, se in hiis prevericasse domini voluntatem, nobis humiliter supplicavit, ut providere sibi super hiis de salutari remedio misericorditer dignaremur. Nos igitur saluti anime dicti Regis, quantum cum deo possumus in hac parte salubriter providere volentes.... Ib.

[2]) M. P. H. II, 621 пр. 2. Начало грамоты не оставляетъ сомнѣнія въ приблизительной ея датѣ. *К. Горжицкій*, Połączenie Rusi czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego. Львовъ. 1889, стр. 30, совсѣмъ напрасно относитъ ее ко времени позднѣйшему. Нельзя упускать изъ виду, что въ обезпеченіи своихъ торговыхъ интересовъ нѣмцы не теряли времени: въ 1349 г. Казиміръ даетъ грамоту тѣмъ же торнскимъ купцамъ немедленно по возвращеніи съ похода, *Каро*, G. P. II, 284, пр. 2.

[3]) Интересно сопоставить этотъ взглядъ русскаго боярина съ приведеннымъ выше взглядомъ папы на то же предпріятіе.

[4]) G. P. II, 231, пр. 1.

Къ военной диктатурѣ ведутъ обыкновенно завоеванія [1]). Въ этомъ, однако, случаѣ во главѣ страны и города несомнѣнно остается „сквернѣйшій", по отзыву Яна, бояринъ, считающій Казиміра совершенно равнымъ себѣ. Онъ даетъ грамоту нѣмецкимъ купцамъ, но въ этомъ слишкомъ была заинтересована страна. Ключъ къ богатствамъ Торна и Данцига находился, по справедливому замѣчанію Каро, въ Галицкой землѣ; крохи, конечно, оставались и въ пользу русскихъ. Этого мало: роль Дѣтка во Львовѣ не была чѣмъ-то минутнымъ: въ 1344 г. къ нему же, а не къ Казиміру обращается Людовикъ по дѣламъ кошицкихъ купцовъ [2]). Такимъ образомъ Дѣтко остается правителемъ страны въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Былъ ли это второй Володиславъ, какъ можно бы на первый взглядъ думать, по его заявленію о предшественникахъ, или роль его должно объяснять иначе—объ этомъ скажемъ ниже. Теперь ограничимся лишь выводомъ, естественно на нашъ взглядъ вытекающимъ изъ разсмотрѣнія относящихся къ занимающему насъ событію документовъ. Оба папскія письма 1340 и 1341 гг. представляютъ прямую связь между собою; второе, изъ нихъ заключаетъ, въ себѣ рядъ очевидныхъ невозможностей, при чемъ наиболѣе важное для насъ его показаніе о зависимости Галицкой Руси отъ Казиміра документально опровергается грамотою львовскаго воеводы торнскимъ купцамъ. До 1345 г. Львовъ не былъ въ рукахъ Казиміра. Еще Каро отмѣтилъ полное отсутствіе какихъ бы ни было упоминаній о дѣятельности Казиміра за время съ 1340 по 1350 г. [3]).

---

[1]) На странность показаній Длугоша, заставляющаго Казиміра разрушить Львовъ и оставить гарнизонъ среди развалинъ, обратилъ вниманіе еще *Зубрицкій*: Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Львовъ. 1855, подъ 1340 г.

[2]) *Fejer*, Cod. dipl. Hung, IX, 1, № 95: Ludovicus ....fideli suo viro Magnifico, comiti Dechk, capitaneo Ruthenorum salutem et gratiam—титулъ, во всякомъ случаѣ не указывающій на зависимость Дѣтка отъ польскаго короля.

[3]) G. P., II, 286, пр. 2. Титулъ: Russiaeque dominus et haeres—въ нѣкоторыхъ спискахъ введенія къ Вислицкому статуту есть позднѣйшая вставка, ib., 284, пр. 2. Въ Вислицѣ представителей отъ Руси не было (*Зубрицкій*, Kronika miasta Lwowa, 34), какъ равно нѣтъ о ней въ статутѣ ни малѣйшаго упоминанія. Въ 1347 г. Галицкой Русью владѣлъ безъ всякаго сомнѣнія Любартъ. Извѣстныя намъ три грамоты Казиміра отъ 1346 съ титуломъ Russiae (А. Гр. и З. VII, 7; Код. Ржищевскаго, II, 1, 273 и II, 2, 701) списаны съ рукописей XV и даже XVI в. Вообще къ титулу въ грамотахъ, гдѣ упоминается Русь до 50-хъ годовъ, надо относиться осторожно. Грамота, приведенная Зубрицкимъ, какъ относящаяся къ 1351 г. (Повѣсть, 134 пр. 38), въ дѣйствительности относится къ 1370 г. (А. Гр. и З. VII. 14 пр. 2) и вообще въ Актахъ гродскихъ и земскихъ нѣтъ ни одной

Изданные потомъ „Акты Гродскіе и Земскіе“ блистательно подтвердили справедливость его сомнѣній. Прибавимъ къ этому полное молчаніе объ отношеніяхъ Казиміра къ Руси за время до 1349 г. у Длугоша [1]), прямое указаніе Мѣховскаго лѣтописца на 1349 г., какъ на годъ занятія Руси Казиміромъ [2]), и мы убѣдимся, что не можетъ быть рѣчи о какой бы ни было зависимости Галицкой Руси отъ Польши, о „какихъ-то службахъ и подчиненіи“ не только въ 1340 г., но даже въ непосредственно слѣдующіе годы. Вотъ выводъ, прямо вытекающій изъ документально-извѣстныхъ фактовъ. Онъ кажется намъ такъ простъ, что мы невольно робѣемъ въ виду этой простоты; нами овладѣваетъ то странное чувство недоумѣнія, неувѣренности, которое бываетъ въ минуту, когда тяжелый кошмаръ прекратится: дышется свободно, легко, но еще давитъ воспоминаніе, мысль о только что минувшей тяжести, какъ будто не вѣрится, что она прекратилась. Объяснимся. Мы представили себѣ точку зрѣнія современниковъ событія, ограничились лишь документальными о немъ сообщеніями.

Небольшая справка съ извѣстными намъ въ точности внѣшними отношеніями Галицкаго княжества устранила внесенныя папскимъ письмомъ 1341 г. недоразумѣнія. Попытка Казиміра 1340 г. представилась крайне ничтожною по своимъ непосредственнымъ, немедленнымъ фактическимъ результатамъ. Но событіе 1340 г. представляетъ въ нашихъ глазахъ тотъ узелъ, который потомъ распутывается на протяженіи вѣковъ. Такую точку зрѣнія завѣщалъ намъ—и справедливо — XV вѣкъ, время страстныхъ споровъ Польши и Литвы-Руси за часть галицко-владимірскаго наслѣдія, остававшуюся спорною и послѣ 1433 года.

Мы уже указывали, какъ смотрятъ на тогдашнюю аргументацію поляковъ серьезные польскіе историки, ищущіе истины, а не матеріала для патріотическихъ восторговъ (чтобы быть точнымъ, надо впрочемъ сказать: смотритъ одинъ польскій историкъ). Современнику горячей

грамоты Казиміра, относящейся къ русской Галичинѣ раньше 1352 г.—обстоятельство, дающее полное основаніе полагать, что господство Казиміра въ Галичинѣ до этого года, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ прочно утвердившейся власти, должно подвергать сомнѣнію. Вотъ почему и титулъ въ грамотахъ 1350 г. (Код. Малоп. Mon. med. aevi; III, № 231) и 1351 г. (ib. № 233) кажется намъ подозрительнымъ.

[1]) Сообщеніе подъ 1344 (IX, 213) представляетъ обычное у Длугоша раздвоеніе одного эпизода.

[2]) Et in fine ejusdem anni (1349) rex Kazimirus terram Russie obtinuit. M. P. H. II, 885.

дипломатической и юридической борьбы Польши и Литвы-Руси Длугошу значеніе событія 1340 г. было ясно, а тогдашнее дѣеписаніе не затруднялось отсутствіемъ точныхъ данныхъ. Длугошъ описалъ событіе краснорѣчиво и подробно. По его версіи, Казиміръ въ 1340 г. совершилъ два похода на Русь—весенній (въ апрѣлѣ), нѣчто въ родѣ предварительной рекогносцировки или молодецкаго набѣга, и лѣтній (въ концѣ іюня), съ значительными силами для окончательнаго подчиненія Руси. Цѣль эта, по словамъ Длугоша, была вполнѣ достигнута: „всю Русь въ одинъ годъ, въ одно лѣто, въ одинъ походъ подчинилъ Казиміръ себѣ и Польшѣ и, обративъ ее въ провинцію, навсегда включилъ и присоединилъ къ польской коронѣ“ [1]). Рѣшительность и категоричность заявленія возымѣла свое дѣйствіе. Фактъ, сообщенный Длугошемъ, нашелъ общее, единогласное признаніе и распространеніе.

Польскіе писатели — Мѣховита, Кромеръ, Стрыйковскій, потомъ Нарушевичъ—всѣ такъ или иначе повторили Длугоша [2]). Какъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, завоеваніе Руси Казиміромъ приводилось какъ доводъ даже въ частныхъ юридическихъ спорахъ позднѣйшаго времени [3]). За поляками послѣдовали и русскіе: сообщеніе о занятіи Казиміромъ Галицкой Руси въ 1340 г. помѣщается по нынѣ въ нашихъ учебникахъ [4]). Однимъ словомъ, событіе 1340 г. въ той редакціи, какую ему сообщилъ Длугошъ, стало на цѣлые вѣка непререкаемымъ историческимъ догматомъ. Впервые, сколько намъ извѣстно, поколебалъ его Каро, сначала не рѣшительно [5]), потомъ смѣлѣе [6]), но безъ всякой пользы.

---

[1]) Длугошъ подъ 1340 г., IX, 198.

[2]) *Каро*, G. P. II, 344 пр. 1.

[3]) Въ актахъ процесса архіепископа Сѣраковскаго (ум. 1780) и львовскаго магистрата находится слѣдующая выписка изъ стараго кодекса львовскихъ гродскихъ актовъ: Casimirus M. a. 1340 Leopolim expugnaturus venit, quam per spontaneam incolarum deditionem recepit et partem Russiae usque ad Halicz subegit. *Reifenkugel*, Gründung der römisch—katholischen Bisthümer.... Archiv für österr. Gesch. 1875, № 52, стр. 424, пр.3.

[4]) *Иловайскій*, Краткіе очерки русской исторіи.

[5]) G. P. II, 229, гдѣ Каро какъ будто еще не рѣшается отдать предпочтеніе свидѣтельствамъ документовъ передъ показаніями польскихъ лѣтописцевъ.

[6]) Ib. III, 54, пр. Не указываемъ на Д. Зубрицкаго. Хотя несомнѣнно, онъ первый отмѣтилъ невѣроятность Длугошевыхъ разказовъ, тѣмъ не менѣе въ „Повѣсти“ онъ еще не освободился отъ авторитета Длугоша, котораго считаетъ „писателемъ осмотрительнымъ и достойнымъ вѣроятія“ (Повѣсть, стр. 139). Въ

Въ прекрасномъ трудѣ А. Семковича 1340 годъ такъ и остался критически не разслѣдованнымъ, а сомнѣнія Каро даже не указаны [1]), хотя его изложеніе русскихъ дѣлъ, предшествовавшихъ этому году, названо устарѣвшимъ [2]). Въ послѣднемъ по времени сочиненіи Горжицкаго, желавшаго по его словамъ, восполнить чувствительный въ польской исторической литературѣ недостатокъ отдѣльной монографіи объ отношеніяхъ Казиміра къ Руси, „комбинаціи" Длугоша снова приняты на вѣру вполнѣ [3]). Однимъ словомъ, надъ 1340 г. тяготѣетъ и по сію пору вѣковая традиція. Съ такимъ бременемъ надо считаться серьезно. Вотъ почему мы испытываемъ робость и недовѣріе.

Простота усваивается пониманіемъ вообще съ особеннымъ трудомъ, но иногда она бываетъ лишь кажущеюся. Не такова ли она и въ данномъ случаѣ?

Остановимся на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ предпріятіе 1340 г. Мы сказали, что завязка его заключается въ обращеніи Казиміра къ папѣ. Дата его намъ не извѣстна, но папскій отвѣтъ данъ 1-го августа 1340 года [4]). Можно поэтому думать, что Казиміръ об-

позднѣйшемъ критическомъ разсмотрѣніи извѣстій о занятіи Галичины поляками—„Анонимъ Гнезнескій и Іоаннъ Длугошъ"—Зубрицкій даетъ не мало мѣткихъ замѣчаній, но въ общемъ не представляетъ никакого опредѣленнаго окончательнаго вывода. Впрочемъ, надо сказать, при тогдашнихъ историческихъ данныхъ о Галицкой Руси, Зубрицкій сдѣлалъ смѣлый шагъ, но твердо стать не былъ въ состояніи (см. ib., стр. 86, гдѣ въ резюме Зубрицкій сбивается даже на Длугоша, хотя вообще считаетъ его разказы „безтолковщиной", стр. 35). Изъ русскихъ историковъ только *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* отнесъ завоеваніе Галицкой Руси къ 1349 г. (Русская Исторія, 1, 298), но краткость замѣчанія не измѣнила установившагося взгляда (*Иловайскій*, Исторія Россіи II, 80; даже *Антоновичъ*, Очеркъ, 79).

[1]) Krytyczny rozbiór dziejów polskich Iana Długosza do r. 1384. Краковъ 1887, стр. 358.

[2]) Что врядъ ли можно считать справедливымъ для 1863 г.—времени выхода въ свѣтъ втораго тома исторіи Каро.

[3]) *K. Gorzycki.* Połączenie... ч. 1, гл. 2. Мы говоримъ здѣсь лишь о 1340 г. Горжицкій позволяетъ себѣ лишь одну поправку Длугоша, замѣняя 1344 годъ на 1341, но нерѣшительно—„кажется": такъ великъ для него авторитетъ Длугоша; съ Янкомъ онъ обращается гораздо свободнѣе, стр. 25, пр. 26. Впрочемъ Горжицкій представляетъ крайность (см. нашу рецензію въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1889, сентябрь). Лучшіе польскіе историки мало полагаются на комбинаціи Длугоша, но фактъ подчиненія Руси въ 1340 г. для нихъ все-таки не подлежитъ сомнѣнію.

[4]) У *Райнальда* дата безъ сомнѣній; у *Тейнера* въ регистрѣ: 1340—1342, но въ документѣ—Anno sexto, а Бенедиктъ XII вступилъ на престолъ 1335 г.

ратился въ Римъ немедленно по полученіи извѣстія о смерти Юрія-Болеслава. По Длугошу выходитъ, что, извѣстившись о ней, Казиміръ съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ немедленно (ибо послѣ Ѳоминой недѣли—въ концѣ апрѣля) набѣгъ на Русь.

Не указываемъ уже на то, что Длугошъ заставляетъ Казиміра взять не только Львовъ, но и Владиміръ, даже „всю Волынскую землю“ [1]). Мы вовсе не имѣемъ въ виду опровергать очевидныхъ, какъ говоритъ Зубрицкій,—„нелѣпостей“ Длугоша; если мы на что-нибудь желаемъ обратить вниманіе въ его повѣствованіи, то развѣ на общее представленіе положенія Руси, какъ добычи, которая сама дается въ руки, тому, кто, какъ Казиміръ, пожелалъ бы взять ее. Мы знаемъ, почему Длугошу такъ именно надо было представить Русь. Иначе смотрѣлъ на нее Казиміръ. Если, допустимъ, не сама по себѣ, то по своимъ отношеніямъ къ татарамъ она должна была казаться Казиміру страшною. Въ томъ же 1340 г., еще при жизни Юрія-Болеслава, татары напомнили о себѣ грознымъ набѣгомъ на Польшу; быть можетъ, отдѣльные татарскіе отряды еще не ушли изъ предѣловъ Галицкой Руси. Казиміръ не могъ не имѣть этого въ виду, и онъ дѣйствительно имѣлъ, какъ доказываетъ его обращеніе къ папѣ. Конечно, не въ такой мѣрѣ, какъ представляетъ папа, онъ опасался за самое Польшу, но если, какъ доказываетъ сдѣланная имъ въ томъ же году попытка, онъ положилъ воспользоваться смертію Юрія-Болеслава, то причины, выставленныя имъ въ обращеніи къ папѣ, доказываютъ, что онъ совершенно вѣрно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ Галицкой Руси и сообщилъ папѣ соображенія, которыя должны были, какъ увидимъ ниже, подѣйствовать на него съ особенною силою, а равно, что къ задуманному предпріятію онъ рѣшилъ приготовиться по мѣрѣ своей возможности. И по Яну, и по папскому письму 1341 года Казиміръ предпринялъ военный походъ въ полномъ смыслѣ слова — съ значительнымъ войскомъ, съ опредѣленною цѣлью покорить Русь. Весенній набѣгъ былъ бы со стороны Казиміра такимъ легкомысліемъ, что слѣдуетъ только удивляться, какъ можно было когда-нибудь придавать ему малѣйшее значеніе [2]). Никакъ не раньше времени, назначаемаго обыкновенно для

---

[1]) Указаніе очевидной впрочемъ фактической невозможности такихъ успѣховъ см. у *Зубрицкаго*, Повѣсть, 109; Анонимъ, пр. 38.

[2]) Галицкіе историки повѣствуютъ о выставленіи въ Краковскомъ соборѣ на показъ народу взятой въ первый походъ добычи—золотаго Креста съ части-

втораго похода, то-есть, не раньше конца іюня—надо вѣдь положить нѣкоторый срокъ для сбора нужныхъ для предпріятія силъ — Казиміръ двинулся на Русь.

Что онъ долженъ былъ собрать возможно большія силы, за это ручается имъ же самимъ ожидаемая возможность столкновенія съ татарами и приведенныя выше свидѣтельства; быть можетъ, онъ возлагалъ нѣкоторыя надежды на успѣхъ проповѣди крестоваго похода или на полученіе какой-либо другой помощи, о чемъ тоже просилъ папу [1]). Судьба, однако, на этотъ разъ оказалась къ Руси болѣе благосклонною, чѣмъ можно было ожидать. Нашелся человѣкъ, сумѣвшій уничтожить честолюбивые замыслы Польскаго короля. Таковымъ оказался нѣсколько загадочный Димитрій Дѣтко [2]). Въ радѣ Юрія-Болеслава онъ занималъ первое мѣсто [3]), а судя по отношенію къ нему поляковъ [4]), по энергіи, которую обнаружилъ въ за-

---

цей Св. Древа, трона и короны, что яко бы привело поляковъ въ „неописуемое изступленіе", возбудивъ страстное желаніе дальнѣйшихъ прочныхъ завоеваній. *Зубрицкій*, Повѣсть, 112; *Шараневичъ*, Исторія, 157. Въ описаніи ризницы Краковскаго замковаго костела (*I. Красинскій* въ Collectio Mizleriana 1, 349) говорится: in secretiori templi scrinio sacratissimae crucis porcio ab Casimiro magno rege ex roxolanica Leopoliensi praeda anno Chr. 1340 illata videtur, *Зубрицкій* Анонимъ Гнезн., 37, пр. 33. По крайней мѣрѣ—videtur. К. Горжицкій не только повторяетъ все это съ полною вѣрой, но даже задается вопросомъ: отчего Казиміръ, имѣя въ рукахъ регаліи, не короновался во Львовѣ? Połączenie, 20.

1) Et per nos promptum aliorum subsidium et presidium humiliter implorasti *Theiner*, M. H., какъ выше.

2) Самое слово — Дѣтко вызываетъ недоразумѣнія. *Шараневичъ*, *Смирновъ*, *Иловайскій* считаютъ его равнозначащимъ слову — дядька, пѣстунъ, кормиличичъ. Иначе смотритъ *Лонгиновъ* (Грамоты Юрію II, *Чтенія* 1887, II, 16), полагая, что его нельзя считать прозвищемъ, ибо въ грамотѣ 1335 г. сказано: Demetrio Detcone nostro. „Detco", говоритъ Лонгиновъ,—„есть ни болѣе, ни менѣе какъ дѣтко", то-есть дѣтскій. Врядъ ли. Въ такомъ случаѣ выразились бы также и въ грамотѣ 1334 г., а главное, какъ ни были „разнообразны" порученія, возлагаемыя на дѣтскихъ, ихъ второстепенное положеніе вполнѣ ясно опредѣляется даже тѣми двумя мѣстами лѣтописи, на которыя указываетъ самъ Лонгиновъ (Ип., 262 и 367); замѣчаніе г. Лонгинова, что „составитель грамотъ Юрія II употребилъ чисто русскій терминъ съ передачей его латинскими буквами" — что встрѣчается—теряетъ значеніе потому, что слово „дѣтко" Лонгиновъ могъ указать лишь въ завѣдомо подложныхъ „львовыхъ грамотахъ". Что касается вопроса, былъ ли Дѣтко во Львовѣ или въ Перемышлѣ, объ этомъ мы говорили выше.

3) Въ грамотѣ 1335 г., а въ грамотѣ 1334 г. — первый послѣ Ѳеодора епископа.

4) Quidam pessimus baro Datco nomine. Янъ.

щитѣ родины отъ ихъ посягательства, онъ не могъ быть сторонникомъ плановъ, къ достиженію которыхъ стремился Болеславъ въ послѣдніе годы своего княженія. Мы и не находимъ его имени въ грамотѣ, данной Юріемъ-Болеславомъ Саноку въ 1339 году [1]), но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ потерялъ значеніе высокаго мѣстнаго представителя. Его связь съ первымъ извѣстнымъ намъ представителемъ знаменитаго впослѣдствіи рода князей Острожскихъ, далекаго отъ польскаго пограничья, а слѣдовательно, и польскихъ вліяній, характеризуетъ какъ личность самого Димитрія, такъ и соотвѣтсвуетъ той роли, какую должны были играть уцѣлѣвшіе представители мѣстнаго боярства. Два изъ нихъ, при первомъ столкновеніи съ Польшей въ 1340 г., доблестно исполнили свой долгъ. Они обратились къ татарамъ, и за это ихъ упрекаютъ поляки. Мы знаемъ, каковы были отношенія Галицкой Руси къ татарамъ: ничего страшнаго для галичанъ они въ себѣ не заключали, тяжесть татарскаго верховенства была совершенно не чувствительною; самъ Казиміръ, какъ видно изъ сообщенія его папѣ, не усматривалъ въ этомъ ничего страннаго и, готовясь къ походу, предвидѣлъ татарское вмѣшательство. Чѣмъ кончилось оно и какими сопровождалось обстоятельствами—мы не рѣшаемся сказать утвердительно. Папское письмо 1341 г. или, иначе, реляція Казиміра, не сообщаетъ намъ въ этомъ случаѣ никакихъ указаній. Для изложенія такимъ образомъ дальнѣйшихъ событій пришлось бы основываться на показаніи Яна, сомнительность котораго мы отмѣтили выше. Если бы можно было придавать этому показанію какое-либо значеніе, пришлось бы допустить, что до Вислы гнали Казиміра русско-татарскія войска, что въ душѣ смѣлаго русскаго воеводы проснулись старыя русскія притязанія на Люблинъ. Но этимъ предположеніямъ, какъ основаннымъ на сомнительномъ источникѣ, мы не придаемъ значенія. Вообще нельзя не

---

[1]) Указанная грамота дана во Владимірѣ, а по сохранившимся даннымъ Димитрія слѣдуетъ считать именно въ это время тѣсно связаннымъ со Львовомъ. Какъ этимъ, такъ характеромъ грамоты и вообще вѣроятнымъ отношеніемъ представителей русскаго боярства къ княжескому двору, и слѣдуетъ объяснять отсутствіе въ грамотѣ имени перваго боярина. Русскіе бояре отъ Юрія, очевидно, отшатнулись, что̀ и заставило его окружить себя мазурами (вспомнимъ Стрыйковскаго: nie długo na Rusi Mazurowie panowali, II, 20). Ставить свое имя рядомъ съ ними русскому боярину не подобало. Въ виду этого мы не усматриваемъ въ подписяхъ грамоты 1339 г. ничего „загадочнаго“ (*Лонгиновъ*, Грамоты, 22). Этою грамотою, какъ извѣстно, опредѣляется личность Юрія II, но въ ней находитъ себѣ документальное подтвержденіе и его образъ дѣйствій.

имѣть въ виду, что упоминаніе о татарскомъ вмѣшательствѣ, вызванномъ посягательствомъ Казиміра, могло быть запутано въ относящихся сюда показаніяхъ, благодаря недавности татарскаго погрома, въ дѣйствительности котораго, какъ указано выше [1]), трудно сомнѣваться. Въ свою очередь именно эта недавность татарскаго нападенія на Польшу и вѣроятность, что въ предѣлахъ Галичины могли еще оставаться отдѣльные татарскіе отряды, значительно должна была облегчить Дѣтку сношенія съ татарами и ускорить ихъ содѣйствіе русскимъ. Когда именно Казиміръ предпринялъ свой несчастный набѣгъ—мы не знаемъ, но знаемъ, что 25-го октября онъ уже былъ въ Краковѣ [2]). Къ половинѣ октября предпріятіе, слѣдовательно, должно было уже закончиться. Съ другой стороны, несомнѣнно, что состояніе дорогъ не могло позволить Казиміру начать походъ осенью. Сообщаемая Траскою и Длугошомъ дата втораго похода Казиміра—конецъ іюня — можетъ имѣть за собою поэтому нѣкоторую вѣроятность, и кажется, въ такомъ случаѣ, трехъ мѣсяцевъ вовсе не мало для тѣхъ событій, которыя мы изложили выше, особенно при условіи, что съ обѣихъ сторонъ должны были быть приложены всѣ старанія для возможнаго ускоренія развязки.

Приходится отмѣтить еще одно обстоятельство, связанное съ занимающими насъ такъ долго событіями,—тѣмъ болѣе, что упоминаніе о немъ помѣщено въ непосредственно относящемся сюда документѣ. Судя по содержанію папскаго письма 1341 года, Казиміръ не сейчасъ же послалъ папѣ сообщеніе о своемъ предпріятіи: нѣкоторое время прошло въ „прилежномъ“ обсужденіи положенія дѣлъ и въ первыхъ спѣшныхъ плохо, какъ оказалось, расчитанныхъ попыткахъ его исправленія [3]): сила была отражена силой; надо было думать о матеріальныхъ средствахъ, и за ними обратился Казиміръ къ „сосѣднему католическому государю“. Къ какому? — не можетъ быть сомнѣнія. Отвѣтъ дается впервые именно около этого времени рѣшеніемъ вопроса о Казиміровомъ наслѣдникѣ. Это весьма печальная исторія: Казиміръ еще во цвѣтѣ лѣтъ, а сосѣди, короли Чешскій и Мадьярскій, уже заключаютъ условія на случай его безпотомственной смерти [4]).

---

[1]) См. предыдущую главу

[2]) Код. Малопольск. Mon. med. aevi III, № 210.

[3]) Et tandem dictus rex diligenter attendens, quod ad hujusmodi prosequendum negocium catholicorum principum vicinorum necessariam assistenciam, licet ipsam postulaverat, non habebat. *Theiner*, M. P. I. № 566.

[4] *Каро*, II, 205. Во время вышеградскихъ переговоровъ Казиміру было 28 лѣтъ.

Самъ Казиміръ и подкупленные венгерскимъ золотомъ польскіе вельможи съ энергіей, достойною лучшей участи, поддерживаютъ ихъ планы на радѣ въ Краковѣ въ 1339 году [1]). Особенно заманчивымъ и убѣдительнымъ доводомъ выставлено было расширеніе предѣловъ Польскаго государства, не трудное для могущественнаго сосѣда. Немедленно послѣ Краковской рады Казиміръ отправляется въ Вышеградъ, гдѣ сынъ Карла Людовикъ и былъ провозглашенъ наслѣдникомъ. Теперь, послѣ неудачи 1340 года, дѣло касалось существенныхъ интересовъ Польскаго государства. Кому же было скорѣе откликнуться на призывъ Казиміра, какъ не будущему польскому государю? Ему представлялся прекрасный случай засвидѣтельствовать передъ Казиміромъ и будущими подданными искренность данныхъ годъ назадъ обѣщаній и заранѣе пріобрѣсти ихъ благодарность и любовь. Надо думать, Казиміръ обратился къ Карлу за помощью съ полною увѣренностью въ томъ, что онъ получитъ ее: онъ, дѣйствительно, имѣлъ право не просить, а требовать, какъ и говоритъ папское письмо.

Расчетъ, однако, оказался не вѣрнымъ, положеніе трагическимъ. Если расширеніе предѣловъ государства на счетъ Руси представлялось Казиміру единственнымъ выходомъ, то легко представить себѣ, какое впечатлѣніе должна была произвести на него неудача 1340 г. Только теперь Казиміръ убѣдился въ томъ, что̀ для Локетка сразу было совершенно ясно, именно—что сосѣдніе государи, плохіе союзники Польши, что на вполнѣ искреннюю поддержку и содѣйствіе движенію на востокъ Польша можетъ расчитывать лишь со стороны Рима, который долженъ былъ принимать живѣйшее участіе въ дѣлахъ католической Польши, крайняго католическаго государства на европейскомъ востокѣ [2]). Въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка туда все болѣе и болѣе обращались виды куріи [3]). Къ прежнимъ напоминаніямъ о пограничномъ съ Польшей православномъ востокѣ прибавилось не мало новыхъ. Въ 1327 году, казалось, давнія надежды папъ начали осуществляться, и переходъ Юрія-Болеслава въ католичество вызвалъ въ Римѣ чрезвычайное ликованіе, неиз-

---

[1]) Янъ, М. P. H. II, 638.

[2]) Tu, пишетъ Казиміру Бенедиктъ XII,—attendens, quod dictum regnum (Польша) est ecclesie romane immediate subiectum et eciam censuale... Quod regnum tuum Polonie est in ultimis christianorum finibus constitutum. *Theiner*, M. H, I, № 958.

[3]) *Röpell*, G. P. 563.

реченную радость [1]), а какъ разъ въ 1340 г. открылись Бенедикту такія блестящія надежды, какія давно ужь не представлялись куріи: съ одной стороны, успѣшна была проповѣдь миноритовъ въ Босніи, съ другой—возвращавшіеся изъ Китая папскіе миссіонеры дали возможность папѣ завязать сношенія съ Усбекомъ. Папа обмѣнялся посольствами съ могущественнымъ ханомъ и былъ имъ весьма обнадеженъ [2]), а по поводу успѣховъ миноритовъ въ Босніи обратился съ посланіемъ ко всему пограничному съ востокомъ католическому духовенству [3]). Удивительно ли, что обращеніе Казиміра въ 1340 году должно было найдти въ Римѣ самый сочувственный отголосокъ [4]), и мы видѣли, съ какою поспѣшностью поручилъ папа польскимъ епископамъ проповѣдывать крестовый походъ. Мы склонны думать, что это отношеніе куріи къ пограничному съ Польшей схизматическому востоку должно было особенно утверждать Казиміра въ надеждахъ на благопріятный для него исходъ задуманныхъ плановъ. Въ какомъ отчаянномъ положеніи долженъ былъ очутиться Казиміръ послѣ неудачи 1340 г.! И ни въ чемъ, быть можетъ, если не считать постыднаго бѣгства съ поля битвы подъ Пловцами, не обнаружилось его малодушіе такъ ярко, какъ въ его загадочно-молительномъ обращеніи къ папѣ, о которомъ упоминаетъ извѣстное намъ письмо 1341 г. Объяснять его иначе мы не находимъ возможности: положеніе Казиміра должно было быть очень тяжело, и только въ такомъ положеніи можно было такъ всецѣло предаться куріи, какъ предался ей съ этого времени Казиміръ. Таково единственное, по нашему мнѣнію, объясненіе содержанія и характера такъ долго занимавшаго насъ документа. Основывать на немъ мнѣніе о какой бы ни было зависимости Руси отъ Польши съ 1340 г. значило бы основываться на буквѣ, не принимая во вниманіе всѣхъ обстоятельствъ какъ сопровождавшихъ, такъ и непосредственно слѣдовавшихъ за фактомъ. Въ смыслѣ установленія отношеній Польши къ куріи указанное письмо

---

[1]) Exultatio pregrandis... ineffabilis exultatio cordis. *Theiner*, M. P. I, № 383, 384.

[2]) *Theiner*, M. H. I, № 960. Папскія письма къ Чанибеку и Тайдулѣ ib. № 961, 962.

[3]) Qui in Tartarorum imperiis ac vel in oriente vel Scythia asiatica versabantur. *Raynald* подъ 1340 г., 74.

[4]) Considerantes etiam urgentem et probabilem tue supplicationis instantiam, votis tuis super premissis eo libentius annuendum fore providimus, quod illa apostolici favoris fulcienda et juvanda presidiis magis utile et expediens existimamus. *Theiner*. M. H. I, № 958.

представляется намъ по истинѣ знаменательнымъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ борьбы мы увидимъ, что Римъ является тою силой, которая толкала Казиміра на Русь и всѣми средствами старалась его поддержать; Польшѣ усиленно навязывалась религіозная миссія, которою она, благодаря монашескимъ орденамъ доминиканъ и миноритовъ, дѣйствительно мало по малу проникалась и въ концѣ концовъ стала активнымъ передовымъ постомъ католицизма, сознательно и убѣжденно выставляя его пропаганду на своемъ знамени.

И въ этомъ, слѣдовательно, случаѣ зародыши всѣхъ позднѣйшихъ явленій обнаруживаются въ первомъ движеніи Польши на Русь. Замѣчательно, что столь тѣсный союзъ съ куріей былъ заключенъ при королѣ, въ которомъ даже благоговѣющіе передъ его памятью историки не могутъ не указать „очевидной болѣзни въ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ“ [1]).

Такъ представляется намъ событіе 1340 г. во всемъ его фактическомъ объемѣ. Ничтожно было оно по своимъ непосредственнымъ, немедленнымъ, дѣйствительнымъ результатамъ, а потому и было оставлено современниками безъ всякаго вниманія, но тѣмъ не менѣе, какъ сказано, оно является тѣмъ узломъ, который потомъ распутывается на протяженіи вѣковъ, представляя яркій образецъ тѣхъ, по видимому, непонятныхъ историческихъ явленій, какихъ можно найдти не мало во взаимныхъ отношеніяхъ Руси и Польши. Неудачная попытка, не только не увѣнчавшаяся успѣхомъ, но причинившая Казиміру не мало стыда, превращается въ торжество; нарушеніе чужаго права является надолго основаніемъ правъ и притязаній. Въ общемъ явленіе это, какъ сказано, объяснено давно и вполнѣ вѣрно: „что̀ сдѣлали изъ ничтожныхъ обстоятельствъ патріотизмъ и фантазія, читай у польскихъ историковъ“; такъ говоритъ Каро. Въ общей исторіи Польши онъ могъ обойдти вопросъ о литературной обработкѣ сообщенія, такъ долго пользовавшагося полнымъ довѣріемъ. Мы не можемъ обойдти этого вопроса.

Мы уже указывали, что русскіе памятники молчатъ о событіи 1340 года. За то широко распространяются о немъ писатели польскіе. Причина очень проста: польскіе источники, подобно литовскимъ, составлялись во время горячей борьбы между Польшей и Литвой за русскія области, отсюда у поляковъ чрезмѣрное расширеніе завоеваній Казиміра, у литовцевъ—Гедимина.

---

[1]) *Шуйскій*, Opowiad., 31.

Подробныя сообщенія Длугоша и его послѣдователей—Мѣховиты, Кромера, Стрыйковскаго, вслѣдствіе слишкомъ очевидной фантастичности, утратили въ настоящее время значительную долю своего прежняго значенія. Не на нихъ ссылаются лучшіе польскіе изслѣдователи, по крайней мѣрѣ, не ихъ выставляютъ на первый планъ. Упорно настаивая на занятіи Казиміромъ Руси въ 1340 году, они указываютъ на современниковъ событія Яна, Траску и иностранцевъ Анонима Леобенскаго и Витодурана [1]). О послѣднихъ мы говорили и не считаемъ нужнымъ еще разъ на нихъ останавливаться. Остаются такимъ образомъ Янъ и Траска.

Нѣсколько словъ, посвященныхъ хроникѣ Яна, Каро заканчиваетъ такъ: „есть много списковъ его произведеній и лишь два плохихъ изданія—Соммерсберга и Мицлера“ [2]). Думается, что и съ выходомъ въ свѣтъ втораго тома „Monumenta Poloniae Historica“ упрекъ Каро не потерялъ значенія: текстъ хроники превосходнаго польскаго хрониста, по крайней мѣрѣ, въ трехъ первыхъ главахъ, въ данномъ случаѣ для насъ особенно важныхъ—а именно онѣ и возбуждаютъ сомнѣнія—остается безъ критической разработки и понынѣ. И не удивительно: рѣшить болѣе или менѣе удовлетворительно вопросъ объ этихъ главахъ можетъ лишь критика ихъ содержанія, для чего, разумѣется, потребно предварительное обслѣдованіе событій, составляющихъ содержаніе этихъ главъ. Конечно, не вина издателей, что такого обслѣдованія нѣтъ, но давность сомнѣній относительно указанныхъ главъ должна была, при новомъ изданіи, обратить на нихъ особенное вниманіе.

Сдѣланное нами сопоставленіе второй главы хроники Яна съ документомъ папской канцеляріи, въ связи съ обстоятельствомъ, что первыя три главы во многихъ спискахъ помѣщены отдѣльно отъ хроники, или, какъ выражается И. Шляхтовскій,—„заблудились среди рочниковъ“ показываетъ, что сомнѣнія относительно ихъ не безосновательны, и все-таки всѣ три главы включены въ текстъ въ полномъ видѣ, какъ бы сохраняя такимъ образомъ свое значеніе. Можно указать и болѣе грубыя небрежности; такъ, напримѣръ, издатель хроники Яна въ „Monumenta“, И. Шляхтовскій ссылается на стилистическую связь второй главы съ предыдущею, но слова — igitur не рѣшается включить въ текстѣ, и основательно, ибо изъ девяти спис-

---

[1]) См. у *К. Стадницкаго,* Synowie, II, пр. 27.

[2]) G. P., II, 578.

ковъ оно находится только въ двухъ. Зачѣмъ же было указывать на стилистическую связь?

Указанныя главы затрудняютъ рѣшительно каждаго изслѣдователя и каждый толкуетъ ихъ по своему. Приведемъ главнѣйшія мнѣнія.

К. Стадницкій считаетъ отрывокъ третьей главы отрывкомъ древняго лѣтописца, не принадлежащимъ Яну и неловко вклееннымъ въ текстъ его хроники [1]). Авторомъ его Стадницкій считаетъ или мазура, недовольнаго тѣмъ, что Русь не осталась за Мазовскими князьями, или великополянина, которому событія не были извѣстны [2]). Ржежабекъ, дополняя мнѣніе Бѣлевскаго объ ошибкѣ переписчика во второй главѣ указаніемъ на невозможность замѣны имени Болеслава именемъ Казиміра, вслѣдствіе совершенно различной формы ихъ написанія, приписываетъ ошибку самому Яну, которому „измѣнила память". Дальнѣйшее вѣрное именованіе князя въ третьей главѣ Ржежабекъ считаетъ вставкою какого-нибудь мазовскаго переписчика, основываясь на томъ, что въ двухъ лучшихъ спискахъ имени Болеслава на этомъ мѣстѣ нѣтъ [3]). Зубрицкій толкуетъ отрывокъ второй главы такимъ образомъ, что имя Казиміра носилъ мнимый Юрій Андреевичъ [4]). Наконецъ, г. Лонгиновъ предлагаетъ „среднюю" редакцію, по которой выходитъ, что имя Казиміра носилъ Андрей Юрьевичъ [5]). Однимъ словомъ, указанныя три главы породили множество болѣе или менѣе остроумныхъ, но въ концѣ концовъ произвольныхъ толкованій, нисколько не содѣйствующихъ выясненію дѣла.

Уже это обстоятельство указываетъ на внутреннюю несостоятельность источника; подлинные первоисточники не запутываютъ, а разъясняютъ; взаимное ихъ сличеніе можетъ открывать новыя подробности событія, разъяснять его объемъ, характеръ, но не можетъ приводить къ непримиримымъ противорѣчіямъ, какія мы однако видѣли въ сдѣланномъ нами сопоставленіи второй главы хроники съ папскимъ письмомъ. Съ другой стороны, современность Яна событіямъ, его высокое положеніе при дворѣ Казиміра рѣшительно исключаютъ мысль о возможности совершенно невѣрнаго представленія событій, при

---

[1]) Synowie, II, 7, пр. 20.

[2]) Ib. 230.

[3]) Časop., 135, прим. 32.

[4]) Повѣсть, 103; Анон. Гнезн. 36. Само собою разумѣется, это толкованіе не имѣетъ теперь рѣшительно никакого значенія.

[5]) Грамоты Юрія II, 12.

общей правдивости изложенія [1]). Въ виду этого смѣло можно считать показанія Яна искаженными тамъ, гдѣ они рѣзко расходятся съ фактами, извѣстными намъ документально, или гдѣ они слишкомъ рѣзко нарушаютъ приблизительно вѣроятный — опять-таки на основаніи данныхъ совершенно несомнѣнныхъ—ходъ событій. Если даже принять мнѣніе Шляхтовскаго, что занимающія насъ главы дописаны были Яномъ потомъ за одинъ разъ [2]), то во всякомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы, вслѣдствіе того, въ нихъ оказались такія вопіющія невѣрности, какъ напримѣръ, измѣненіе имени Русскаго князя, столь интересовавшаго польскій дворъ, или изложеніе событій, совершенно расходящееся съ реляціей, офиціально утвержденной при томъ же дворѣ. Предполагать, какъ Ржежабекъ, что въ имени послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя, Яну измѣнила память, когда онъ вѣрно называетъ его въ слѣдующей главѣ, есть крайній произволъ, совершенно непонятный у такого основательнаго и осторожнаго изслѣдователя.

Далѣе, совпаденіе титула русскаго воеводы въ папскомъ письмѣ 1341 г. и въ грамотѣ Димитрія торнскимъ купцамъ даетъ полное основаніе видѣть въ обоихъ случаяхъ одно и то же лицо. Во второй главѣ Яна названъ Дѣтко, ему приписывается инициатива противодѣйствія Казиміру, но онъ здѣсь вопервыхъ— quidam, вовторыхъ — перемышльскій. Обстоятельство весьма существенное: Перемышль, хотя и ближайшій къ Польшѣ, былъ по присоединеніи къ ней Галичины центромъ русской оппозиціи, какимъ не могъ быть Львовъ, благодаря преобладанію въ немъ иноземнаго элемента. Внесеніе Перемышля было такимъ образомъ совершенно естественно для позднѣйшаго переписчика или передѣлывателя, при твердомъ убѣжденіи въ вѣрности Польшѣ наполненнаго нѣмцами и другими торговыми иностранцами Львова; но не возможно допустить, чтобы такое искаженіе могло быть сдѣлано самимъ Яномъ. Можно указать и другія замѣтныя сомнительности. Стилистически вторая глава не связана съ предшествующею [3]), по содержанію она противорѣчитъ третьей; въ

---

[1]) Въ хроникѣ есть невѣрности, см. *Шуйскій*, Opowiad, 117; но онѣ объясняются положеніемъ Яна по смерти Казиміра и личными его отношеніями къ тогдашнимъ правителямъ, что въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакого приложенія.

[2]) M. P. H. II, 614.

[3]) Igitur лишь въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ худшій.

ней есть отрывокъ [1]), въ виду общаго обзора правленія Казиміра въ третьей главѣ, совершенно лишній; есть длинныя, риторическія перефразировки того, чтò въ третьей главѣ разказывается гораздо болѣе сжато и просто [2]); все это даетъ основаніе считать часть второй главы, касающуюся событій на Руси позднѣйшею переработкой, но именно переработкой, а не вставкой, ибо указаніе въ ней на одинъ лишь походъ Казиміра на Русь, а не два, какъ обыкновенно, а равно и разсказъ о борьбѣ на Вислѣ, а не въ пространствѣ, какъ у Траски, заставляетъ думать, что первоначальное, быть можетъ, вѣрное изложеніе Яна, слишкомъ расходясь съ общеутвердившимся въ XV вѣкѣ взглядомъ, подверглось передѣлкѣ, совершенно исказившей первоначальный текстъ. Что касается третьей главы, то хотя она и по хронологіи, и по содержанію совершенно гармонируетъ съ четвертою, несомнѣнно принадлежащею Яну, все-таки и въ ней нельзя не усмотрѣть внутренней несостоятельности, напримѣръ, въ указаніи результата похода 1349, а слѣдовательно, и искаженія, но оно во всякомъ случаѣ, не столь рѣзко.

Цейсбергъ не пытался распутать узла; онъ разрубилъ его, считая первыя три главы не принадлежащими Яну [3]). Врядъ ли съ нимъ можно согласиться. Igitur, съ котораго начинается четвертая глава, непремѣнно предполагаетъ предшествующее; на такомъ же основаніи можно думать, что и начало третьей главы, по видимому, въ меньшей степени искаженной—regio itaque diademate insignitus—предполагаетъ предшествующее упоминаніе о коронаціи, дѣйствительно находящееся въ началѣ второй главы; въ свою очередь, и первая нужна, ибо въ третьей говорится: praefata domina Anna, чтò при указанномъ условіи составленія заразъ, могло быть, хотя ссылки и

---

[1]) Hic post coronationem suam in omnibus fuit felicissimus, praecipue quoad augendum et dilatationem regni Poloniae.

[2]) Такъ во 2-й главѣ: nam terram Cujaviae, quam barbati nigram crucem in albo pallio deferentes hospitalarii S. Mariae Ierosolimitanae pro domo theutonica tempore incliti principis Wladislai olim regis Poloniae patris sui occupaverunt, sine bello et gladio ab eisdem recuperavit. Тоже въ 3-й главѣ: regnum suum viriliter defendebat, cruciferi namque considerata ipsius potentia et industria terras Cujaviae et Dobriniae, quas tempore patris sui occupaverunt, sibi restituerunt pacem perpetuam cum ipso firmantes. Нужно очень немного вниманія, чтобы видѣть взаимное отношеніе приведенныхъ отрывковъ.

[3]) *H. Zeissberg*. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, Лейпц. 1873, стр. 160, пр. 2.

не въ обычаѣ Яна. Вотъ соображенія, представившіяся намъ, при внимательномъ разсмотрѣніи первыхъ главъ его хроники. Онѣ никоимъ образомъ не могутъ считаться подлинными, а слѣдовательно, не могутъ имѣть значенія вполнѣ достовѣрнаго источника. Передѣлка объясняется тѣмъ, что истина, быть можетъ, первоначально въ нихъ заключавшаяся, слишкомъ рѣзко расходилась съ нужною для XV вѣка и съ того времени общеутвердившеюся ложью. Надо имѣть въ виду, что рѣшительно всѣ рукописи хроники Яна принадлежатъ XV вѣку [1]). Неискусность передѣлки обличаетъ лишь первоначальный остовъ, но дѣлаетъ совершенно невозможнымъ возстановленіе первоначальнаго текста.

Мы старались представить событіе 1340 года не только само по себѣ, но и въ его историческомъ и литературномъ развитіи. Невольно вспоминается сказка о томъ, какъ едва замѣтная кочка, когда на нее наступили, выросла въ высокую гору. Не обратившій своевременно ничьего вниманія фактъ получаетъ какое-то особенное, фальшивое освѣщеніе въ реляціи, посланной Казиміромъ въ Римъ. Но на то она и реляція.

Быть можетъ, истинный или, по крайней мѣрѣ, близкій къ истинѣ разказъ современника Яна отодвигается на задній планъ, отпадаетъ даже отъ его хроники, блуждаетъ по рочникамъ и, лишенный авторитета имени его составителя, передѣлывается и искажается безъ всякихъ стѣсненій, пока наконецъ у Длугоша не получаетъ опредѣленности, полноты, законченности. „Занятіе Казиміромъ Червоной Руси Длугошъ“, по словамъ Семковича, „разказываетъ на основаніи Траски, дополняя Яномъ“ [2]). Съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно бы сказать и на оборотъ: такова уже всегдашняя зависимость Длугоша отъ источниковъ. Можно даже думать, что скорѣе вторая глава Яна, чѣмъ сообщеніе Траски, послужила первоначальною канвой, на которой рисовали узоры патріотизмъ и фантазія.

Даже въ нынѣшнемъ, несомнѣнно искаженномъ видѣ, она все-таки представляетъ особенности, не вполнѣ затертыя позднѣйшими искаженіями: въ ней упоминается объ одномъ лишь походѣ, и въ описаніи его начала мелькаетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое сходство съ реляціей Казиміра, затѣмъ борьба съ татарами происходитъ на Вислѣ.

---

[1]) М. P. H., II, предисловіе къ хроникѣ.

[2]) *Семковичъ*, Krytyczny rozbiór, 358.

[3]) М. P. H., II, 860.

Совсѣмъ не то у Траски [3]). Въ его варіантѣ, ничѣмъ существеннымъ не отличающемся отъ сообщенія лѣтописца Малопольскаго [1]), все неопредѣленно: мѣсто дѣйствія —Russia, названія городовъ замѣняются общимъ—castella et municiones, и побѣда—опять-таки безъ означенія мѣста—надъ 40 тысячами татаръ и такимъ же числомъ (даже больше) русскихъ! Списокъ этотъ находился въ рукахъ Длугоша и носитъ на себѣ многочисленныя слѣды его помѣтъ [2]). По характеру извѣстій онъ обнаруживаетъ явное вліяніе народныхъ сказаній, всего вѣроятнѣе мазурскихъ, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сохраняетъ значеніе источника несомнѣнной подлинности!... [3])

Быть можетъ, явно эпическій характеръ Длугошева разказа былъ бы легче и скорѣе замѣченъ, еслибы его не испортилъ трудолюбивый описатель короннаго архива, ограничивъ первый походъ Казиміра завоеваніемъ Львова, и прибавивъ въ заключеніи упоминаніе о какомъ-то договорѣ Казиміра съ Литовскими князьями Явнутомъ, Кейстутомъ и Любартомъ, впослѣдствіи подтвержденномъ Ольгердомъ [4]). Благодаря этому, плѣнительная для чувства эпопея получила видъ документальности.

Послѣдующіе повторяли то Длугоша, то Кромера, то того и другаго вмѣстѣ [5]). Не ихъ вина. То было время, когда факты получали тѣмъ большую достовѣрность, чѣмъ меньше были сообразны съ дѣйствительностью. Чего только не видалъ, напримѣръ, Стрыйковскій и притомъ „собственными“ глазами! Отношеніе польской исторической науки, въ иныхъ случаяхъ столь требовательной и трезвой, къ 1340 году, показываетъ, что и теперь еще, при всей строгости пріемовъ исторической критики, при полномъ отсутствіи наивной вѣры прежнихъ временъ, „возвышающій обманъ“ не потерялъ значенія. Но историческій субъективизмъ имѣетъ, долженъ имѣть границы. Онѣ даются

[1]) Ib. III. 200.

[2]) Ib. II, 826.

[3]) Мы совсѣмъ не понимаемъ, на какомъ основаніи занимающая насъ лѣтопись называется именемъ Траски; вѣдь фраза: Thraska etiam fuit ibidem, то-есть въ походѣ 1340 г., представляетъ для этого единственное основаніе. Нельзя также упускать изъ виду противорѣчіе въ показаніяхъ Бѣлевскаго о времени составленія кодекса Замойскихъ, въ которомъ наша лѣтопись занимаетъ стр. 74—89. Въ одномъ мѣстѣ Бѣлевскій относитъ его приблизительно къ 1341 г. (M. P. H. II, 826), а въ другомъ—ко *второй половинѣ* XIV в. (Ib. I, 387).

[4]) Кромеръ. Polonia, Кельнск. изд. 1589 г., XII, 207.

[5]) Напримѣръ, Стрыйковскій, II, 20.

документами: грамотою Казиміра въ Краковѣ 25-го октября 1340 года, грамотою Димитрія торнскимъ купцамъ и грамотою Людовика къ тому же Димитрію. Чѣмъ же окажется грандіозное, по видимому, предпріятіе, поставленное въ эти рамки? Только жалкою попыткой— не больше!

1341—1345—1349 гг.

Мы видѣли, что до 1344 г. Галицкая Русь оставалась подъ управленіемъ Дѣтка совершенно независимой отъ Казиміра. Подъ 1347 г. находимъ обращеніе императора Іоанна Кантакузина къ Любарту по дѣлу о подчиненіи галицкаго епископа Кіевской митрополіи [1]), слѣдовательно, дѣло о Галицкой епархіи касалось Любарта, а не кого-либо другаго. Что это дѣйствительно такъ, то-есть, что обращеніе императора имѣетъ смыслъ не извѣщенія о церковныхъ отношеніяхъ владимірскаго епископа, епархія котораго могла входить въ предѣлы Галицкой митрополіи, видно изъ того, что императоръ поручаетъ Любарту озаботиться присылкой въ Царьградъ вызвавшаго церковную смуту галицкаго архіерея. Конечно, въ такомъ случаѣ Любартъ долженъ былъ имѣть дѣйствительную власть въ Галичѣ, быть не только владимірскимъ, какъ титулуетъ его императоръ, но и галицкимъ княземъ. Кто же владѣлъ Галичиной съ 1344 по 1347 г., какова была роль Дѣтка до 1344 г.? Неужели край, которому судьба судила быть яблокомъ раздора между сосѣдями, былъ ими временно оставленъ безъ всякаго вниманія, предоставленъ въ безконтрольное владѣніе боярина, хотя бы и виднаго; неужели Дѣтко былъ второй Володиславъ и счастливѣе перваго, удерживая власть въ своихъ рукахъ въ теченіе четырехъ, а быть можетъ, и цѣлыхъ семи лѣтъ? Объ отплатѣ Димитрію и дѣтямъ или родственникамъ его „княженія дѣля" ничего не знаемъ, а врядъ ли можно допустить, что тотъ, кто имѣлъ право считать себя законнымъ властителемъ Галичины — ибо власть Дѣтка во всякомъ случаѣ была бы сочтена за узурпацію — оставилъ бы боярскую дерзость безъ всякаго наказанія. По крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, еслибы это былъ Казиміръ, онъ бы напомнилъ Димитрію „diabolicam suggestionem, а если не Янъ, то Длугошъ, въ назиданіе

---

[1]) Acta patriarchatus Constantinopolitani, ed. Miklosich, Vindobonae 1860, I, 265 № 119, и Р. И. Б. VI, прил. № 6.

потомству, описалъ бы подробно учиненную надъ русскимъ бояриномъ расправу. Но ничего о судьбѣ „провизора или капитана русскаго“ не сообщаютъ намъ польскіе памятники. — Отчего, однако, Димитрій, къ которому обращаются сосѣдніе государи, очевидно фактически, по крайней мѣрѣ, признавая его власть, титулуетъ себя лишь „provisor seu capitaneus“, блюститель или воевода? Скромность мало подходитъ къ узурпаторамъ, да еще столь бурнаго времени, очень мало гармонируетъ она и съ извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ характеромъ галицкаго боярства.—Димитрій, очевидно, не считалъ себя правителемъ самостоятельнымъ, онъ „блюлъ“ галицкое достояніе для кого-то другаго, онъ былъ чей-то намѣстникъ, чей-то воевода. Чей же? [1]).

Повторяемъ, борьба Любарта съ Казиміромъ была бы лишена всякаго смысла, еслибы Любартъ не защищалъ свое право и свое владѣніе. Приведенныя выше показанія [2]), будучи единственно удовлетворительнымъ объясненіемъ этой упорной борьбы, по своей категоричности именно тамъ, гдѣ ея всего менѣе можно бы ожидать, не могутъ быть не признаны несомнѣнными. Имъ противорѣчитъ лишь тенденція, а боится поставить ихъ на надлежащее мѣсто лишь ничѣмъ необъяснимая нерѣшительность откинуть вѣковую традицію.— „Маловажное на видъ обстоятельство“, какъ говоритъ Шараневичъ, — союзъ Димитрія Дѣтка съ Даніиломъ Острожскимъ, заставляющій галицкаго историка не отвергать безусловно показаній польскихъ анналистовъ о широкихъ размѣрахъ Казимірова набѣга 1340 г. [3]), является весьма существеннымъ подтвержденіемъ един-

---

[1]) Насъ не должно удивлять, что въ приведенной нами грамотѣ торнскимъ купцамъ Дѣтко называетъ прежнихъ князей своими предшественниками. Совершенно также выражается Спытко Мельштынскій въ документѣ замѣны монастыря Созанскаго за село Ярыловцы: cum munimentis et privilegiis ducum Russiae *praedecessorum nostrorum*. *Шараневичъ*, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w XV w. Львовъ, 1869, стр. 57, пр. 84.

[2]) См. гл. 1-я, стр. 47.

[3]) *Шараневичъ*, Исторія, 158. *К. Горжицкій*, Połączenie, 26 полагаетъ „несомнѣннымъ“, что союзникъ Димитрія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ ему Даніиломъ Острожскимъ: do dziś dnia, говоритъ Горжицкій,—istnieje w Galicyi wieś Ostrow, *może być że* tam wznosił się ongiś grod naszego Daniela. Резонъ убѣдительный! Какой же смыслъ имѣютъ въ такомъ случаѣ грамоты Острожскимъ, въ которыхъ упоминаются „старыя службы“ Любарту. Архивъ Сангушковъ. Львовъ. 1887, I, № 5.

ства и солидарности Галицкой и Владимірской земель, составлявшихъ одно цѣлое и въ описываемое время; и по всей вѣроятности, основнымъ камнемъ значенія Острожскихъ, утвержденнаго грамотою Ягайла, гдѣ упоминаются „старыя службы“ Острожскихъ Любарту, послужила именно эта защита его правъ на Львовскую землю, зависимость которой отъ Любарта Гедиминовича, по смерти Юрія-Болеслава, въ виду всего сказаннаго, не можетъ подлежать сомнѣнію [1]).

Почему ничего не слышимъ за это время о Любартѣ, достаточно объясняютъ событія литовскія. „Брачныя связи дѣтей Гедимина ввели литовскій княжескій родъ въ семейный кругъ владѣтельныхъ династій въ двухъ сосѣднихъ съ Литвою государствахъ, упрочили союзы съ этими государствами и намѣтили политическія цѣли, къ которымъ должно было стремиться великое княжество Литовское“ [2]). Мы видѣли, что предпослѣдній Пястъ шелъ самъ на встрѣчу этимъ стремленіямъ Литвы, и еслибы обстоятельства развивались дальше въ своемъ естественномъ направленіи, рѣшительно нельзя было бы ожидать какихъ-либо осложненій на польско-русской границѣ по смерти Юрія II. Но радуется діаволъ кровопролитью, „подвизая свары и зависть, братоненавидѣнье“, и тѣмъ съ большимъ правомъ

---

[1]) Не придаемъ значенія надписи на колоколѣ львовской церкви св. Георгія, относящейся къ 1341 г. и называющей княземъ Димитрія: „въ лѣто 6849 сольянъ бы колоколъ сіи стму Юрью при князи Димитріи игуменомъ евъфимьемъ“, *Зубрицкій*, Повѣсть, 78 пр. 44. Догадки Андріяшева и Вагилевича кажутся намъ неосновательными: упомянутый князь Димитрій не могъ быть Дѣтко, какъ думаетъ *Андріяшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 210, пр. 3, ибо въ одновременной грамотѣ торнскимъ купцамъ онъ не называетъ себя княземъ; не могъ быть и потомкомъ Льва Даниловича, какъ полагаетъ *Вагилевичъ*, А. Гр. и З, III, 59, ибо генеалогія Даниловичей намъ извѣстна, а Уневскій синодикъ (у *К. Стадницкаго*, Synowie, II, 260) съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно читать и по столбцамъ, и въ строку подъ рядъ, да и вообще опираться на синодикѣ мудрено. Не знаемъ, на какомъ основаніи Вагилевичъ называетъ колоколъ теребовльскимъ. Колокола, конечно, могли перевозиться, но Зубрицкій, разказывающій о немъ весьма подробно, именно этой подробности не сообщаетъ. Отъ очевидно неосновательнаго объясненія надписи въ „Повѣсти“ Зубрицкій самъ отказался потомъ, Анон. Гнезн., 84. Безъ сомнѣнія, упоминаемый въ надписи князь былъ Любартъ, называющій себя Димитріемъ въ договорѣ съ Казиміромъ 1366 г.: „се язъ князь великій Димитрій“, Архивъ Сангушковъ, I, № 1, и въ грамотѣ львовянамъ 1379 г.: „Wir grosser Furste Demetyr“, А. Гр. и З, III, № 30. Димитріемъ же называетъ его и императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ указанномъ выше посланіи.

[2]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 76.

можемъ мы указать этотъ взглядъ древняго лѣтописца на усобную рать, что такъ именно смотрѣлъ на нее и Димитрій Дѣтко.

Въ 1341 году при осадѣ одной изъ крѣпостей погибъ Гедиминъ. Для Литвы наступило время испытанія прочности тѣхъ основъ ея государственнаго устройства, какія были заложены Гедиминомъ. „По мѣрѣ увеличеніи своихъ владѣній Гедиминъ раздавалъ въ управленіе членамъ своего семейства отдѣльныя области, входившія въ составъ Литовскаго государства, признавая за ними права удѣльныхъ князей, зависимыхъ отъ главы рода“ [1]).

Не смотря на опасное положеніе и юность государства, внезапная смерть Гедимина не вызвала въ немъ никакихъ внутреннихъ потрясеній: лѣтописцы ничего особеннаго по смерти Гедимина не отмѣтили. Изъ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей выносишь впечатлѣніе, какъ будто Гедиминъ умеръ спокойно „у великой старости своей“, окруженный оплакивающими его сыновьями, между которыми онъ раздѣлилъ свои владѣнія [2]). Дѣйствительно досадно, что средневѣковые лѣтописцы лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживали собственный взглядъ на внутреннюю жизнь народовъ и государствъ. Только внѣшніе факты казались имъ заслуживающими вниманія, и благодаря этому, мы осуждены оставаться въ мучительной неизвѣстности на счетъ состоянія умовъ общества послѣ неожиданной смерти основателя Литовскаго государства. Наружное спокойствіе въ Литвѣ приходится признать по неволѣ, и въ немъ нельзя не видѣть самаго краснорѣчиваго признанія величія духа и ума Гедимина, какъ-будто продолжавшаго царить надъ своею державой и по смерти, обезпечивая ей внутренній миръ, при наличности всѣхъ обстоятельствъ, способныхъ его нарушить. Но объясняя себѣ такимъ образомъ внутреннее состояніе Литвы въ періодъ времени отъ смерти Гедимина до 1345 года, мы, конечно, должны дѣлать надъ собою усиліе, подавляя естественно возникающіе въ нашемъ умѣ вопросы. Во всякомъ случаѣ нельзя не задуматься надъ положеніемъ Любарта. „Писатели польскіе“, говоритъ К. Стадницкій [3]), — „начиная съ Длугоша и кончая Нарушевичемъ, какъ будто состязались въ томъ, кто успѣшнѣе запутаетъ скудныя свѣдѣнія о немъ въ документахъ“, и благодаря этому, личность Любарта до сихъ поръ остается во многихъ отно-

---

[1]) Ibid. и пр. 1.

[2]) Лѣтописи: *Даниловича*, 27, *Попова*, 27, Быховца, 17.

[3]) Synowie, II, 154 пр. 227.

шеніяхъ исторической загадкой. Мы не имѣемъ намѣренія распутывать ее, отмѣчаемъ лишь факты, которые, надо замѣтить, врядъ ли могутъ быть разъяснены до такой степени, чтобы всякія сомнѣнія падали сами собою. Но если кое-что слѣдуетъ класть на рутину, на общій естественный ходъ,—а въ развитіи историческихъ событій врядъ ли можно отвергать ихъ значеніе—то въ положеніи Любарта, въ его неприсутствіи на занимающей насъ галицкой сценѣ мы должны усматривать наиболѣе яркое доказательство крѣпости общественнаго сознанія на счетъ неизбѣжности и естественной неотвратимости перехода всѣхъ западно-русскихъ земель подъ власть Гедиминовичей. Если, какъ указано выше, въ 1331 году былъ рѣшенъ вопросъ о галицко-владимірскомъ наслѣдіи, при чемъ Любартъ, по наиболѣе правдоподобному предположенію Ржежабка [1]), не получилъ никакого удѣла, то показаніе литовскихъ лѣтописей о принятіи Любарта „во Владимірѣ и въ Луцкъ и во всю землю Волынскую" (ограничиться названіемъ столицъ одной Волыни лѣтописцу показалось недостаточнымъ) можетъ быть понимаемо только въ такомъ смыслѣ, что Любартъ былъ признанъ наслѣдникомъ всѣхъ владѣній тогдашняго Волынскаго князя, и въ такомъ случаѣ девятилѣтняго промежутка, въ связи съ предшествовавшимъ ходомъ исторіи и тѣмъ поворотомъ, о которомъ думалъ было оказавшійся неспособнымъ стать русскимъ польскій ренегатъ, Юрій-Болеславъ, поворотомъ, долженствовавшимъ особенно уяснить галичанамъ ихъ отношенія къ католической Польшѣ, было, думается, совершенно достаточно для того, чтобы въ умѣ Любарта не могло возникнуть даже тѣни сомнѣнія на счетъ отношеній къ нему крайняго угла западно-русскаго міра, долженствовавшаго перейдти подъ его власть послѣ гибели Юрія-Болеслава. Мы видѣли, что событія 1340 года вполнѣ оправдали увѣренность волынскаго Гедиминовича, который все время до 1345 года могъ имѣть гораздо больше основаній желать выясненія своихъ отношеній къ остальнымъ частямъ Гедиминова наслѣдія, и ихъ правителямъ, особенно, если принять во вниманіе его раннее удаленіе на югъ. Галичину берегли для Любарта представители страны, твердо убѣжденные, что въ этомъ именно заключаются истинные интересы ихъ родины. Поддерживали ихъ, какъ мы видѣли, и волынцы, а Любартъ смотрѣлъ на это и награждалъ, какъ за службу. Однимъ словомъ, мы считаемъ совершенно достаточнымъ отмѣтить, что въ первый и послѣдній годъ занимающаго

---

[1]) *Časop.*, 211, пр. 81.

насъ пятилѣтія: въ смерти Гедимина и въ окончательномъ установленіи въ Литовскомъгосударствѣ новаго порядка—мы усматриваемъ причины, вполнѣ объясняющія отсутствіе Любарта на галицкой сценѣ.

Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что успѣшное отраженіе попытки Казиміра въ 1340 году могло еще усилить увѣренность Любарта въ твердости его положенія въ Галичинѣ.

Вотъ почему въ поведеніи Любарта мы не видимъ ничего страннаго: онъ не зналъ, не могъ знать Казиміра, не могъ знать и о тѣхъ планахъ, какихъ положилъ себѣ достигнуть Римъ черезъ польскаго короля. А между тѣмъ роль куріи въ занимающей насъ борьбѣ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ смотрѣть съ этого времени на Римъ, какъ на одну изъ воюющихъ сторонъ. Въ декабрѣ 1343 года Климентъ VI отдаетъ Казиміру десятую часть всѣхъ церковныхъ доходовъ „на усмиреніе татаръ, русскихъ и литовцевъ“ [1]), а вслѣдъ за тѣмъ десятина доходовъ епархій: Гнѣзненской, Краковской, Познанской, Куявской, Плоцкой, Любушской и Каминской, то-есть, со всей Польши, даже со включеніемъ областей, давно отторгнутыхъ отъ Польскаго государства, уступается Казиміру на два года. Призываются къ участію и рыцари, и ни для кого изъ духовныхъ лицъ не дѣлается ни малѣйшаго исключенія. Все это предписывается въ виду усиленныхъ просьбъ не одного лишь Казиміра, но и представленій другихъ достойныхъ вѣры лицъ [2]). Кого же? Думаемъ, отвѣтъ дается многократнымъ упоминаніемъ въ документѣ объ интересахъ римской церкви. Обращаемъ на это особенное вниманіе. Именно здѣсь и видны тѣ скрытыя пружины, которыя обнаружили рѣшительное вліяніе на ходъ дѣйствій, сообщивъ ему столь замѣтный культурно-религіозный характеръ. Постараемся представить себѣ положеніе Галичины въ послѣдніе годы правленія Юрія-Болеслава.

---

[1]) *Theiner*, M. P. I, № 604.

[2]) Ib. № 605: cum itaque sicut ad notitiam nostram tua et *aliorum fide dignorum relatione* pervenit et facti etiam evidentia manifestat, prefati pagani et infideles videlicet Tartari, Rutheni et Litfani hostes fidei christiane regnum tuum et subditos . . . aggrediantur multipliciter et frequenter impugnent ac . . . multa dompna . . . intulerunt hactenus et inferre conentur, et tum ob hoc, tum pro honore S-te Romane ecclesie in ipsis partibus defendendo multa subieris et subire te oporteat onera expensarum, ad que suportanda nequis sufficere per te ipsum . . . а потому обращаешься къ намъ съ просьбой объ уступкѣ церковныхъ доходовъ, и мы, видя, quod fidei orthodoxe ac eiusdem Romane ecclesie honoris defensio in hac parte tangitur . . . tuis supplicationibus inclinati, уступаемъ церковные доходы, слѣдующіе со всѣхъ духовныхъ лицъ безъ всякаго исключенія.

Тринадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ обращеніе его въ католицизмъ открыло куріи радостныя надежды на расширеніе предѣловъ ея власти на томъ востокѣ, который именно въ это время получалъ для Рима особенное значеніе. Извѣстный намъ характеръ Юрія-Болеслава могъ еще болѣе усилить эти надежды, и если въ послѣдніе годы его правленія замѣчается появленіе проводниковъ тевтонизма [1]), то тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы можемъ допустить, что не мало появилось въ Галичинѣ монаховъ нищенствующихъ орденовъ, энергія которыхъ къ тому времени далеко еще не остыла.

Конечно, ихъ сообщенія должны были находить въ Римѣ полную вѣру, а сами они должны были тѣмъ настойчивѣе обращаться туда, что новый поворотъ дѣлъ въ Галичинѣ грозилъ полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ трудовъ и усилій. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что тѣ же вліянія дѣйствовали и на Казиміра, указывая ему возможность поправленія столь неудачно начатаго дѣла, и понятно, Казиміръ долженъ былъ съ готовностью поддаваться ихъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что обстоятельства не терпѣли ни малѣйшей проволочки. Надо было пользоваться не установившимся положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ, и дѣйствительно Казиміръ употребилъ для этого всѣ свои усилія. Въ 1343 году ему удалось закончить продолжительный споръ съ рыцарями. По Калишскому миру Казиміръ уступилъ ордену земли: Хелминскую, Михаловскую, оставилъ въ его рукахъ Нешаву, Орловъ, Мурживово въ Куявіи, отказался отъ правъ и даже титула князя поморскаго, обязался выхлопотать утвержденіе этого мира какъ у своего преемника Людовика, такъ и у польскихъ чиновъ! Вотъ на какія уступки готовъ былъ Казиміръ для достиженія своихъ цѣлей на счетъ Руси, и даже въ настоящее время польскіе историки не рѣшаются его осудить, оправдывая уступчивость именно отношеніями къ Руси, татарамъ и Литвѣ [2])! Вотъ и все, что можно сказать съ полной достовѣрностью объ интересующемъ насъ періодѣ борьбы. Обозрѣніе отмѣченнаго періода мы должны закончить указаніемъ на фактъ, который мы не въ состояніи разъяснить. Въ 1345 году, 9-го мая, Казиміръ далъ въ

[1]) Грамота Саноку 1339 г.

[2]) *Шуйскій*, Dzieje Polski, 1,238. Его же замѣчанія о Калишскомъ мирѣ, вызванныя нѣсколько одностороннимъ освѣщеніемъ факта у Каро, впадаютъ, кажется, въ другую крайность (см. Opowiadania). Для насъ, впрочемъ, это вопросъ посторонній. О Калишскомъ мирѣ см. также *Шайноха*, Dzieła, V, 136.

Краковѣ сандецкимъ гражданамъ грамоту на право безпошлиннаго прохода съ товарами изъ Сандеча въ Русь черезъ Бѣчъ, Змигродъ и Санокъ [1]). Выходитъ, что крайній западный городъ Галицкаго княжества, получившій въ 1339 году грамоту отъ Юрія-Болеслава, въ 1345 году находился въ рукахъ Казиміра. Когда же онъ перешелъ къ нему? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать отвѣта, за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы ни было указаній [2]). Можемъ сказать только, что болѣе раннее отторженіе Санока находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, какія замѣчаются въ позднѣйшихъ явленіяхъ жизни этого города и его округа. Его судебные акты предшествуютъ таковымъ другихъ округовъ на 12 лѣтъ: они сохранились съ 1423 года, тогда какъ самые ранніе перемышльскіе лишь съ 1436 года, львовскіе—съ 1454 года. Здѣсь же, по всей вѣроятности, раньше 1435 года послѣдовало отдѣленіе города отъ земства, равно какъ до этого же года акты пишутся по латыни, и самая реформа судопроизводства не кажется здѣсь поразительной: въ актахъ галицкихъ и львовскихъ введеніе судебной реформы 1435 года сопровождается торжественными заголовками, въ саноцкихъ ничего подобнаго нѣтъ [3]). Къ тому же 1345 году относится упоминаніе папы о какомъ-то мирѣ, заключенномъ Казиміромъ со „схизматиками" [4]). Сопровождался ли этотъ миръ какимъ-нибудь договоромъ, не знаемъ; извѣстные намъ договоры къ этому времени никакъ отнесены быть не могутъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что обстоятельства благопріятствовали Казиміру. Онъ желалъ вести борьбу, средствъ для нея у него не хватало, и вотъ его поддерживаетъ папа, объединяя Польшу для достиженія успѣховъ на счетъ Руси: за десять лѣтъ до того времени, когда мазовскія войска шли на Русь въ союзѣ съ польскими, Плоцкая епархія давала Казиміру денежныя средства на борьбу, къ доставленію ихъ, по папскому приказу, были призваны и давно отпавшія части Польши, никогда потомъ къ ней не возвращавшіяся, папа до такой степени проникся воинственностью, что миръ со схизматиками наполнялъ его негодованіемъ, хотя только опасность со сто-

---

[1]) Код. Малопольскій, Mon. med. aevi III, № 218.

[2]) Относить присоединеніе Санока къ Польшѣ въ 1340 году нельзя, какъ потому, что обстоятельства этого года не даютъ для этого никакихъ основаній, такъ и потому, что папское письмо 18-го октября 1345 г. заставляетъ предполагать какія-то дѣйствія на польско-русскомъ пограничьѣ именно въ 1345 г.

[3]) *Кс. Лиске*, А. Гр. и З, XI, предисловіе.

[4]) *Theiner*, M. P. I, № 628.

роны Іоанна Богемскаго побудила Казиміра къ его заключенію. Русскія руки связаны были литовскими дѣлами 1345 года. Какъ отнесся Любартъ къ отторженію крайняго западнаго угла своихъ владѣній, не знаемъ,—о событіяхъ до 1349 года намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Вѣроятно, обѣ стороны выжидали лишь удобнаго случая—одна для дальнѣйшихъ захватовъ, другая для возвращенія отнятаго. Какъ бы ни было, фактъ болѣе ранняго отторженія Санока заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ смыслѣ, что указываетъ направленіе польскаго напора и территорію борьбы, происходившей, очевидно, на самой русско-польской границѣ, въ сѣверо-западномъ углу Галичины.

1349—1352—1366 гг.

1348 г. Литовцы потерпѣли пораженіе отъ рыцарей на рѣкѣ Стравѣ. Казиміръ не замедлилъ воспользоваться этимъ [1]). „Съ многочисленнымъ и хорошо устроеннымъ войскомъ, состоявшимъ изъ конницы и пѣхоты, двинулся Казиміръ сначала на Луцкъ, потомъ занялъ Владиміръ, Берестье и наконецъ Холмъ, гдѣ встрѣтилъ наибольшее сопротивленіе. Многіе города сдавались добровольно. Съ мольбами обратились къ нему русскіе князья, и король милостиво принялъ ихъ въ подданство, оставивъ имъ, по принятіи присяги на вѣрность, ихъ права. Со славой и торжествомъ войска и народа вернулся побѣдитель въ Краковъ“. — Такъ начинаетъ Длугошъ, печальный, впрочемъ, въ его изложеніи, для памяти Казиміра, 1349-й годъ [2]). — Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣйствія этого года были для Казиміра благопріятны, но должно сказать, что составить себѣ о нихъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе весьма трудно, вслѣдствіе крайней запутанности относящихся сюда показаній. Оставляя въ сторонѣ сообщеніе Длугоша, можно имѣть въ виду донесеніе Казиміра папѣ; извѣстіе Новгородской 1-й лѣтописи и прибавленіе къ королевскому титулу dominus terrae Russiae, чего не употреблялъ Казиміръ еще въ началѣ этого года [3]). Всѣ эти свидѣ-

---

[1]) Cruenta ea clade debilitatos Lithuanos invasit Casimirus R. P. *Raynald*, 1349, 24. На самомъ дѣлѣ пораженіе литовцевъ было вовсе не такъ значительно. См. *К. Стадницкій*, Olgerd i Kiejstut, 48 слл. и *Антоновичъ*, Очеркъ, 105, пр. 1. Преувеличивать успѣхи было въ прямыхъ интересахъ рыцарей.

[2]) IX, 234.

[3]) *Каро*, II, 284, пр. 2.

тельства въ сущности устраняютъ сомнѣніе лишь въ общемъ успѣхѣ Казиміра, не давая никакихъ сколько-нибудь ясныхъ указаній на счетъ подробностей. Что касается донесенія Казиміра объ обширныхъ пріобрѣтеніяхъ, въ которыхъ можно учредить 7 епископствъ и 1 архіепископство (?!), объ успѣшномъ началѣ миссіонерской дѣятельности — крещеніи какого-то князя [1]), то донесеніе это невольно напоминаетъ разказъ Длугоша о занятіи Казиміромъ Луцка, Владиміра, Бреста и Холма. Еслибы прибавить сюда Галичину, о которой, естественно, Длугошу упоминать было не зачѣмъ, съ Галичемъ, Перемышлемъ и Львовомъ, то получимъ какъ разъ семь епископскихъ резиденцій, предположивъ, что Казиміръ могъ имѣть въ виду и Брестъ. Но такой размѣръ завоеваній оказывается рѣшительно невозможнымъ на томъ простомъ основаніи, что для него у Казиміра не могло быть времени: еще 24 августа Казиміръ находился на русской границѣ въ Сандомирѣ, очевидно, только готовясь къ выступленію, и въ грамотѣ, данной этого числа торнскимъ купцамъ, упоминаетъ о Владимірѣ какъ еще не подлежащемъ его власти. Въ началѣ декабря (Sabbato infra octavam S. Andreae) въ томъ же Сандомирѣ, слѣдовательно, уже на обратномъ пути, Казиміръ снова даетъ грамоту тѣмъ же купцамъ и называетъ въ ней Владиміръ „своимъ городомъ". Походъ такимъ образомъ могъ продолжаться съ небольшимъ два мѣсяца. Пройдти осенью громадное разстояніе длугошевскаго маршрута, да еще съ многочисленнымъ войскомъ, даже не встрѣтивъ нигдѣ никакого сопротивленія—а Холмъ, и по Длугошу, потребовалъ сильной бомбардировки—рѣшительно не возможно [2]). Но въ такомъ случаѣ извѣстіе въ документѣ папской канцеляріи, заимствуемое изъ сообщенія Казиміра, потеряетъ для насъ значеніе, а слѣдовательно, и относительно событій 1349 г. мы принуждены руководиться главнымъ образомъ соображеніями.

Замѣтимъ прежде всего, что связанные съ 1349 г. переговоры между Кейстутомъ и куріей о принятіи христіанства не могли об-

---

[1]) *Theiner*, M. P. I, № 702. Документъ данъ 14-го марта 1351, но такъ какъ событія 1350 г. были для Казиміра неблагопріятны, то очевидно, сообщеніе объ успѣхахъ можетъ относиться лишь къ 1349 г.

[2]) Нельзя упускать изъ виду характера мѣстности и состоянія путей. Мы имѣемъ показаніе о позднѣйшемъ походѣ поляковъ и угровъ: 15 дней шли войска отъ Люблина къ пролегавшей неподалеку литовской границѣ, *Kwartalnik*, 1889, II, 208.

условливаться военными дѣйствіями Казиміра, какъ думаетъ Антоновичъ [1]).

Папскія письма Казиміру и гнѣзненскому архіепископу помѣчены 16-мъ сентября; Кейстуту—19-мъ числомъ того же мѣсяца [2]), между тѣмъ военныя дѣйствія врядъ ли могли начаться раньше половины сентября въ виду того, что, какъ мы видѣли, еще 24-го августа Казиміръ былъ въ Сандомирѣ. Мы отвергаемъ лишь связь обращеній Кейстута къ папѣ съ военными дѣйствіями Казиміра, и заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что въ письмѣ къ Казиміру папа вовсе не приписываетъ ему сообщенія о столь радостномъ для куріи намѣреніи литовскаго князя, ограничиваясь лишь указаніемъ на то, что король этому содѣйствовалъ (tuo cooperante studio). Но это лестное для Казиміра добавленіе объясняется заключеніемъ письма, гдѣ папа старается по возможности усилить ревность Казиміра для дальнѣйшаго содѣйствія обращенію невѣрныхъ. Нельзя не имѣть въ виду, вопервыхъ, того, что литовскія дѣла 1348 г., а быть можетъ, слухи о приготовленіяхъ Казиміра могли побудить Кейстута сдѣлать диверсію въ Римѣ, а, вовторыхъ, не слѣдуетъ забывать о необыкновенной отзывчивости куріи къ малѣйшимъ намекамъ на готовность завязать съ ней сношенія. Такъ, въ 1355 г., по поводу лишь „нѣкоторой надежды“ на обращеніе литовцевъ, папа посылаетъ письма Людовику Венгерскому, Владиславу Опольскому и Сомовиту Мазовскому [3]), само собою разумѣется, что были отправлены письма къ литовскимъ князьямъ. На этотъ разъ посредничество Казиміра было признано неудобнымъ и, конечно, справедливо, но повторилось то же, что́ было въ 1349 году, хотя папа даже не могъ сколько-нибудь опредѣленно указать основаній, вызвавшихъ его надежды. Такимъ образомъ, въ переговорахъ Кейстута съ куріей въ 1349 г. вовсе не слѣдуетъ усматривать результатъ дѣйствія Казиміра въ этомъ году, и ужь рѣшительно нельзя приписывать ихъ военнымъ его успѣхамъ.

Въ 1350 г. лѣтомъ мы видимъ Казиміра во Львовѣ. Онъ улаживаетъ претензіи торнскихъ купцовъ, укрѣпляетъ городъ, но о дѣятельности его въ другихъ, якобы пріобрѣтенныхъ имъ въ предыдущемъ году, мѣстахъ, ничего не слышимъ, а дѣйствія литовцевъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ 1351 г. показываютъ, что они

---

[1]) Очеркъ, 90.

[2]) *Theiner*, M. P., I, № 691—693

[3]) Ib., № 746—748.

употребили всѣ силы на возвращеніе земли Львовской, что само собою предполагаетъ, что другія земли, якобы захваченныя Казиміромъ, находились въ ихъ рукахъ. Въ 1350 г. литовцы опустошаютъ Луковскую, Радомскую, Сандомірскую земли [1]), по другимъ извѣстіямъ, они въ то же время опустошали Русь, то-есть, Галичину [2]) и до такой степени угрожали Львову, вѣрнѣе львовскому замку, ибо городъ былъ взятъ и опустошенъ [3]), что Казиміръ долженъ былъ спѣшить на выручку его, при чемъ успѣхъ его былъ незначителенъ [4]). Свидѣтельства большой важности, и ихъ надо твердо держать въ памяти, для правильнаго представленія военныхъ дѣйствій 1350—1351 годовъ. Въ борьбѣ за извѣстную территорію дѣйствія обыкновенно сосредоточиваются или исключительно на ней, или около нея въ ту или другую сторону, смотря по успѣхамъ борющихся сторонъ. Территорія войны 1350 — 1351 годовъ рѣшительно исключаетъ всякую возможность считать въ числѣ Казиміровыхъ пріобрѣтеній въ 1349 г. Волынь, какъ южную съ Луцкомъ и Владиміромъ, такъ и сѣверную съ Берестьемъ, дѣйствія происходятъ далеко отъ Волыни, имѣя въ виду Галичину. Кромѣ львовскаго замка, дѣйствительно устоявшаго противъ литовцевъ, мы не видимъ и признака какихъ-нибудь польскихъ укрѣпленій или сопротивленія въ другомъ мѣстѣ [5]). Еслибы мы не

---

[1]) Янъ, M. P. H., II, 630.

[2]) Лѣтоп. Мѣх., ib., 885: 1350 circa festum beati Bartholomey Littwani vastaverunt Russiam, multos deduxerunt, plures occiderunt.

[3]) Лѣтоп. Львовск. ib., III, 251: anno dni 1351 vastata fuit antiqua civitas Leopoliensis feria tertia infra octavam (мѣсто не разобрано) per infideles protunc Lithuanos, ubi multi christiani fuerunt interempti.

[4]) Ib., II, 885: 1351 Kazimirus cum magna potentia processerat Livoviam, set infirmitus rediit, parum profecit.

[5]) *Андріяшевъ*, Очеркъ, 212: „укрѣпляетъ (Казиміръ) и снабжаетъ сильнымъ гарнизономъ Берестье, какъ, такъ сказать, ключъ къ Волыни", конечно, за *Шараневичемъ*, Исторія, 168, буквально повторяющимъ Кромера (XII, 212), въ свою очередь повторяющаго Длугоша. Рѣшительно не понимаемъ возможности сомнѣній относительно Берестья. До 1382 года этотъ городъ оставался во владѣніи Кейстута. Во время его борьбы съ Ягайломъ онъ служилъ убѣжищемъ Бирутѣ. Со времени окончательнаго распредѣленія земель между Гедиминовичами удѣлъ Кейстута тянулся узкою полосой, окаймляя Литовское государство съ сѣверо-запада и заключая въ себѣ сполна три позднѣйшія воеводства: троцкое, подляшское и брестское. *К. Стадницкій*, Olg. i Kiejst., 23, пр. 37). Такое распредѣленіе земель Кейстута вполнѣ соотвѣтствовало военному его значенію,—не даромъ рыцари называли его „начальникомъ войскъ литовскихъ". Безъ сомнѣнія, Кейстутъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1350—1351 го-

имѣли никакихъ указаній на права Любарта на Галичину, мы могли бы затрудняться объясненіемъ; при существованіи прямыхъ свидѣтельствъ, затрудненія исчезаютъ. Очевидно, широкій захватъ Казимірова нашествія въ 1349 г., вышедшій за предѣлы собственной Галичины, нашедшій отголосокъ и въ Новгородской 1-й лѣтописи [1]) вовсе не былъ столь же широкимъ прочнымъ завоеваніемъ: все, кромѣ Львовской земли, немедленно же отошло къ литовцамъ, какъ только польскія войска возвратились съ похода. Если они временно и заняли нѣкоторые города, то во всякомъ случаѣ даже не пытались удержать ихъ въ своихъ рукахъ [2]).

Такимъ образомъ можетъ быть объяснено упоминаніе о Владимірѣ, какъ городѣ, принадлежащемъ Казиміру въ документѣ, извлеченномъ Каро изъ торнскаго городскаго архива, если только документъ этотъ несомнѣнно подлинный [3]). Онъ данъ, немедленно по возвращеніи съ похода и вѣроятно подъ вліяніемъ упоенія отъ первыхъ успѣховъ. Надо думать, здѣсь же и тогда же сочинялась реляція папѣ о пріобрѣтеніи территоріи для septem diffusi episcopatus cum suo metropolitano. О достовѣрности реляціи нечего и говорить. Со стороны Казиміра, предвидѣвшаго необходимость обращаться въ Римъ за помощью, это былъ столь же дипломатическій шагъ, расчитанный на поддержаніе папскаго рвенія, какой мы указывали въ 1349 году въ письмѣ папы къ Казиміру, по поводу готовности Кейстута принять христіанство. Дѣйствительно, съ 1351 года папа предоставилъ Казиміру десятую часть

довъ, но оно обусловливалось солидарностью дѣйствій Гедиминовичей и общимъ значеніемъ предпріятія Казиміра въ 1349 году.

[1]) Полн. Собр., III, 84: въ лѣто 6857 пріиде король Краковьскій со многою силою и взяша лестію землю волынскую и много зло христіаномъ сотвориша, а церкви святыя претвориша на латынское богумерзское служеніе. Тоже въ Супрасльской. Замѣчаніе о церквахъ есть, конечно, отголосокъ позднѣйшихъ дѣйствій поляковъ. Интересно въ Густынской, II, 350: въ тожъ лѣто Волынь хотяше отлучитися отъ короля Казиміра, но мечомъ укрочены быша, по немнозѣ же и Литва о Волынь съ ляхами много которяхуся, дондеже въ свою власть пріяша.

[2]) Показаніе Длугоша подъ 1351 годомъ о гарнизонахъ, сдававшихся лишь послѣ осады, при полномъ безучастіи Казиміра, теряетъ значеніе послѣ разказанныхъ имъ же подъ 1350 годомъ успѣховъ Литвы и представляетъ обычный у Длугоша примѣръ амплификаціи съ одной, тенденціознаго отношенія къ Казиміру—съ другой стороны. Нельзя забывать, что все это разказывается послѣ эпизода съ Баричкой. Ср. *Шуйскій*, Opowiad., 2. Приводимыя Сенковичемъ подъ 1351 г. указанія, Rozbiór, стр. 367, не могутъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ Длугошевыхъ сообщеній. Ср. ниже, стр. 94, пр. 1.

[3]) *Каро*, II, 284, пр. 2.

церковныхъ доходовъ на 4 года [1]), причемъ предписалъ духовенству непремѣнно скоро собрать ее [2]).

Въ слѣдующемъ 1352 году мая 15-го Климентъ VI поручаетъ гнѣзненскому архіепископу и епископамъ—краковскому и вроцлавскому проповѣдывать крестовый походъ противъ невѣрныхъ [3]). Надо поэтому думать, что свѣдѣнія о положеніи дѣла курія получала не только отъ Казиміра. Остается отмѣтить еще одно обстоятельство, не достаточно ясное. Въ договорѣ Казиміра съ литовскими князьями встрѣчаемъ упоминаніе о Кременцѣ, который дается Юрію Наримунтовичу „отъ князей литовскихъ и отъ короля". До 1349 года Казиміръ не могъ имѣть никакого отношенія къ Кременцу, положеніе дѣлъ въ 1350—1351 гг. было, какъ мы видѣли, вовсе не таково, чтобы вліяніе Казиміра могло распространиться въ эту сторону, слѣдовательно, свои права на Кременецъ—если вообще можно говорить въ этомъ случаѣ о правахъ—Казиміръ могъ основывать лишь на успѣхахъ 1349 года, а это обстоятельство отчасти указываетъ направленіе Казимірова предпріятія въ 1349 году. Оно было обращено на Львовъ и отсюда въ прямомъ направленіи къ востоку дошло до Кременца [4]).

---

[1]) *Theiner*, M. P., I, № 702: Regem oportet stipendiarios de necessitate tenere prout tenet et fortalitia fortificare et eciam communire... въ противномъ случаѣ nedum dicte terre, sed etiam tota Polonia per potentiam et insultum Tartatorum et Litwanorum vastari poterunt et etiam desolari.

[2]) Ib., № 703.

[3]) Ib., № 713. Это посланіе буквально сходно съ извѣстнымъ намъ посланіемъ Бенедикта XII въ 1340 году.

[4]) Передача Кременца Юрію „отъ князей литовскихъ и отъ короля" по договору 1352 года представляетъ первое упоминаніе объ этой личности, возбуждавшей не мало споровъ. Мы считаемъ вопросъ исчерпаннымъ и блистательно рѣшеннымъ Ржежабкомъ, *Časop*. 1883 г., стр.: 136—141 и 194—204. Упоминаемый въ договорѣ Юрій есть Юрій Наримунтовичъ. Ржежабекъ доказалъ это такъ блистательно, что никакихъ сомнѣній въ этомъ быть не можетъ, но онъ врядъ ли правъ, полагая, что только съ 1352 года Юрію сталъ принадлежать и Белзъ, ib., 196. Не на оборотъ ли, не вѣрнѣе ли предполагать, что Юрій раньше, чѣмъ въ Кременцѣ, сидѣлъ въ Белзѣ, не слѣдуетъ ли разумѣть именно его подъ загадочнымъ Дрозге Дубницкой хроники, столь рѣшительно и успѣшно защищавшимъ Белзъ отъ венгерско-польскаго войска въ 1352 году? Предоставленіе Юрію Белза доказываетъ, какое важное значеніе придавали литовцы западнымъ окраинамъ своихъ владѣній. Юрій былъ человѣкъ вполнѣ надежный, и въ глазахъ поляковъ являлся главнымъ виновникомъ событій 1376: sceleris auctor, Лѣтоп. Куявск., M. P. H., III, 212. Когда именно Белзъ былъ данъ Юрію, не знаемъ, какъ не знаемъ, когда отошелъ отъ него Кременецъ. По договору 1352 года

Вотъ что съ наибольшею вѣроятностью можно сказать объ этомъ предпріятіи. Длугошъ долженъ былъ сообщить ему специально волынское направленіе, ибо иначе онъ оказался бы въ явномъ противорѣчіи съ самимъ собою, но и извѣстіямъ, находящимся въ третьей главѣ хроники Яна, нельзя придавать значеніе, ибо здѣсь въ числѣ пріобрѣтеній Казиміра помѣщено Берестье, вотъ почему и въ свидѣтельствѣ Яна о 1349 годѣ приходится видѣть позднѣйшія наслоенія, закрывшія историческую дѣйствительность, которая открывается лишь изъ сопоставленія фактовъ послѣдующихъ.

Мы видѣли, что главный союзникъ Казиміра —курія дѣлала все, что могла для того, чтобъ обезпечить Казиміру успѣхъ. Положеніе было, однако, слишкомъ грозно, и вотъ Казиміръ заключаетъ совсѣмъ невыгодный договоръ съ Людовикомъ Венгерскимъ [1]), закла-

---

онъ былъ данъ Юрію на два года, въ чьи руки перешелъ онъ потомъ? Можно полагать, онъ достался Казиміру, по крайней мѣрѣ въ 1361 году въ числѣ присутствующихъ при пожалованіи Казиміра Ходку Бybельскому, А. Гр. и З. I, № 5, находимъ пана Лѣсоту, воеводу кременецкаго, но когда это случилось, не извѣстно.

[1]) Договоръ съ Людовикомъ сообщенъ впервые *К. Стадницкимъ*, Synowie, II, 231, по рукописи музея Оссолинскихъ. Въ болѣе исправномъ видѣ онъ приведенъ у *Смольки*, Rok 1386, 135, но Смолька не упоминаетъ о документѣ у Стадницкаго, выдавая свое сообщеніе за собственное открытіе въ бумагахъ Нарушевича („układ o Ruś Czerwoną z г. 1352 znany jest *tylko* z krótkiego streszczenia u Sommersberga“). Конечно, предоставленіе Людовику права выкупить Русь, въ случаѣ, еслибы у Казиміра родился наслѣдникъ, доказываетъ только крайне тягостное положеніе Казиміра и корыстность Людовика (ср. *Брейтеръ*, Władysław Opolski, 50. здѣсь же въ примѣчаніи сказано, что также смотритъ на это и *Матъевъ*, Jahresbericht des II Obergimn., in Lemberg, 1886 г. Объясненіе смысла договора у Стадницкаго, Synowie, II, 49, грѣшитъ явнымъ пристрастіемъ къ Людовику, не говоря уже о невѣрности взгляда на отношенія Казиміра къ Руси). Для насъ самое главное—дата документа. Обыкновенно относятъ его къ 1352 г. (у Смольки въ текстѣ документа 1350. Опечатка?) Вѣрно ли? Невыгодность договора для Польши заставляетъ скорѣе отнести его ко времени предшествующему участію Людовика въ борьбѣ, ибо таковое было куплено цѣною договора (только *A. Huber*, Ludvig I, Arch. f. öst. Gesch., 1885, 66, стр. 15, относитъ его ко времени по возвращеніи Людовика); между тѣмъ документъ данъ въ Будѣ in octava festi Paschae, то-есть, во всякомъ случаѣ, данъ ли онъ въ 1350, 1351 или 1352 г., въ началѣ апрѣля; тогда какъ въ 1352 г. Людовикъ выступилъ на помощь Казиміру уже 22-го февраля, а 12-го марта былъ въ Санокѣ. Эти даты подтверждаются документомъ Людовика у *Фейера* IX, 2, 142. *Нарушевичъ*, изданіе Туровскаго, III, 190, относитъ договоръ къ 1350 г. Рѣшить вопросъ не берусь. Источникъ, на который недавно было обращено вниманіе изслѣдователей — Дубницкая хроника (Historiae Hungariae Fontes Domestici, vol. III, ed. *M. Florianus*, Лейпцигъ 1884 г. — Интересующій насъ ея отрывокъ помѣщенъ цѣли-

дываетъ рыцарямъ Добржинскую землю, отъ которой они по калишскому миру совершенно отказались [1]), жертвуетъ своимъ для закрѣпленія за собою чужого, давая такимъ образомъ первый поводъ образованію сгубившихъ потомъ Польшу конфедерацій! [2]) Возникшій какъ разъ около этого времени вопросъ о мазовскомъ наслѣдствѣ доставилъ Казиміру новыхъ союзниковъ. 18-го сентября 1351 года онъ заключилъ съ Сомовитомъ и Казиміромъ Мазовскими договоръ, по которому, обязался освободить князей отъ чешскаго верховенства, а въ случаѣ неоставленія по себѣ мужскаго потомства предоставить Мазовіи полную независимость [3]). Только благодаря этому, удалось Казиміру добиться содѣйствія угровъ и мазуровъ.

комъ *А. Левицкимъ*, въ *Kwartalnik*'ѣ, 1889, II, 208—213), хотя довольно подробно касается событій 1351—1352 гг., не даетъ относительно занимающаго насъ вопроса никакихъ прямыхъ указаній. То, что̀, по словамъ хроники, происходило въ Люблинѣ въ 1351 г., заключаетъ въ себѣ темный намекъ на какія-то условія между Людовикомъ и поляками. Можетъ быть, что лишь въ слѣдующемъ году они были окончательно формулированы. Возможно, что въ 1351 году Людовикъ былъ въ Польшѣ, чтобы утвердиться въ правахъ наслѣдника: въ такомъ случаѣ, какъ время, выбранное имъ для этого, такъ и то обстоятельство, что и признанія правъ наслѣдства ему еще было мало, и онъ потребовалъ документа на счетъ Руси — весьма характерно. Что касается отрывка указанной хроники, то онъ считается теперь произведеніемъ, написаннымъ участникомъ событій, или по крайней мѣрѣ, со словъ участника (*A. Huber*, Ludvig I, 10, прим. 4; ср. *Kwartaln*., какъ выше, 207). Надо однако имѣть въ виду, что отрывокъ вставленъ между 4 и 6 главами біографіи Людовика, написанной Küküllö, и представляетъ невозможную для очевидца путаницу не только названій, но и обратнаго маршрута Людовика въ 1352 году. Что авторъ его находился подъ вліяніемъ разказовъ Турочa, свидѣтельствуетъ упоминаніе о возвращеніи Людовика съ литовскаго похода въ 1345 г. Въ общемъ, несомнѣнно, разказъ Дубницкой хроники заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ подробностямъ, дѣйствительно живымъ и находящимъ себѣ документальное подтвержденіе (подробности плѣна Любарта). Но считать его разказомъ оригинальнымъ, а не компиляціей, врядъ ли можно, какъ въ виду указанныхъ неточностей, такъ, главнымъ образомъ, потому, что событія 1351 г. вовсе не предполагаютъ участія Людовика. Расчлененіе одного факта на два —очень частый пріемъ компиляторовъ; думаю, что онъ нашелъ себѣ мѣсто въ данномъ отрывкѣ: походъ 1352 г. раздѣленъ на два: въ 1351 и 1352 г., а подробности распредѣлены совершенно произвольно; вотъ почему я не счелъ возможнымъ воспользоваться ими при изложеніи событій 1351 г.

[1]) *Каро*, II, 293: So viel trübe Erfahrungen er (Казиміръ) auch in Folge von Verpfändungen mit dem Orden gemacht hatte, so erforderte doch ein nachdrucksvoller Krieg gegen die Litthauer und Russen, trotz der Unterstützung von Seiten der Kirche noch so ausserosdentliche Mittel....

[2]) *Каро*, ib.

[3]) Код. Маз., № 72.

Въ 1352 году двинулись союзныя польско-венгерско-мазовскія войска противъ Литвы-Руси. Походъ въ изложеніи отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія писателей принялъ грандіозные размѣры [1]). Казиміръ могъ расчитывать на значительное расширеніе пріобрѣтенія 1349 г. Надежды его однако не сбылись. Всего вѣроятнѣе, союзники шли по двумъ путямъ: черезъ Люблинъ направлялись войска польско-мазовскія, съ юга венгерскія. Главныя дѣйствія сосредоточились около Белза, защищаемаго какимъ-то воеводой Дрозге. Къ подробностямъ военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отнести плѣнъ Любарта, о чемъ прямо упоминается въ перемирномъ договорѣ. Въ дубницкомъ отрывкѣ находимъ объясненіе связи „Любартова ятства" съ отношеніями къ венгерскому королю Кейстута. Благодаря посредничеству послѣдняго, Любарту удалось освободиться изъ плѣна, а Кейстутъ долженъ былъ отправиться съ Людовикомъ для принятія крещенія; черезъ три дня, однако, Кейстутъ бѣжалъ, отпустивъ на свободу венгерскихъ заложниковъ. Безъ сомнѣнія, это одна изъ живыхъ подробностей отрывка, вполнѣ подтверждаемая неяснымъ указаніемъ перемирнаго договора и болѣе точнымъ сообщеніемъ „Плоцкихъ воспоминаній" [2]) и соотвѣтствующая характеру и пріемамъ Кейстута, которые онъ практиковалъ въ отношеніи къ рыцарямъ. Надо думать, венгры дѣйствовали не особенно усердно [3]) и скоро повернули назадъ, встрѣчая большія затрудненія какъ со стороны мѣстнаго населенія, истреблявшаго запасы, чѣмъ вызванъ былъ въ венгерскомъ войскѣ ужасный голодъ, и даже предававшаго свои села огню [4]), такъ и со стороны

---

[1]) У Виллани, *Карамз.*, IV, прим. 353, совершенно баснословно: Людовикъ доставляетъ Казиміру сорокъ тысячъ и союзники заходятъ слишкомъ далеко. По другимъ, и притомъ болѣе достовѣрнымъ, слишкомъ далеко заходятъ литовцы: 1352 Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabili per Russiam transiens animo destruendi Cracoviam, и: In Martio 1352 Tartari et Ruteni pagani cum multis legionibus contra regem Cracoviae intrant Poloniam, Ss. rr. prus. II, 737, 742.

[2]) M. P. H. III, 120: promiserat dux Kyenstuth baptizari cum omnibus fratribus suis et Lithuanis Carulo regi Ungarorum et Casimiro regi Polonie, quod minime dimplevit, et fugam tempore noctis inivit, et reges supradicti confusi redierunt.

[3]) In dominica ramis palmarum (1-го апрѣля) videns rex se nihil posse proficere, disposuit ad Hungariam remeare. Дубницкая хроника, *Kwartalnik*, какъ выше.

[4]) Прибывъ въ деревню Дубровицу, Людовикъ не нашелъ никакихъ запасовъ, media autem nocte unus ruthenus curiam incendit et cum difficultete rex et omnes sui mortis periculum evaserunt, quia strictissimus erat exitus per unum parvum pontem de curia prenotata. Можно ли, въ виду подобныхъ фактовъ, сомнѣваться въ народномъ характерѣ войны?

татаръ, отряды которыхъ приходилось встрѣчать Людовику. Съ поляками и мазурами военныя дѣйствія продолжались, вѣроятно, до осени: 23-го августа 1352 г. Казиміръ находился еще въ предѣлахъ литовско-русской территоріи [1]), да и перемиріе по договору назначается отъ Покрова. Перемирный договоръ [2]), доказываетъ, что, за исключеніемъ Львовской земли, Казиміръ не пріобрѣлъ никакихъ другихъ владѣній. Въ составъ ея, безъ сомнѣнія, входили земли Галицкая и Перемышльская, ибо договоръ опредѣляетъ области совершенно точно, а земли эти въ числѣ литовскихъ владѣній не показаны [3]). Перемиріе продолжалось не долго, какъ и слѣдовало ожидать, ибо Литва отъ своихъ правъ не отказалась, и заключенный договоръ былъ лишь временнымъ [4]). Нарушенъ онъ былъ даже раньше срока. 1353 года Любартъ, поддерживаемый братьями, нападаетъ на Галичину [5]). Набѣгъ принялъ обширные размѣры; такъ какъ въ сентябрѣ литовцы появляются около Завихоста, а испуганный Казиміръ укрѣпляетъ Плоцкъ [6]). О дальнѣйшихъ событіяхъ польскія свидѣтельства ничего не упоминаютъ до 1366 года. Вѣроятно, объ успѣхахъ Казиміра говорить было трудно. Предоставленный собствен-

---

[1]) А. Гр. и З., V, № 3. Вѣроятно, мимо Щебрешина возвращался Казиміръ назадъ. Въ данномъ близъ этого города пожалованіи нѣмецкаго права селу Отвинову (Домбровскаго уѣзда) сказано: actum prope Szczebressyno oppido ruthenicali, а не просто Szczebressyno или oppido nostro.

[2]) Дата этого важнаго документа вездѣ отмѣчается невѣрно—1340 (А. З. Р. I, № 1 и Inventarium, 371); опредѣляется она приблизительно точно на основаніи генеалогіи мазовскихъ князей: *Каро*, II, 296, пр. 2; *Ржежабекъ*, *Часоп.*, 195.— *Андріяшевъ*, Очеркъ, 215, прим. 1, имѣетъ это въ виду, но отодвигаетъ договоръ къ 1354 г. (ср. ibid., 211, прим. 2), *Антоновичъ* и *Стадницкій* ошибочно относятъ его, первый къ 1347 г., Очеркъ 77, прим. 2; второй въ 1340—1345 г., Synowie, II, 32—36. Близкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ *М. Смирновъ*, Споръ, прим. 15 и 16; тоже у *Зубрицкаго*, Анонимъ Гнезн., 16; весьма вѣроятное объясненіе отсутствія даты, ibid., 67, прим. 72.

[3]) Не занимати намъ королевы земли, ни его людии, што его слухаютъ; королеви держати *львовскую землю исполна*, а намъ, держати володимѣрьскую, луцкую, белзскую, холмскую, берестиискую исполнажъ. А. З. Р. I, № 1.

[4]) На два года: „отъ Покрова Богородицѣ до Ивана дне до Купалъ, а отъ Ивана дне за два лѣтъ". Такъ смотрѣлъ на это и Казиміръ, и въ пожалованіи Рѣшова Яну Пакославу 1354 г., января 19-го, онъ говоритъ о Руси: quam *favente domino* gubernamus. Cod. d. P. I, 209.

[5]) По Длугошу, IX, 246, на Галичъ, по лѣтоп. Мѣховск.: eodem anno, 1353, post festum Trinitatis Litwani vastaverunt Lamburg, multos occiderunt. M. P. H., II, 885.

[6]) Длугошъ, IX, 246.

нымъ силамъ, не безопасный со стороны ордена, Казиміръ очутился снова въ трудномъ положеніи. Это лучше всего доказываетъ письмо папы 1355 года (февраля 12-го), снова жертвующаго Казиміру десятую часть церковныхъ доходовъ на четыре года [1]), хотя двумя мѣсяцами раньше тотъ же Иннокентій VI, посылая Казиміру горячія пожеланія сломить вражескую гордость, говоритъ о собственныхъ удручающихъ нуждахъ и съ видимымъ неудовольствіемъ соглашается уступить Казиміру лишь половину десятины, тутъ же выражая надежду, что король возвратитъ ее при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ [2]). Такой тонъ папы въ обращеніи къ Казиміру долженъ быть отмѣченъ, его не было ни въ письмахъ Бенедикта, ни въ письмахъ Климента VI, особенно преданнаго Казиміру; но быстрая его перемѣна — всего черезъ два мѣсяца — доказываетъ, что были основательныя причины, заставившія папу измѣнить отношеніе къ дѣламъ польскаго короля, зависѣвшія, очевидно, не отъ личнаго расположенія папы, а вытекающія изъ общей политики куріи. Строгое предписаніе духовенству аккуратно и возможно скоро уплатить королю указанную десятину показываетъ, что его нужды не терпѣли ни малѣйшаго отлагательства. Въ сентябрѣ слѣдующаго 1356 года Иннокентій VI по жалобѣ Казиміра обращается къ рыцарямъ со строгимъ выговоромъ за то, что они поддерживаютъ невѣрныхъ противъ короля, убѣждая ихъ соединиться съ Казиміромъ, что было бы вполнѣ достойно ихъ призванія [3]). Тогда же онъ снова побуждаетъ всѣхъ польскихъ прелатовъ всемѣрно содѣйствовать королю [4]). Папа дѣлалъ все, что только могъ дѣлать, тѣмъ не менѣе бороться было Казиміру не подъ силу. Казиміръ самъ сознаъ это и сдѣлалъ такой поворотъ, котораго трудно было ожидать. Какой именно — указываетъ полное негодованія письмо папы отъ 24-го января 1357 г., отправленное къ польскому королю по жалобѣ рыцарей, сообщившихъ куріи, что послѣдній заключилъ миръ съ литовцами, сталъ данникомъ татарскаго хана и теперь угрожаетъ имъ татарами. Папа заявляетъ, что онъ едва вѣритъ такимъ слухамъ [5]).

---

[1]) *Theiner*, M. P., I, № 742.

[2]) Ibid., № 739.

[3]) Ibid., № 769.

[4]) Ibid., № 770.

[5] Ibid., № 776: sane carissime fili licet nos de sincere fidei tue constancia firmam in domino fiduciam obtinentes premissa credere non possumus, nec in mentem nostram faciliter cadere valeat, quod talia in eterni Regis sancteque romane ecclesie

Легко понять негодованіе папы, принесшаго для Казиміра столько жертвъ; но трудно было подѣйствовать на польскаго короля упреками. Всѣ средства, которыя могли быть въ распоряженіи Казиміра, были имъ испробованы, и всѣ они лишь весьма незначительно приблизили его къ завѣтной цѣли: Львовская земля находилась лишь во временномъ его обладаніи, а будущіе шансы борьбы были неизвѣстны и скорѣе не въ пользу Казиміра, въ виду натянутыхъ его отношеній къ рыцарямъ и собственнаго безсилія. Казиміръ рѣшилъ войдти въ сношенія съ татарами. Хватаясь за все, что̀ могло облегчать ему достиженіе цѣли, ища вездѣ союзниковъ и дорого платя за ихъ содѣйствіе (говоримъ о Людовикѣ Венгерскомъ), отчего не могъ Казиміръ обратится къ татарамъ? Конечно, онъ отлично зналъ положеніе Литвы, принужденной вести постоянную борьбу съ орденомъ, не безопасной отъ Москвы и находившейся въ сомнительныхъ отношеніяхъ къ татарамъ. Отношенія къ Галичинѣ соединяли литовцевъ и татаръ въ борьбѣ съ Казиміромъ, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ литовцамъ въ лицѣ татаръ чрезвычайно важный военный контингентъ, что обнаружилось особенно въ 1352 году. Въ то же время татары, равнодушные ко внутреннимъ дѣламъ страны, довольствуясь, по обыкновенію, данью, отчего не могли бы получать ее съ Казиміра? Чтобы закрѣпить за собою Галичину, Казиміру необходимо было отнять у литовцевъ всякую возможность возвратить ее себѣ, и надо сказать, что послѣдняя комбинація Казиміра едва ли не вѣрнѣе другихъ вела его къ цѣли. Вѣдь только позоръ татарскаго данничества, да ужасъ, которымъ было окружено имя татаръ, могли удерживать Казиміра отъ попытки войдти съ ними въ непосредственныя сношенія. На сколько мы знаемъ Казиміра, онъ былъ слишкомъ философъ, чтобы отступиться отъ вѣрнаго, по видимому, расчета изъ-за какихъ-нибудь условностей, а ужасъ былъ преодолѣнъ. Нашелся смѣлый человѣкъ, не убоявшійся взять на себя опасную миссію, и дѣло было сдѣлано [1]).

---

matris tue nec non apostolice sedis offensam et ipsius catholice fidei preiudicium Regia serenitas attemptaret; solus tamen eorum auditus nos terruit et si vera forent, ad magnam regii nominis infamiam cederent grandique nos et sedem predictam doloris immensitate turbarent.

[1]) Думаю, что этимъ смѣльчакомъ былъ Янъ Пакославъ. Въ пожалованіи ему Рѣшова (1354 г. 19-го января) Казиміръ говоритъ: pro communi bono regni nostri Polonie et terre Russie pacem et tranquillitatem ordinans, ad Tartaricas nationes descendere non expavit, vitam suam non preposterans ad honorem et comodum Regnorum eorundem fideliter exponendo. Cod. d. P. I, № 119. Въ такомъ случаѣ переговоры съ татарами Казиміръ завелъ сейчасъ по заключеніи перемирія съ

По крайней мѣрѣ послѣ этого на театрѣ борьбы наступаетъ полное затишье, продолжавшееся ровно десять лѣтъ. Правда, положеніе оставалось прежнее: Владиміръ, Луцкъ, Холмъ и Белзъ въ рукахъ Любарта, Берестье—Кейстута, но миръ давалъ полную возможность Казиміру укрѣпиться въ своемъ пріобрѣтеніи и дѣйствительно на это Казиміръ обратилъ все свое вниманіе. Борьба прекратилась сама собою, но уже то обстоятельство, что она продолжалась послѣ 1352 г., ясно указываетъ ея причины. Въ самомъ дѣлѣ, договоръ 1352 года былъ, по видимому, для литовцевъ весьма выгоденъ: Владимірская, Луцкая, Холмская, Белзская и Берестейская земли „исполна" оставались въ ихъ владѣніи, и еслибы литовцы не имѣли никакихъ правъ на остальныя земли галицкаго наслѣдія, то причину продолженія борьбы оставалось бы дѣйствительно, вмѣстѣ съ Длугошемъ, объяснять лишь жадностью и корыстолюбіемъ главнаго ея дѣятеля—Любарта. Врядъ ли, однако, въ такомъ случаѣ, его бы столь энергично поддерживали другіе князья—Кейстутъ и Ольгердъ, имѣвшіе и безъ того не мало дѣла. Причина, очевидно, лежала не въ личности Любарта, а въ защитѣ литовскаго права отъ чужого захвата [1]).

Мы старались представить ходъ борьбы за отмѣченный промежутокъ времени на основаніи данныхъ, наименѣе подлежащихъ сомнѣнію и естественной послѣдовательности фактовъ. Съ 1349 по 1356 годъ борьба происходила почти безъ перерыва, при чемъ, по видимому, естественный перерывъ—перемиріе 1352 года не составляетъ никакой грани: оно временно закрѣпляетъ за Казиміромъ пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ тремя годами раньше и нарушается за долго до истеченія срока. Непрерывность и завзятость борьбы являются такимъ образомъ характерными ея чертами, которыя отличаютъ ее и послѣ. Положеніе сторонъ также обрисовывается вполнѣ. Съ одной стороны Казиміръ и Римъ, съ другой—два Гедиминовича, принужденные сообразовать свои дѣйствія съ сомнительными отношеніями къ рыцарямъ и татарамъ. Отношенія къ первымъ совершенно ясны. Набѣги рыцарей были явленіемъ постояннымъ: „принимая въ расчетъ только болѣе крупные, тѣ, подробности которыхъ записаны

литовцами. Нечего удивляться, что это сдѣлалось извѣстнымъ папѣ сравнительно поздно: Казиміръ не имѣлъ надобности извѣщать его объ этомъ; а негодованіе папы, вытекающее изъ ужаса предъ татарами, котораго, какъ видно, не чуждъ былъ и Казиміръ, должно было разсѣяться, въ виду прямыхъ выгодъ, въ чемъ Казиміру не трудно было убѣдить папу.

[1]) Ср. обмолвки Длугоша, IX, 245, 308.

въ лѣтописяхъ Ордена, мы насчитываемъ", говоритъ Антоновичъ,—„до семидесяти походовъ на Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и болѣе тридцати со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени съ 1345—1377 г." [1]). Лишь изрѣдка встрѣчаются годы отдыха; между прочимъ, спокойно прошли для Литвы 1349—1352 года [2]), обстоятельство давшее, какъ мы видѣли, возможность принимать участіе въ борьбѣ съ Казиміромъ и Кейстуту: время, выбранное Казиміромъ для завоеванія Галицкой Руси, было такимъ образомъ удачно лишь по видимому, и этимъ объясняется необходимость того страшнаго напряженія, тѣхъ жертвъ, какія долженъ былъ принести Казиміръ для достиженія своей цѣли.

Не столь ясны отношенія Литвы къ татарамъ. Съ значительной вѣроятностью можно полагать, что отношенія эти до занимающаго насъ времени не были установлены: Литва только еще начинала утверждаться въ тѣхъ земляхъ, гдѣ было татарское господство, еще только начиналась дѣятельность Коріатовичей въ Подоліи, а предстоявшее выясненіе отношеній Любарта къ хану изъ-за Галичины не могло еще опредѣлиться, и на первый разъ дѣла были оставлены въ прежнемъ состояніи, благодаря Дѣтку и Даніилу Острожскому. На галицкой почвѣ сходились интересы татаръ съ интересами литовскихъ князей; неудивительно поэтому, что въ борьбѣ противъ Казиміра принимаютъ участіе и татары. Этотъ союзъ былъ въ такой степени естественъ, что неудача переговоровъ Ольгерда съ ханомъ, начавшихся въ 1349 году [3]) обусловливалась лишь усиліями Семена Ивановича Московскаго [4]) и къ 1351 году была поправлена,—въ это время татары дѣйствуютъ, безъ всякаго сомнѣнія, за одно съ литовцами. Соображенія, которыми на время удалось Семену Ивановичу вооружить Чанибека противъ Ольгерда, открывали лишь будущее: что они въ значительной степени были вѣрны, показала въ скоромъ вре-

---

[1]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 98.

[2]) *Стадницкій*, Olg. i Kiejst., 109.

[3]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 116, пр. 1.

[4]) *Н. Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Кіевъ. 1885, стр. 192, пр. 1: По словамъ Никоновской лѣтописи, ч. III, стр. 187, Семенъ Ивановичъ такъ отговаривалъ Чанибека отъ союза съ Ольгердомъ: „Олгердъ улусы твои всѣ высек і в половъ вывелъ а еще хощетъ и насъ всѣхъ вывести к себѣ в полонъ, а твои улусъ пустъ до конца сотворити: и тако убагатѣвъ Олгердъ Гедимановичъ хощетъ тѣбе противенъ быти". Чанибекъ „разгнѣвался зело яко огнь" и выдалъ литовскихъ пословъ Семену Ивановичу.

мени побѣда Ольгерда на Синихъ водахъ, но теперь въ виду посягательства Казиміра, Ольгердъ могъ смѣло повторить хану резоны, приведенные раньше Дѣткомъ, и ханъ нё могъ не найдти ихъ основательными. Союзъ такимъ образомъ обусловливался вовсе не уступкой татарамъ Подольской земли, на которую якобы „король польскій заявлялъ претензіи, какъ на бывшій галицкой удѣлъ“ [1]). Дѣйствительныя его основанія были извѣстны Казиміру, чрезъ него стали извѣстны и папѣ: не что иное, а лишь занятіе Казиміромъ Галичины [2]) вызвало этотъ союзъ, который Казиміръ потомъ старался разорвать. Съ обѣими этими силами — рыцарями и татарами — приходилось считаться и Казиміру, но его счеты имѣютъ совершенно другой характеръ. Безъ сомнѣнія, только крайняя нужда могла побудить Казиміра къ закладу земель рыцарямъ; такой же характеръ крайности, на которую приходится рѣшаться, носитъ на себѣ и его союзъ съ татарами въ 1354 году. Прибавимъ сюда отношенія къ Людовику и куріи, и положеніе обѣихъ борющихся сторонъ представится болѣе или менѣе ясно. Договоръ 1352 года не прервалъ борьбы: она прекратилась сама собою лишь послѣ того, какъ измѣнились отношенія Литвы къ татарамъ, прекратилась на время, чтобы затѣмъ послѣ синеводской битвы возобновиться съ прежнею завзятостію [3]).

---

[1]) *Антоновичъ*, Очеркъ, 126. Что въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь не о Подольи, а лишь о галицкомъ Поднѣстровьи, ясно доказалъ уже *К. Стадницкій*, Synowie, I, 132. До Подолья Казиміру было еще далеко, да и у Кромера: *Russiam* inferiorem que Podolia dicitur, XII, 213. Какъ и въ настоящее время, Галичина дѣлилась на три части: Покутье, въ обширномъ смыслѣ — все пространство къ югу отъ Днѣстра до Карпатъ, въ болѣе узкомъ — уголъ между Черемошемъ и Прутомъ; Подгорье—западная часть Покутья, прилегающая къ Карпатскимъ горамъ и Подолье—къ востоку отъ рѣки Стрипы, (то-есть, лѣтописное Понизье). *Шарансвичъ*, Rys, 105, пр. 91.

[2]) *Theiner*, M. P. I, № 702: Tartari, qui Ruthenis dominabantur eisdem occasione hujusmodi provocati (то-есть, занятіемъ Галичины Казиміромъ) facta cenfederatione cum Litwanis continue hostiliter dictas terras invadunt. Не знаю, почему Антоновичъ, Очеркъ 126, пр. 1, цитующій тоже посланіе папы, не обратилъ на это вниманія.

[3]) Потому-то и не было заключено никакого договора. Извѣстные намъ договоры можно относить лишь къ 1352 и 1366 гг. Договоръ 1358 г. между Кейстутомъ и Сомовитомъ мазовскимъ не имѣетъ никакого отношенія къ борьбѣ на югѣ и опредѣляетъ границы лишь сѣвернаго угла литовскихъ и мазовскихъ владѣній—округовъ Гродненскаго съ одной, Вызнинскаго и Гоніондзскаго съ другой стороны, Kod. Maz. № 80.

1366—1370 гг.

Въ наступившее послѣ 1356 г. десятилѣтнее затишье Казиміръ успѣлъ нѣсколько возстановить истощенныя въ безпрерывной борьбѣ силы, успокоилъ папу, возмущеннаго его отношеніями къ татарамъ, и снова получалъ отъ него поддержку по прежнему [1]), и узнавъ на дѣлѣ пользу союза съ ближайшими участниками борьбы, рѣшилъ не только обезопасить себя со стороны рыцарей, но даже воспользоваться ихъ силами для общихъ цѣлей на счетъ Литвы.

Въ 1365 г. осенью мы видимъ его въ Маріенбургѣ. Причины поѣздки къ Магистру хронисты не указываютъ съ точностью. Изъ сообщеній ихъ мы узнаемъ, что гросмейстеръ Винрихъ фонъ Книпроде показывалъ Казиміру орденскіе магазины, наполненные всевозможными запасами. Казиміръ могъ только удивляться хозяйственности и могуществу ордена и выразилъ радость, что не послушался совѣтовъ враждебныхъ рыцарямъ. Можно думать, что дружественное настроеніе представителей обоихъ государствъ не ограничилось словесными завѣреніями; вѣроятно, былъ заключенъ наступательный союзъ противъ Литвы, по крайней мѣрѣ, условленъ былъ планъ дѣйствій на будущій годъ. Такое предположеніе подтверждаютъ послѣдовавшія вскорѣ обстоятельства. „Собрался наконецъ Казиміръ съ духомъ", говоритъ Кромеръ [2]),—„для возвращенія той части Руси, которую потерялъ 13—14 лѣтъ назадъ скорѣе по причинѣ отпаденія русскихъ, нежели благодаря силамъ литовцевъ".

Въ томъ же году двинулись на Литву и рыцари, отвлекшіе Ольгерда и ознаменовавшіе свой набѣгъ тѣми „превосходными подвигами", столь восхищавшими папу, о которыхъ мы упоминали выше. Совпаденіе краснорѣчивое не менѣе прямого документа. Временный союзъ ордена съ Казиміромъ былъ въ сущности весьма желателенъ для рыцарей. Устроившись въ Поморской землѣ, они съ спокойной увѣренностью смотрѣли на Литву, какъ на вѣрную въ близкомъ будущемъ добычу [3]). Правда, послѣ Литвы очередь была за Польшей, но теперь отчего было не содѣйствовать движенію Казиміра на Русь.— Руководители орденской политики были, конечно, хорошо знакомы съ

---

[1]) 1363 г. Урбанъ V объявляетъ индульгенцію на 12 лѣтъ для всѣхъ готовыхъ содѣйствовать Казиміру въ его борьбѣ: quod ipse pro regni sui Polonie quod prope naciones perversas infidelium consistit, defensione fidelium eget subsidiis adjuvari: *Theiner*, M. P. I, № 833.

[2]) De rebus, XII, 218.

[3]) *Шайноха*, V, 135.

положенiемъ дѣлъ на Руси, благодаря обширнымъ и постояннымъ торговымъ сношенiямъ, могли, слѣдовательно, знать, что, содѣйствуя наступательному движенiю Казимiра, они рѣшительно парализуютъ тотъ слабый остатокъ силъ, какой еще представляла Польша сама по себѣ.

Вѣдь именно русскiя дѣла Казимiра доставили рыцарямъ выгоды Калишскаго мира, и не было никакихъ основанiй предполагать, что дальнѣйшiй ходъ дѣлъ въ томъ же направленiи не предоставитъ ордену еще большихъ выгодъ. Все это въ достаточной степени рисуетъ политическiй кругозоръ Казимiра, о чемъ—къ слову сказать—любятъ распространяться польскiе историки. Казимiръ считалъ измѣнниками отечества всѣхъ недовольныхъ Калишскими условiями [1]), завѣтной цѣлью его была Русь — степи Подолья, берега Чернаго моря [2]) (?!). Не такъ давно—въ 1358 г.—именно туда—въ подольскiя и причерноморскiя степи приглашалъ рыцарей Ольгердъ; теперь ордену представлялась возможность замѣнить себя польскимъ государемъ. Политическiе планы Казимiра могли такимъ образомъ исходить не только изъ венгерскаго Вышеграда, но и изъ нѣмецкаго Марiенбурга. Какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ въ 1366 г. планамъ этимъ благопрiятствовали и другiя обстоятельства: именно въ это время прекратились не безразличные для Казимiра споры между императоромъ и королемъ венгерскимъ. Ободренный всѣми этими обстоятельствами Казимiръ, какъ сказано, двинулся на Русь. Подробности борьбы намъ неизвѣстны. Обстоятельство весьма важное: успѣхи Казимiра 1366 г. были якобы блистательны. Онъ шагнулъ далеко, ступивъ на землю, выходившую даже за предѣлы бассейна Вислы, ибо къ нему, по обыкновенной версiи, перешли не только Городло, Любомль, Влучимъ, но Турiйскъ, Ратно и Коширъ. Такъ, по крайней мѣрѣ представляются результаты похода 1366 г. въ договорѣ, приводимомъ въ извлеченiи Нарушевичемъ, единственномъ документѣ, на которомъ основывались до послѣдняго времени всѣ наши свѣдѣнiя о событiяхъ этого года [3]). Если повѣрить этому документу, то необходимо предположить, что Казимiръ зашелъ такъ далеко, занялъ земли своимъ войскомъ, ибо ни по какому другому праву, кромѣ права завоеванiя, онъ не могъ бы предъявить на нихъ своихъ притязанiй, никакого другаго права не могли признать и литовцы, и

[1]) Ib.

[2]) *Смолька*, Rok 1386, стр. 70.

[3]) Historya, Лейпцигск. изд. 1837, IX, 244 слл.

тѣмъ не менѣе о борьбѣ не слышимъ. Литовцы, говоритъ Нарушевичъ, не представили Казиміру никакого отпора, быть можетъ, вслѣдствіе затрудненій со стороны рыцарей,—догадка правдоподобна, но случай все-таки былъ бы безпримѣрный.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ 1352 г. мы видѣли солидарность Гедиминовичей; ея нельзя упускать изъ виду, ибо распредѣленіе литовско-русскихъ силъ подъ ихъ властью по тремъ фронтамъ — польскому, нѣмецкому и московскому могло предполагать болѣе или менѣе нерѣшительныя и слабыя дѣйствія на одномъ изъ фронтовъ, но дѣлало невозможнымъ совершенное открытіе его для вражескаго вторженія. Уже поэтому успѣхи, предполагаемые документомъ у Нарушевича, кажутся сомнительными. Но сомнѣніе должно перейдти въ прямое недовѣріе, въ виду новаго документа, напечатаннаго недавно и представляющаго договоръ между Казиміромъ и Любартомъ, договоръ, который, по времени ни къ какому другому году, кромѣ 1366, отнесенъ быть не можетъ [1]). Въ этомъ договорѣ опредѣляются границы владѣній Казиміра и Любарта, указывающія въ то же время и территорію борьбы, затѣмъ опредѣляются взаимныя торговыя и политическія отношенія. Обѣ стороны обязываются не измѣнять торговыхъ трактовъ и къ купцамъ относиться по старинѣ, помогать другъ другу противъ враговъ, при чемъ—послѣднее обстоятельство, будучи обоюднымъ, считается съ положеніемъ Любарта: онъ обязанъ не помогать братьямъ противъ короля, но въ то же время не будетъ помогать королю противъ братьевъ [2]). Для насъ самое важное въ документѣ—это граничная линія: „къ Володимірю отступается по толѣ: по Оуймицю [3]), по Пѣсчаный Бродъ [4]) по Еоуфимково село [5]), отъ

---

[1]) Архивъ Сангушковъ, I, № 1.

[2]) Такимъ образомъ союзъ направленъ противъ третьяго лица, думаю—татаръ. Договоръ былъ заключенъ послѣ Синеводской битвы, то-есть, когда татары не могли уже оказать Казиміру какихъ-нибудь услугъ, но могли иногда тревожить его набѣгами.

[3]) Въ 20 верстахъ къ востоку отъ Владиміра.

[4]) Конечно, не Пѣсчаны и Бродъ, ибо ниже: „а отъ Пѣсчана броду“.

Песчанка? — къ востоку отъ Турійска, ib., прим.—Песчаный бродъ упоминается еще ib., № 139, и положеніе его можетъ быть опредѣлено по смежнымъ мѣстамъ, тамъ же указываемымъ: онъ находился или въ южной части Ковельскаго уѣзда (всего вѣроятнѣе,—по картѣ генеральнаго штаба, тамъ же озеро Песчаное и рядомъ Гунчій Бродъ), или въ сѣверной части Луцкаго, въ обоихъ случаяхъ недалеко отъ р. Стохода.

[5]) Мѣстности съ этими или подходящимъ названіемъ я не нашелъ; не указана она и издателями акта.

Еоуфимкова села до Маркова става [1]), отъ Маркова става по Львовскую дорогу къ Скоморохамъ [2]), а отъ Пѣсчана броду по Пинской мостъ [3]), а оттолѣ по Турью, поколѣ Турья прошла".

Хотя указанная здѣсь граница и не представляетъ полной закругленности, во всякомъ случаѣ она не оставляетъ никакого сомнѣнія, что сѣверные предѣлы земель, отошедшихъ къ Казиміру, не переходили за Стоходъ съ одной и верховьевъ Туріи—съ другой стороны. Если предположить, принимая во вниманіе документъ Нарушевича, что разсмотрѣнный договоръ представляетъ лишь предварительныя условія мира, опредѣленныя Казиміромъ и Любартомъ и требовавшія, по положенію Любарта, окончательнаго утвержденія со стороны другихъ литовскихъ князей, какъ это мы видѣли въ документѣ 1352 года, и что представлялъ бы въ такомъ случаѣ договоръ у Нарушевича, то какъ бы ни было, надо признать, что въ главномъ, въ уступкѣ земель, окончательный договоръ не могъ очень разниться отъ предварительныхъ условій. При сравненіи же обоихъ ясно, что по договору несомнѣнной подлинности Казиміръ получаетъ лишь округъ, простирающійся ко Владиміру съ весьма небольшимъ протяженіемъ къ востоку и сѣверу; по документу же Нарушевича пріобрѣтенія его переходятъ за Припять; мало того, предполагаются нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, права Польскаго короля на земли, находящіяся въ значительномъ разстояніи къ сѣверу и къ югу. Въ обезпеченіе владѣній Кейстута и Ольгерда, говорится въ заключеніи Нарушевичева документа, король на будущее время отказывается отъ всякихъ правъ на Брестъ и Каменицу, а въ Подляшьѣ на Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, равно на землю Кобринскую, составлявшую владѣніе Ольгерда [4]). Но, спрашивается, какое право могъ имѣть когда-либо Казиміръ на указанныя здѣсь владѣнія? Въ настоящее время намъ извѣстны чуть ли не всѣ документы времени Казиміра; ни одинъ изъ нихъ, однако, не указываетъ не только на дѣйствительное его господство въ сѣверной части Волыни или Подляшья, но не даетъ даже основаній предполагать временнаго притязанія на нихъ съ его стороны. Есть пожалованія

---

[1]) При сліяніи обоихъ Луговъ.

[2]) На р. Бугѣ, около Стевятика.

[3]) Къ сѣверо-востоку отъ Владиміра.

[4]) Rex nihil juris habiturus unquam in Keystuti arces, in Brest, Kamienica Drohiczyn, Mielnik, Bielsk; Kobryn Magni ducis.

Казиміромъ земель въ Подоліи, напримѣръ, села Пилавцы (Летичевскаго уѣзда) Щукоцкому, но эти документы несомнѣнно поддѣльны [1]), и нѣтъ рѣшительно никакого признака дѣятельности Казиміра въ указанныхъ областяхъ. А между тѣмъ все вниманіе послѣднихъ годовъ царствованія Казиміра было обращено именно въ эту сторону. Больше 3000 гривенъ израсходовалъ король въ короткое время на Владимірскій замокъ, на смертномъ одрѣ съ безпокойствомъ устремлялъ туда свой заботливый взоръ, отправивъ съ Венцеславомъ Танчинскимъ, завѣдывавшимъ укрѣпленіями, 600 гривенъ за 4 дня до смерти [2]). Мы знаемъ, съ какою горячею заботливостью относился Казиміръ къ Галицкой Руси, какъ не оставлялъ ничего, что могло бы содѣйствовать болѣе крѣпкой связи новопріобрѣтенныхъ земель съ Польшей; возможно ли, чтобы завоеванія 1366 года, въ теченіи 4 лѣтъ жизни Казиміра, были имъ оставлены рѣшительно безъ всякаго вниманія? Договоръ 1366 года, приводимый Нарушевичемъ изъ короннаго архива, не имѣетъ никакой даты (ни мѣста, ни времени), къ 1366 году онъ отнесенъ Нарушевичемъ лишь по соображенію его данныхъ съ показаніями Длугоша, при чемъ въ передачѣ содержанія договора Нарушевичъ прямо старается примирить и согласовать оба источника [3]), въ распредѣленіи земель заключаетъ въ себѣ ни съ чѣмъ не сообразныя невозможности; какимъ же образомъ можно придавать ему значеніе и вѣру. „Въ польско-литовскомъ спорѣ за западно-русскія земли выдвигались поляками такіе аргументы, которые могли свидѣтельствовать лишь о незнаніи литовцами ихъ собственной исторіи или о необыкновенномъ нравственномъ преобладаніи надъ ними поляковъ.“ Что сказать, если оба предположенія сохраняютъ силу и по настоящее время, если подобные документы приводятся безъ оговорокъ и разъясненій въ русскихъ изслѣдованіяхъ и теперь? Договоръ, приведенный Нарушевичемъ, мы считаемъ не заслуживающимъ рѣшительно никакого вниманія: онъ представляетъ позднѣйшую и притомъ весьма грубую поддѣлку [4]). При сопостав-

---

[1]) *Н. Молчановскій*, Очеркъ, 188, пр. 1.

[2]) Янъ, М. Р. Н., II, 644.

[3]) Historya, XI, 246 пр. 2.

[4]) Характерно замѣчаніе К. Стадницкаго, Synowie, II, 43: Spory długoletnie, ktore się toczyły miedzy Litwą a Polską nie mogli mieć miejsca co do Wołynia, bo ktoż wbrew oczewistości smiał by zaprzeczyć ze Kazimierz ziemię te zawojował. „Очевидность“ достигалась документомъ, приведеннымъ у Нарушевича!

леніи съ несомнѣнной подлинности документомъ она очевидна. Замѣчательно, что о Нарушевичевомъ документѣ не упоминаетъ и описатель короннаго архива Кромеръ.

Въ указаніи результатовъ Казимирова предпріятія въ 1366 г. мы должны поэтому ограничиться лишь разсмотрѣннымъ несомнѣннымъ договоромъ между Казиміромъ и Любартомъ. Результаты эти заключались лишь въ пріобрѣтеніи Казиміромъ Владиміра съ небольшимъ округомъ, а дѣятельность его въ послѣдніе годы жизни доказываетъ, что онъ всѣ силы обратилъ на то, чтобы сдѣлать этотъ городъ базисомъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній или по крайней мѣрѣ окончательно упрочить его за собою. Говорить о какихъ-нибудь другихъ успѣхахъ Казиміра мы рѣшительно не имѣемъ ни малѣйшаго основанія.

Былъ ли договоръ временнымъ перемиріемъ, или имѣлъ значеніе окончательнаго? Скорѣе можно предполагать первое, какъ потому что онъ былъ заключенъ только между Казиміромъ и Любартомъ, безъ участія другихъ литовскихъ князей, такъ и потому что въ немъ находится, правда несовсѣмъ ясное, упоминаніе о какомъ-то срокѣ [1]). Изъ письма Урбана V къ гнѣзненскому архіепископу [2]) мы узнаемъ, что въ 1369 году „договоръ между Казиміромъ съ одной и нѣкоторыми схизматиками и невѣрными“ съ другой стороны, былъ послѣдними неожиданно нарушенъ, что, по врожденной злокозненности, они произвели страшный набѣгъ, при чемъ разрушили нѣкоторые города въ предѣлахъ Краковской епархіи, но самая неопредѣленность папскихъ выраженій заставляетъ предполагать, что окончательнаго договора отъ лица всѣхъ литовскихъ князей, какъ въ 1352 году, заключено не было, и что набѣгъ 1369 г. могъ быть произведенъ Кейстутомъ, который не чувствовалъ себя связаннымъ договоромъ, заключеннымъ между Казиміромъ и Любартомъ, хотя своимъ набѣгомъ несомнѣнно дѣйствовалъ въ пользу послѣдняго. Это обстоятельство является лишь подтвержденіемъ всегдашней солидарности дѣйствій Гедиминовичей. Во всякомъ случаѣ, набѣгъ 1369 г. представляетъ отдѣльный эпизодъ, не измѣнившій до смерти Казиміра взаимнаго отношенія враждебныхъ сторонъ.

---

[1]) „оль (?) на годъ минетъ Дмитріевъ день“ (26 октября). Предположеніе, что срокъ этотъ относится лишь къ условію взаимной помощи (ib., пр.), не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Думаю, срокъ скорѣе относится ко всему договору. Текстъ во всякомъ случаѣ неясенъ, вѣроятно, здѣсь пропускъ.

[2]) *Theiner*, M. P., I, № 882.

1370—1377 гг.

5-го ноября 1370 года умеръ Казиміръ [1]). Лишь только, говоритъ Янъ,—смерть Казиміра сдѣлалась извѣстною, Кейстутъ съ Любартомъ напали на Владимірскій городъ и, не смотря на полную возможность защищаться въ новыхъ укрѣпленіяхъ, начальникъ владимірскаго гарнизона, Петрашъ Турскій изъ Ланчицы, сдалъ его безъ всякаго сопротивленія литовцамъ, которые немедленно разрушили новый каменный городъ, довольствуясь старымъ деревяннымъ [2]),—поступокъ, совершенно естественный въ виду того, что единственно этотъ каменный городъ былъ оплотомъ польскаго владычества на Волыни. 600 гривенъ, отправленныхъ Казиміромъ на смертномъ одрѣ для укрѣпленій Владиміра, не дошли по назначенію и были возвращены въ королевскую казну [3]). Ударъ за ударомъ посыпались на Польшу, не давая полякамъ возможности опомниться: одновременно съ занятіемъ Волыни литовцами попалъ въ руки Бранденбургскаго маркграфа Сантокъ; въ то же время велъ себя подозрительно Мазовскій Сомовитъ, не явившійся на коронацію для возобновленія присяги и захватившій, кромѣ того, подъ свою власть четыре города [4]). Его связи съ Литвой вызвали даже вмѣшательство папы Григорія XI въ 1371 году [5]). Поляки обнаруживаютъ полную апатію: ополченіе на выручку Сантока собиралось лѣниво, литовцамъ не было оказано никакого сопротивленія [6]). Людовику, вообще равнодушному къ польскимъ дѣламъ, событія на отдаленной окраинѣ государства могли казаться не заслуживающими особаго вниманія. Для него, династа по преимуществу, Сомовитъ долженъ былъ являться гораздо болѣе опаснымъ; но равнодушіе поляковъ, окружавшихъ Елизавету, къ дѣ-

---

[1]) Мы не дѣлаемъ никакого перерыва, потому что дальнѣйшій ходъ борьбы представляетъ естественное продолженіе предшествовавшаго.

[2]) Янъ, М. P. Н., II, 643.

[3]) Ib.

[4]) *Длугошъ*, подъ 1370, IX, 323.

[5]) *Шуйскій*, Opowiad., 79.

[6]) Разказъ Длугоша о посольствѣ Елизаветы къ Кейстуту (подъ 1370, X, 330) сомнителенъ. Объясненіе Каро, что Людовикъ былъ занятъ европейскими дѣлами, а Елизавета, по женскому легкомыслію, наслаждалась властью и сокровищами, оставленными братомъ (G. P., II, 376), не можетъ удовлетворить насъ; у Елизаветы вѣдь были совѣтники, да и она сама не чужда была политическаго пониманія. См. *Шайноха*, Dzieła, IV: Siostra Kazimierza W. we Włoszech.

ламъ на востокѣ, заслуживаетъ вниманія. Вѣдь если вѣрить Длугошу, литовцы, увлеченные успѣхомъ, дошли до Сандомира. Показаніе Длугоша [1]), впрочемъ, не подтверждается Яномъ, который совершенно молчитъ о литовскомъ набѣгѣ.

Семь лѣтъ литовцы спокойно владѣли возвращенными отъ поляковъ землями, и замѣчательно—ни разу вниманіе поляковъ не обращалось въ эту сторону.

1372 г., октября 10-го, Людовикъ передалъ Русь, то-есть, Галичину, Владиславу Опольскому [2]). Другаго правителя, болѣе подходящаго для его цѣлей, врядъ ли удалось бы ему найдти. Возможныя со стороны поляковъ недоразумѣнія, въ случаѣ назначенія какого-нибудь венгерца, устранялись въ данномъ случаѣ тѣмъ, что Владиславъ, хотя и не любимый шляхтой, былъ все-таки польскій князь—Пястъ, и этотъ титулъ вполнѣ покрывалъ, по крайней мѣрѣ на видъ, дѣйствительную сущность вещей — передачу Галичины венгерскому намѣстнику. Для насъ, впрочемъ, интереснѣе пока вопросъ о границахъ Руси, переданной Владиславу въ управленіе. Мы видѣли, что Владимірскій округъ отошелъ къ Любарту немедленно послѣ смерти Казиміра, затѣмъ до 1377 г. мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Владислава къ Белзско-Холмской землѣ; очевидно, она не была ему подвѣдома. Остается слѣдовательно Русь въ предѣлахъ договора 1352 г. Только въ 1377 г. Владиславъ учреждаетъ въ Белзѣ складъ соли и другихъ товаровъ, причемъ „литовцы", то-есть, русскіе, находившіеся подъ властью Литвы, должны были запасаться солью въ Белзѣ и не посѣщать Галицкую Русь [3]). Очевидно, здѣсь они были опасными гостями. Такимъ образомъ Холмско-Белзская земля не состояла ни въ какихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, при жизни Казиміра. Въ ней спокойно правилъ Юрій Наримунтовичъ. Семилѣтнее правленіе Владислава представляетъ во внутренней жизни Галицкой Руси эпоху чрезвычайно важную. Мы укажемъ ея значеніе при обзорѣ внутреннихъ дѣлъ страны, теперь продолжимъ очеркъ затихшей, но еще не оконченной борьбы за Галичъ. Мы уже указывали на равнодушіе поляковъ къ дѣламъ, происходившимъ на восточной

---

[1]) X, 331. Разказъ Длугоша о чудѣ, на чемъ, между прочимъ, Стадницкій основываетъ его достовѣрность (Synowie, II, 47 пр. 75), представляетъ, очевидно, легенду, связанную съ литовскими набѣгами. Подобный же разказъ встрѣчаемъ у Быховца, при описаніи нападенія Ягайла, стр. 28.

[2]) А. Гр. и З., III, № 20.

[3]) *Baliński-Lipiński*, Starożytna Polska, II, 2, 1177.

границѣ государства. Людовикъ не считалъ нужнымъ обращать на нихъ особенное вниманіе, но, можно думать, онъ не совсѣмъ упустилъ ихъ изъ виду, постаравшись затруднить литовцевъ борьбою съ рыцарями, на которыхъ Людовику дѣйствовать было не трудно. Не мало обстоятельствъ тѣснѣйшимъ образомъ связывало Людовика съ рыцарями. Въ юные годы онъ воевалъ съ невѣрными подъ орденскими знаменами; хозяйственный и меркантильный по натурѣ, Людовикъ не могъ въ зрѣлые годы не отдавать въ этомъ отношеніи справедливости рыцарямъ; не говоримъ уже о его нѣмецкихъ симпатіяхъ вообще. — Вотъ почему при Людовикѣ орденъ пользовался широкими торговыми правами въ Польшѣ, въ значительный ущербъ польскимъ, особенно краковскимъ купцамъ. Поэтому-то рыцари вспоминали съ особеннымъ умиленіемъ времена Людовика: „О, еслибы жилъ еще король Людовикъ,—не нанесли бы намъ никакой кривды!... То-то былъ король справедливый, всегдашній нашъ милостивецъ и защитникъ... днемъ и ночью молимся о его душѣ“ [1]). Такому королю было, конечно, не трудно пользоваться услугами рыцарей для того, чтобы причинять затрудненія литовцамъ. — Если ограничиться лишь свѣдѣніями, сообщаемыми Длугошемъ [2]), то можно полагать, что, начиная съ 1371 до 1376 г. не проходило ни одного года безъ набѣга рыцарей на владѣнія Кейстута, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ набѣговъ были направлены именно на Русь, близкую къ владѣніямъ Любарта. Такъ въ 1373 г. Балгскій командоръ напалъ на сѣверную Волынь и дошелъ до Каменицы. Такимъ образомъ Кейстутъ былъ совсѣмъ лишенъ возможности содѣйствовать брату, а съ собственными средствами Любартъ могъ и не рѣшаться выступать на борьбу, въ виду силъ соединенныхъ государствъ—Польскаго и Венгерскаго, такъ что набѣгъ литовцевъ 1376 г. произошелъ въ этомъ году только потому, что не могъ быть произведенъ раньше.

Соединенныя силы Любарта, Кейстута и Юрія Наримунтовича черезъ Люблинскую землю внесли въ ноябрѣ страшное опустошеніе въ Сандомірскую область. Набѣгъ былъ жестокій, и безчисленное множество народа было уведено въ плѣнъ [3]). Литовцы дѣйствительно какъ будто старались выместить старыя обиды. Не мало было ихъ,

---

[1]) *Voigt*, Cod. dipl. Prus., IV, 139, цитата по *Шайнохѣ*, V, 138.

[2]) X, 345, 349, 352, 356, 360, 368; Ср. впрочемъ *Boldt*, Der deutsche Orden u. Litfauen 1370—1386. Königsb., 1873, стр. 21 слл.

[3]) Янъ, М. Р. Н., II, 675. По лѣтоп. Малопольск., ib., III, 201, уведено было 23 тысячи человѣкъ.

и притомъ весьма существенныхъ, если имѣть въ виду дѣятельность Владислава въ Галицкой Руси.

Людовику пришлось, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на восточную границу. Онъ обращается къ польскому духовенству съ предложеніемъ оказать матеріальное содѣйствіе къ предстоящему походу, но результаты не вполнѣ отвѣчали его надеждамъ: всего лишь 200 гривенъ получилъ Людовикъ отъ архіепископа въ Сандомірѣ, куда прибылъ черезъ Саноцкія горы, вѣроятно, въ началѣ іюня 1377 г. [1]).

Двумя отрядами двинулись войска на Русь: поляки подъ предводительствомъ Сендзивая изъ Шубина пошли на Холмъ, венгерцы на Белзъ, гдѣ съ главными своими силами заперся Юрій. Съ венгерскими войсками находился, вѣроятно, и Владиславъ Опольскій.— Въ теченіе недѣли, по сообщенію польскихъ анналистовъ, управились поляки съ Холмомъ, послѣ чего присоединились къ венграмъ. Скоро между осаждающими произошли крупныя недоразумѣнія, могшія печально отразиться на исходѣ всего предпріятія [2]); но явился для переговоровъ Кейстутъ, и военныя дѣйствія прекратились. Литовцы обязались сдать Белзъ и возвратить плѣнныхъ, захваченныхъ, очевидно, въ предыдущемъ набѣгѣ. Только теперь такимъ образомъ были пріобрѣтены отъ Литвы земли Белзская и Холмская, но даже теперь предѣлы польскихъ завоеваній не дошли еще до границъ, указываемыхъ въ договорѣ у Нарушевича [3]). Походъ былъ предпринятъ Людовикомъ не даромъ: весь лѣвый берегъ Буга теперь оказался въ полной его власти, а у Юрія была отнята всякая возможность возбуждать новыя для поляковъ затрудненія. Вмѣсто отнятыхъ у него земель, ему былъ данъ Любачевъ и сто гривенъ изъ соляныхъ доходовъ въ Бохніи [4]).

Военныя дѣйствія 1377 г. представляютъ поворотный моментъ въ исторіи занимающей насъ борьбы. Въ дѣйствіяхъ литовцевъ не видимъ уже той энергіи и единства, какими всегда отличались они раньше. Юрій мужественно защищается въ Белзѣ, но со стороны

---

[1]) Время похода — іюнь—августъ, *Ржежабекъ*, въ Časop., 200, пр. 59, на основаніи SS. rr. pr. II, 115, что подтверждается пожалованіемъ Людовика братьямъ Горайскимъ, *Грабовскій*, Zrodła, I, 141.

[2]) Кромеръ, XIII, 228.

[3]) Длугошъ, Кромеръ и лѣтоп. Куявск., называютъ Белзъ, Холмъ, Городло Гробовецъ и Всеволожь (не волынскій, *Стадницкій*, Synowie, 1, 35 пр. 47, но положеніе его неизвѣстно); Янъ говоритъ вообще о землѣ Белзской и Холмской.

[4]) Янъ, M. P. H., II, 679; *Ржежабекъ*, въ Časop., 199.

Любарта не получаетъ поддержки. Кейстутъ является въ польско-венгерскій лагерь какъ разъ тогда, когда въ немъ обнаружилась вражда и нестроеніе, и тѣмъ не менѣе не думаетъ ими пользоваться. Все это такъ рѣзко отличается отъ прежняго образа дѣйствій литовскихъ князей, что могло произойдти лишь вслѣдствіе важныхъ причинъ.—Дѣйствительно весною 1377 г. умеръ Ольгердъ [1]).

Въ дѣятельности трехъ Гедиминовичей нельзя не замѣтить строгаго и выдержаннаго распредѣленія ролей. Кейстутъ является по преимуществу борцомъ съ нѣмцами, Ольгердъ занимается дѣлами русскими и татарскими, Любартъ стоитъ на стражѣ интересовъ Литвы со стороны Польши. На трехъ фронтахъ державы Гедимина мы видимъ по его смерти трехъ его сыновей, унаслѣдовавшихъ отъ отца, какъ показываютъ ихъ дѣла, его великій духъ. Дѣятельность ихъ представляетъ рѣдкій, едва ли не единственный въ исторіи примѣръ не только стойкости и мужества, но и такихъ истинно братскихъ отношеній, которыя въ болѣе извѣстныхъ намъ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута вызываютъ общее удивленіе историковъ. Картина, однако, не полная, ибо въ ней недостаетъ третьяго брата. Удалившись на югъ еще при жизни отца, онъ остался на мѣстѣ до самой кончины. Сорокъ лѣтъ провелъ въ неустанной борьбѣ. Сознаніе важности занимаемаго имъ поста, безпрерывныя опасности со стороны врага не давали Любарту никакой возможности принимать участіе въ другихъ литовскихъ дѣлахъ — вотъ почему молчатъ о немъ восточно-русскіе и нѣмецкіе историки. И западно-русскій лѣтописецъ въ трогательной характеристикѣ отношеній Ольгерда и Кейстута [2]) не даетъ Любарту мѣста, принадлежащаго ему по нелицепріятному свидѣтельству историческихъ фактовъ, а столь вообще многословный Длугошъ сумѣлъ быть сжатымъ; въ его характеристикѣ: „мужъ двуличный и коварный“ — вотъ и все, что сказалъ Длугошъ о личности Любарта [3]).

Такъ заплатила Любарту исторія, продолжаетъ платить тою же монетой и донынѣ, ибо и въ новѣйшихъ трудахъ—даже русскихъ—встрѣчаемъ упоминаніе объ „отчужденіи Любарта отъ братьевъ, которые не прочь были отхватить у него частицу его богатой земли“ [4]).

---

[1]) *К. Стадницкій*. Olg. i Kiejst., 157, пр. 348.

[2]) Лѣтоп. *Попова*, 28.

[3]) IX, 308: vir ambiguae fidei et dolositatis plurimae.

[4]) *Андріяшевъ*, Очеркъ, 216.

Все это лишь плодъ недоразумѣній и недостаточно яснаго представленія дѣла. Говоря выше о Берестьѣ, мы указывали на естественность постояннаго участія Кейстута въ русско-польской борьбѣ; но не только Кейстутъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Въ интересахъ обоихъ братьевъ дѣйствуетъ и Ольгердъ; всѣ три Гедиминовича обращаютъ усиленное вниманіе на западную границу, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ нельзя усмотрѣть ни тѣни какого-нибудь соперничества, зависти или чего подобнаго. Договоръ 1352 г. сохраняетъ намъ весьма характерную и дорогую черту взаимныхъ отношеній Гедиминовичей: „а на счетъ Любартова плѣненія, предоставляемъ рѣшеніе панамъ угорскимъ... если плѣнилъ его король по кривдѣ (несправедливо), Любартъ будетъ правъ, и я князь Кейстутъ буду правъ передъ угорскимъ королемъ; если же правъ окажется король, мы дадимъ ему брата Любарта въ плѣнъ". Трудно сказать, который изъ братьевъ въ данномъ случаѣ старается очистить другаго отъ малѣйшаго подозрѣнія въ коварствѣ даже со стороны врага и въ такомъ дѣлѣ, какъ бѣгство изъ плѣна во время военныхъ дѣйствій; во всякомъ случаѣ, оба брата выступаютъ здѣсь за одно, каждому рыцарская честь другаго столь же дорога, какъ и своя. Какъ будто идеальныя понятія о рыцарской чести, ослабѣвъ на западѣ— вспомнимъ плѣненіе Казиміромъ Карла Люксенбурга и бѣгство послѣдняго изъ плѣна,—нашли себѣ мѣсто въ сердцахъ Гедиминовичей! Послѣ 1352—1353 гг. мы видимъ постоянное участіе Кейстута въ дѣлахъ Любарта, то вмѣстѣ съ нимъ, то отдѣльно отъ него, но всегда съ одною цѣлью—содѣйствія и помощи. И теперь, въ 1377 г., только что потерявъ одного брата, съ которымъ былъ едино, Кейстутъ тѣмъ не менѣе является въ союзный лагерь враговъ хлопотать о дѣлѣ другаго брата.

Но богатырскія силы героя надломлены постигшимъ его ударомъ. Не предводителемъ грознаго набѣга, какъ бывало, не на выручку осажденнаго и отчаянно отбивающагося въ Белзѣ племянника является Кейстутъ въ непріятельскій лагерь. Нѣтъ! Безъ войска, вѣроятно, въ сопровожденіи лишь небольшой свиты, является онъ для переговоровъ, а затруднительное положеніе союзниковъ ускоряетъ заключеніе мира. Мы не знаемъ, какое еще доказательство нужно для подтвержденія истинно-братскихъ отношеній не двухъ лишь, а т р е х ъ Гедиминовичей во все продолженіе ихъ княженія? Бездѣйствіе литов-

цевъ въ 1377 г. объясняется такимъ образомъ совершенно естественно, нося на себѣ явную печать преслѣдующаго ихъ злаго рока [1]).

1377—1387 гг.

Объ отношеніи Холмско-Белзской земли къ Польшѣ съ 1377 г. не находимъ опредѣленныхъ указаній въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ; документы не представляютъ никакихъ данныхъ о дѣятельности въ ней поляковъ. Въ 1377 г., іюля 26-го, то-есть, еще во время пребыванія здѣсь мадьярско-польскаго войска, Людовикъ жалуетъ братьямъ Димитрію и Яну города Горай и Красникъ [2]), а Владиславъ Опольскій прибавляетъ еще Щебрешинъ [3]). Вѣроятно, ко времени непосредственно по заключеніи мира относится грамота того же Владислава Белзу, о которой мы упоминали выше, но о позднѣйшей дѣятельности правителя Галичины въ Холмско-Белзской землѣ ничего не знаемъ. Что означаетъ это отсутствіе свѣдѣній, трудно сказать; но мы не рѣшаемся сопоставлять это умолчаніе съ таковымъ же въ 1340 г. относительно Галичины, въ 1349 г. относительно Волыни [4]). Во всякомъ случаѣ, если о Белзѣ встрѣчаемъ упоминаніе, относящееся ко времени мадьярскаго господства, какъ о городѣ, подлежавшемъ власти угровъ [5]), то Холмъ еще въ послѣдній моментъ борьбы [6]) и потомъ во время дипломатической борьбы между Польшей и Литвой въ XV вѣкѣ возбуждалъ характерныя сомнѣнія [7]).

---

[1]) Кромеръ, XIII, 228, упоминаетъ еще о двукратномъ набѣгѣ литовцевъ послѣ 1377, но мнѣ не пришлось встрѣтить подтвержденія его показаній. Во всякомъ случаѣ смерть Ольгерда составляетъ въ исторіи русско-польской борьбы рѣзкій переломъ, хотя даже тогда трудно было предвидѣть окончательный ея исходъ.

[2]) *Грабовскій-Пржездѣцкій*, Zródła, 1, 141.

[3]) Staroż. Polska, II, 2, 809.

[4]) Переговоры съ куріей объ учрежденіи епископскихъ каѳедръ въ сущности ничего не уясняютъ въ данномъ случаѣ уже потому, что въ нихъ упоминается о Владимірѣ, находившемся безъ всякаго сомнѣнія во власти Литвы. Мы указываемъ лишь на неопредѣленность отношеній Холмско-Белзской земли къ другимъ землямъ державы Людовика. Надо, однако, сказать, что, быть можетъ, такая неопредѣленность входила въ планы послѣдняго.

[5]) Въ грамотѣ Эмерика Вебека, 22-го января 1384 г., въ подписяхъ находимъ (Ladislao) filio Posa capitaneo nostro de Belz. А. Гр. и З, II, 19.

[6]) Имѣемъ въ виду сопротивленіе польской власти западно-русскаго боярина Крупы. Объ этомъ загадочномъ, но весьма характерномъ эпизодѣ будетъ сказано ниже.

[7]) *К. Стадницкій*, Synowie, 1, 27.

Походъ Людовика на Русь не остался безъ важныхъ послѣдствій не только по отношенію къ Литвѣ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ на Руси и выждавъ послѣ этого нѣкоторое время, Людовикъ нашелъ, что посредничество Опольскаго въ присоединеніи Руси къ Венгріи болѣе не нужно. 13-го января 1379 г. Владиславъ отказывается отъ управленія Русью [1]), оффиціально констатируя дѣло, рѣшенное въ концѣ предыдущаго года [2]). Обширныя пожалованія и роль, предоставленная Владиславу въ Польшѣ, свидѣтельствуютъ, что Людовикъ могъ имѣть въ виду недовольство поляковъ его дѣйствіями, и что подъ конецъ своего правленія, обезпечивъ себѣ съ ихъ стороны все, чего желалъ, готовъ былъ и не церемониться съ ними [3]). Немедленно по удаленіи Владислава, Людовикъ занимаетъ Русь мадьярскими гарнизонами [4]). Судя по тому, что и въ пограничныхъ съ владѣніями Любарта городахъ видимъ мадьярскихъ начальниковъ, должно думать, что занята была вся Русь. Со стороны поляковъ никакихъ противодѣйствій не видно.

11-го сентября 1382 года умеръ Людовикъ. Мадьярскіе начальники волынскихъ городовъ сдаютъ ихъ Любарту. Это было послѣднимъ извѣстнымъ намъ дѣломъ главнаго героя польско-русской борьбы. Состояніе, въ которомъ мы видѣли Кейстута въ союзномъ лагерѣ подъ Белзомъ, не можетъ дать и приблизительнаго понятія о томъ невыразимо трагичномъ положеніи, въ какомъ долженъ былъ очутиться Любартъ, когда гнусная расправа Ягайла надъ Кейстутомъ окончательно уничтожила равновѣсіе литовскихъ силъ, какъ разъ въ то время, когда содѣйствіе Кейстута въ борьбѣ съ Польшей могло имѣть особенно важное значеніе [5]); и надо было обладать дѣйствительно богатырскимъ духомъ, чтобы даже послѣ этого сдѣлать попытку къ возвращенію потеряннаго. Дальнѣйшія дѣйствія были бы однако безполезными, и мы уже не видимъ Любарта во главѣ за-

---

[1]) А. Гр. и З, III, № 27.

[2]) Добржинская земля была пожалована Владиславу 8-го декабря 1378 г. Ib., V, № 14.

[3]) Вопросъ о правленіи Владислава въ Польшѣ вызываетъ разногласія, но онъ для насъ посторонній; ср. *Шуйскій*, Opowiad., 110—111 и *Брейтеръ*, Владиславъ Опольскій, гл. IV. Впрочемъ, доводы послѣдняго намъ не кажутся убѣдительными.

[4]) Янъ, М. Р. Н., 680, Длугошъ, X, 374, Кромеръ, XIII, 229 ограничиваются общими словами, не перечисляя занятыхъ уграми городовъ.

[5]) Кейстутъ былъ удушенъ, по всей вѣроятности, около 15-го августа.

падно-русскихъ полковъ, ведущаго ихъ на самую русско-польскую границу поить коней въ Вислѣ! Вынужденное бездѣйствіе послѣднихъ лѣтъ его жизни, тотъ никѣмъ не предвидѣнный поворотъ литовско-русской исторіи, начало котораго происходило на его глазахъ, долженъ былъ невыразимо тяготить литовско-русскаго богатыря, всю жизнь прожившаго на Руси, всѣ силы посвятившаго ея интересамъ. Все это, вѣроятно, и ускорило его кончину. Если онъ и не видѣлъ торжества поляковъ, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ чувствовать, что всѣ его труды и усилія пропали безъ пользы. Онъ умеръ до 1386 г., представивъ собою наглядный примѣръ гармоническаго слiянiя Литвы-Руси какъ разъ въ то время, когда судьбѣ угодно было рѣзко и безжалостно повернуть ихъ исторію на совсѣмъ другой путь.

Какая по истинѣ трагическая судьба!

Съ удаленіемъ Любарта съ исторической сцены, борьба за галицко-владимірское наслѣдіе, собственно говоря, прекращается.

Правленіе Маріи, послѣ отказа ея отъ польской короны, представляетъ время ничѣмъ не маскируемаго господства угровъ въ Галичинѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ оно, какъ увидимъ ниже, ознаменовалось довольно важными фактами и продолжалось до 1387 г. События этого года бросаютъ ретроспективный, но яркій свѣтъ на взаимныя отношенія къ Галичинѣ Польши и Литвы.

18-го февраля 1386 г. Литовско-Русскій государь „Яковъ Ондреевичъ“, какъ называетъ его надпись на колоколѣ, пожертвованномъ имъ виленской церкви св. Параскевы [1]), соединился брачными узами съ Польскою королевой Ядвигой. Ничѣмъ не подготовленное, а потому непостижимое, безпримѣрное въ исторіи счастье засіяло теперь на потускнѣвшемъ польскомъ горизонтѣ! Въ концѣ того же мѣсяца послѣдовала злокозненная смерть мимолетнаго Венгерскаго короля Карла Неаполитанскаго, вызвавшая возстаніе въ южныхъ провинціяхъ государства. Вновь ставшая королевой Марія и виновница преступленія Елизавета отправились туда для его усмиренія; здѣсь разыгралась надъ ними ужасная драма. Захваченныя въ плѣнъ сторонниками Карла, онѣ шесть мѣсяцевъ оставались въ плѣну, а въ февралѣ 1387 года Елизавета, въ присутствіи дочери, была задушена. Судьба Маріи

---

[1]) *М. Смирновъ*, Ягелло-Яковъ-Владиславъ. Одесса. 1868, стр. 173.

еще нѣкоторое время вызывала самыя тревожныя опасенія. Какія чувства должны были волновать ея сестру Ядвигу, когда до нея дошли вѣсти о катастрофѣ въ далматскомъ Новоградѣ, едва ли можно себѣ представить; но о чемъ думали въ это время малопольскіе виновники недавняго краковскаго брака, на это указываютъ послѣдовавшія въ мартѣ того же года событія.

Увѣрившись—именно въ исторіи брака—въ возможности безцеремоннаго обращенія съ Ядвигой, малопольскіе паны, не обращая вниманія на ея душевное состояніе, въ отсутствіе Ягайла, увлекаютъ королеву на Русь. 1-го марта прибыли въ Городокъ (около Львова). Этого числа Ядвига выдала львовянамъ документъ на свободный проѣздъ изъ Львова въ Городокъ и обратно [1]), скрѣпленный отдѣльнымъ согласіемъ пановъ, спутниковъ Ядвиги [2]). Переговоры продолжались недолго. 8-го марта Ядвига съ панами была уже въ городѣ, гдѣ и подтвердила всѣ его права и вольности, даже безъ различія національности. Уничтоженіе повинностей, наложенныхъ „нѣкоимъ лицомъ“ по смерти Казиміра „не по праву и справедливости“ [3]), являлось отвѣтомъ на происки Владислава Опольскаго [4]). Польской „амазонкѣ“ [5]) не удалось однако завершить дѣло однѣми польскими силами, пришлось призвать на помощь литовскихъ князей,—только они, очистивъ для поляковъ Галичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ фактически устранили изъ Галичины послѣдняго посторонняго претендента [6]). Другими словами, борьба была завершена случайностью,

---

[1]) А. Гр. и З., III, № 40.

[2]) Ib., № 41.

[3]) Ib., № 42.

[4]) Ib., II, № 14 и 15. Что кое-гдѣ эти происки могли имѣть успѣхъ, видно изъ сопоставленія документовъ: ib., II, № 13 и ib., VI, № 1. Быть можетъ, они не остались безъ вліянія и на упорное сопротивленіе Бенедикта въ Галичѣ, хотя оно могло обусловливаться и значительностью собравшихся здѣсь венгерскихъ силъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе Вагилевича о двойной игрѣ Владислава Опольскаго (ib., III, 73, пр.) излишне.

[5]) *Голембіовскій*, Panowanie Władysława Jagiełły, 77: «pod niebytność Władysława, krolowa, jak Amazonka druga, zgromadziwszy hufce, na Ruś czerwoną wkracza». Въ какой степени могла принадлежать Ядвигѣ активная роль и какъ идетъ къ ней въ ея душевномъ состояніи, сравненіе съ амазонкой, нечего объяснять.

[6]) Князья гарантировали Бенедикту не только безопасность, но и милость великаго князя, и дѣйствительно, Ягайло подтвердилъ ему владѣніе имѣніями въ Жидачевскомъ, Львовскомъ и Белзскомъ округахъ. *Голембіовскій*, ib., прибавл. 132, стр. 501. Смыслъ документа невѣрно переданъ въ Inventarium, 250.

которой никакъ нельзя было предвидѣть до роковаго Краковскаго брака.

Когда Ягайло вернулся изъ своей миссіонерской поѣздки въ Литву, дѣло было уже сдѣлано; ему оставалось только подтвердить его отъ своего имени [1]); но столь поспѣшная экспедиція малопольскихъ пановъ съ Ядвигой на Русь, именно во время отсутствія Ягайла, неудовольствія, возникшія между супругами, причину которыхъ указываютъ именно въ дѣйствіяхъ Ядвиги на Руси [2]), негодованіе литовскихъ князей, котораго отчасти не могъ не раздѣлять и Ягайло, и которое дало поводъ къ слухамъ объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, вызвавшимъ со стороны Ягайла — впрочемъ уже тогда, когда польская корона была за нимъ обезпечена — торжественное опроверженіе [3]), все это, повторяемъ, бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Галичины къ Польшѣ и Литвѣ. Въ этомъ заключительномъ эпизодѣ даже К. Стадницкій видитъ „верхъ (arcydzieło) дипломатіи, осмотрительности, расчета и необыкновенно ловкаго уловленія момента со стороны коронной рады“ [4]).

Не будемъ спорить. Отмѣтимъ только, что въ обоихъ указанныхъ документахъ, опровергающихъ слухи объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, явно сказываются тонъ, языкъ и слогъ польской канцеляріи, которые она тогда только еще выработывала въ присяжныхъ грамотахъ, отбираемыхъ отъ литовскихъ князей на вѣрность Ягайлу и „коронѣ“, и которые затѣмъ въ полномъ блескѣ стилизаціи сказались въ Городельскомъ актѣ.

Такъ завершилась окончательно борьба за Галичину. Дальнѣйшее, какъ напримѣръ, обѣщаніе вѣчной вѣрности королю Владиславу и его сыну со стороны русской (то-есть, львовской, галицкой и перемышльской) шляхты, данное въ 1404 г. въ Галичѣ [5]), или такое же обѣщаніе, данное 9-го октября 1425 г. представителями Львова [6]),

---

[1]) А. Гр. и З. III, № 44. Грамота армянамъ, ib., № 45; предоставленіе львовянамъ права самимъ избирать войта, ib., № 46.

[2]) *Каро*, Ш, 69; *К. Стадницкій*, Synowie, II, 131.

[3]) 30-го сентября 1388, А. Гр. и З., II, № 17; снова возобновлено 1-го октября 1389, ib., Ш, № 50.

[4]) Synowie, II, 129.

[5]) *Даниловичъ*, Skarbiec, № 785.

[6]) А. Гр. и З., IV, № 73. Замѣчательно: все—нѣмцы; *А. Мосбахъ*, Początki Unii Lubelskiej. Познань. 1872, стр. 4, говоритъ однако по этому поводу: «to też stolica Czerwonej Rusi objawiając swoje mocne przywiązanie do Polski»... Эта „сто-

все это только естественныя слѣдствія событій 1387 года, давшія возможность, въ дальнѣйшемъ развитіи, подвести Галицкую Русь по Едлинской конституціи въ 1433 г. наравнѣ со всѣми другими польскими землями подъ одинъ законъ и одно право [1]).

Галицкая Русь еще долго служила предметомъ спора, но уже не между Польшей и Литвой, а между Польшей и Венгріей. Еще въ 1440 г. избранный на венгерскій престолъ Владиславъ Ягайловичъ обѣщалъ созвать чины обоихъ государствъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Предполагаемый съѣздъ однако не состоялся. Венгерско-польскій споръ за Галичину, будучи исключительно дипломатическимъ, ничѣмъ не отражался на судьбахъ Галицкой земли, ни въ чемъ не нарушалъ выпавшаго на ея долю хода исторической жизни, почему онъ и не представляетъ для насъ никакого значенія.

лица", конечно, не имѣла съ Русью рѣшительно никакой другой связи, кромѣ торговой прибыли.

[1]) Voll. legg., 1, 93.

III.

Дѣла церковныя.

Рече же Володимиръ Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отці наши сего не приали суть".

Лавр., 83.

„Die Russen scheinen zwar in den constitutionellen und geseltschaftlichen Verhältnissen der Stadt (Львова) eine inferiore Stellung eingenommen zu haben, dagegen ragte ihre Kirche des heiligen Georg über alle Bauten der Stadt empor" Caro, G. P., III, 59.

Давно подготовлявшееся раздѣленіе христіанскаго міра совершилось наконецъ въ 1054 г. Единый христіанскій міръ раздвоился, сталъ на половину меньше! Почти два вѣка прошло въ колебаніяхъ и неопредѣленности: такъ трудно было христіанскому чувству помириться съ мыслью о раздѣленіи, но когда вскорѣ послѣ него западъ, такъ сказать, лично встрѣтился съ востокомъ, даже великая задача освобожденія Святой земли не могла выровнять образовавшейся между ними пропасти, не могла потушить „слѣпой ненависти къ схизматикамъ грекамъ" [1]). Вражда сицилійскихъ норманновъ къ Византіи находила естественное сочувствіе въ представителѣ католическаго запада, а честолюбивые и смѣлые планы Рожера II осуществились наконецъ въ 1204 г. Центръ восточнаго православія, главнѣйшій противникъ Рима палъ передъ крестоносцами; на мѣсто греческой воз-

[1]) *В. Г. Васильевскій*, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Славянскій сборникъ, II, С.-Пб., 1877.

никла латинская имперія. Казалось, православіе должно покорно склониться передъ папствомъ. Такъ думалъ Иннокентій III. „Мы радуемся“, писалъ онъ Балдуину,—„о Господѣ, который ниспровергаетъ гордыхъ и оказываетъ свою милость смиреннымъ, что онъ соизволилъ совершиться черезъ тебя чуду для славы твоего имени, для чести и преуспѣянія апостолическаго престола, для пользы христіанства. Принимаемъ тебя, твои земли и твоихъ подданныхъ подъ особенное покровительство св. Петра и приказываемъ защищать твою имперію всѣмъ прелатамъ, князьямъ и всему христіанству. Всему крестовому ополченію повелѣваемъ охранять и поддерживать Константинопольскую имперію, обѣщая за это отпущеніе грѣховъ. Съ того времени, какъ царство грековъ отпало отъ послушанія апостолическому престолу, оно падало все глубже, пока наконецъ справедливымъ судомъ Божіимъ не было приведено отъ гордыни къ смиренію, отъ неповиновенія къ послушанію, отъ схизмы къ католицизму. По сему увѣщеваемъ тебя держать греческую церковь и Константинопольскую имперію въ подчиненіи апостолическому престолу, такъ какъ Богъ подчинилъ ихъ ему своими велѣніями. Такимъ образомъ и самъ ты вѣрнѣе удержишь въ своихъ рукахъ государство“ [1]). Ничего, какъ показываютъ послѣднія слова, не упускалъ изъ виду величайшій изъ папъ. Звѣзда папства достигла зенита. Удивительно ли, что свѣтъ ея отразился и на вѣрной дочери Царьграда—церкви русской! По лѣтописнымъ извѣстіямъ въ томъ же 1204 г. явился къ Роману папскій посолъ „намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщавая ему грады и королемъ въ Руси учинити. Романъ же препирашеся отъ письма, а они не срамляся належаху ему ласковыми словесы“ [2]). Въ 1208 г. 7-го октября Иннокентій обращается ко всему русскому духовенству и народу, въ виду своей власти надъ Греціей, находитъ несообразнымъ, чтобы часть греческой церкви упорство-

[1]) *A. Pichler*, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. München. 1864 г., I, стр. 309. Ср. тамъ же, стр. 306—307, сообщенія грековъ и латинянъ о занятіи крестоносцами Царьграда, доказывающія совершенную невозможность взаимнаго пониманія.

[2]) Россійская Библіотека. С.-Пб., 1767, стр. 300. Стиль извѣстія, по справедливому замѣчанію *Дашкевича*, Первая унія, 38, пр. 2, отличается новизною. Въ другихъ спискахъ его нѣтъ. Можно ли, однако. въ виду пропуска княженія Романа въ Ипатскомъ спискѣ, отнимать значеніе у показанія, не заключающаго въ себѣ никакой внутренней недостовѣрности; ср. *Татищевъ*, Исторія, III, стр. 344.

вала въ раздѣленіи, извѣщаетъ о посылкѣ легата и предлагаетъ оказать ему во всемъ послушаніе [1]).

Посланіе папы осталось безъ всякихъ послѣдствій, и долго послѣ этого съ посланіями подобнаго общаго характера не встрѣчаемся. Само по себѣ оно представляетъ доказательство отдѣльности русскаго православія отъ Рима [2]), а возобновлявшіяся время отъ времени попытки подчинить его власти папы достаточно ясно доказываютъ, что отдѣльность никогда не прерывалась. Это, однако, не мѣшаетъ уніатскимъ и католическимъ писателямъ поднимать почти при каждомъ митрополитѣ, какъ предшествующаго, такъ и послѣдующаго времени, вопросъ объ его католической ортодоксіи. У болѣе серьезныхъ писателей эти вопросы такъ и остаются не рѣшенными, а въ самомъ разсмотрѣніи ихъ, общій ходъ духовной жизни русскаго народа совершенно игнорируется и основаніемъ аргументаціи являются лишь совершенно случайные, не характерные факты [3]). Это обстоятельство даетъ намъ основаніе совсѣмъ не останавливаться на этой сторонѣ и перейдти къ непосредственно интересующему насъ предмету—католической пропагандѣ и утвержденію католическихъ епископскихъ каѳедръ въ Галицко-Владимірской землѣ.

Отъ смерти Романа до окончательнаго утвержденія власти Да-

---

[1]) *Тургеневъ*, H. R. M. I, № 3.

[2]) Ibid. Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae tamquam filii alieni.

[3]) Ср. *Пелешъ*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. Wien. 1878, I, стр. 310: указавъ несостоятельность нѣкоторыхъ заключеній Кульчинскаго о католицизмѣ митрополита Матѳея (умеръ въ 1220 г.), Пелешъ не находитъ однако возможнымъ считать его сторонникомъ „схизмы" на слѣдующихъ основаніяхъ: не протестовалъ противъ папскаго посланія русскимъ епископамъ, не только не противодѣйствовалъ коронаціи Коломана, но даже назначилъ въ Перемышль епископа Антонія; поставилъ въ Новгородскіе епископы константинопольскаго монаха (!!). Невольно вспоминается замѣчаніе *Пихлера*, II, 16: „es wird doch nachgerade komisch, mit welchen Beweismitteln man darthun will, dass die Russische Kirche, ganz verschieden von der Byzantinischen die längste Zeit hinaus im freundschaftlichen Verhältnisse zu Rom geblieben sei". Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что указываемый Пелешемъ константинопольскій монахъ былъ Добрыня Ядрѣйковичъ, о которомъ Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1211 г. говоритъ слѣдующее: „бяше пришелъ Добрыня Ядрѣиковичь изъ Цряграда, и привезе съ собою гробъ Господень, а самъ пострижеся на Хутинѣ у святого Спаса, и волею божіею възлюби и князь Мьстиславъ и вси Новгородци, и послаша и на Русь ставиться".

нiила (1205—1245 г.) въ Галицкой землѣ много разъ встрѣчаемся съ уграми. Вообще господство ихъ въ Галичѣ было слишкомъ кратковременно для того, чтобы они могли думать о католической пропагандѣ, но въ болѣе продолжительное правленiе Коломана (1214—1218 гг.) они несомнѣнно о ней думали. Русскiе источники говорятъ о насильственныхъ дѣйствiяхъ угровъ [1]), иностранные [2]) тоже сообщаютъ извѣстiя о пропагандистскихъ замыслахъ Андрея — короля извѣстнаго крестовымъ походомъ. Попытки такимъ образомъ были [3]) но также несомнѣнно не привели ни къ чему. Окончившаяся въ непродолжительномъ времени борьба за Галичъ не могла уже обѣщать мира галицкой церкви. Вновь учрежденные монашескiе ордена — францисканцевъ и доминиканцевъ, съ необыкновенною ревностью ухватившiе дѣло пропаганды въ свои руки, въ скоромъ времени появились въ Польшѣ, ставшей съ этихъ поръ очагомъ католическаго миссiонерства въ предѣлахъ Руси.

Въ 1218 году прибыли доминиканцы въ Польшу, а черезъ десять лѣтъ, по орденскимъ преданiямъ, Яцекъ Одровонжъ основалъ монастырь въ Кiевѣ [4]). Можно думать, что доминиканцы приложили не мало старанiй къ распространенiю въ Польшѣ духа пропаганды, если уже съ 1257 года поляки стали домогаться канонизацiи доминиканскаго миссiонера. Время для пропаганды было тогда дѣйствительно благопрiятное: въ XIII в. среди членовъ Пястовскаго дома видимъ цѣлый рядъ святыхъ; но несомнѣнно, широкiе успѣхи проповѣди, доминиканцевъ на Руси представляютъ не только легенду, но даже вымыселъ. По доминиканскимъ сообщенiямъ, еще до прибытiя въ Польшу

---

[1]) Воскресенская лѣтопись, Полное собранiе, VIII, 119: „въ лѣто 6722 король Угорьскiй посади сына своего въ Галичѣ, а епископа и попы изгна изъ церкви, а свои попы приведе латыньскiя на службу“. О претворенiи церквей въ латинскую службу говоритъ и Никоновская лѣтопись, П. С., X, 66. О притѣсненiяхъ угровъ и противодѣйствiи галичанъ у *Татищева*, III, 377.

[2]) *Raynald*, Annales, 1214, VIII: humiliter a nobis postularunt, писалъ Андрей папѣ, ut filium nostrum in regem ipsis praeficeremus, in unitate et obedientia Romanae ecclesiae perseveraturi in posterum, salvo tamen eo quod fas illis sit, a ritu proprio non recedere.

[3]) *Пелешъ*, Geschichte der Union, I, 307, считаетъ насильственныя мѣры невозможными, но приводимыя имъ доказательства—лишь логическiя разсужденiя: не возможно (?), говоритъ Пелешъ, чтобы столь осмотрительный король, какъ Андрей, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ.

[4]) О Яцкѣ: *И. И. Малышевскiй*, Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли Русской, *Труды Кiевской духовной академiи* 1867 г., 4, 6, 8.

францисканцевъ, доминиканскіе проповѣдники достигли нѣкоторыхъ успѣховъ въ Галичинѣ: одновременно утвердились они въ Перемышлѣ и Львовѣ, гдѣ уже въ 1234 г. имъ принадлежала древнѣйшая католическая часовня св. Іоанна; въ 1238 году основали монастырь въ Галичѣ, а въ 1270 г. отъ Констанціи, дочери Белы IV, жены Льва Даніиловича, они получили во Львовѣ ихъ нынѣшній монастырь [1]). Свѣдѣнія эти основываются, впрочемъ, на позднѣйшихъ извѣстіяхъ, въ значительной мѣрѣ склонныхъ къ преувеличеніямъ. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что доминиканцы прилагали не мало стараній къ распространенію на Руси католицизма, а Римъ внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью и старался по возможности облегчать ихъ миссію. 15-го марта 1233 года Григорій IX посылаетъ два письма „братьямъ проповѣдническаго ордена на Руси"; въ одномъ поручая сдерживать своеволіе и безчинства „нѣкоторыхъ лишь по имени вѣрныхъ", позволяетъ дѣйствовать авторитетомъ папы [2]), въ другомъ даетъ имъ, до прибытія папскаго легата, особенныя преимущества на счетъ разрѣшенія отъ нѣкоторыхъ важныхъ грѣховъ [3]). Какъ будто въ помощь доминиканцамъ являются въ Польшу въ 1237 г. францисканцы. И они немедленно устремляются на Русь и, подобно доминиканцамъ, также преувеличиваютъ въ своихъ преданіяхъ размѣры своей первоначальной дѣятельности. Въ замѣткахъ орденскаго перемышльскаго архива сохранилось упоминаніе, что до 1255 года лишь они одни были въ Перемышлѣ [4]). Одновременно съ этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о намѣреніи папы поставить епископа для Руси. По крайней мѣрѣ 12-го мая 1232 года Григорій IX поручилъ доминиканскому провинціалу и братьямъ Якову и Домаславу разслѣдовать состояніе церкви на Руси и сообщить, долженъ ли быть туда назначенъ епископъ [5]). Такимъ образомъ не только „вѣроятно" [6]), но совершенно несомнѣнно, что до 1232 г. на Руси никакого католическаго епископа не было,

---

[1]) *Reifenkugel*, Gründung, 414.

[2]) *Theiner*, M. P. I. № 47.

[3]) Ibid., № 48.

[4]) *Reifenkugel*, Gründung, 415, пр. 1.

[5]) А. Гр. и З., VII, № 1. Рейфенкугель заимствуетъ свѣдѣнія объ этомъ у Бзовскаго, Annales; но у него дата (28-го апрѣля) и адресъ (провинціалу Якову Кресценцію и брату Домаславу) невѣрны. Нѣкоторые пропуски этой буллы могутъ быть, кажется, дополнены содержаніемъ приведеннаго выше письма Григорія IX, см. выше пр. 2.

[6]) *Н. П. Дашкевичъ*, Первая унія, 7.

и, какъ мы видѣли, еще въ 1233 году папа лишь собирался отправить туда своего легата, а въ буллѣ 12-го мая 1234 года видимъ опять жалобы папы на немногочисленность дѣятелей католической пропаганды, вынуждающую его снова предоставить доминиканцамъ особенныя полномочія [1]). Можно, пожалуй, не отвергать доминиканскихъ преданій объ епископахъ въ средѣ самихъ же миссіонеровъ, безъ опредѣленныхъ резиденцій и юрисдикціи: назначенія заранѣе иногда практиковались, но если и были таковые, то они не имѣли никакой власти и вліянія.

Лишь послѣ 12-го мая 1234 г. Опатовскій аббатъ Герардъ возведенъ былъ въ санъ русскаго епископа, но перенесеніе его резиденціи въ Любушъ [2]) и полное отсутствіе какихъ-нибудь свѣдѣній о другихъ латинскихъ епископахъ для Руси [3]) даетъ основаніе думать, что католическая пропаганда не сдѣлала никакихъ особенныхъ успѣховъ. Еще въ 1254 г. Герардъ оставался въ живыхъ [4]), но въ русскихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Между тѣмъ именно какъ разъ тогда татарскій разгромъ заставилъ Даніила обратить вниманіе на предложенія пословъ, отправленныхъ папой къ татарамъ въ 1245 г. [5]). Переговоры эти начались, какъ извѣстно, случайно, и Любушскій епископъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Очевидно, слѣдовательно, „первый русскій епископъ“ не имѣлъ ни-

[1]) А. Гр. и З., VII, № 2.

[2]) Богуфалъ сообщаетъ объ этомъ такими словами: iste namque Henricus (то-есть, Генрихъ I Силезскій) monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit, M. P. H. II, 556. Объясненіе словъ: „pro catholicis ibi degentibus“ существованіемъ около Опатова „католической Руси“, *Зубрицкій*, Повѣсть, 54. пр. 35в; *Петрушевичъ*, Холмская Епархія, 5, пр. 7, на нашъ взглядъ представляетъ простое недоразумѣніе. Выраженіе „de novo“ имѣетъ, конечно, такое же значеніе, какъ и въ папскихъ буллахъ, см. ниже.

[3]) *Reifenkugel*, Gründung, 417, пр. 2. Указываемая здѣсь неосновательность доминиканскихъ преданій о двухъ галицкихъ латинскихъ архіепископахъ, надо сказать, въ значительной степени ослабляетъ вѣроятность существованія епископовъ даже въ средѣ миссіонеровъ. Папскія буллы о нихъ не упоминаютъ вовсе, и можно только удивляться, что *К. Стадницкій*, даже послѣ Рейфенкугеля, все-таки настаиваетъ на ихъ существованіи, O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich na Rusi. Львовъ. 1882.

[4]) M. P. H. II, 573: при открытіи костей св. Станислава присутствовалъ Gerhardus primus Russiae ordinis Cisterciensis quondam abbas de Opatow (episcopus). Въ ряду епископовъ онъ поставленъ послѣднимъ.

[5]) *Н. П. Дашкевичъ*, Перв. унія, 20 слл.

какого отношенія къ церковнымъ дѣламъ на Руси, и не ему, а Генриху, архіепископу Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи, апостолическому легату поручаетъ папа въ 1246 г. устройство іерархіи на Руси [1]), очевидно, до сихъ поръ остававшейся безъ латинской іерархіи. Въ концѣ 1254 г. переговоры съ папой прекратились, а въ 1257 г. были прерваны окончательно [2]). Но они не остались безъ послѣдствій. Ко времени ихъ прекращенія относится весьма характерный документъ папской канцеляріи. 11-го февраля 1257 г. Александръ IV утвердилъ права духовной юрисдикціи Любушскаго епископа въ предѣлахъ Руси. По документу оказывается, что предшественники Любушскаго епископа „съ незапамятныхъ временъ" (?!) вѣдали духовныя дѣла католиковъ на Руси. Исполненію пастырскихъ обязанностей мѣшали однако „вѣроломство князей и злоба жителей". Любушскій, епископъ, обращаясь къ папѣ съ просьбой, не имѣетъ надежды на измѣненіе положенія дѣлъ. Онъ хлопочетъ лишь въ виду того, чтобы права его каѳедры не потерпѣли ущерба [3]), а папа охотно исполняетъ его просьбу, явно выражая досаду на неудачу переговоровъ съ Даніиломъ („вѣроломство князей") и — что̀ еще важнѣе — обнаруживая совершенную беззаботность на счетъ исторической дѣйствительности, ибо какихъ же „предшественниковъ" Любушскаго епископа могъ имѣть въ виду Александръ IV, о какихъ „незапамятныхъ" временахъ можетъ быть рѣчь? Вѣдь „первый русскій епископъ" былъ поставленъ, какъ мы видѣли, не раньше 1234 г. Все это представляетъ лишь завязку той необыкновенной путаницы, съ какою намъ придется встрѣчаться на протяженіи всей настоящей главы, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи католицизма въ предѣлахъ Руси. Болѣе или менѣе она разъяснится только въ концу. Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что указанное порученіе архіепископу Генриху въ 1246, какъ равно возникшая тоже одновременно съ прекращеніемъ переговоровъ съ Даніиломъ мысль объ основаніи епископства въ Луковѣ [4]) могла послужить достаточною побудительною причиной къ указаннымъ дѣйствіямъ Любушскаго епископа, который могъ считать себя преемникомъ скончавшагося недавно „перваго русскаго епископа". Права любушскихъ епископовъ были такимъ образомъ законно утверждены, но замѣчательно, вспомнили они объ этомъ лишь тогда, когда для ка-

[1]) *Тургеневъ*, H. R. M. I, № 61.

[2]) *Дашкевичъ*, Перв. Ун. 39—40, пр. 1. *Raynald* подъ 1257, 26—28.

[3]) *Theiner*, M. P., I, № 144.

[4]) Ib., № 143.

толической пропаганды настало опять время болѣе благопріятное. Такимъ временемъ были 20-е годы XIV вѣка.

15-го декабря 1320 г. Іоаннъ XXII назначилъ доминиканскаго лектора въ Порвалле, Генриха Кіевскимъ епископомъ. Назначеніе это послѣдовало первоначально отъ епископа Любушскаго, но, усумнившись въ его компетенціи, Генрихъ обратился къ папѣ, который, признавъ его сомнѣнія правильными [1]), утвердилъ его въ санѣ, найдя его достойнымъ, а въ слѣдующемъ году поручилъ ему отправиться въ свою епархію [2]). Такимъ образомъ въ первой четверти XIV вѣка католическая пропаганда проникаетъ, по видимому, далеко на востокъ, и матерь городовъ русскихъ получаетъ латинскаго епископа. Если примемъ во вниманіе, что въ 1234 г. небольшой католической колоніи въ Кіевѣ, съ какимъ-то Ульрихомъ во главѣ, во всякомъ случаѣ не епископомъ, приходилось очень плохо [3]), что тогда же папа обращался къ сандомірскому духовенству, предлагая ему защищать кіевскихъ единовѣрцевъ [4]), при чемъ сандомірскій католическій клиръ являлся, очевидно, крайнимъ на востокѣ, а потому ближайшимъ къ Кіеву, что въ упомянутой буллѣ Генриху папа говоритъ, что минуло уже 100 съ лишнимъ лѣтъ, какъ въ Кіевѣ по причинѣ схизмы, не только не было католическаго епископа и клира, но даже не было католиковъ [5]), то послѣдовавшее въ 1320 г. назначеніе туда католическаго епископа представитъ фактъ, заслуживающій полнаго вниманія. Разсмотрѣніе его поможетъ намъ уяснить характеръ католической пропаганды на Руси, а отношенія Любушскаго епископа, обна-

[1]) Tu vero de privilegio ipso merito hesitans, то-есть, правѣ Любушскаго епископа поставлять епископовъ. Ibid., № 252.

[2]) Ib., № 255.

[3]) Ib., № 55.

[4]) Ib., № 56.

[5]) Ecclesia Kijoviensis elapsis centum annis et amplius propter scizma, quod instigante maligno spiritu in illis partibus inolevit, infeliciter caruit pastore proprio, clero et populo christianis. Показаніе папы совпадаетъ съ свидѣтельствомъ Длугоша объ изгнаніи изъ Кіева католическихъ миссіонеровъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ 1233 г. (VI, 240) и доминиканскими преданіями о дѣятельности Яцка, *Дашкевичъ*, Первая унія, 5, пр. 4, и *Голубинскій*, Исторія Русской церкви, 1, 700. Врядъ ли папа имѣлъ въ виду эти факты, ибо въ такомъ случаѣ онъ заявилъ бы о нихъ прямо; всего вѣроятнѣе, онъ руководился общимъ взглядомъ куріи на „схизматическій“ востокъ. „Centum annis et amplius“—крайне неопредѣленно, но въ такомъ случаѣ можно еще болѣе усумниться въ успѣхѣ католической пропаганды на Руси въ XIII в.

ружившіяся по поводу назначенія помянутаго Генриха, связаны ближайшимъ образомъ съ учрежденіемъ католической іерархіи въ Галицкой Руси.

Замѣтимъ прежде всего, что новому Кіевскому епископу не пришлось даже увидѣть своей столицы. Не смотря на предписаніе папы, онъ до самой смерти оставался епископомъ in partibus, подобно Герарду: въ 1322 г. онъ былъ въ Бамбергѣ, вѣроятно, на обратномъ пути изъ Авиньона, затѣмъ онъ поселился въ Альтмаркѣ и оставался здѣсь, по видимому, до смерти [1]). О состояніи Кіева въ то время мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Несомнѣнно, однако, назначеніе туда католическаго епископа не могло быть слѣдствіемъ включенія его въ составъ литовскихъ владѣній, ибо таковое произошло во всякомъ случаѣ не раньше 1332 г. [2]), не могло быть и слѣдствіемъ того, что Кіевъ былъ городъ безъ всякой власти, какъ думаетъ Рейфенкугель [3]), ибо еслибы и такъ было, то это не причина; не могло быть наконецъ—что самое главное—слѣдствіемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ, ибо въ такомъ случаѣ Генрихъ хотя на короткое время посѣтилъ бы паству для удовлетворенія ея духовныхъ нуждъ. Этого, какъ мы видѣли, онъ не сдѣлалъ. Какая-нибудь причина назначенія должна была, однако, быть, и ее, всего вѣроятнѣе, слѣдуетъ усматривать въ тогдашнихъ дѣлахъ литовскихъ. Разумѣемъ начавшіеся въ 20-хъ годахъ переговоры Гедимина съ папой. Они завязались въ самомъ началѣ 1323 г., и если, подобно переговорамъ Даніила, вытекали исключительно изъ политическихъ расчетовъ и, подобно имъ, разрѣшились ничѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, связанные съ ними факты могутъ наводить на нѣкоторыя соображенія, относящіяся прямо къ интересующему насъ вопросу. Изъ папскихъ буллъ 1324 г. (1-го іюня) [4]), передающихъ содержаніе писемъ Гедимина къ папѣ, узнаемъ, что литовскій государь держалъ при своемъ дворѣ доминиканцевъ и миноритовъ, пользовавшихся полною свободой миссіонерской дѣятельности, а въ грамотѣ Гедимина отъ 25-го января 1323 г. [5]), обращенной ко всѣмъ почи-

---

[1]) *Reifenkugel*, Gründung, 421, пр. 2 и 4.

[2]) *Дашкевичъ*, Замѣтки, 64.

[3]) Gründung, 420.

[4]) *Theiner*, M. P. 1, № 290 и 293.

[5]) Русско-ливонскіе акты, № 67. Соображенія о подлинности грамоты см. *В. Г. Васильевскій*, Обращеніе Гедимина въ католичество, *Журн. М. Нар. Пр.* 1872, 2, стр. 155, пр. 2.

тателямъ Христа, разсѣяннымъ въ мірѣ и особенно къ жителямъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ: Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Любека и Кельна, Гедиминъ говоритъ слѣдующее: „Мы будемъ стараться соблюдать все то, что письменно обѣщали святѣйшему отцу: будемъ строить церкви, какъ уже дѣлали это и до сихъ поръ. Ибо знайте, что за два года передъ симъ мы построили вновь двѣ церкви въ городѣ нашемъ Вильнѣ: одну для ордена доминиканцевъ, другую для миноритовъ, и сверхъ того, въ нынѣшнемъ году мы приказали возобновить для послѣдняго ордена, на пользу нашу и на спасительное врачеваніе сыновей и женъ нашихъ, прежде нами основанную церковь въ Новгородкѣ, которую недавно сожгли огнемъ крестоносцы прусскіе. Мы съ охотою готовы принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какого бы то ни было ордена, только бы жизнь ихъ не была порочна, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри и потомъ насильно берутъ милостыню у добрыхъ людей и продаютъ ее“. Такимъ образомъ около 1320 г. монахи миссіонеры, въ виду благосклоннаго отношенія къ нимъ Гедимина, могли предаваться самымъ розовымъ надеждамъ на счетъ дальнѣйшихъ успѣховъ своей дѣятельности. Такъ какъ монахи эти были несомнѣнно изъ Польши—такъ слѣдуетъ думать въ виду враждебныхъ отношеній Гедимина къ рыцарямъ—то надежды эти очень скоро могли сообщиться и польскому духовенству. Любушскій епископъ немедленно-же фактически заявляетъ свои права: но, быть можетъ, соблазненный легкостью, съ какою удалось ему добиться желаемаго въ 1257 г., онъ на этотъ разъ далеко вышелъ за предѣлы признанной тогда за нимъ компетенціи [1]). Притязанія были въ дѣйствительности дерзки, и если „незапамятной давности“, приведенной въ 1257 г. какъ основаніе для полученія права юрисдикціи, некому было оспаривать или даже подвергать сомнѣнію, то на этотъ разъ въ правахъ Любушскаго епископа усумнился самъ избранный имъ кандидатъ и осно-

---

[1]) Stephanus episcopus Lubucensis asserens sibi fore per speciale privilegium apostolice sedis indultum, ut possit ecclesiis dictarum partium, *que de scizmate redeunt* ad S-te Matris ecclesie unitatem de pontificibus providere, *Theiner*, M. P. 1, № 252. Районъ, на который претендовалъ Любушскій епископъ, названъ здѣсь Galatha: въ буллѣ о юрисдикціи 1257 г. говорится о Ruscia. Терминъ—Galatha объясняетъ булла Гнѣзненскому архіепископу 1327: quod sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur, ib., № 376. Выходитъ одно и то же, но вѣроятно Любушскій епископъ предпочиталъ неопредѣленный терминъ Galatha.

вательность сомнѣній подтвердилъ папа. Дѣйствительно, приглашенный, надо думать, именно по этому поводу въ 1327 г. въ Авиньонъ Любушскій епископъ Стефанъ, сообщилъ куріи объясненія, которыя должны были привести ее въ немалое недоумѣніе. По его словамъ, любушская епископская каѳедра существовала на Руси издавна во Флядемиріи (Владимірѣ?), гдѣ до сихъ поръ, то-есть, въ 1327 г., видны гробницы епископовъ, да и самъ Стефанъ, до прибытія въ Римъ, бывалъ тамъ даже по долгу, исполняя пастырскія обязанности. Завзятость (rabies) схизматиковъ заставляла его, однако, нерѣдко покидать городъ, чѣмъ пользовались сосѣдніе епископы, присваивая себѣ принадлежащую ему духовную власть. Обо всемъ этомъ папѣ ничего не было извѣстно, а потому онъ и обращается къ Гнѣзненскому архіепископу, предлагая ему узнать дѣло, не производя, однако, оффиціальнаго разслѣдованія [1]). Что отвѣтилъ папѣ архіепископъ, не знаемъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на то, что именно около этого времени Любушскіе епископы переживали весьма тяжелые моменты, испытывая жестокія преслѣдованія со стороны подлежащихъ ихъ власти жителей, которые не только завладѣли церковными имѣніями, но даже „до основанія разрушили" самую церковь. Столь враждебныя отношенія между епископомъ и паствой были, какъ оказывается, „весьма давними". Положеніе было на столько острое, что пришлось не только обращаться къ королю съ просьбой о защитѣ епископа, но и думать о перенесеніи его резиденціи въ другое болѣе удобное и безопасное мѣсто [2]). Дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ Любушскіе епископы резидировали попеременно то въ Фирстенвальде (на рѣкѣ Шпре), то во Франкфуртѣ, то въ с. Горицѣ, то наконецъ снова въ Любушѣ, гдѣ въ 1374 г. гостилъ у епископа Петра Янъ Чарнковскій.

Далѣе: притязанія Любушскихъ епископовъ вызвали сомнѣніе не только со стороны куріи, которая объ ихъ отношеніяхъ къ Руси, какъ сказано, ничего не знала, но у самого Генриха—доминиканца, по мѣстопребыванію болѣе близкаго къ спорнымъ районамъ, а по принадлежности къ ордену, который лучше другихъ могъ знать та-

¹) Ibid., № 376. *К. Стадницкій*, O początkach, 14, не сомнѣвается въ справедливости показаній Любушскаго епископа и полагаетъ, что нарушали его права титулярные епископы монашескихъ конгрегацій. Что же мѣшало Любушскому епископу заявить объ этомъ прямо, а не столь неопредѣленно: „aliqui vicini episcopi"; почему, далѣе, курія ничего не знала объ епископахъ титулярныхъ?

²) Ibid., № 377, 378.

мошнія дѣла, едва ли не наиболѣе компетентнаго въ вызвавшемъ сомнѣніе вопросѣ. Исторія Любушскаго епископства представляетъ до сихъ поръ не мало загадокъ [1]). Ан. Малецкій [2]) называетъ его „польской духовной маркой", но такой характеръ оно могло имѣть лишь въ планахъ его основателя. Уже съ 1250 г. Любушъ политически, а послѣ 1378 г. и въ церковномъ отношеніи навсегда отпалъ отъ Польши, войдя въ составъ маркграфства Бранденбургскаго и Магдебургской епископіи и, подобно другимъ бранденбургскимъ пріобрѣтеніямъ на славянской почвѣ, вскорѣ былъ совершенно онѣмеченъ. Вообще судьба этого епископства нѣсколько исключительна: переставъ быть польскимъ, оно какъ будто не стало и нѣмецкимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIII вѣка оно подвергалось сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны маркграфовъ, такъ и Магдебургскихъ архіепископовъ; его отношенія къ Руси неясны и какъ будто загадочны, по интересности они заслуживаютъ полнаго вниманія, но едва ли слѣдуетъ усматривать въ нихъ особенную важность, ибо едва ли самое предположеніе объ этихъ отношеніяхъ не вытекаетъ лишь изъ позднѣйшихъ притязаній, характеръ которыхъ достаточно ясно сказался въ извѣстномъ намъ заявленіи епископа Стефана. По крайней мѣрѣ уже Репель [3]) считалъ возможнымъ отвергнуть мнѣніе Вольбрюка о первоначальномъ назначеніи епископства для Червонной Руси и будто бы оттуда перенесенномъ въ Любушъ—мнѣніе, основанное исключительно на ложномъ представленіи исторической жизни Галицкой Руси. Въ 1033 г. епископство Любушское уже существовало, но не могло быть основано раньше 1018 г. (послѣ Будишинскаго мира). Его сравнительно бѣдная дотація и первоначальное положеніе какъ бы in partibus могло подогрѣвать миссіонерскую ревность его представителя, но до половины XIII вѣка обстоятельства не давали ей ни малѣйшей возможности въ чемъ бы ни было обнаружиться. Какъ и почему обнаружилась она съ этого времени—мы видѣли. Эти отношенія къ Руси вовлекаютъ Любушскихъ епископовъ въ занимающее насъ время въ прямое столкновеніе съ куріей, тянувшееся долго, благодаря, кажется, главнымъ образомъ, понятной сдержанности куріи, и

---

[1]) Спеціально обслѣдовалъ ее *Wolbrück*, Geschichte des ehemaligen Bisthums Lebus und des Landes dieses Namens, но достаточно сказать, что трудъ этотъ вышелъ въ 1829 г. (Берлинъ).

[2]) Kościelne stosunki, *Przewodn lit. i nauk*, 1875 г.

[3]) Исторія Польши, прилож. IV.

кончившееся въ 1375 г. полнымъ отрѣшеніемъ ихъ отъ всякой власти и вліянія на Русь, когда здѣсь дѣло католической пропаганды можно уже было считать упроченнымъ. Традиція, однако, упорно держалась: еще въ 1394 г. Любушскіе епископы спорили съ Перемышльскими о имѣніяхъ, а въ 1400 г. епископъ Іоаннъ Боршпицъ въ составленномъ имъ регистрѣ помѣстилъ характерный отголосокъ старыхъ притязаній [1]). Наконецъ, въ XVI вѣкѣ епископство это совершенно исчезаетъ. Въ 1518 г. Опатовъ и его окрестности переходятъ въ частныя руки—къ Шидловецкимъ, а въ 1556 г., вслѣдствіе реформаціи, оно было совсѣмъ упразднено. Для насъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ, достаточно отмѣтить, что Римская курія объ отношеніяхъ Любушскаго епископа къ Руси ничего не знала; что католическіе миссіонеры на Руси утверждались за ново, ибо, какъ доминиканцы, такъ и францисканцы, по своимъ орденскимъ преданіямъ, явились здѣсь первыми проповѣдниками католицизма; наконецъ, взглядъ куріи на давнишнее существованіе католическихъ епископствъ на Руси, высказываемый папами въ буллахъ, касающихся учрежденія латинскихъ епископскихъ каѳедръ въ Галичинѣ, не могъ быть заимствованъ папами у Любушскихъ епископовъ, какъ думаетъ Рейфенкугель [2]), ибо такой взглядъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ буллѣ Іоанна XXII къ легатамъ, отправленнымъ къ Гедимину въ 1324 году [3]), то-есть, когда столкновеніе Любушскихъ епископовъ съ куріей только-что началось и еще не получило полной опредѣленности. Основаніемъ такого взгляда служило тщательно поддерживаемое папствомъ представленіе о право-

---

[1]) Item scias, quod *tota Russia* pertinuit ad episcopum Lubucensem tam Dyocesana quam iurisdictionis legibus, et in eadem Russia et per consequens de diocesi Lubucensi sunt per dominum Gregorium Papam XI creati primo Archiepiscopatus Alliciensis. Item Episcopatus Ladimiriensis. Item Episcopatus Chelmensis. Item Episcopatus Premislaviensis. Et scias, quod hec creatio fuit facta per D. Gregorium ad instancam Ducis Russie et Opoliensis et fuit facta tempore dni. Wenczeslay tunc Episcopi Lubucensis nunc autem Wratislaviensis. Item scias, quod Episcopatus Premislaviensis est bonus et valet bene quibus annis CCCC. sexagenis, ut michimet retulit idem Episcopus Premislaviensis, alii autem parum valent. *Reifenkugel*, Gründung, 473, пр. 1 (изъ *Вольбрюка*).

[2]) Gründung, 428.

[3]) *Theiner*, M. P. 1, № 290: Vobis eciam resumendi sedes in eisdem partibus, de quibus haberi potest memoria et eciam certitudo, quod *hactenus Metropoles fuerint vel ecclesie cathedrales* et eas in statum pristinum reponendi, eis antiquis provinciis et diocesibus restitutis, servata tamen limitacione seu terminacione, quam vetustis temporibus habuerunt, libera sit facultas; vel si forte nulle hactenus fuerunt ibidem Metropoles.... erigendi de novo alias metropoles.

славномъ востокѣ, какъ о мірѣ схизматическомъ, то-есть, отдѣлившемся, а слѣдовательно—логически—бывшемъ нѣкогда въ единеніи или, что̀ по римскому взгляду одно и то же, подчиненіи у Рима [1]). Риму въ данномъ случаѣ нечего было усваивать взглядъ Любушскихъ епископовъ, ибо, какъ сказано, онъ заключался въ самой сущности католическаго представленія о православномъ востокѣ, а позднѣйшее измѣненіе взглядовъ Любушскихъ епископовъ, не усумнившихся доказывать, что на Руси не было епископскихъ каѳедръ, а были лишь церкви приходскія, также какъ и разслѣдованія, производимыя куріей спеціально по этому поводу, при чемъ ей самой приходилось сознаваться, что объ этомъ у нея „свѣдѣній нѣтъ никакихъ" [2]), доказываютъ лишь мѣру основательности подобнаго представленія, поддерживаемаго однако ревнителями католицизма и понынѣ.

Вотъ тѣ предварительныя замѣчанія, которыя мы считали необходимымъ предпослать обзору утвержденія католической церкви въ предѣлахъ ближайшей къ западу Галицкой Руси. Ничего, кромѣ попытокъ въ этомъ направленіи, мы не можемъ указать. Попытки эти предпринимались Римомъ при каждомъ удобномъ случаѣ: оттуда, а не отъ Любушскихъ епископовъ исходила иниціатива, то въ видѣ непосредственныхъ обращеній къ князьямъ и народу, то въ видѣ миссіонерской дѣятельности монашескихъ орденовъ, зависимыхъ и руководимыхъ куріей.

Любушскій епископъ, тѣснимый у себя дома, не могъ имѣть средствъ вліянія на Русь, былъ, очевидно, не прочь пріобрѣсти таковое, но его попытки, закончившіяся полною неудачей, показываютъ лишь, до какой степени дѣло католицизма на русской почвѣ было ново, совершенно не установлено, и имѣютъ лишь эпизодическій характеръ. Католическіе (польскіе) поселенцы подвергались на Руси вліянію православія, не избѣгали съ нимъ общенія; въ глазахъ папскихъ миссіонеровъ они являлись „лишь по имени вѣрными" [3]) и

---

[1]) Это, какъ мы видѣли, высказано прямо въ буллѣ Генриху: elapsis centum annis et amplius propter scizma. Такой же взглядъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ и первый латинскій Перемышльскій епископъ Эрихъ.

[2]) *Theiner*, M. P. 1, № 908: Intelleximus, пишетъ Григорій XI въ 1372 г. архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому,—per relationes quorundam, quod Haliczienses, Primislienses, Laudimirienses et Chelmenses ecclesie cathedrales fore noscuntur, nonnullis aliis pretendentibus, ecclesias ipsas non cathedrales sed dumtaxat parochiales ecclesias existere. Nos de premissis certam noticiam non habentes, поручаемъ узнать и не медля донести.

[3]) Ibid., № 47.

даже отказывались подчиняться папѣ [1]), однимъ словомъ, совершенно пропадали въ православномъ русскомъ морѣ. Происходило на окраинѣ русскаго міра въ XIII—XIV вѣкахъ то же, что происходило потомъ въ предѣлахъ болѣе отдаленныхъ отъ польскаго вліянія—въ Кіевщинѣ и южныхъ степяхъ. Правда, доминиканскія и францисканскія преданія представляютъ успѣхи пропаганды весьма значительными, но ихъ взаимныя противорѣчія доказываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ весьма подозрительнымъ, рѣшительно не позволяющимъ основывать на немъ прочные выводы. „Судя по описаніямъ подвиговъ и успѣховъ пропаганды, какъ они излагаются въ орденскихъ источникахъ, невольно спрашиваешь", замѣчаетъ И. Малышевскій [2]),—„какимъ образомъ доселѣ весь міръ не покоренъ папству? Это, кажется, должно было бы быть, еслибы не оказывалось, что огромная часть разказовъ о подвигахъ и успѣхахъ римско-католической пропаганды—не болѣе какъ легенды, даже намѣренно сложенныя, и пущенные въ ходъ вымыслы". Можно поэтому думать, что почти до половины XIV вѣка православная церковь въ Галицкой землѣ наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, а по крайней мѣрѣ не испытывала никакихъ грозныхъ потрясеній и опасностей, оставаясь все тѣмъ же отдѣльнымъ отъ католицизма, „какъ бы другимъ міромъ", по выраженію Краковскаго епископа Матвѣя [3]).

Миръ и спокойствіе православной церкви впервые были нарушены со вступленіемъ на русскую почву ляха въ качествѣ владѣтельнаго лица, но и въ этомъ случаѣ дѣло кончилось лишь не вполнѣ ясными попытками, имѣвшими однако для начинателя весьма трагическія послѣдствія.

16-го іюня 1327 г. Іоаннъ XXII пишетъ ликующее письмо Галицкому князю, по поводу желанія послѣдняго приступить къ единенію съ Римскою церковью. По видимому, папа могъ надѣяться осуществить теперь планы Иннокентія III и Александра IV, но намѣренія князя скоро сдѣлались извѣстны митрополиту Өеогносту, и онъ поспѣшилъ къ мѣсту опасности. Съ 1329 по 1331 г. Өеогностъ былъ въ Кіевѣ, потомъ на Волыни. Здѣсь во Владимірѣ въ 1331 г. онъ рукоположилъ въ Новгородскіе епископы Василія, вызваннаго

---

[1]) А. Гр. и З., VII, № 1.

[2]) Доминиканецъ Яцекъ, *Труды Кіевск. духовн. акад.* 1867, 4, стр. 33.

[3]) Письмо Матвѣя къ Бернарду Клервальскому, М. Р. Н., II, 15.

снова туда же въ 1334 г., по возвращеніи Ѳеогноста изъ Греціи. Въ рукоположеніи принимали участіе епископы: Григорій Полоцкій, Аѳанасій Владимірскій, Ѳеодоръ Галицкій, Маркъ Перемышльскій и Іоаннъ Холмскій [1]). Цѣль этого полнаго собора западно-русскихъ іерарховъ объясняется характеромъ и дѣятельностью Юрія-Болеслава, открыто перешедшаго въ католицизмъ и долженствовавшаго поэтому съ ревностью ренегата содѣйствовать цѣлямъ католической пропаганды, ставшей, какъ мы видѣли, именно къ этому времени особенно напряженной. Видно, митрополитъ придавалъ серьезное значеніе церковнымъ дѣламъ православной окраины и желалъ укрѣпить духъ пастырей для мужественнаго отпора угрожавшей опасности. Трудно сказать съ полною опредѣленностью, каковы были замыслы Юрія Болеслава; они, какъ и все, касающееся галицкой исторіи занимающаго насъ періода, темны, и изслѣдователямъ поневолѣ приходится прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Юрію-Болеславу приписываютъ желаніе учредить отдѣльную митрополію въ Галичѣ и такимъ образомъ подготовить введеніе уніи или католицизма, такъ какъ новый митрополитъ долженъ былъ быть лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Такимъ образомъ мы прямо подходимъ къ вопросу о Галицкой митрополіи, то-есть, духовному разобщенію русскаго міра, факту, осуществлявшемуся, какъ извѣстно, въ позднѣйшее время и дѣйствительно подрывавшему одинъ изъ коренныхъ устоевъ духовнаго русскаго благосостоянія. Вотъ почему указанный вопросъ мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть по возможности обстоятельно, такъ какъ онъ прямо затрогиваетъ самую сущность, какъ внутренняго состоянія православной церкви въ Галичѣ, такъ и ея отношенія къ остальному православному міру. Предположеніе Ржежабка, приписывающаго Юрію-Болеславу планы духовнаго разобщенія русскаго міра, съ особенною яркостью можетъ иллюстрировать какъ способъ возникновенія, такъ и характеръ научной постановки вопросовъ, касающихся нерѣдко существенныхъ сторонъ галицко-русской жизни, а потому разсмотрѣніе вопроса объ отдѣльности Галицкой митрополіи мы и начнемъ съ разбора указаннаго предположенія Ржежабка, столь блистательно обнаружившаго и научную основательность, и научное остроуміе.

На чемъ основываетъ Ржежабекъ свое мнѣніе? На предполагаемыхъ, но совершенно не извѣстныхъ намъ въ точности, переговорахъ

---

[1]) Новгор. 1-я лѣт., 75, 77.

Юрія Болеслава съ Ѳеогностомъ [1]), на упоминаніи имени Ѳеодора въ числѣ Галицкихъ митрополитовъ въ грамотѣ Казиміра Константинопольскому патріарху и, наконецъ, на подписяхъ въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Недостаточность перваго основанія видна сразу, и конечно, самъ Ржежабекъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Документальнымъ основаніемъ правдоподобности предположенія Ржежабекъ считаетъ упомянутую грамоту Казиміра, сообщеніе которой онъ, конечно, не подвергаетъ никакому сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, точное согласованіе ея показаній съ извѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи Русской церкви не возможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казиміромъ перечня Галицкихъ митрополитовъ, изъ которыхъ послѣдній (въ грамотѣ названы: Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ), Ѳеодоръ, обыкновенно отожествляется съ бывшимъ при Юріи-Болеславѣ Галицкимъ епископомъ Ѳедоромъ.

Хронологическая возможность такого отожествленія должна была въ глазахъ Ржежабка поддержать вѣру въ точность перечня, котораго онъ не имѣлъ надобности подвергать подробному разсмотрѣнію, такъ какъ вопроса о Галицкихъ митрополитахъ онъ касается лишь мимоходомъ, а затѣмъ та же самая вѣра могла дать Ржежабку основаніе для смѣлаго предположенія, которое онъ высказалъ по поводу подписей въ упомянутой грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Ѳедора, упоминаемаго въ этой грамотѣ безъ всякаго титула, Ржежабекъ считаетъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ Ѳедоромъ епископомъ Галицкимъ, упоминаемымъ въ грамотѣ того же князя отъ 1334 г. Титулъ при имени Ѳедора пропущенъ, по мнѣнію Ржежабка, именно потому, что какъ разъ около этого времени шла рѣчь о назначеніи его въ митрополиты [2])

Съ этимъ предположеніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Епископъ Галицкій Ѳедоръ занимаетъ въ грамотѣ 1334 г. первое мѣсто, чтó совершенно естественно по его сану: даже въ грамотахъ

[1]) „Пребываніе Ѳеогноста во Владимірѣ было сначала не противно планамъ Юрія Болеслава. *Кто знаетъ*, не питалъ ли онъ тайной надежды склонить Ѳеогноста остаться навсегда въ его землѣ и *такимъ образомъ положить основаніе самостоятельной Галицко-Волынской митрополіи*. Двадцать лѣтъ назадъ подобную попытку сдѣлалъ Юрій I; для его внука не могло быть тайной, какія выгоды могло бы принести осуществленіе этой мысли“. *Ржежабекъ—Часоп.*, 214.

[2]) *Часоп.*, 215.

Владислава Опольскаго православные архіереи, если имъ приходилось присутствовать при совершеніи актовъ, помѣщались на первомъ мѣстѣ [1]). Въ грамотѣ 1335 г. мы встрѣчаемъ Ѳедора безъ всякаго титула послѣ Димитрія Дѣтка, „воеводы“ белзскаго, придворнаго судьи, „воеводъ“ перемышльскаго и львовскаго, то-есть, на шестомъ мѣстѣ, при восьми присутствующихъ лицахъ; между тѣмъ, еслибы дѣйствительно Ѳеодора прочили въ митрополиты, это было бы лишь новымъ основаніемъ выдвинуть его на первое мѣсто, какую бы силу и вліяніе ни получили къ тому времени „бояре и воеводы“. Если ко времени составленія грамоты онъ не получилъ каноническаго утвержденія, то это врядъ ли могло мѣшать назвать его „нареченнымъ“ и во всякомъ случаѣ не могло служить основаніемъ отнимать у него его епископскій титулъ и, такъ сказать, понижать его въ подписяхъ. Всѣ подписавшіеся называютъ себя по именамъ и фамиліямъ (прозвищамъ) или по отчеству [2]); исключеніе представлялъ бы только „воевода“ луцкій, названный въ грамотѣ, при чтеніи Ржежабка, просто—Otek. Гораздо естественнѣе считать воеводой луцкимъ Ѳедора Отекъ и не ставить запятой между словами: Chodore и Otek. Въ такомъ случаѣ подпись луцкаго воеводы не будетъ представлять ничего страннаго, не будетъ и непонятнаго пониженія представителя церкви, котораго, напротивъ, слѣдовало возвышать, если дѣйствительно на него возлагались извѣстныя надежды. Отсутствіе подписи епископа Ѳедора въ грамотѣ 1335 г. объясняется, на нашъ взглядъ, совершенно естественно. Вопервыхъ, грамота дана во Владимірѣ, и если Ѳедору не трудно было въ 1334 г. доѣхать изъ Галича до Львова, то странно было бы ѣхать во Владиміръ за тѣмъ только, чтобы положить свою подпись на документѣ, не имѣющемъ къ церкви никакого отношенія. Епископъ могъ быть призываемъ въ княжескую раду, но непремѣннымъ ея членомъ, какъ извѣстно, не былъ. Вовторыхъ, предположеніе, что епископъ Ѳедоръ былъ орудіемъ Болеслава, есть только предположеніе, основаній для него никакихъ не имѣется, на оборотъ, всѣ вѣроятности говорятъ противъ такого предположенія. Мы видѣли, что епископъ Ѳедоръ не избѣгалъ общенія съ митрополитомъ Ѳеогностомъ. Къ 1334—1335 г. противъ Юрія Болеслава составилась сильная оппозиція. Нечего говорить о духовенствѣ,—сами бояре выступили на защиту

---

[1]) А. Гр. и З., II, 6, 8.

[2]) Chotcone filio Ieromiri.

угрожаемаго со стороны князя православія. Это признаетъ и Ржежабекъ. Въ виду всего этого представителю Галицкой церкви, о которомъ вообще нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пришлось бы приписать невѣроятное ослѣпленіе, еслибъ онъ дѣйствительно рѣшился содѣйствовать планамъ, не имѣвшимъ подъ собою никакой почвы. Ѳедоръ долженъ былъ избѣгать князя, быть можетъ, стоялъ во главѣ оппозиціи противъ него, и во всякомъ случаѣ она должна была находить въ немъ сочувствіе и поддержку, и слѣдовательно, предположеніе Ржежабка не имѣетъ въ сущности никакихъ другихъ основаній, кромѣ вѣры въ точность Казиміровa перечня. Перейдемъ поэтому къ разсмотрѣнію данныхъ Казиміровой грамоты къ Константинопольскому патріарху [1]), на которой основывается мнѣніе объ отдѣльности Галицкой митрополіи, и не мимолетной, а довольно продолжительной. Въ подтвержденіе своей просьбы назначить въ Галичѣ особаго митрополита, Казиміръ перечисляетъ Галицкихъ митрополитовъ, прежде бывшихъ. Таковыми называются въ грамотѣ Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳедоръ. Мы уже замѣтили, что свидѣтельство это, при несомнѣнной подлинности, не устраняетъ недоумѣній, такъ какъ сообщаемыя имъ показанія не могутъ быть примирены съ извѣстными намъ въ точности другими фактами русской церковной жизни. Въ виду этого митрополитъ Макарій прямо считаетъ показанія Казиміра „ложными или не точными“, „очевидно преувеличенными“; патріарху не трудно было бы обличить это, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду прямой угрозы Казиміра крестить русскихъ въ латинскую вѣру [2]).

Совершенно иначе относятся къ документу другіе, напримѣръ, одинъ изъ теперешнихъ представителей Галицкой греко-уніатской церкви Ю. Пелешъ [3]). Постараемся вкратцѣ суммировать его разсужденія. Первый изъ называемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитовъ Нифонтъ представляетъ личность, по словамъ Пелеша, вообще совершенно неизвѣстную; Петръ былъ, конечно, митрополитомъ Галицкимъ, но лишь по стольку, по скольку былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Отдѣльнаго митрополита Галицкаго въ періодъ времени 1305—1326 годовъ несомнѣнно не было. Гавріилъ,

[1]) Acta patriarchatus, 1, 577, Русск. историч. библ., VI, прилож. № 22; М. Р. Н., II, 626.

[2]) *Макарій*, IV, 56 и пр. 68.

[3]) Geschichte der Union, I, стр. 380—390.

также какъ и Нифонтъ, „совершенно не извѣстенъ“. Что касается Θеодора, то онъ, по мнѣнію Пелеша, предназначался въ митрополиты (кѣмъ?), но патріаршаго утвержденія не получалъ. Таковы фактическія свѣдѣнія о перечисляемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитахъ. „Сопоставляя данныя о нихъ съ исторіей тогдашней Кіевской митрополіи“ [1]), Пелешъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Нифонтъ дѣйствительно можетъ быть принимаемъ за перваго Галицкаго митрополита (1299—1305 гг.)“, ибо какъ разъ тогда митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ и переселился во Владиміръ, что̀ должно было побудить Льва Даниловича къ установленію собственной митрополіи. Во всякомъ случаѣ митрополія эта „канонически установлена не была“, такъ какъ потомъ напрасно, какъ оказалось, хлопоталъ объ этомъ Юрій Львовичъ, пославъ Петра къ патріарху. Съ 1305—1326 годовъ, какъ сказано, не было отдѣльнаго Галицкаго митрополита; то же слѣдуетъ сказать о времени 1329—1331 годовъ, когда на Волыни дѣйствовалъ Θеогностъ. Вотъ почему относительно послѣднихъ двухъ митрополитовъ, упоминаемыхъ Казиміромъ, возникаетъ предположеніе, что они были лишь викарными Кіевскаго митрополита, и что въ перечнѣ митрополичій титулъ приписанъ имъ не вѣрно [2]). Очевидно, такимъ образомъ, что перечень Казиміра никакъ не можетъ быть примиренъ съ несомнѣнными историческими фактами, а между тѣмъ онъ представляетъ единственное основаніе для утвержденія о существованіи Галицкой митрополіи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, а не мимолетномъ, какъ оно было въ дѣйствительности [3]).

Относительно Гавріила и Θеодора Пелешъ, хотя и ссылаясь на

---

[1]) Мы этого не понимаемъ. Какія же „данныя“, когда о трехъ митрополитахъ ничего не извѣстно, когда, напримѣръ, о Гавріилѣ Пелешъ говоритъ такъ: „wenn also Gabriel wirklich eine historische Person ist“?

[2]) Напримѣръ, *А. Петрушевичъ*, О Галицко-Русскихъ митрополитахъ, Гал. Истор. Сб., ч. III, стр. 16, говоритъ: „вѣроятно, одинъ только Нифонтъ былъ настоящимъ Галицкимъ митрополитомъ, прочіи же пользовались, можетъ быть, только титуломъ“.

[3]) О митрополитахъ Крылосскихъ, то-есть, тѣхъ же Галицкихъ (Крылосъ— село недалеко отъ Галича, принадлежитъ и теперь Львовскимъ греко-уніатскимъ митрополитамъ) Іосифѣ и Григоріи нечего говорить, ибо такъ-называемыя „Львовы грамоты“ (см. у *Зубрицкаго*, Повѣсть, прилож.: Б, В, Г, Д, Е, Ж,) несомнѣнно подложны. Мнѣніе *Гарасевича*, Annales eclesiae Ruthenae, Leopoli, 1862, стр. 12, относящаго отдѣльность Галицкой митрополіи даже къ 1240 году, отвергаетъ и Пелешъ.

другихъ, считаетъ возможнымъ допустить ошибку въ Казимiровомъ документѣ. Отчего же не допустить ошибки и относительно Нифонта? „Такъ какъ“, говоритъ Пелешъ,—„Нифонтъ названъ первымъ, то время его правленiя должно отнести къ 1299—1305 гг.“ Въ дѣйствительности нельзя считать Нифонта митрополитомъ на томъ же основанiи, какъ и Гаврiила и Өеодора, ибо во время путешествiя митрополита Максима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1301 г. присутствовалъ на соборѣ, „онъ обозрѣвалъ Волынскую землю и здѣсь, въ числѣ прочихъ, ему представлялся игуменъ Ратскаго монастыря Петръ“ [1]). Если въ перемышльской рукописи, о которой упоминаетъ Пелешъ [2]), названъ Нифонтъ, то вопервыхъ, онъ названъ здѣсь епископомъ, а не митрополитомъ, вовторыхъ, рукопись эта очень поздняя [3]) и, наконецъ, въ ней послѣ Нифонта поставленъ Игнатiй. Такимъ образомъ считать Нифонта отдѣльнымъ Галицкимъ митрополитомъ нѣтъ никакихъ основанiй, но въ такомъ случаѣ точность Казимiрова перечня окажется совершенно недостовѣрною. Между тѣмъ Пелешъ не только не отступаетъ передъ очевидною фактическою несостоятельностью перечня, но считаетъ его даже хронологически послѣдовательнымъ и соотвѣтственно этому назначаетъ годы митрополитства названныхъ лицъ.

Искусственность и натянутость разсужденiй Пелеша рѣзко бросаются въ глаза. Всѣ эти разсужденiя въ основѣ своей имѣютъ мысль, что Галичъ постоянно, стремился къ отдѣльности и осуществлялъ ее при всякой возможности. Но, спрашивается: отчего же такъ легко она уничтожалась? Стоитъ только явиться дѣйствительному митрополиту, и нѣтъ ея, этой предполагаемой отдѣльности! Ясно, слѣдовательно, далѣе что въ данномъ случаѣ просто пользуются отсутствiемъ опредѣленныхъ указанiй на отношенiя Галицкой епархiи къ митрополiи. Такимъ образомъ, напримѣръ, для митрополитства Гаврiила назначаются 1326—1329 гг. Но вотъ въ „записяхъ о поставленiи русскихъ епископовъ“ [4]), при Өеодорѣ Галицкомъ стоитъ годъ 1328. Митрополитство Гаврiила становится такимъ обра-

---

[1]) *Макарiй*, Исторiя, IV, 14. О рѣчкѣ Ратѣ и существующемъ донынѣ названiи—Петрова долина, *Петрушевичъ*, о Галицкихъ митрополитахъ, пр. 6.

[2]) Geschichte der Un., 380, пр, 82.

[3]) Петрушевичъ приписываетъ ее греко-унiатскому митрополиту Льву Кишкѣ (1711—1728 г.).

[4]) *В. Г. Васильевскiй—Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1888, II.

зомъ еще менѣе вѣроятнымъ [1]). „Отъ вѣка вѣковъ", говоритъ Казимiръ, — „Галичъ слылъ митрополiей во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополiи отъ вѣковъ". Чтó же это за особенная извѣчность, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ? 13-го декабря 1539 года православные галичане и подоляне обращаются къ митрополиту Макарiю съ просьбой о посвященiи для нихъ епископа, и вотъ чтó говорятъ они митрополиту: „тому есть 200 лѣтъ и одинъ рокъ минуло (опредѣленность, невольно обращающая на себя вниманiе), якъ владыка на Галичѣ былъ" [2]).

„Духовенство и миряне", справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Смирновъ [3]),—„запомнили, когда былъ послѣднiй еписковъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ (то-есть, 1347 и 1371 гг.), тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли". Вотъ каково было стремленiе православныхъ галичанъ къ духовной отдѣльности; даже памяти о ней не осталось въ народѣ! Политическая махинацiя прошла надъ нимъ безъ всякаго слѣда, не смотря на то, что была продѣлана даже неоднократно. Что теперешнiе духовные представители галичанъ смотрятъ на дѣло иначе,—понятно. Но странно и по истинѣ грустно вотъ чтó: предположимъ, что стремленiя къ духовной отдѣльности, приписываемыя Пелешемъ галичанамъ, осуществлялись въ лицѣ митрополитовъ Гаврiила и Ѳедора. Во всякомъ случаѣ они могли быть осуществляемы не канонически. Въ глазахъ духовныхъ лицъ—а таковы почти всѣ, сколько-нибудь подробно касавшiеся вопроса о Галицкой митрополiи и утверждающiе ея отдѣльность въ указанный перiодъ времени—это обстоятельство должно бы имѣть извѣстное значенiе, но какiя-то другiя соображенiя оказываются сильнѣе.

Какъ же быть однако съ несомнѣнно подлинною грамотой Казимiра? Почему, и на какомъ основанiи, спросимъ мы, должно приписывать его словамъ несомнѣнную историческую точность? „Ради Бога, ради насъ и святыхъ церквей", взываетъ Казимiръ къ патрiарху,— „да будетъ ваше благословенiе и надъ симъ человѣкомъ (Антонiемъ), чтобы престолъ этой митрополiи не оставался пустымъ, рукополо-

---

[1]) Для Нифонта назначаются 1299—1305 гг. Фактъ посѣщенiя Волыни митрополитомъ Максимомъ около 1301 г. извѣстенъ *Пелешу*, Geschichte der Un. 328; но въ данномъ случаѣ почему-то игнорируется.

[2]) А. З. Р., II, 361; о датѣ документа см. тамъ же примѣчанiе.

[3]) Судьбы Галицкой Руси, 141.

жите Антонія въ митрополита, дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій". Что же, слѣдуетъ считать Казиміра стоятелемъ и оберегателемъ русскаго закона? Такое предположеніе, въ виду фактовъ, вызываетъ лишь улыбку, но вѣдь столь же несомнѣнны факты, опровергающіе точность Казимірова перечня. Очевидно, довѣріе къ документу основывается вовсе не на его дѣйствительномъ характерѣ и значеніи, а поддерживается по совершенно другимъ соображеніямъ, которыя не могутъ имѣть ничего общаго съ научной истиной. Во имя чего и на какомъ основаніи, спрашивается,—если не допускать прямой злонамѣренности—вносится въ науку принципъ: credo, quia absurdum? Въ наукѣ нѣтъ для него мѣста! Если примемъ во вниманіе, что грамота Казиміра послужила главнымъ основаніемъ для указаннаго выше предположенія Ржежабка о замыслахъ Юрія Болеслава касательно Галицкой церкви, что та же грамота побудила его считать Өедора (Отека), скрѣпившаго грамоту Юрія II въ 1335 г., епископомъ Өеодоромъ, мы будемъ въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ возникаетъ рядъ аргументовъ со всѣми признаками научной основательности. Связанные вмѣстѣ, эти аргументы составляютъ цѣпь, сковывающую изслѣдователя, и сколько труда, сколько усилій приходится употребить, чтобы хоть немного освободиться отъ ея давленія!

Отдѣленіе Галицкой митрополіи дѣйствительно произошло около половины XIV вѣка, и конечно, какъ фактъ, касающійся коренныхъ основъ жизни, было подготовлено предшествовавшимъ ея ходомъ, выработавшимъ въ русской жизни тѣсное взаимодѣйствіе верховной власти духовной и свѣтской. Съ того времени, какъ Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе, митрополиты въ немъ, такъ-сказать, осиротѣли; но все же Кіевъ, какъ первый русскій городъ, былъ наиболѣе подходящимъ для пребыванія представителя духовнаго единства Русской земли. До самаго татарскаго разгрома продолжалась эта традиція, все болѣе и болѣе теряя реальныя основы. Большое Гнѣздо еще считался съ нею и подготовлялъ господство сѣвера благоразумною политикой, вовсе не слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру своего старшаго брата [1]). Послѣ смерти Всеволода наступаютъ замѣшательства, а затѣмъ татарскій разгромъ совершенно нарушаетъ естественный ходъ развитія. Въ 1240 году въ Кіевѣ сидѣлъ намѣстникъ

---

[1]) О неудачной попыткѣ Андрея учредить во Владимірѣ отдѣльную митрополію, см. *Макарій*, Исторія, III, 16.

Даніила. Казалось, верховенство на Руси стало рѣшительно склоняться на сторону юга, и когда во время разгрома безвѣстно погибъ митрополитъ Іосифъ, встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе объ Угровскомъ епископѣ Асафѣ „иже скочи на столъ митрополичъ“ [1]). Очевидно, ни чѣмъ другимъ не могъ руководиться Асафъ, какъ лишь видимымъ перевѣсомъ Даніила надъ всѣми тогдашними русскими князьями, но стараясь предвосхитить мысль южно-русскаго князя, онъ, быть можетъ, именно поэтому, а можетъ быть, и потому, что дѣйствовалъ безъ его воли и согласія, и поплатился: „сверженъ бысть стола своего“, какъ говоритъ лѣтопись. Угровскій епископскій столъ былъ перенесенъ въ Холмъ, а въ митрополиты былъ поставленъ кандидатъ Даніила Кириллъ [2]). Преемникъ его Максимъ былъ избранъ и рукоположенъ въ Царьградѣ, но немедленно послѣ его смерти (1305 г.) встрѣчаемся съ фактомъ чрезвычайно характернымъ: „одинъ изъ игуменовъ (судя по мѣсту дѣйствія владимірскій), именемъ Геронтій, взялъ святительскую ризницу, утварь, самую икону, подаренную нѣкогда Максиму игуменомъ Петромъ, а также церковныхъ сановниковъ и отправился въ Констатинополъ искать себѣ поставленія на Русскую митрополію. Это, конечно, онъ сдѣлалъ не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владиміра, а также нѣкоторыхъ изъ духовенства. Поступокъ Геронтія, когда огласился въ Россіи, не понравился очень многимъ, особенно же Волынскому князю Георгію Львовичу. Не желая видѣть первосвятителя въ лицѣ властолюбиваго Геронтія и, можетъ быть, недовольный переселеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, Георгій „восхотѣ Галицкую епископію въ митрополію претворити“ [5]) и убѣдилъ ратскаго игумена Петра ѣхать къ Цареградскому патріарху съ письмомъ отъ князя и съ его посломъ“ [4]). Сѣверъ и югъ одновременно выставляютъ своихъ кандидатовъ, и всего только нѣсколькими днями Петръ предупреждаетъ Геронтія въ Царьградѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, и Петръ, и Геронтій были кандидатами мірянъ [5]), но Петръ оказался счастливѣе. Получивъ отъ патріарха привезенные Геронтіемъ знаки святительскаго сана, онъ былъ отпу-

---

[1]) Ип. л. 494. *Петрушевичъ*, Краткое извѣстіе о Холмской епархіи, 22.

[2]) *Макарій*, Исторія, IV, 7—8 и прилож. 1.

[3]) Справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Макарій*: „прежде, значитъ, эта епископія не была митрополіей“. Ib. прилож. II.

[4]) *Макарій*, Исторія, IV, 15.

[5]) Отвергнувъ Геронтія, патріархъ сказалъ ему: „не достоитъ міряномъ избранія святительскія творити“.

щенъ въ 1308 году какъ дѣйствительный первосвятитель Кіевскій и всея Россіи. „Мысль Волынскаго князя“, замѣчаетъ по этому поводу пр. Макарій,—„осуществилась только въ половину“. Именно нѣтъ: мысль Юрія о избраніи Петра осуществилась вполнѣ, но его планамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ и не патріархомъ, а самимъ Петромъ, и въ нашихъ глазахъ фактъ этотъ является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Петръ былъ кандидатъ Юрія и природный южанинъ. Переселеніе его на сѣверъ, его отношенія къ Московскимъ князьямъ какъ нельзя болѣе ярко показываютъ, что лучшіе русскіе люди того времени уже не колебались въ выборѣ между сѣверомъ и югомъ. Для нихъ было очевидно, что югъ представлялъ лишь традицію. Попытка Юрія получаетъ такимъ образомъ смыслъ послѣдней попытки юга удержать въ своихъ рукахъ традиціонное верховенство. Во всѣхъ отношеніяхъ побѣда оказалась на сторонѣ новаго русскаго центра, который на зарѣ своей исторіи получаетъ въ лицѣ святителя и чудотворца драгоцѣнный залогъ сознательной и добровольной, а слѣдовательно, неразрывной связи съ югомъ. Обстоятельство, что переселеніе Петра на сѣверъ нисколько не нарушило духовнаго единства Русской земли [1]) открываетъ истинный смыслъ словъ Степенной книги о „претвореніи Галицкой епископіи въ митрополію“. Не о претвореніи въ буквальномъ смыслѣ, а лишь о сохраненіи вліянія на выборъ русскаго первосвятителя могла быть рѣчь по смерти митрополита Максима. Что югъ прилагалъ старанія о сохраненіи этого вліянія показываютъ какъ сообщенные факты, такъ и перечень подчиненныхъ Константинопольскому патріарху епископскихъ каѳедръ, въ которомъ сохранилось упоминаніе, что Галицкая епископія удостоилась повышенія въ митрополію при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ и святѣйшемъ патріархѣ Аѳанасіи въ 6811, то-есть, въ 1303 году [2]). Неточности перечня позволяютъ усумниться въ вѣрности даты, и показанія его свидѣтельствуютъ лишь о безсиліи Царьграда по отношенію къ подчиненнымъ его духовной власти церквамъ. Въ Царьградѣ естественно могли придать именно такое толкованіе назначенію

[1]) И митрополитъ Кириллъ II, ставленникъ южно-русскаго князя и самъ южанинъ, не находилъ возможности оставаться на югѣ; но переселеніе его на сѣверъ могло быть естественно объясняемо крайне тяжелымъ, послѣ разгрома, состояніемъ обширныхъ сѣверныхъ епархій, а также и тѣмъ, что Владимірская каѳедра какъ разъ въ это время оставалась вакантною. *Макарій*, IV, 10.

[2]) Списокъ перечня относится къ XIV вѣку. Русск. ист. библ., VI, прилож., стр. 15, прим.

Петра, переѣздъ котораго на сѣверъ вовсе не былъ слѣдствіемъ греческаго вліянія, а лишь результатомъ выработаннаго русскою жизнью тѣснѣйшаго взаимодѣйствія представителей власти духовной и свѣтской. Если, такимъ образомъ, потерпѣвъ чувствительный ударъ, югъ склонился передъ фактомъ, то это можетъ свидѣтельствовать лишь о силѣ общерусскаго единенія, и надо было появиться на сценѣ другимъ факторамъ для того, чтобы порѣшенный вопросъ опять всплылъ. Такимъ новымъ факторомъ оказалась Литва. Въ борьбѣ съ нею пали преемники Юрія, обнаруживъ на дѣлѣ явное для Петра безсиліе юга, а Литва вскорѣ послѣ этого стала Литвой уже только по имени. Кіевъ перешелъ подъ ея власть, а городъ этотъ сохранялъ свое обаяніе даже тогда, когда уже давно резиденція митрополита была перенесена изъ Владиміра въ Москву [1]). Мы видѣли, какъ въ лицѣ Любарта сливалась Литва съ Русью, а изъ словъ Ольгерда, что вся Русь должна перейдти подъ власть Литвы ясно открываются политическіе замыслы Гедиминовичей. Но поперекъ этихъ замысловъ стояла Москва, а вмѣстѣ съ нею и представитель единства Руси — митрополитъ, все еще офиціально носившій титулъ Кіевскаго. „По твоему благословенію", говоритъ Ольгердъ патріарху Филоѳею въ 1371 году—„митрополитъ и донынѣ благословляетъ ихъ (москвитянъ) на пролитіе крови, и при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ каковъ сей митрополитъ! Благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе? Митрополиту слѣдовало благословить москвитянъ, чтобы помогали намъ, потому что мы за нихъ воюемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ: дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ" [2]). Это отношенія уже вполнѣ созрѣвшія, ясно обрисовавшіяся. Гнѣвъ

---

[1]) Еще въ соборномъ патріаршемъ постановленіи касательно Пимена въ 1380 году говорится: „пусть возглашается онъ (Пименъ) и Кіевскимъ, ибо не возможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде Кіевскимъ, такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія", *Макарій*, IV, 70; а въ 1415 году Витовтъ такъ, между прочимъ, объясняетъ поставленіе Цамвлака: „занежъ божіимъ изволеніемъ мы мѣсто то обладаемъ Кіевъ", А. З. Р. I, 36.

[2]) Русск. истор. библ., VI, прилож. № 24.

и злоба водятъ перомъ Ольгерда. И какъ могъ Ольгердъ въ самомъ дѣлѣ не дать имъ воли?

Онъ въ собственномъ сознаніи—русскій государь, щитъ и охрана Руси отъ нѣмцевъ, грозную силу которыхъ онъ въ такой степени чувствовалъ на себѣ, встрѣчаетъ въ лицѣ представителя русскаго единства, въ лицѣ митрополита, главнѣйшее препятствіе на своемъ пути къ созданію всерусскаго государства! Ольгердъ душою, а быть можетъ, и по вѣрѣ русскій, благодаря опасности со стороны нѣмцевъ, вынужденъ оставаться язычникомъ, слѣдовательно, въ глазахъ русскихъ „зловѣрнымъ безбожнымъ, нечестивымъ", въ глазахъ патріарха „врагомъ креста, не вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но скверно и безбожно поклонящимся огню" [1]), долженъ испытывать постоянную внутреннюю борьбу и, быть можетъ, въ концѣ концовъ проститься съ своими политическими планами! Вѣдь соединившіеся съ нимъ русскіе князья отлучены отъ церкви и патріархомъ, который приглашаетъ ихъ „придти и припасть къ митрополиту", иначе говоря, соединиться съ Москвой противъ Литвы [2]). Какъ тутъ не быть гнѣву и злобѣ! Какъ не запросить себѣ отдѣльнаго митрополита!

Въ то время, когда впервые возникаетъ отдѣльная митрополія на Руси, отношенія обѣихъ русскихъ державъ еще не дошли до такой степени напряженія, они только впервые обозначились. Оттого-то первое столкновеніе Москвы и Литвы отличается сдержанностью, нерѣшительностью. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи Галицкой митрополіи къ Кіевской и его же грамоты къ Дмитрію Любарту, а также синодальнаго постановленія патріарха Исидора [3]) узнаемъ, что не задолго до 1347 г., во время происходившихъ въ Царьградѣ церковныхъ смутъ, въ Галичѣ была открыта отдѣльная митрополія, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій малой Россіи. Учредительной грамоты не сохранилось, но обращеніе императора къ Любарту достаточно ясно указываетъ, что именно его слѣдуетъ считать виновникомъ такого утвержденія. Въ свое время мы говорили о значеніи этого факта для объясненія отношеній Любарта къ Галицкой землѣ. Теперь вспомнимъ сказанное о солидарности

---

[1]) Ibid., стр. 118.

[2]) См. отлучительную грамоту патріарха Филоѳея Смоленскому князю Святославу, Ib. № 21.

[3]) Ibid., №№: 3, 6, 7.

дѣйствій Гедиминовичей, и тогда характеръ и значеніе попытки представятся намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Великій князь Литовскій, непосредственно руководившій отношеніями Литвы къ Москвѣ, оставался какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ затѣи своего брата, нарушавшаго самые существенные интересы Москвы. Въ то же время Любартъ, наслѣдникъ южно-русскихъ князей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ патріархомъ, посылавшихъ туда для поставленія своихъ кандидатовъ, имѣлъ гораздо бо̀льшую возможность вести переговоры и въ данномъ случаѣ. Что они такъ легко увѣнчались успѣхомъ, объясняется какъ смутами въ Царьградѣ, такъ и слабостью вліянія патріарха на подчиненныя ему церкви.

Еще съ 1234 г. Болгарія составляла отдѣльный патріархатъ; въ концѣ 1345 г. или въ 1346 г. былъ учрежденъ Стефаномъ Душаномъ патріархатъ Сербскій [1]). Патріархъ рѣшительно не имѣлъ возможности остановить это стремленіе подчиненныхъ ему церквей къ независимости, ему оставалось только соглашаться во избѣжаніе большихъ смутъ и непріятностей.

Во всѣхъ указанныхъ нами грамотахъ, относящихся ко времени возникновенія Галицкой митрополіи, учрежденіе ея, съ не допускающею никакихъ сомнѣній категоричностью, называется „новизною", нарушеніемъ издревле установившихся обычаевъ, и если указываются какія-то возникавшія прежде попытки, то тутъ же заявляется, что онѣ „тотчасъ же разрушались и отвергались, едва возникали", очевидно, разрушаясь именно въ силу собственной несостоятельности.

Конечно, отмѣна недавняго учрежденія совершилась не безъ вліянія Ѳеогноста и Семена Ивановича [2]), но рѣшительность тона императора въ его обращеніи къ Любарту могла опираться главнѣйше именно на новизнѣ и необычности явленія, не имѣвшаго подъ собою никакихъ внутреннихъ основъ. Какова была судьба мимолетнаго Галицкаго митрополита и кто былъ этотъ мимолетный митрополитъ— не извѣстно. Былъ ли это Ѳеодоръ—Пелешъ [3]) утверждаетъ это, Ма-

[1]) *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва. 1871 г., стр. 80 и 472.

[2]) Грамоты къ нимъ Іоанна Кантакузина, Русск. ист. библ., VI, Прилож. №№ 4 и 5. Въ Никоновской лѣтописи подъ 6855 г. сказано: „того же лѣта преосвященный Феогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Русіи посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и тако послаша въ Царьградъ къ патріарху о благословеніи", Полн. собр. р. л., X, 218.

[3]) Gesch. d. Un., I, 385.

карій [1]) считаетъ вѣроятнымъ; нельзя, однако, не замѣтить, что прямо по имени онъ не названъ ни въ одной изъ относящихся сюда грамотъ, данныхъ въ Царьградѣ [2]); а на основаніи приведеннаго выше обращенія галичанъ и подолянъ къ митрополиту Макарію слѣдуетъ думать, что извѣстный намъ епископъ Галицкій Θеодоръ умеръ около 1338 года [3]).

Возможно поэтому думать, что Галицкій митрополитъ былъ не Θедоръ, или по крайней мѣрѣ, если ужь придавать какую-нибудь вѣру перечню Казиміра, не тотъ Θеодоръ, подчиненіе котораго Θеогносту составляютъ фактъ несомнѣнный. Такъ по всѣмъ даннымъ представляется намъ дѣло о Галицкой митрополіи, или точнѣе, о первомъ духовномъ раздѣленіи Руси. Оно возникло около 1345 г., какъ небывалая новизна, какъ произвольное нарушеніе извѣчнаго порядка. Нужна была эта новизна лишь Гедиминовичамъ, но и они отступили передъ крѣпостью и силой старины, соединявшею всю Русь отъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ распространенія русскаго племени до подножія Карпатъ въ единое неразрывное, по крайней мѣрѣ духовно-цѣлое.

Вскорѣ по церковномъ возсоединеніи митрополитъ Θеогностъ посѣтилъ Волынь, устранивъ, конечно, при этомъ всѣ возникшія во время замѣшательствъ недоразумѣнія [4]). Какъ должны были отнестись къ этому посѣщенію Гедиминовичи, и особенно Ольгердъ, можемъ только догадываться. Во всякомъ случаѣ они не посмѣли поступить съ Θеогностомъ такъ, какъ потомъ рѣшился поступить Ольгердъ съ Алексіемъ, когда тотъ посѣтилъ южныя епархіи. Положеніе было, однако, таково, что для честолюбивцевъ, не брезгавшихъ средствами, являлась возможность пытать счастье. Такимъ честолюбцемъ считаемъ мы какого-то Θеодорита, прибывшаго въ 1352 г. въ

---

[1]) Исторія, IV, 26.

[2]) Въ грамотѣ патріарха Исидора, вызывающей Галицкаго митрополита къ суду, онъ называется: „преосвященный митрополитъ Галицкій и пречестный, возлюбленный по Господу братъ и сослужитель нашей мѣрности“, Р. и. б., VI, Прилож., № 8.

[3]) Въ „записяхъ о поставленіи“ послѣдній годъ при имени Θеодора—1335. И *Петрушевичъ*, О Галицкихъ митрополитахъ, пр. 16, и *Шараневичъ*, Kościelne sprawy na Rusi za rządów Kazimierza W, Bibl. Ossol., II, 1863, принимаютъ 1338 г. за годъ смерти Θеодора.

[4]) Никоновская лѣтоп. подъ 1349 г.: того же лѣта пріиде преосвященный Θеогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Русіи изъ Волыни, П. с. р. л., X, 221.

Царьградъ, съ цѣлью искать митрополіи. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ обратился къ Болгарскому патріарху въ Терновъ и былъ здѣсь рукоположенъ. Вернувшись въ Россію, онъ, какъ подобало самозванцу, „разбойнически и тирански присваивалъ себѣ Кіевъ“ [1]); но удержаться не могъ. „Нельзя сомнѣваться“, говоритъ Макарій, — „что низложенный и отлученный патріаршею властью, онъ всѣми былъ отвергнутъ въ Россіи“ [2]). Дѣйствительно, о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

Попытку Ѳеодорита нельзя не сопоставить съ попыткой Угровскаго Асафа: подобно ему, Ѳеодоритъ задумалъ „скочить“ на столъ митрополита и если немедленно же не поплатился за свой дерзостный замыселъ, то причина этого заключалась въ отношеніяхъ Ольгерда къ Москвѣ, заставлявшихъ Литовскаго князя смотрѣть сквозь пальцы на самозванца, не сумѣвшаго, однако, надлежащимъ образомъ расположить обстоятельства въ свою пользу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакихъ основаній считать Ѳеодорита „первымъ Литовскимъ митрополитомъ“ [3]). Не факты, даже не слова, а лишь „коварный умыселъ“, говоря словами патріарха Нила [4]), можетъ давать основаніе для подобнаго утвержденія, но разумѣется, ничего нельзя построить на подобномъ основаніи.

Въ 1354 г. наконецъ Ольгердъ рѣшился запросить себѣ отдѣльнаго митрополита и на этотъ разъ добился желаемаго. Въ Литовскіе митрополиты поставленъ былъ Романъ; столъ Литовскаго митрополита назначенъ былъ въ Новгородкѣ, и подчинены ему были епархіи Литовскія — Полоцкая и Туровская, а также Малорусскія [5]). Не смотря на то, что Литовская митрополія просуществовала цѣлыхъ 12 лѣтъ, она не могла установиться прочно. Вскорѣ по смерти Романа (1362 г.) патріархъ Филоѳей постановляетъ, „чтобы Литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго, ибо это, бывъ разъ допущено, произвело много замѣшательствъ и безпорядковъ, хотя,

[1]) *Макарій*, Исторія, IV, Прилож. VIII.

[2]) Ibid., стр. 42.

[3]) *Пелешъ*, Gesch. d. Un., I, 337.

[4]) Р. И. Б. VI, Прилож., стр. 170.

[5]) Ibid., стр. 86. Патріаршія грамоты, относящіяся къ утвержденію Литовской митрополіи, ib., №№: 13, 14, 15, 30 и 33. О личности Романа, вѣроятно родственника Ольгердова по второй женѣ, тверской княжнѣ Ульянѣ, ib., стр. 71, пр.

по видимому, допущено было по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ" [1]). Было ли это постановленіе опубликовано или нѣтъ [2])—въ точности не извѣстно; но важенъ въ данномъ случаѣ взглядъ такого предстоятеля церкви, какимъ былъ Филоѳей, хотя бы даже безсильнаго устранить ея нестроенія.

Въ 1376 г. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Ольгердъ наконецъ добился своихъ цѣлей. Въ митрополиты Кіевскіе и Литовскіе поставленъ былъ Кипріанъ, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексія [3]). Въ виду старости и заслугъ московскаго святителя уважены были его права, но дѣйствія патріархата, несомнѣнно сообразовавшагося съ положеніемъ вещей, заслуживаютъ полнаго вниманія: очевидно, въ лицѣ Ольгерда патріархъ видѣлъ „новую звѣзду на русскомъ горизонтѣ" [4]). Звѣзда эта чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ померкла, а въ какіе-нибудь два-три года положеніе дѣлъ измѣнилось совершенно. Московскій князь Димитрій стоялъ твердо за свои права и даже въ 1379 г., когда церковныя дѣла складывались, по видимому, въ особенно благопріятномъ для Литвы смыслѣ [5]), имѣлъ много сторонниковъ среди русскихъ, даже при Виленскомъ дворѣ, а когда союзъ съ Мамаемъ покрылъ близорукаго Ольгердовича несмываемымъ позоромъ, а Куликовская побѣда разнесла славу имени Димитрія по всей Русской землѣ, русское дѣло Литвы было проиграно окончательно и навсегда. Димитрій могъ вступить въ сношенія съ Кипріаномъ, могъ не бояться его естественнаго, казалось бы, тяготѣнія къ Литвѣ: онъ былъ тогда одинъ истинный князь „всея Руси". Литва въ смыслѣ русской державы погибла недалеко отъ Куликова

---

[1]) Ib., стр. 96.

[2]) Въ рукописи грамота перечеркнута.

[3]) Грамоты о поставленіи Кипріана нѣтъ, ибо въ „Актахъ Патріархата" нѣтъ грамотъ, относящихся къ 1374—79 г.г. Положеніе дѣлъ объясняется позднѣйшими грамотами 1380 и 1389. Р. И. Б., VI, прилож. №№ 30 и 33.

[4]) *Смолька*, Kiejstut i Jagiełło. Краковъ, 1888, стр. 39.

[5]) Ср. ib., 44, пр. 4 и 5, гдѣ указывается на подпись Кипріана въ соборномъ постановленіи въ Царьградѣ 1379 г.: „смиренный митрополитъ всея Россіи Кипріянъ", Acta patr. II, 6; и отвѣтъ императора посламъ Димитрія: „что сице пишетъ князь великій Рускій о Пиминѣ, а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ, давно поставленъ есть святѣйшимъ патріархомъ Филоѳеемъ, того и отпустили есьмы на рускую землю митрополитомъ, а кромѣ того иного не требуемъ поставити". Воскрес. л., Полн. собр. р. л., VIII, 32. Представленіе дѣлъ въ грамотѣ патріарха Нила 1380 г. Смолька считаетъ „крайне тенденціознымъ".

поля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился ведшій русскіе полки на братоубійственную войну, по истинѣ „нечестивый“ Ягайло, и не московская рать гнала его назадъ оттуда: „не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его боя-хуся и трепетаху“ [1]). Еще разъ возвысилась Литва при Витовтѣ. Граница ея, простираясь до Угры, отстояла весьма недалеко отъ столицы Московскаго княжества. Московскій государь, зять Витовта, передъ смертью поручилъ сына опекѣ великаго князя Литовскаго, съ которымъ соединялись князья Тверской и Рязанскій, Псковъ и Новгородъ. При Витовтѣ снова осуществляется духовное разъединеніе русскаго міра, но оно было столь же мимолетно (продолжаясь всего четыре года), какъ мимолетно было видимое могущество Витовта. Однимъ словомъ, попытки къ духовному разъединенію были, но обстоятельство, что онѣ, говоря словами хрисовула Іоанна Кантакузина, скоро „падали и разрушались“, что для осуществленія ихъ требовалась вся сила и вліяніе такихъ государей, какъ Ольгердъ, или такой складъ обстоятельствъ, какимъ воспользовался Казиміръ, доказываютъ несомнѣнно, съ какимъ трудомъ могло быть нарушено духовное единство русскаго міра, и слѣдовательно, до какой степени оно было прочно. Возникавшія раздѣленія совершенно не вытекали изъ условій русской жизни, вовсе не отвѣчали стремленіямъ и понятіямъ народа [2]), а были лишь слѣдствіемъ политическихъ обстоятельствъ, вѣрнѣе—политическихъ несчастій, столь обильныхъ на Руси и, надо думать, необходимыхъ для того, чтобы выковать ея политическое могущество. Гдѣ, какъ напримѣръ, въ Галичѣ, раздѣленіе продолжалось болѣе значительное время, тамъ эта отдѣльность сказывалась самымъ печальнымъ образомъ именно какъ разъ на томъ, что составляло ея внѣшній признакъ, то-есть, на ея представителяхъ.

Объ Антоніи, несомнѣнно поставленномъ въ Галицкіе митро-

---

[1]) Воскрес. л., Полн. собр. р. л., VIII, 40.

[2]) Яснѣе всего это доказывается отношеніемъ новгородцевъ къ Кипріану, 1376 г. поставленъ бысть въ Царьградѣ Кипріанъ митрополитъ; и пришедъ въ Литву, посла въ Новгородъ Великій послы своа къ владыцѣ и патріарши грамоты, а глаголя тако: „благословилъ мя вселенскій патріархъ Θилоθѣй митрополитомъ на Кіевъ и на всю Рускую землю“. Слышавъ же се владыка и Новгородци и сице отвѣтъ послаша къ нему: „*шли къ великому князю на Москву: и аще тя приметъ митрополитомъ на Руси, то и намъ еси митрополитъ*“. Слышавъ же митрополитъ отвѣтъ Новгородцкій и не посла къ великому князю на Москву. Ibid., стр. 25.

политы по требованію Казиміра, рѣшительно ничего не извѣстно. Въ 1391 году патріархъ поручилъ Симеону, монаху одного изъ молдавскихъ монастырей, завѣдываніе Галицкою церковью. Какъ разъ около этого времени явился въ Галичѣ какой-то Тагарисъ. Онъ выдавалъ себя за уполномоченнаго отъ патріарха и посвятилъ Симеона во епископы, но тотъ, узнавъ обманъ, сложилъ съ себя санъ. Надо думать поэтому, что около 1391 г. скончался Антоній [1]). Въ 1393 г. искателемъ Галицкой митрополіи является въ Царьградѣ Луцкій епископъ Іоаннъ, личность, мало стѣснявшаяся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли [2]). Пользуясь заступничествомъ короля, онъ управлялъ дѣлами до 1397 г. Въ этомъ году патріархъ отправилъ въ Галичъ Виѳлеемскаго епископа, а въ грамотѣ къ королю предлагалъ Іоанну обратиться къ „своему митрополиту", выпросить у него прощеніе, и только въ такомъ случаѣ разрѣшалось ему прибыть въ Царьградъ. Врядъ ли однако Іоаннъ исполнилъ приказъ патріарха. По крайней мѣрѣ подъ 1414 г. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о Галицкомъ епископѣ Іоаннѣ; по всей вѣроятности, это тотъ самый Іоаннъ, бывшій епископъ Луцкій, который поведеніемъ въ Царьградѣ совершенно опредѣленно заявилъ свое отношеніе къ духовной власти [3]). Затѣмъ до 1529 г. о Галицкихъ епископахъ ничего не слышимъ, а и указанные два — одинъ митрополитъ, другой нареченный въ митрополиты [4])—не были, какъ сказано, признаваемы галичанами

---

[1]) *Петрушевичъ*, О Гал. митр., пр. 18, полагаетъ, что около 1380 г.

[2]) Содѣйствіе короля онъ купилъ за 200 гривенъ и 30 коней. А. З. Р., I, № 12.

[3]) 1393 г. патріархъ писалъ Кипріану: „Епископъ Луцкій пришелъ сюда и принесъ грамоты отъ короля, просящаго его въ митрополита Галиціи. Когда открылся соборъ, были прочитаны грамоты, присланныя священствомъ твоимъ еще прежде прибытія его сюда, и признано за лучшее, что такъ какъ идетъ сюда и епископъ Владимірскій, то задержать здѣсь и его (епископа Луцкаго) и потомъ произвести между ними судъ и найдти права каждаго изъ нихъ. Но сей бѣжалъ и, нашедши корабль готовый къ отплытію, вошелъ въ оный, ... приглашенный придти сюда и оставить корабль, сказалъ: „Галицію мнѣ далъ король, который есть самодержавный властитель страны, и если мнѣ недоставало благословенія отъ патріарха, то пришедши, я уже получилъ оное, а больше мнѣ ничего не нужно; чего мнѣ на соборъ? пойду въ Галицію, въ мою церковь",—называя благословеніемъ то, которое онъ, пришедши сюда, просто какъ христіанинъ, униженно испросилъ у меня и получилъ, какъ и всѣ сопутствовавшіе ему подчиненные ею благословились". *Макарій*, Исторія, IV, прил. XXX. Ср. *Пелешъ*, Gesch. d. Un., I, 395—396.

[4]) Впрочемъ, Іоанна, собственно говоря, трудно считать даже нареченнымъ въ митрополиты, можно думать, онъ самъ довольствовался титуломъ епископа.

за духовныхъ пастырей: не только имена, но даже самое ихъ существованіе народъ предалъ забвенію, тѣмъ болѣе краснорѣчивому, что, не смотря на всѣ бѣдствія, которымъ съ 1340 г. подвергалась Галичина, православіе въ ней не поникло, стояло твердо, а „святой Юръ величаво и гордо высился надъ всѣми зданіями Львова". Эту твердость и незыблемость православія въ отдаленной русской окраинѣ нагляднѣе всего подтверждаетъ исторія утвержденія въ ней епископскихъ католическихъ каѳедръ. Къ этой исторіи мы теперь и перейдемъ.

Епархіальнаго католическаго епископа въ предѣлахъ Галичины встрѣчаемъ впервые въ Перемышлѣ, что̀ совершенно естественно по близости этого города къ польской границѣ. Исторія утвежденія епископской католической каѳедры въ Перемышлѣ представляется намъ особенно важною и характерною, бросая не мало свѣта какъ на общія отношенія Рима къ Польшѣ и Руси, такъ въ частности на время окончательнаго утвержденія польскаго господства въ Галичинѣ. Съ другой стороны, всѣ относящіеся сюда главнѣйшіе факты могутъ быть обоснованы на не подлежащихъ никакому сомнѣнію документальныхъ свидѣтельствахъ, что̀ въ данномъ случаѣ, при общей неопредѣленности и запутанности занимающихъ насъ вопросовъ, имѣетъ весьма существенное значеніе. Мы видѣли, что до окончательнаго устраненія отъ всякаго участія въ дѣлахъ католической церкви на Руси, Любушскій епископъ старался обращать въ свою пользу событія уже совершившіяся, или по крайней мѣрѣ обѣщающія болѣе или менѣе вѣрный успѣхъ. Борьба Казиміра съ Литвой-Русью, безъ сомнѣнія, вызывала въ Любушскихъ епископахъ тревогу и надежду, и они не замедлили попыткой обратить ее въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, въ маѣ 1352 г. Климентъ VI, извѣстившись о смерти Перемышльскаго епископа Ивана, „поспѣшилъ" назначить на его мѣсто доминиканскаго сандомірскаго пріора Николая, чтобы такимъ образомъ „пресѣчь чье-либо постороннее вмѣшательство" [1]). Очевидно, такимъ образомъ, первый католическій епископъ, котораго встрѣчаемъ въ Перемышлѣ, Иванъ не былъ назначенъ куріей, съ другой стороны, назначеніе Климентомъ VI Николая въ самый разгаръ борьбы за Галичину, когда Казиміръ хлопоталъ лишь о денежной поддержкѣ, и рѣшительно, какъ увидимъ, некому было — развѣ только проповѣдничествующимъ монахамъ — торопить курію таковымъ на-

---

[1]) *Theiner*, M. P., 1, № 720.

значеніемъ, не могло быть вызвано никакими другими причинами, кромѣ указаннаго въ самой буллѣ желанія куріи пресѣчь постороннее вмѣшательство, которое, конечно, могло исходить лишь отъ Любушскаго епископа. Иванъ для Перемышля былъ такимъ образомъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіева въ 1320 г. Генрихъ изъ Порвелле. Вѣроятно, послѣдовавшая вскорѣ смерть помѣшала Ивану обратиться въ курію за утвержденіемъ, какъ это сдѣлалъ Генрихъ [1]).

Неканоничностью поставленія Ивана объясняется отсутствіе его имени въ спискахъ Перемышльскихъ епископовъ [2]), а еще болѣе эта неканоничность подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что папская канцелярія въ назначеніи Николая торопилась лишь заявленіемъ своихъ правъ на Перемышльскую каѳедру [3]), а вовсе не удовлетвореніемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ. Указанная папская булла дана 18-го января 1353 г., но лишь 24-го августа 1354 г. Николай былъ поставленъ въ епископы и получилъ приказаніе отправиться въ свою епархію [4]). Дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ первомъ, назначенномъ папой, католическомъ Перемышльскомъ епископѣ крайне скудны. Изъ буллы Григорія XI отъ 13-го апрѣля 1377 г., по которой въ Перемышльскіе епископы назначается миноритъ Эрихъ Винзенъ, мы узнаемъ, что предшественникъ его Николай умеръ внѣ предѣловъ, подвѣдомыхъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ Перемышльской епархіи, что затѣмъ, послѣ его смерти епископская каѳедра оставалась нѣкоторое время вакантною [5]); что, слѣдовательно, не только не ощущалось никакой особенной надобности въ католическомъ епископѣ для Перемышля, но что, собственно, даже не было возможности утвердить въ этомъ городѣ епископскую

---

[1]) Скончался Иванъ, надо думать, или въ концѣ 1351, или въ началѣ 1352 г., гдѣ именно—не извѣстно; въ указанной буллѣ неопредѣленно: in partibus illis. Время назначенія его въ епископы также не извѣстно, во всякомъ случаѣ, врядъ ли раньше 1349 г.

[2]) *Reifenkugel*, Gründung, 429, пр. 1. Надо впрочемъ замѣтить, что списки *Гамса*, Series episcoporum ecclesiæ catholicæ. quotquot innotuerunt a beato Petro. Ratisbonae. 1873, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ особеннаго значенія, какъ составленные по *Ржонницкому*, Vitae praesulum Poloniae, Posnaniae, 1761—1763 г., 3 тт., *Reifenkugel*, ib., 404 пр.

[3]) Она была подчинена непосредственно куріи, о чемъ многократно заявляется въ папской буллѣ, и что всегда практиковалось при учрежденіи новыхъ епископствъ и продолжалось до окончательнаго ихъ устройства.

[4]) *Theiner*, M. P., 1, № 737.

[5]) Ib., № 1006.

резиденцію. Николай, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и не былъ въ Перемышлѣ, а ближайшія по времени свидѣтельства даже не считали его Перемышльскимъ епископомъ: по прямому показанію Эриха, въ Перемышлѣ не жилъ до него, (то-есть, до 1379 г.) ни одинъ католическій епископъ [1]), а епископъ Краковскій Петръ, разграничивавшій въ 1398 г. по порученію Бонифація IX Перемышльскую епархію отъ Галицкаго архіепископства, называетъ преемника Эриха, епископа Матвѣя „вторымъ“ Перемышльскимъ епископомъ [2]). О состояніи католицизма въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышлѣ мы имѣемъ свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это свидѣтельство упомянутаго Эриха. Въ своемъ уставѣ перемышльской капитулѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Послѣ труднаго и долгаго пути, придя къ нашей невѣстѣ—церкви Перемышльской, мы нашли ее, къ нашему огорченію, обезображенною и разоренною, точно вдову, лишенною всякой красы и чести каѳедральнаго храма, ибо до сихъ поръ еще ни одинъ женихъ, то-есть католическій епископъ, съ нею не пребывалъ [3]), и хотя, безъ сомнѣнія, по свидѣтельству разныхъ папскихъ грамотъ, она всегда была каѳедральною, а благодаря щедрости Людовика и грамотамъ Григорія XI, была возстановлена снова, тѣмъ не менѣе какъ ее самое, такъ и ея имущество мы нашли въ рукахъ схизматиковъ“ [4]). Такимъ образомъ, въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышлѣ, спустя четверть съ лишнимъ вѣка по завоеваніи Галичины, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ католицизма: въ рукахъ православныхъ находилась даже основанная въ 1230 годахъ, по доминиканскимъ преданіямъ, часовня св. Іоанна. Приходилось „возстановлять ее снова“, то-есть, прежде всего отнять у „схизматиковъ“. Это какъ будто невѣроятно, а между тѣмъ объ этомъ прямо говоритъ тотъ же Эрихъ [5]). Можно ли отвергать это показаніе ближайшаго свидѣтеля? Его уставъ основанной имъ

---

[1]) А. Гр. и З., VIII, 30.

[2]) Ib. VII, 39. Dominus Mathias episcopus premisliensis secundus.

[3]) Ib. VIII, № 20. quod cum ipsa nullus umquam ante nos personaliter catholicus sponsus scilicet pontifex habitavit.

[4]) Ib. Nos tamen eandem ecclesiam cum multis suis possesionibus a scizmaticis reppertimus occupatam.

[5]) Ib., et in civitate Premisliensi sedem et cathedram episcopalem collocavimus et inibi ecclesiam cathedralem dudum,... instauratam rursus ad honorem omnipotentis Dei... restauravimus, refecimus et reedificavimus et primitivos in eadem nostra ecclesia kathedrali prelatos, canonicos et capitulum... de novo creavimus...

капитулѣ, откуда мы заимствовали приведенныя свѣдѣнія, данъ имъ 1-го января 1390 года незадолго до смерти [1]) и представляетъ какъ бы духовное завѣщаніе капитулѣ и преемникамъ по епископству. Все это сообщаетъ показаніямъ документа характеръ несомнѣнной точности. И для чего было Эриху прибѣгать къ измышленіямъ? Для славы? Какъ увидимъ сейчасъ, онъ слишкомъ много сдѣлалъ для своей „невѣсты", чтобы нуждаться въ искаженіи истины, да и вообще личный его характеръ, ярко сказавшійся въ заведенныхъ имъ порядкахъ, исключаетъ возможность подобнаго предположенія. Повторяемъ, свидѣтельство Эриха представляетъ документъ, доказывающій самымъ несомнѣннымъ образомъ, что въ Галицкой Руси, не смотря на всѣ обрушившіяся на нее несчастья, православіе стояло незыблемо твердо. Нужны были такіе столпы, какимъ былъ Эрихъ, нужно было всесильное покровительство власти [2]) и могущество Рима для того, чтобы сколько-нибудь прочно утвердить среди православнаго міра епископскую католическую каѳедру. Эриха мы недаромъ назвали столпомъ. Этотъ саксонецъ „изъ знаменитаго, по его словамъ, княжества Люнебургскаго" соединялъ въ себѣ настойчивость и упорство нѣмца съ фанатизмомъ и суровою строгостью монаха. Ему обязана католическая Перемышльская каѳедра своимъ устройствомъ и упроченіемъ. Не мало хлопоталъ онъ о ней у Людовика, и замѣчательно, этотъ любимецъ куріи оказался не въ силахъ сколько-нибудь упрочить положеніе епископства. Только преемница Людовика, Марія, пожаловавъ 3-го апрѣля 1384 года Перемышльской каѳедрѣ пять селъ въ Перемышльскомъ и Саноцкомъ округахъ, привела въ исполненіе то, о чемъ думалъ и даже рѣшилъ, но, чего по словамъ грамоты, „не успѣлъ, (!) за смертью", сдѣлать Людовикъ [3]). Непосредственно вслѣдъ затѣмъ Эрихъ постарался обезпечить созданную имъ капитулу и выхлопоталъ для нея десятину съ г. Ланцута и 10 селъ въ Ланцутскомъ, Переворскомъ и Тычинскомъ округахъ [4]). Онъ могъ умереть спокойно. Его „невѣста" была обезпечена; но строго монашескій характеръ порядковъ, заведенныхъ Эрихомъ, не могъ долго удержаться. Преемникъ его Матвѣй

---

[1]) Онъ умеръ, вѣроятно, въ 1391 году.

[2]) Яркій примѣръ его мы увидимъ при окончательномъ устроеніи Перемышльской латинской каѳедры въ 1412 году.

[3]) А. Гр. и З. VII, № 15.

[4]) Ib., VIII, № 14.

отмѣнилъ въ 1398 году постановленіе относительно общаго стола и квартиръ канониковъ [1]); общность имущества удержалась однако до 1421 года и лишь тогда была отмѣнена преемникомъ Матвѣя Янушемъ [2]). Всѣ указанныя дѣйствія Эриха были, очевидно, самыми начальными, вызывались насущною необходимостью; въ то же время они ясно обличаютъ все еще миссіонерское, такъ сказать, боевое положеніе католической іерархіи даже въ Перемышлѣ. Но далеко не все было имъ устроено. Такъ, напримѣръ, опредѣленіе границъ епархіи было предпринято лишь въ 1397 году, по порученію Бенедикта IX [3]), и окончено въ слѣдующемъ году Петромъ епископомъ Краковскимъ [4]). Только съ этого времени можно считать Перемышльскую католическую епархію устроенною. Епископскую каѳедру и капитулу щедро одарилъ Ягайло земельными и другими пожалованіями, а въ 1412 году передалъ католическому епископу каѳедральный православный храмъ. Сообщимъ этотъ фактъ словами Длугоша: „Въ Перемышль прибылъ Ягайло (изъ Медики) въ сопровожденіи Стригонскаго архіепископа и Михаила Кохмейстера, и чтобъ очистить себя отъ несправедливаго упрека нѣмцевъ, будто онъ преимущественно благоволитъ и покровительствуетъ схизматикамъ, велѣлъ посвятить въ католическій храмъ, прекраснѣйшую православную каѳедральную церковь, построенную изъ квадратнаго камня, расположенную посреди города и подлежавшую до тѣхъ поръ вѣдѣнію русскаго епископа, при этомъ гробы православныхъ были выброшены и вырыты. Русскій клиръ и народъ сочли это тяжелымъ оскорбленіемъ и горько при этомъ плакали, рыдали и вопили“ [5]). Комментаріи излишни.

Мы видѣли изъ свидѣтельства Эриха, каково было состояніе католицизма въ Перемышлѣ. Оно не было исключительнымъ или временнымъ, считать его результатомъ военныхъ событій 1376 года не приходится. Такимъ же было оно въ 1372 году, какъ сообщалъ куріи францисканскій викарій Бартоломей изъ Альверны: „Не было на Руси“, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи,—„ни каѳедральныхъ, ни приходскихъ церквей, не было ихъ предстоятелей, которые могли бы заботиться о спасеніи душъ, и лишь немного вѣрныхъ можно было

---

[1]) Ib., № 27.
[2]) Ib., № 45.
[3]) Ib., VII, № 20.
[4]) Ib., № 21.
[5]) Длугошъ подъ 1412, XI, 149.

замѣтить среди громаднаго множества невѣрныхъ и (?) схизматиковъ“ [1]). Въ 1353 году (16-го ноября) Иннокентій VI поручаетъ Николаю изъ Кросна, представителю миноритовъ на Руси, набрать во что бы то ни стало 30 человѣкъ новыхъ миссіонеровъ, въ виду уменьшенія ихъ числа и грозящей вслѣдствіе этого католицизму опасности [2]). Немногимъ раньше, при занятіи Казиміромъ Львова, въ городѣ не оказалось ни одного католическаго храма, гдѣ бы можно было совершить благодарственное служеніе [3]). Доминиканская часовня св. Іоанна, устроенная въ 1234 году, и новый конвентъ, который они получили въ 1270 году, не остались такимъ образомъ въ ихъ рукахъ, и Рейфенкугель считаетъ возможнымъ, что они принуждены были „временно оставить страну въ тяжелый періодъ антикатолической реакціи послѣ гибели Юрія Болеслава“ [4]). Въ виду приведенныхъ выше свидѣтельствъ, приходится предполагать это не только относительно доминиканцевъ, но и всѣхъ другихъ дѣятелей католической пропаганды, а переходъ владѣній, пожалованныхъ Владиславомъ Опольскимъ Галицкой архіепископской каѳедрѣ, въ руки православныхъ, о чемъ упоминается въ буллѣ Бонифація IX [5]), доказываетъ, что подобная реакція на галицкой почвѣ могла произойдти даже значительно позже при малѣйшихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Судя по той страстно-напряженной дѣятельности, какую обнаруживали Казиміръ и Людовикъ съ Владиславомъ Опольскимъ, Римская курія и ея безчисленные агенты, можно бы подумать, что православіе исчезнетъ въ Галицкой Руси безслѣдно, что зальютъ его до самаго края тѣ волны, которыя со всѣхъ сторонъ на него нахлынули, и что́ же? Грозно бушуютъ онѣ, далеко, до самаго Рима раздается ихъ оглушительный гулъ, съ восторгомъ внемлетъ ему представитель католическаго міра, всѣми зависящими отъ него средствами старается поддержать ихъ ярость, и все это не въ состояніи даже сколько-нибудь поколебать корней вѣковаго древа! Какова же должна быть ихъ крѣпость!..

---

[1]) Non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia nec Rectores earum, quibus cura immineret animarum, et tanta multitudo infidelium et schismaticorum, ut paucae personae reputarentur fideles, respectu multitudinis errantium. *Reifenkugel*, Gründung, 444, пр. 1, изъ францисканскаго архива во Львовѣ у Скробишевскаго, Vitae, гл. VI.

[2]) *Theiner*, M. P., 1, № 726.

[3]) *Reifenkungel*, Gründung, 424, пр. 3.

[4]) Ib., 425.

[5]) А. Гр. и З., III, № 51.

Перейдемъ теперь къ исторіи утвержденія второй по времени основанія епископской католической каѳедры — Владимірской. Мы встрѣтимся здѣсь съ обстоятельствами по существу не новыми, но весьма характерными. О нихъ сообщаетъ папская булла 1358 г. мая 2-го, которою въ епископы Владимірскіе назначается доминиканецъ Петръ [1]). Содержаніе ея слѣдующее: Владимірская епархія съ незапамятныхъ временъ оставалась безъ пастыря, и вслѣдствіе того, по соборнымъ постановленіямъ, попеченіе о ней принадлежитъ апостолическому престолу; [2]) но такъ какъ (?) о послѣднемъ Владимірскомъ епископѣ не сохранилось никакой памяти, то Селиврскій епископъ Августинъ, съ согласія Константинопольскаго патріарха Вильгельма, повѣрившаго ему, что помянутая епархія находится въ его завѣдываніи [3]), назначилъ Петра въ епископы Владимірскіе. Епископъ Мишинскій, по порученію помянутаго патріарха, рукоположилъ его, но здѣсь Петръ узналъ, что его епархія находится въ непосредственномъ завѣдываніи куріи. Онъ отправляется туда лично, и, по уничтоженіи папой прежнихъ назначеній (то-есть, со стороны епископа Селиврскаго и патріарха Константинопольскаго), былъ утвержденъ папой.

Вотъ документъ, съ чрезвычайною яркостью рисующій отношенія къ занимающей насъ территоріи со стороны католическаго духовенства и куріи; не говоримъ уже о логическомъ ходѣ мыслей, ибо онъ одинаковъ во всѣхъ относящихся къ нашему предмету документахъ папской канцеляріи! О Константинопольскомъ патріархѣ мы знаемъ, что ему, въ качествѣ апостолическаго легата, поручены были какъ разъ около этого времени—1359 г. декабря 2-го — дѣла сосѣднихъ съ Польшей церквей [4]). Впрочемъ, вопросъ о его личности [5]) не имѣетъ

---

[1]) *Theiner*, M. P., I, № 786.

[2]) Dudum siquidem ecclesia Ladimiriensi tanto et tam longevo tempore pastoris solatio destituta, quod eius disposicio et provisio esset, prout est (?), ad sedem apostolicam secundum generalis statuta concilii legitime devoluta.

[3]) Sed cum ultimi eciam Ladimiriensis Epi, qui eidem ecclesie prefuit, noticia seu memoria non habeatur, Venerabilis frater noster Augustinus Episcopus Salubriensis cui Venerabilis frater noster Guillelmus Patriarha Constantinopolitanus credens, ut dicitur, provisionem ipsius Ladimiriensis ecclesie ad eum ea vice pertinere, providendi eidem ecclesie de pastore ydoneo dederat potestatem, ignorans, prout asseritur, provisionem ipsius ecclesie ad sedem predictam fore, ut premittitur, devolutam.

[4]) Ib., № 793.

[5]) См. *Reifenkugel*, Gründung, 431, пр. 1. *Каро*, G. P., II, 610, попалъ въ странное недоумѣніе, сочтя его патріархомъ православнымъ.

никакого существеннаго значенія. Важно лишь то, что состояніе католицизма въ Галицко-Владимірской землѣ, ея церковно-іерархическія отношенія были ему совершенно не извѣстны. Не отъ него впрочемъ вышла инициатива назначенія. Она принадлежала епископу Селиврскому Августину. Ближайшихъ свѣдѣній объ этой личности мы не имѣемъ, но въ качествѣ Селиврскаго епископа Августинъ не могъ не знать того, что̀ происходило въ это время въ Царьградѣ, гдѣ Ольгердъ употреблялъ всѣ средства для полученія отдѣльнаго митрополита. Быть можетъ, Августинъ замѣщалъ отсутствовавшаго Вильгельма, во всякомъ случаѣ, какъ епископъ in partibus, онъ долженъ былъ особенно заботиться, чтобы церковь, говоря словами Иннокентія VI „commodis et successibus prosperis augeatur". На такія заботы не могъ не отозваться монахъ проповѣдническаго ордена, и вотъ въ результатѣ—новая католическая каѳедра.

Назначеніе Петра задумано и осуществлено было далеко отъ Владиміра, безъ всякаго участія мѣстной предержащей власти и населенія. Случайная мысль, осѣнившая католическаго епископа, по своему положенію in partibus думавшаго лишь о пріумноженіи римскаго стада, а въ нестроеніяхъ православной Русской церкви видѣвшаго благопріятный для этой цѣли моментъ, была причиной возникновенія епископской каѳедры, конечно, номинальной. О Петрѣ мы больше ничего не знаемъ; въ его исторіи повторяется, слѣдовательно, буквально то же, что̀ мы видѣли въ исторіи Генриха Кіевскаго, Николая Перемышльскаго. Изъ папской буллы мая 5-го 1371 г., по которой во Владимірскіе епископы назначенъ августинскій монахъ Гинко, узнаемъ, что Петръ, подобно Перемышльскому Николаю, умеръ внѣ предѣловъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ своей епархіи, когда именно — не извѣстно [1]. 20-го мая 1359 г. Иннокентій VI назначаетъ минорита Ѳому епископомъ Холмскимъ. Содержаніе данной по этому поводу буллы ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ документовъ папской канцеляріи: точно также имя послѣдняго Холмскаго епископа не было извѣстно куріи, и точно также новое епископство подчиняется непосредственному ея вѣдѣнію [2]. Нельзя не указать на то, что оба назначенія касаются территоріи, бывшей въ литовскихъ рукахъ, слѣдовательно,

---

[1]) *Theiner*, M. P., 1, № 890.

[2]) *Reifenkugel*, Gründung, 433, пр. 1. Содержаніе буллы приводится здѣсь по *Wadding*, Annales minorum, t. VIII. Romae. 1733, p. 483.

обѣ епархіи могли имѣть смыслъ миссіонерскихъ постовъ, хотя въ успѣхѣ миссіи можно очень сомнѣваться. Мы видѣли, что Петръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. То же можно сказать и о Ѳомѣ. Мы имѣемъ о послѣднемъ одно случайное свѣдѣніе относящееся къ 1365 г., когда 26-го декабря онъ освятилъ часовню св. Доротеи въ Краковѣ; здѣсь онъ называется викарнымъ Краковскаго епископа [1]); по всей вѣроятности, онъ и жилъ въ Краковѣ.

Мы разсмотрѣли исторію возникновенія трехъ епископскихъ католическихъ каѳедръ въ предѣлахъ Галицко-Владимірской территоріи. Исторія эта въ сущности одна и та же. Каѳедры учреждаются не вслѣдствіе дѣйствительной въ нихъ потребности, а по совершенно постороннимъ причинамъ, важнымъ для куріи, которая не могла терпѣть чьего бы ни было посторонняго вмѣшательства—Любушскихъ ли епископовъ, или патріарха Константинопольскаго—но не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстности, для которой онѣ устанавливаются. Назначеніе Холмскаго епископа, правда, исходитъ непосредственно отъ папы, но въ этомъ случаѣ Иннокентій VI, очевидно, лишь возревновалъ примѣру Селиврскаго епископа; на это указываетъ хронологія и то обстоятельство, что Ѳома былъ лицо столь же не нужное для Холма, какъ Петръ для Владиміра. Вотъ почему о дѣятельности всѣхъ названныхъ „первыхъ“ епископовъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. Всѣ они никакихъ слѣдовъ по себѣ не оставили. Совпаденіе знаменательное! Когда 13-го февраля 1375 г. Григорій XI издалъ буллу, окончательно опредѣлившую устройство католической іерархіи въ предѣлахъ занимающей насъ территоріи, оказалось, что всѣ епархіи оставались безъ пастырей, и папа счелъ необходимымъ пригласить архіепископа Гнѣзненскаго, епископовъ Краковскаго и Плоцкаго къ содѣйствію въ выборѣ лицъ, годныхъ для замѣщенія епископскихъ каѳедръ, при чемъ Владиславу Опольскому папа счелъ нелишнимъ предложить побуждать епископовъ къ возможному ускоренію дѣла [2]). Незадолго передъ этимъ, 19-го ноября 1371 г., появленіе во Львовѣ какого-то священника Ивана, быть можетъ, подосланнаго Любушскимъ епископомъ съ цѣлью вызвать церковныя смуты [3]), грозило полнымъ уничтоженіемъ результатовъ мис-

---

[1]) Ib., 433, пр. 2.
[2]) *Theiner*, M. P., 1, № 963.
[3]) *Reifenkugel*, Gründung, 452.

сіонерской дѣятельности Николая изъ Кросна и его миноритовъ [1]).

Въ слѣдующемъ 1372 году Любушскій епископъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ заявилъ—нужды нѣтъ, что это прямо противорѣчило прежнимъ его утвержденіямъ,—что церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская не епархіальныя, а только приходскія. Папѣ пришлось забирать справки, при чемъ онъ прямо заявляетъ, что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у него нѣтъ [2]).

Дошедшія въ этомъ году до Рима опредѣленныя свѣдѣнія были совершенно другаго характера: „Не безъ великаго смущенія", пишетъ Григорій XI Гнѣзненскому архіепископу (іюль, 1372 года),—„узнали мы, что на Руси находится очень много схизматическихъ епископовъ". Таковыхъ папа поручаетъ лишать епархій и всѣми мѣрами удалять [3]), очевидно, не подозрѣвая, что всѣмъ подобнаго рода предписаніямъ заранѣе суждено было оставаться мертвою буквою. Все это, кажется, съ достаточною опредѣленностью рисуетъ намъ положеніе католицизма въ Галичинѣ, но конечно, совмѣстныя напряженныя усилія куріи, духовенства и правительства не могли не приводить къ извѣстнымъ результатамъ. Если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ офиціально положеніе католицизма, въ виду упроченія польскаго господства, должно было измѣниться. Признаки такой перемѣны обнаруживаются еще въ 60-хъ годахъ, когда Казиміръ обратился къ папѣ съ просьбой назначить епископа въ любимый имъ Львовъ. Давно уже сообщалъ онъ куріи, что въ его пріобрѣтеніяхъ могло быть основано семь обширныхъ епархій, но только въ 60-хъ годахъ нашелъ возможнымъ подумать объ учрежденіи одной. Львовъ, выдержавшій первый натискъ Литвы, былъ особенно дорогъ Казиміру, а крѣпкія стѣны и сравнительная многочисленность католиковъ-нѣмцевъ давали Казиміру основаніе настаивать именно на этомъ городѣ. Въ 1363 году апрѣля 6-го Урбанъ V обратился къ Гнѣзненскому архіепископу съ запросомъ на счетъ предполагаемой Казиміромъ епископской рези-

---

[1]) Въ буллѣ Гнѣзненскому архіепископу Григорій XI говоритъ по этому поводу: multi ex eisdem conversis et absolutis ad infidelitatis et scizmatis vomitum sunt reversi, et alii a conversione salutifera retrahuntur, *Theiner*, M. P., 1, № 900.

[2]) Nos de premissis certam noticiam non habentes, Ib., № 908.

[3]) Ib., № 910. „Схизматическими" епископами *К. Стадницкій*, O początkach 26, считаетъ епископовъ любушскаго поставленія, но достаточно сравнить настоящую буллу съ буллой „Debitum pastoralis officii", чтобъ убѣдиться въ натянутости такого толкованія; ср. также *Петрушевичъ*, О Галицкихъ митр., пр. 34.

денціи: „указанный городъ“, спрашиваетъ папа, — „значителенъ ли, есть ли тамъ духовенство и паства, отвѣчаетъ ли принадлежащая къ нему территорія размѣрамъ епархіи; каково, наконецъ, можетъ быть матеріальное обезпеченіе?“ [1]) Вотъ какіе вопросы задавались куріей, когда дѣло имѣло не отвлеченный, а дѣйствительно практическій характеръ. Ни разу не возникали они въ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Налагая на нищенствующихъ или проповѣдничествующихъ монаховъ „бремя епископства“, курія просто поручала ихъ „десницѣ Божіей“ [2]), быть можетъ, надѣялась на успѣхъ, но во всякомъ случаѣ понимала, что дѣло это есть, въ лучшемъ случаѣ, дѣло неизвѣстнаго будущаго. Что оно не увѣнчивалось желательными для куріи успѣхами, видно изъ того, что она не имѣла никакихъ рѣшительно о немъ свѣдѣній. При извѣстной ревности католическихъ миссіонеровъ, это можно объяснять лишь тѣмъ, что Русь была совершенно недоступна ихъ воздѣйствію, что успѣхи католицизма среди русскихъ могли обусловливаться единственно лишь силой, скажемъ прямо — насиліемъ [3]), что, слѣдовательно, на такіе успѣхи католицизмъ могъ расчитывать лишь съ упроченіемъ на Русской землѣ польскаго господства. Поддержка, во что бы ни стало, католической пропаганды должна была со стороны польскихъ государей послужить наградой куріи за ея содѣйствіе въ завоеваніи, и понятно, почему въ 1363 г. Урбанъ долженъ былъ иначе отнестись къ утвержденію епископской резиденціи, чѣмъ его предшественники въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ.

1363 годъ можно такимъ образомъ поставить, какъ грань въ отношеніяхъ Рима къ Галицкой Руси, иначе говоря, только съ 60-хъ годовъ можно считать прочное утвержденіе польскаго господства въ Галичинѣ; но прошло еще много времени, пока дѣйствительно были устроены на ея территоріи дѣла католической церкви. По крайней мѣрѣ все время правленія Казиміра она оставалась въ миссіонерскомъ, такъ сказать, положеніи, не имѣя опредѣленной организаціи и матеріальнаго обезпеченія. Организація католической церкви въ Галичинѣ была установлена лишь 13-го февраля 1375 года буллой Григорія XI „Debitum pastoralis officii“. Содержаніе этой знаменитой

---

[1]) Ib., № 826.

[2]) Dextera domini tibi assistente propicia, говоритъ Иннокентій VI Николаю Перемышльскому.

[3]) Вспомнимъ 1412 годъ въ Перемышлѣ.

буллы, вкратцѣ передающей весь ходъ дѣла, таково: „До свѣдѣнія нашего (папы) дошло: блаженной памяти король Казиміръ, благодаря своему мужеству и содѣйствію вѣрныхъ, подчинилъ себѣ и своему государству, какъ католическому, сосѣднюю Русь, въ которой обитали не только схизматики, но и различные еретики. Многіе изъ нихъ, по милости Божіей, и благодаря содѣйствію вѣрныхъ, оставили свои заблужденія. Далѣе, церкви — Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская были каѳедральныя, какими состоятъ и понынѣ. Назначаемые туда нашими предшественниками католическіе предстоятели встрѣчали затрудненія со стороны Любушскаго епископа.

Дѣло это обсуждалось въ куріи; теперь, по просьбѣ князя Опольскаго и другихъ, мы призваны постановить, соотвѣтственно нашему долгу, окончательное рѣшеніе. Мы обращались къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому съ запросомъ, епархіальны ли указанныя выше церкви, или только приходскія, достаточное ли количество народа находится въ ихъ вѣдѣніи и по всѣмъ этимъ пунктамъ мы получили утвердительные отвѣты. Теперь король Людовикъ и помянутый выше князь сообщили намъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ много христіанскаго народа, нуждающагося въ пастырскомъ руководительствѣ, что онѣ далеко отстоятъ отъ епархіи Любушской, и что Любушскій епископъ во всякомъ случаѣ (то-есть, епархіальны ли эти церкви, или только приходскія) не можетъ съ должнымъ успѣхомъ исполнять тамъ пастырскія обязанности. Чтобы поэтому положить конецъ недоразумѣніямъ и принимая во вниманіе, что чѣмъ болѣе будетъ тамъ католическихъ пастырей, тѣмъ это будетъ полезнѣе и благотворнѣе для руководительства душъ, для защиты и распространенія религіознаго культа, апостолическимъ авторитетомъ постановляемъ: церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская, Холмская были и суть епархіальныя; мѣста, въ которыхъ они утверждены, были и суть города; для большей вѣрности мы постановляемъ это снова и желаемъ, чтобы такъ оставалось навсегда; всякое участіе въ ихъ дѣлахъ со стороны Любушскаго епископа устраняемъ, постановляя вмѣстѣ съ симъ, что православные предстоятели, еслибы таковые оказались, должны быть отъ нихъ удалены какъ безчестные и недостойные. Постановляемъ, чтобы Галицкая церковь была архіепископальной, а Перемышльская, Владимірская и Холмская—епископальными и подчиненными Галицкой въ качествѣ суффраганныхъ. Желаемъ также, чтобы во главѣ всѣхъ указанныхъ церквей, остающихся теперь безъ пастырей, были поставлены

предстоятели, которые умѣли бы и были въ состояніи искоренить тамошнія заблужденія и служить примѣромъ для подвѣдомаго имъ словеснаго стада. Заранѣе уничтожаемъ все, что сознательно или по невѣдѣнію было бы учинено противъ этого нашего распоряженія" [1]). Какую силу вѣры въ свое могущество надо было имѣть, чтобы говорить такимъ образомъ! Но и это не помогло. Немедленное осуществленіе папскихъ приказаній было бы чудомъ,—но чудесъ не бываетъ въ исторіи. Только 13-го апрѣля 1377 года назначенъ былъ епископъ въ ближайшій къ Польшѣ Перемышль. Въ какомъ положеніи засталъ Эрихъ свою церковь, мы видѣли. Относительно епископовъ Владимірскаго и Холмскаго нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Какова была судьба назначеннаго во Владимірскіе епископы въ 1371 году Гинка— не извѣстно. По голословному показанію Накельскаго, послѣ буллы „Debitum" туда былъ назначенъ нѣкто Исидоръ, умершій въ 1380 году. Ему наслѣдовалъ Ругіанъ. О дотаціи епископства тоже нѣтъ извѣстій. Знаемъ только, что преемникъ Ругіана, Андрей Плавка, перенесъ въ 1428 году свою резиденцію въ Луцкъ, и что епископы этого города по постановленію Флорентійскаго собора получили титулъ: episcopi Luceorienses, въ отличіе отъ епископовъ Лукки [2]). Холмскимъ епископомъ около 1380 года былъ доминиканецъ Стефанъ [3]). Дотировано было Холмское епископство Ягайлой въ 1417 году, въ воспоминаніе Грюнвальдской побѣды [4]). Въ 1473 году резиденція епископа была перенесена въ Грубешовъ, а въ 1490 году—въ Красноставъ.

Такимъ образомъ рѣшеніе папы не было приведено въ исполненіе. Назначенные имъ для резиденціи епископовъ города оказались для этой цѣли негодными. Только въ Перемышлѣ удержалась латинская каѳедра, благодаря какимъ средствамъ — мы видѣли. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ совмѣстное пребываніе съ православными представителями церкви оказалось для католиковъ невозможнымъ, и они сочли необходимымъ нарушить папское предписаніе и избрать для себя другія болѣе подходящія мѣста.

Въ какой степени оказались пустыми грозныя слова папы

---

[1]) *Theiner*, M. P. 1, № 964.

[2]) *Reifenkugel*, Gründung, 467. Дотацію епископства *К. Стадницкій* приписываетъ Витовту, O początkach, 32.

[3]) Ib., 468, пр. 2 и 3.

[4]) Ib., пр. 4.

относительно православныхъ архіереевъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ томъ же 1375 г. на двухъ документахъ, данныхъ 31-го августа Владиславомъ Опольскимъ, находимъ подпись Антонія Галицкаго митрополита [1]). Іерархическое неустройство католической церкви въ Галичинѣ обнаруживалось и въ томъ, что она не имѣла своего представителя.

Уже въ 1367 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Галицкомъ архіепископѣ Христинѣ [2]), а Львовскіе капитульные анналы сообщаютъ о немъ слѣдующія подробности: „Христинъ архіепископъ Галицкій соорудилъ въ Галичѣ храмъ св. Маріи Магдалины и по мѣрѣ возможности дотировалъ его; установилъ прелатовъ и канониковъ, но такъ какъ они носили лишь пустые титулы, то кормилъ ихъ отъ своего стола. Поддерживалъ нищихъ и питомцевъ, и скончался славный наукой и полный добрыхъ дѣлъ" [3]).

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ титулярныхъ епископовъ, которые были среди миссіонерскихъ конгрегацій и которые не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія [4]), будучи назначаемы заранѣе, на случай успѣха пропаганды. Нечего, слѣдовательно, искать учредительной буллы, приписывать ее Любушскому епископу или стараніямъ Казиміра [5]).

Архіепископъ Галицкій—тотъ ли самый Христинъ, или другой какой-нибудь нищенствующій монахъ, не знаемъ — упоминается и въ 1371 г. въ буллѣ о поставленіи Гинка епископомъ Владимірскимъ, но обстоятельство, что онъ поставленъ въ адресѣ на послѣднемъ мѣстѣ, а равно, что въ томъ же 1371 г. поставленіе латинскаго епископа Андрея въ Серетъ обошлось безъ всякаго участія Галицкаго архіепископа [6]), хотя онъ былъ ближайшимъ и хотя потомъ въ 1412 г. Серетская епархія была подчинена ему въ качествѣ суффраганной, доказываетъ, что еще и въ это время положеніе его было такое же миссіонерское, неопредѣленное.

Только 26-го января 1376 г. Григорій XI назначилъ каноника

---

[1]) А. Гр. и З., II, 6, 8.

[2]) *Reifenkugel*, Grundung, 437: illustrissimus dominus Christinus archiepiscopus Haliciensis 1367—у Скробишевскаго изъ францисканскаго архива во Львовѣ.

[3]) Ib., 440.

[4]) Христинъ былъ, по всей вѣроятности, францисканецъ, по крайней мѣрѣ, замѣтка о немъ сохранилась во францисканскомъ архивѣ.

[5]) *Reifenkugel*, 437.

[6]) *Theiner*, M. P. 1, № 891 и 894.

изъ Ягра [1]), Матвѣя въ архіепископы Галицкіе [2]). Въ документахъ этотъ первый глава католической іерархіи въ Галичинѣ носитъ титулъ: Electus Archiepiscopus Lemburgensis [3]), въ виду, надо думать, увѣренности, что хлопоты Владислава Опольскаго о перенесеніи архипастырской резиденціи изъ Галича во Львовъ, точнѣе, о назначеніи таковой во Львовѣ, а не въ Галичѣ, увѣнчаются успѣхомъ. О ходатайствѣ Владислава сообщаетъ Григорій XI въ письмѣ къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому [4]). Оно дано 3-го марта 1375 г. — двѣ недѣли спустя послѣ буллы „Debitum", и все еще о положеніи дѣлъ папа не имѣлъ никакихъ данныхъ, все еще Владиславъ считалъ возможнымъ выставлять крѣпкія стѣны Львова, какъ наиболѣе убѣдительный аргументъ для утвержденія въ немъ резиденціи главы церкви. Безъ всякаго сомнѣнія, Григорій XI, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Урбанъ V, долженъ былъ интересоваться вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи каѳедры. Мы не знаемъ въ точности, когда именно оно послѣдовало, несомнѣнно только, что при Владиславѣ Опольскомъ. Вотъ, что разказываетъ объ этомъ Бонифацій IX въ 1390 г. „такъ какъ церковь Галицкая въ предѣлахъ русскаго княжества, которое блаженной памяти Венгерскимъ королемъ Людовикомъ вновь возвращено было изъ рукъ невѣрныхъ и схизматиковъ католической вѣрѣ и повиновенію святой Римской церкви, находилась тогда въ рукахъ невѣрныхъ и схизматиковъ и была лишена католическаго предстоятеля въ теченіе столь долгаго времени, что даже положеніе и размѣръ ея владѣній не могли быть легко опредѣлены, то любезный сынъ нашъ Владиславъ Опольскій, тогдашній князь Руси, воспылавъ ревностнымъ усердіемъ по вѣрѣ, пожаловалъ ей въ вѣчное и не отъемлемое владѣніе Рогатинъ и замки Олеско и Тустань въ предѣлахъ Галицкой епархіи, съ округами, селами и со всѣмъ, что сюда относится, а также одинъ домъ въ верхней части города Львова со всѣми правами и принадлежностями, а равно десятину таможенныхъ доходовъ въ томъ же городѣ и десятину соляныхъ доходовъ въ Дрогобычѣ и Жидачовѣ; такъ какъ, далѣе, предѣлы указанной Галицкой епархіи не могли быть обозначены въ виду того, что до указаннаго присоединенія ея

---

[1]) Agria—Эрлау.

[2]) *Theiner*, M. P. 1, № 988.

[3]) Такъ-называется онъ въ А. Гр. и З., 1376 г.—VIII, 16; 1378 г.—III, 52. 1380 г.—III, 63. Другія указанія см. у *Рейфенкугеля*, 459, пр. 4.

[4]) *Theiner*, M. P. 1, № 967.

(Людовикомъ) ею слишкомъ долго владѣли и держали въ своихъ рукахъ невѣрные и схизматики, вслѣдствіе чего какъ въ самой Галицкой епархіи, такъ и въ другихъ ей подвѣдомыхъ божественныя службы совершались не въ должной мѣрѣ и формѣ, а Галицкіе суффраганы (викарные епископы) не пребывали въ своихъ каѳедральныхъ церквахъ,—помянутый нами предшественникъ (Урбанъ VI) поручилъ кардиналу Димитрію не гласно разузнать дѣла и учинить по нимъ надлежащія распоряженія“ [1]). Вотъ каково было состояніе католицизма въ Галичинѣ еще въ 80-хъ годахъ [2]). Людовика называютъ документы утвердителемъ католической іерархіи въ Галичинѣ, но фактически и онъ, какъ мы видѣли, въ исторіи перемышльской каѳедры, не былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное въ пользу католицизма, и честь, приписываемую ему въ грамотахъ Маріи, едва ли не вѣрнѣе относить на счетъ ея дочерней скромности и общаго расположенія куріи къ Анжуйцамъ. Что же касается Казиміра, то кромѣ хвастливаго упоминанія о семи епископствахъ и не приведшаго ни къ чему обращенія къ папѣ съ просьбой основать епископскую каѳедру во Львовѣ, мы не встрѣчаемъ съ его стороны рѣшительно никакого другаго участія въ дѣлѣ утвержденія католицизма на Руси. Мнѣніе Каро, что „не другой кто, а именно Казиміръ устроилъ Галицкое архіепископство между 1366 — 1370 гг.“, является совершенно неосновательнымъ, хотя высказано имъ съ чрезвычайною рѣшительностью [3]).

Казиміру рѣшительно нельзя было думать объ устройствѣ католической іерархіи въ Галичинѣ; его отношенія къ Руси представляютъ лишь безконечную борьбу въ самомъ, такъ сказать, грубомъ смыслѣ слова. Свои надежды онъ возлагалъ единственно на крѣпкія стѣны, войско и нѣмецкихъ поселенцевъ; на учрежденіи епископства во Львовѣ вовсе не настаивалъ. Ему ли, на опытѣ изведавшему русскую стойкость и „завзятость“, было мечтать объ окатоличеніи Руси! Только далекій и мало знавшій ее Анжуецъ могъ задаваться подобными мечтами, не говоримъ о Владиславѣ Опольскомъ, ибо онъ былъ лишь орудіемъ Людовика. Но и Людовикъ, собственно говоря, больше мечталъ, чѣмъ дѣлалъ, быть можетъ, онъ вѣрилъ во всемогу-

---

[1]) А. Гр. и З., III, № 51.

[2]) Архіепископа Стригонскаго Димитрія встрѣчаемъ въ Галичинѣ въ 1384 г. А. Гр. и З., VII, № 15; VIII, № 14.

[3]) *Каро*, II, 612.

шество папскихъ предписаній. На дѣлѣ даже самыя грозныя изъ нихъ совершенно теряли свою силу на русской почвѣ Галичины. Во всемъ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ Казиміру нельзя приписать даже той отвлеченной доли участія, какую признаетъ за нимъ Рейфенкугель, считая совершившееся отголоскомъ идей и плановъ Казиміра [1]). Все, о чемъ мечталъ Казиміръ, заключалось въ стремленіи духовно разобщить Галицкую Русь отъ остального православно-русскаго міра. Но даже къ этому Казиміръ рѣшился приступить лишь въ послѣдній годъ жизни.

Упомянутое выше утвержденіе Галицкой архіепископской резиденціи во Львовѣ было признано окончательно буллою 28-го августа 1412 г. Только въ этомъ году такимъ образомъ іерархическое устройство Галичины было закончено [2]). Львовскому архіепископу подчинены были епархіи: Перемышльская, Владимірская, Холмская, а также вновь основанныя—Кіевская, Каменецкая [3]) и Серетская [4]).

---

[1]) Gründung, 457.

[2]) Хотя, напримѣръ, Холмское епископство было, какъ мы видѣли, дотировано лишь въ 1417 г.

[3]) То-есть, Каменецъ-Подольская. Обѣ не раньше 1375 г. О послѣдней см. *М. Симашкевичъ*, Римское католичество и его іерархія въ Подоліи. Кам.-Под. 1872 г., стр. 18—26.

[4]) *Theiner*, M. P. II, № 8.

IV.

Дѣла гражданскія.

> Галичъ, гдѣ твои сыны?..
>
> А. С. Хомяковъ.

> Не пойметъ и не замѣтитъ
> Гордый взоръ иноплеменный,
> Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
> Въ наготѣ твоей смиренной...
>
> Ѳ. И. Тютчевъ.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы разсмотрѣли борьбу между Польшей и Литвой-Русью. Первый моментъ этой борьбы—неудачная попытка Казиміра въ 1340 г.—былъ освященъ авторитетомъ главы католическаго міра, какъ дѣло, справедливо подъятое въ отмщеніе преступленія и нанесенной католической вѣрѣ обиды. Послѣдній моментъ, на которомъ мы остановились,—окончательное устройство католической іерархіи въ предѣлахъ Галичины, послѣдовавшее въ 1412 г. Оба момента связываются интересами Рима, съ которымъ Польша вступаетъ въ тѣснѣйшій союзъ съ 1343 г., являясь какъ бы борцомъ за католицизмъ, давно желавшій, но не могшій утвердиться въ Галичинѣ. За 20 лѣтъ до окончанія вооруженной борьбы Римъ формулируетъ ея смыслъ, опредѣляетъ значеніе, указываетъ цѣли отдаленнаго будущаго. Въ 1367 г. Урбанъ V такъ писалъ Познанскому епископу объ утвержденіи и первыхъ дѣйствіяхъ Казиміра въ русской землѣ: лѣса, пустыни и урочища, въ которыхъ свирѣпствовали дикіе звѣри, обращены теперь къ культурѣ, воздвигнуты города, міръ увеличился новой землей, а обитающіе здѣсь католики, то въ перемежку, то лишь гранича съ православными могли бы

утверждаться въ вѣрѣ и привлекать невѣрныхъ къ единенію, еслибы имѣли мужей ученыхъ и благоразумныхъ [1]). Что это, какъ не исходная точка, съ которой оцѣнивается и прославляется въ польскихъ сочиненіяхъ и по настоящее время дѣятельность Казиміра и его преемниковъ въ западно-русской землѣ? Тщательно оберегается эта точка зрѣнія и теперь [2]), и сообразно съ нею польская исторія то изображаетъ плѣнительными чертами „побѣды польскаго плуга" (Шайноха), то какъ бы буквально повторяя слова Урбана V, говоритъ о пустынности Русской земли [3]), то въ виду послѣдующихъ событій, смотря на Галичину, какъ на связь между Польшей и Литвой-Русью, въ „быстрыхъ (?!) успѣхахъ полонизма въ Галичинѣ" видитъ лишь доказательство хробатско-лехитскаго происхожденія русскихъ галичанъ, покрывшихся, правда, отъ времени „русскою оболочкой", которая, однако, не уничтожила тѣхъ типическихъ отличій, какія выдѣляли Галицкую Русь на широкомъ пространствѣ русскаго міра, а самый этотъ міръ представляетъ только какъ сырой хотя и богатый матеріалъ, „погруженный въ доисторическое усыпленіе", по крови родственный, до степени отдѣльной народности еще не достигшій, а потому легко могущій быть присвоеннымъ безъ нанесенія тѣхъ кривдъ, какія теперь соединяются въ нашемъ умѣ съ понятіемъ захвата" [4]). Благодаря Казиміру, говоритъ Шуйскій, — „Польша на громадномъ пространствѣ создала тысячи костеловъ и монастырей, посадовъ, селъ, городовъ и усадебъ, занесла западную муниципальность въ Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ, за Днѣпръ, изъ дѣвственной (?) почвы вызвала великія историческія имена"; все это останется ея славой и гордостью, ибо благодаря ей „Европа подвинулась къ востоку на 200 миль" [5]).

Такимъ образомъ варьируется въ трудахъ современныхъ польскихъ историковъ мысль Урбана V, примѣнительно къ нынѣшнимъ

---

[1]) См. выше, стр. 2, пр. 3.

[2]) *Kiedy my w historyi Litwy i Rusi południowej przyznajemy się do różnych błędów w polityce naszej w obec Rusinów, ale rownocześnie podnosimy wszyscy bez wyjątku cywilizacyjny nasz wpływ na przestrzenie wschodu... Бобжинскій — Kwart. hist.* 1889, I.

[3]) Ziemia lwowska, gdy przeszła pod polskie panowanie była *bezludnym...* krajem. Zaludnili i zbogacili go dopiero krolowie polscy licznem rozdawnictwem królewszczyzn... *А. Стадницкій*, Ziemia lwowska, Библ. Оссолинск., 1863, III, 53.

[4]) *С. Смолька*, Rok 1386, стр. 46.

[5]) Opowiadania, 22.

понятіямъ, взглядамъ и даже научнымъ требованіямъ. Культурно-религіозный характеръ борьбы съ перваго ея момента, даже по сей день не можетъ подлежать сомнѣнію; Польша является не только борцомъ за интересы Рима, но какъ бы исполнительницей предначертаній куріи; въ этомъ ея задача, въ этомъ ея заслуга! Давнымъ давно миновало время господства и руководительства Рима, а современные представители польской мысли все еще не разстаются съ точкой зрѣнія Урбана V. Нельзя не подивиться силѣ исторической преемственности, упорству и безостановочности работы все въ одномъ и томъ же направленіи! Задача русскаго изслѣдователя эпохи давно минувшей и, по видимому, не долженствующей затрогивать современныхъ политическихъ и національныхъ страстей, вслѣдствіе этого неимовѣрно утрудняется, главнымъ образомъ, отъ сознанія важности поднимаемаго вопроса. Съ указанными взглядами приходится, однако, считаться, обойдти ихъ нѣтъ никакой возможности, но при болѣе или менѣе серьезномъ отношеніи, грустно и обидно имѣть дѣло лишь съ доктринами, не имѣющими въ своемъ основаніи ничего другаго, кромѣ культурно-тенденціознаго заблужденія. Вотъ почему, указавъ общіе взгляды польской исторической науки на занимающую насъ эпоху, взгляды, какъ мы видѣли, представляющіе лишь повтореніе словъ папы, мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи держаться исключительно голыхъ фактовъ, какъ единственно возможныхъ въ данномъ случаѣ аргументовъ, не вдаваясь вовсе въ культурно-философскіе споры.

Резюмируемъ прежде всего сказанное въ двухъ предыдущихъ главахъ:

1) Борьба имѣетъ характеръ культурно-религіозный: рядомъ съ польскимъ мечомъ идетъ латинскій крестъ; потому она тянется еще долго по окончаніи борьбы вооруженной. 1387 годъ составляетъ моментъ, послѣ котораго она измѣняетъ лишь форму.

2) Только случайность — вступленіе Ягайла на польскій престолъ — закрѣпляетъ Галичину за Польшей, и — что̀ составляетъ иронію исторіи, — закрѣпляетъ литовскими же силами.

3) Только при Ягайлѣ могла быть устроена въ предѣлахъ Галичины католическая іерархія; только съ этого времени сопротивленіе стало пассивнымъ, выражаясь — скажемъ словами Длугоша — „плачемъ, рыданіями, воплями“. До этого времени нѣсколько разъ встрѣчаемся съ грозными для католицизма реакціями.

Вотъ главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ содержанія двухъ предыдущихъ главъ.

Если мысленно сопоставить силы противниковъ, то сдѣланные нами выводы, на первый взглядъ, покажутся невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, на напирающей сторонѣ—Польша, Венгрія, орденъ, наконецъ Римъ. Польша напрягаетъ всѣ силы; угры въ значительномъ числѣ являются два раза на театръ военныхъ дѣйствій, орденъ получаетъ отъ Рима сильныя и краснорѣчивыя напоминанія о долгѣ бороться противъ невѣрныхъ въ союзѣ съ „христіанами", и, какъ будто подогрѣваемый этими напоминаніями, устремляетъ на Литву всю свою „тевтонскую ярость", а Римъ... сколько разъ онъ шлетъ посланія на всѣ стороны, при самыхъ, по видимому, затруднительныхъ обстоятельствахъ, не отказываетъ Польшѣ въ денежной поддержкѣ, какими ликованіями и прославленіями сопровождаетъ всякіе успѣхи!... И что же? Борьба все-таки продолжается. Гдѣ же были силы, такъ долго выдерживавшія столь жестокій напоръ?

Два Гедиминовича сошли со сцены, внукъ Гедимина присталъ къ сторонѣ напирающей, а борьба все же не прекратилась. Очевидно, эти силы заключались не въ Литвѣ, не въ талантахъ Гедиминовичей, не въ условіяхъ имъ благопріятныхъ, ибо нельзя и придумать условій менѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ были поставлены Гедиминовичи. Сила эта была народъ, мѣстное населеніе, роль котораго совершенно игнорируется, особенно—понятно—въ польскихъ сочиненіяхъ.

Съ самаго начала и до самаго конца борьба была въ полномъ смыслѣ слова народною, и въ этомъ именно и заключается ея глубокій смыслъ, ея громадное историческое значеніе. Происходя въ самомъ крайнемъ углу русскаго міра, по видимому, отрѣзанномъ отъ остальной части, она тѣмъ не менѣе тѣснѣйше связывалась съ ходомъ не только всей западно-русской жизни, но, какъ это мы видѣли въ церковныхъ дѣлахъ, ближайше касалась представителя духовнаго русскаго единства — митрополита, а по естественной его связи съ Московскимъ княземъ и сего послѣдняго. Невольно возникаетъ мысль, что представляемый обыкновенно, даже въ русскихъ сочиненіяхъ, отрѣзаннымъ, какъ бы отдѣльнымъ отъ остального русскаго міра Галичъ въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, вовсе таковымъ не былъ, что и отдаленность, и нѣкоторая своеобразность исторической жизни не нарушали и не ослабляли тѣхъ корен

ныхъ основъ духовнаго и племеннаго единства, какія обусловлены были самою природой. Еслибъ исторія покрыла галичанъ лишь „русскою оболочкой“, какъ думаетъ, напримѣръ, Смолька, то было бы совершенно непостижимо, какимъ образомъ налетъ, хотя бы даже историческій, удержался и не сошелъ въ теченіе вѣковъ, составляя и понынѣ типическое отличіе населенія по Бугу, Вепрю, Сану и до Карпатъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ отступить далеко назадъ, не для опроверженія взглядовъ, подобныхъ взглядамъ Смольки, ибо они, по своей очевидной тендеціозности, вовсе не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, а въ виду того, что исторія занимающей насъ русской окраины представляется не въ надлежащемъ, не въ исторически вѣрномъ освѣщеніи, не только въ трудахъ польскихъ, но даже и въ русскихъ. Много, очень много вопросовъ возбуждаетъ наша окраина, многаго должны ждать наша наука и наше общество отъ правильнаго ихъ разрѣшенія.

Значительная часть этихъ вопросовъ можетъ быть окончательно порѣшена послѣ многостороннихъ мѣстныхъ изысканій этнографическихъ и историческихъ. Надо впрочемъ сказать, что начало въ этомъ отношеніи положено уже давно, но кажется, до сихъ поръ еще оно недостаточно отразилось на общей постановкѣ дѣла въ нашей исторической наукѣ.

Если не ошибаемся, главнѣйшіе частные вопросы, возбуждаемые исторіей Галичины, сводятся къ двумъ кореннымъ—объ отношеніяхъ Галичины 1) къ Волыни и 2) къ центру русской исторической жизни Кіеву.

Оба эти вопроса находятся въ тѣсной связи между собою; факты, разъясняющіе второй, должны содѣйствовать правильному разрѣшенію перваго, такъ какъ никакихъ переворотовъ въ составѣ населенія нашей области за извѣстное намъ историческое время не произошло. Не останавливаемся на вопросѣ: каковы были отношенія ея къ остальному русскому міру въ періодъ времени съ 907 по 981 г. Отвергать всякія отношенія нельзя, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы отвергнуть показаніе лѣтописи объ участіи хорватовъ въ походѣ Олега [1]); но безъ сомнѣнія, нельзя представлять себѣ эти отношенія

---

[1]) Включеніе Галичины въ составъ владѣній Олега *Лонгиновъ*, Червенск. гор., 48, считаетъ „недоразумѣніемъ“. Сѣверо-западную границу русскихъ вла-

сколько-нибудь опредѣлившимися. Ничѣмъ инымъ, какъ единственно нашимъ стремленіемъ къ точной формулировкѣ отношеній и трудностью представить себѣ начальную безформенность и неопредѣленность мы не можетъ объяснить тѣхъ сомнѣній, которыя высказаны въ наукѣ по поводу похода Владиміра въ 981 г. „на ляховъ“. Наша наука обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ явную придирчивость: неудовольствія, естественно вызываемыя тягостью государственнаго порядка, допускаются у древлянъ, у вятичей, но отъ крайней окраины почему-то требуется чего-то особеннаго: свою принадлежность къ Руси она должна была засвидѣтельствовать исключительною лойяльностью [1]). А между тѣмъ, съ другой стороны, совершенно не обращаетъ на себя надлежащаго вниманія фактъ, что дѣятельность Владиміра, положившаго новыя начала исторической жизни нашей окраины, не вызвала до смерти Равноапостольнаго никакого противодѣйствія: „въ любви и мірѣ жилъ“, по словамъ лѣтописца, „Владиміръ съ сосѣдними князьями: съ Болеславомъ Лядскимъ, Стефаномъ Угорскимъ, Ондроникомъ Чешскимъ“ [2]).

Это ничѣмъ не нарушаемое спокойствіе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ дѣятельности Владиміра встрѣчаемся съ фактами, которые въ послѣдующей русской исторіи имѣютъ громадное, вполнѣ опредѣленное значеніе—введенія и упроченія государственной власти: противъ стараго центра земли, Червена, Владиміръ выдвигаетъ новый—Владиміръ, и въ 988 году сажаетъ туда своего сына. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ первомъ галицко-волынскомъ князѣ нѣтъ. Мало знаемъ и о другомъ Владиміровичѣ, получившемъ въ удѣлъ западно-русскія земли, Святославѣ, но нельзя не отмѣтить, что Святополку пришлось посылать за нимъ убійцъ къ „горѣ угорской“, а мѣстныя преданія до сихъ поръ помнятъ мѣсто убіенія какого-то Святославчика [3]).

Смуты послѣ смерти Владиміра даютъ поводъ къ вмѣшательству Болеслава, „заявшаго грады Червѣньскыя собѣ“ и послѣ этого „при-

---

дѣній при Олегѣ онъ доводитъ лишь „до юго-западной части земли Ятвяжской“, близъ г. Визны, гдѣ рѣка Олегъ. (Это названіе и наводитъ г. Лонгинова на такое соображеніе). Но гдѣ же юго-западная граница?

[1]) Въ объясненіе нашего, по видимому поверхностнаго отношенія къ важному научному вопросу скажемъ. что мы считаемъ его совершенно исчерпаннымъ въ прекрасной статьѣ *Е. М. Крыжановскаго*, Забужная Русь. С.-Пб. 1885.

[2]) Ип. л., 87.

[3]) *Андріяшевъ*, Очеркъ, 103, пр. 2.

шедшаго въ свою землю“ [1]). Но напряженныя усилія Ярослава вернуть отнятое, къ чему онъ обращается при первой возможности—съ 1022 г. [2]), и немедленное повтореніе попытки, опять-таки при первой возможности, наконецъ совмѣстныя дѣйствія братьевъ, быть можетъ, не особенно расположенныхъ другъ къ другу, кончившіяся полнымъ успѣхомъ, при чемъ оба брата внесли оружіе въ землю лядскую, а воинственный Мстиславъ, быть можетъ, въ память этого основалъ церковь Спаса въ Черниговѣ [3]), все это не можетъ не указывать на какую-то особенно тѣсную связь отдаленной окраины съ центромъ. Что вниманіе Мудраго было особенно обращено на западъ, доказываютъ его походы на Ятвяговъ и Литву, въ свою очередь свидѣтельствующіе, что на юго-западной границѣ было полное спокойствіе, что, слѣдовательно, отношенія окраины и центра, въ смыслѣ взаимнаго тяготѣнія, вполнѣ установились. Ярославу не приходилось употреблять усилій для поддержанія здѣсь своей власти, но онъ усердно заботится объ установленіи твердыхъ отношеній съ Казиміромъ Польскимъ, которому весьма энергично помогаетъ въ его борьбѣ съ мазовшанами, и наконецъ, роднится съ нимъ [4]).

Замѣчательно, что съ этого времени сознаніе лѣтописца какъ будто проясняется. Съ 1031 г. не встрѣчаемся уже съ терминомъ „Червенскіе грады“; судьба окраины тѣсно связывается съ Волынью. Таковы не многіе, но краснорѣчивые факты перваго періода нашей исторіи, пока главнѣйшими, пожалуй даже единственными, факторами жизни являются, съ одной стороны—племена съ своею старою особностью, съ другой — князь, какъ представитель новаго начала, государственности. При столкновеніи первый факторъ сразу, безъ особеннаго противодѣйствія, уступаетъ второму.

Чѣмъ подготовлена была такая побѣда, этого вопроса намъ не зачѣмъ касаться. Для нашей цѣли достаточно констатировать фактъ

---

[1]) Ип. л., 101.

[2]) „Ярославъ приде къ Берестью“, Ип. л., 102, и только; но о цѣли похода не можетъ быть сомнѣнія. Берестье и потомъ всегда было сборнымъ пунктомъ русскихъ князей въ походахъ на Польшу; см. Забужная Русь, 53. Первая неудачная попытка была предпринята такимъ образомъ при жизни Болеслава Храбраго. Можно думать, что Белзъ былъ возвращенъ Русью при немъ же: въ лѣтописи хронологія не вѣрна, но послѣдовательность фактовъ обозначена ясно, Ип. л., 105.

[3]) *Д. И. Иловайскій*, Исторія, II, 58.

[4]) *И. Линиченко*, Взаимныя отношенія Руси и Польши, 48 и сл.

крѣпкой связи отдаленной окраины новаго государства съ его центромъ. Мнѣніе, что это новое и, если вѣрить лѣтописи, столь быстро создавшееся государство „разложилось уже въ XI вѣкѣ на свои составные элементы—городовыя волости“ (?), что „интересъ его создавшій не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его на долго“ [1]), врядъ ли нужно опровергать. Историки задаются вопросомъ не о разложеніи государства, а о томъ, чѣмъ поддерживалось единство Русской земли въ періодъ удѣльный.

Это единство объясняется различно, но объясненія не удовлетворяютъ историка. „Мы недовольны“, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—„ни одною изъ теорій, взявшихся объяснять государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало“ [2]). Намъ кажется, что другой историкъ въ общемъ обозрѣніи строя древней Руси вполнѣ удовлетворительно объясняетъ этотъ фактъ. „Ярославъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ,—„раздаетъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ именъ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ на Руси“, гдѣ племена путемъ исторической дѣятельности не получили яснаго сознанія о своей самостоятельности, сознанія о противоположности своей другимъ племенамъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія особыхъ интересовъ... Въ начальный періодъ русской исторіи замѣчаемъ раздѣленіе, „но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видимости, ограничиваться однимъ внѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно, нѣтъ! Мы должны, на оборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при внѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное; мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, вмѣстѣ съ развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ“. Въ началѣ исторіи, говоритъ далѣе историкъ,—существуютъ отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности, а „благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является русскій народъ“ [3]).

Еслибы въ дѣйствительности племенное начало имѣло значи-

---

[1]) *В. Ключевскій*, Боярская дума, 36.

[2]) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія, I, 162.

[3]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія, XIII, 8, 9, 13.

тельную силу, еслибы дѣйствительно были существенныя племенныя особенности [1]), еслибъ онѣ не „сводились къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія и, можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту“ [2]), то фактъ образованія обширнаго государства почти сразу и его единство, удержавшееся при наличности многихъ данныхъ, способныхъ его уничтожить, представлялъ бы безпримѣрное въ исторіи народовъ чудо. На оборотъ, быстрота образованія Русскаго государства и крѣпость его состава лучше всего доказываютъ, что оно вытекало и поддерживалось племенною однородностью, которой не въ состояніи были одолѣть другія враждебныя единству начала. Стремленія, напримѣръ, городскихъ общинъ и князей могли совпадать, но ни разу не приводили къ созданію чего-нибудь прочнаго, являясь началомъ, очевидно второстепеннымъ. „Повѣсть“ помнитъ названія племенъ, знаетъ ихъ бытовыя особенности, къ однимъ расположена болѣе, къ другимъ менѣе, и позже князь, ставъ на полѣ битвы, могъ сказать: вотъ лежатъ сѣверяне, вотъ варяги, но никогда „не было ни одной области, которая бы состояла изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ“ [3]), и это никогда не вызывало никакихъ осложненій. „Жидкое“, по мѣткому выраженію Соловьева, состояніе общества продолжается довольно долго, но стремленія отдѣльныхъ выдающихся личностей сообщить ему твердость, если и встрѣчаютъ на первыхъ порахъ помѣхи, не пропадаютъ и, подобно сѣменамъ, павшимъ на добрую землю, даютъ плодъ. Въ сѣверо-восточной Руси все это обнаруживается позже, въ юго-западной гораздо раньше, и мы врядъ ли ошибемся, если болѣе раннюю зрѣлость народнаго самоопредѣленія объяснимъ сосѣдствомъ чужихъ уже самоопредѣлившихся народностей. Почему выросшій на юго-западѣ плодъ не могъ созрѣть окончательно? Этотъ вопросъ, кажется, вполнѣ удовлетворительно разрѣшается послѣдующимъ ходомъ событій, да и не въ немъ сила. Важно то, что однородныя явленія обнаруживаются на разныхъ концахъ русскаго міра, ярче всего подтверждая однородность его организма. Гдѣ окончательно созрѣлъ плодъ—рѣшительно все равно, лишь бы

[1]) Не говоримъ уже о шести (!) народностяхъ Н. И. Костомарова: южнорусской, сѣверской, великорусской, бѣлорусской, псковской, новгородской.

[2]) *Н. П. Барсовъ*, Очерки, 79.

[3]) *В. Ключевскій*, Боярская дума, 26.

только питался отъ него весь организмъ. Все это, кажется намъ, необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки дальнѣйшаго хода событій.

Въ 1054 г. Русская земля дѣлится. По переходѣ Игоря въ Смоленскъ, на Волыни княжитъ Ростиславъ [1]). Это подтверждается главнымъ образомъ обстоятельствами жизни его сыновей, которые живутъ во Владимірѣ, здѣсь стараются утвердиться, враждуютъ съ тѣми князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей [2]). Если примемъ во вниманіе, что послѣ бѣгства Ростислава, Изяславъ, по всей вѣроятности, взялъ Волынь себѣ и посадилъ туда кого-нибудь изъ сыновей [3]), что затѣмъ то же сдѣлалъ Святославъ, посадивъ туда Олега, который и оставался во Владимірѣ до смерти отца, то эти обстоятельства прежде всего объясняютъ причину бѣгства Ростислава: смѣлый и жаждавшій дѣятельности князь не могъ чувствовать себя хорошо подъ бдительнымъ надзоромъ изъ Кіева,—затѣмъ показываютъ, что тѣсная связь нашей окраины съ центромъ нисколько не ослабѣвала; по крайней мѣрѣ, Кіевскіе князья ничего не упускали, чтобы поддержать ее. Говоримъ: нашей окраины, ибо за все это время нѣтъ никакихъ основаній предполагать отдѣльность Галичины отъ Волыни [4]).

Возвращенные Владиміровичами „Червенскіе грады" уже не выдѣлялись изъ состава Русскаго государства [5]). Затѣмъ до Любецкаго съѣзда, и даже послѣ него, до вступленія на кіевскій столъ Мономаха, идетъ борьба, не имѣющая никакого другаго смысла, кромѣ

---

[1]) *Татищевъ*, II, 117.

[2]) *Соловьевъ*, II, пр. 32.

[3]) Это подтверждается какъ тѣмъ, что Святославъ передалъ Волынь Олегу, такъ и тѣмъ, что потомъ Всеволодъ передалъ ее Ярополку Изяславичу.

[4]) *Зубрицкій*, Исторія, II, 11, предполагаетъ, что Ростиславъ сначала княжилъ въ Галичинѣ, а по переходѣ Игоря въ Смоленскъ, можетъ быть, и на Волыни; но это лишь догадка. *Татищевъ*, II, 117, говоритъ прямо, что Ростиславъ правилъ сначала въ Ростовѣ и Суздалѣ.

[5]) *И. Линиченко*, Взаимныя отношенія, 117, пр. 3. Иначе смотритъ *Барсовъ*, Очерки, 105, пр. 179. По его мнѣнію, „подлинность самого факта (занятія Болеславомъ Смѣлымъ Перемышля) подтверждается ходомъ событій, какъ онъ сообщается въ нашихъ и польскихъ источникахъ". Но чѣмъ же именно? Болеславъ осаждалъ Перемышль, но безуспѣшно; у Сутеска появился Владиміръ Мономахъ, которому поручено было охраненіе Волыни; начались переговоры, и ляхи показали Изяславу путь; *Андріяшевъ*, Очеркъ, 109. О Сутескѣ см. *Барсовъ*, Очерки. пр. 150. Очевидно, граница не была измѣнена.

княжескихъ притязаній. Но и здѣсь въ дѣятельности Святополка снова обнаруживается всегдашнее стремленіе великихъ князей прибрать Волынь въ свои руки, и только мужество Ростиславичей останавливаетъ Святополка на Рожни полѣ, не позволивъ ему вполнѣ осуществить его желанія [1]. Другіе мелкіе факты борьбы доказываютъ связь Волыни съ территоріей старыхъ Червенскихъ городовъ. Давыдъ послѣ побѣды у Перемышля начинаетъ захватъ земли съ Сутеска и Червена, оттуда идетъ ко Владиміру [2]. То же видимъ позже въ попыткѣ Ярослава Святополковича [3]. „Довлѣетъ нама стати на межи своей", говорятъ рыцарственные Ростиславичи послѣ побѣды надъ Святополкомъ. Гдѣ пролегала эта межа—не извѣстно, но врядъ ли можно сомнѣваться, что это была условная граничная линія, которой теперь не возстановятъ никакія розысканія; и въ то время она мѣнялась, да къ тому же, подобныя условныя граничныя линіи пролегали и на территоріи другихъ земель, въ частности Волыни; тоже мѣнялись и тоже не имѣли другаго смысла, кромѣ временнаго обозначенія владѣній князя, остававшагося безъ земли, но требовавшаго своего „хлѣба". Окончательно обособляются Волынь и Галичъ почти одновременно, съ появленіемъ тутъ и тамъ энергическихъ личностей, направившихъ свои усилія на то, что̀ не вызывалось какими-нибудь мѣстными особенностями, а составляло общее стремленіе тогдашнихъ князей, на закрѣпленіе за собою волости-отчины. Въ ряду такихъ князей „многоглаголивый" Владимірко, также точно, какъ и его волынскій сосѣдъ, представляютъ лишь типъ болѣе яркій, но вовсе не исключеніе. Въ дѣлахъ остальной Руси Владимірко принимаетъ живѣйшее участіе, даже въ большей степени, чѣмъ другіе близкіе къ Кіеву князья, а избраніе столицей новаго города (съ 1141 г.—Галичъ) едва ли не обусловлено было тѣми же причинами, какія немного спустя заставили Андрея Боголюбскаго предпочесть Владиміръ старымъ городамъ. Одновременно на двухъ концахъ русскаго міра встрѣчаемся съ явленіями однородными, которыя едва ли не по одинаковымъ причинамъ обрисовываются здѣсь гораздо вы-

---

[1]) „Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василька, глаголя: „яко се есть волость *отца моего* и брата"; и поиде на ня". Ип. л., 176. Слабый Всеволодъ, по видимому, не стремился на Волынь, но едва ли это не объясняется характеромъ Ярополка Изяславича, котораго легко было держать въ рукахъ, Ип. л., 145.

[2]) Ип. л., 178.

[3]) Ibid., 215.

пуклѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Преемникъ Владимірка, воспѣтый въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославъ Осмомыслъ, еще сильнѣе отца засвидѣтельствовалъ свою крѣпкую связь съ Русью, и не только въ первую тяжелую минуту по смерти отца [1]), но и участіемъ въ общерусскихъ дѣлахъ при великихъ князьяхъ Ростиславѣ Мстиславичѣ и Святославѣ Всеволодовичѣ. Въ 1190 году вернулся въ Галичъ изгнанный оттуда Владиміръ Ярославичъ, личность, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающая вниманія. Непродолжительное княженіе и этого послѣдняго Ростиславича отмѣчено проявленіемъ связи Галича съ остальною Русью [2]).

Такимъ образомъ мысль, что въ Галичѣ, подобно тому какъ въ Полоцкѣ, утвердилась линія, „осиротѣвшая и какъ бы бездомная въ Русской землѣ" [3]), представляетъ лишь историческую элегію, весьма далекую отъ исторической дѣйствительности. До самаго конца XII вѣка Галичъ, собственно говоря, ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ русскихъ земель. Указываютъ на боярство. Дѣйствительно, галицкаго боярства не можетъ обойдти ни одинъ изслѣдователь, но замѣчательно, каждый иначе смотритъ на это явленіе. Между взглядомъ Смирнова [4]), принимающаго существованіе боярства какъ гипотезу, безъ которой невозможно понять безчисленныя галицкія крамолы, но нигдѣ въ лѣтописяхъ не усматривающаго достаточной опоры для того, чтобы считать боярство дѣйствительно руководящимъ началомъ, и мнѣніемъ Дашкевича [5]), которому галицкое боярство представляется сильнымъ, сплоченнымъ, хотя и не замкнутымъ, выросшимъ изъ мѣстныхъ условій, можно указать другія мнѣнія, то сгущающія, то ослабляющія краски [6]), то наконецъ считающія проявленіе боярскаго вліянія не

---

[1]) „Ярославъ же рече Петрови:... а нынѣ поѣди къ отцу моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего понялъ, а ты ми буди въ отца мѣсто... нынѣ, отце, кланяю ти ся, прими мя яко сына своего Мьстислава, тако же и мене ать ездить Мьстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣждю, всими своими полкы" Ип. л., 320.

[2]) „Володимѣръ сѣде на столѣ дѣда своего и отца... и посла ко Всеволоду ко уеви своему в Суждаль, моляся ему: „отце господине! удержи Галичъ подо мною, а язъ Божій и твой есмь со всимь Галичемь, а во твоей волѣ есмь всегда". Ип. л., 448. И Всеволодъ удержалъ Галичъ подъ Владиміромъ.

[3]) *М. О. Кояловичъ*, Чтенія, 59.

[4]) Судьбы Галицкой Руси, 30—32.

[5]) Княженіе Дан. Гал., 19 слл.

[6]) Бестужевъ-Рюминъ, Бѣляевъ, Костомаровъ, Иловайскій.

больше, какъ крамолой [1]). Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ самомъ явленіи есть какая-то неопредѣленность, дѣлающая невозможною точную и ясную формулировку его положенія, роли и значенія.

Другими словами: признаки явленія были, но созрѣть, опредѣлиться оно не успѣло. Отъ сожженія княжей любовницы до вокняженія боярина (1173—1210 гг.) прошло 37 лѣтъ, а боярство и въ первый, и въ послѣдній моментъ все остается, собственно говоря, на одной стадіи развитія [2]). Но какъ оба эти факта допускаютъ разныя толкованія [3]), также точно не носятъ на себѣ никакого опредѣленнаго отпечатка всѣ другія проявленія дѣятельности боярства, выступающаго на сцену лишь въ моменты исключительные, оказавшагося неспособнымъ окрѣпнуть даже при такомъ князѣ, какимъ былъ Владиміръ Ярославичъ.

Бояре, говоритъ Кадлубекъ [4]),—не желали Романа, но никто не счелъ нужнымъ сообразоваться съ ихъ желаніями, а впослѣдствіи Романъ могъ расправляться съ ними по своему усмотрѣнію. Для расправы съ боярами оказывались сильными даже Игоревичи, а Даніилъ выносилъ боярское самовольство только въ дѣтскомъ возрастѣ, и въ 1245 году боярство было сломлено окончательно не борьбой съ нимъ, не жестокими казнями, ибо только одинъ Володиславъ, „злой мятежникъ землѣ", былъ казненъ [5]), а лишь установленіемъ прочнаго государственнаго порядка: обстоятельство, съ достаточною опредѣленностью указывающее, откуда вытекало и на чемъ опиралось боярское самовольство.

Вообще, мнѣніе о роли и значеніи галицкаго боярства мы считаемъ такимъ же научнымъ недоразумѣніемъ, какихъ не мало можно отмѣтить во взглядахъ на исторію Галича. Боярство было въ Га-

---

[1]) Ключевскій.

[2]) Почему Дашкевичъ, Княженіе Дан. Гал., 45, пр. 1, полагаетъ, что Володиславъ княжилъ два раза? Между выраженіями: „Володиславъ княжится, а ятровь мою выгналъ", Ип. л., 487, и: „Володиславъ же воѣха въ Галичъ и вокняжися и сѣде на столѣ", ib., 488, разница весьма существенная.

[3]) Сожженіе Настаски нельзя приписывать однимъ боярамъ: въ лѣтописи сказано: Галичани, Ип. л., 385, а именно въ данномъ мѣстѣ термины соблюдаются весьма строго. Относительно правленія Володислава, еще Карамзинъ, III, 100, указалъ на зависимость его отъ Андрея Угорскаго. Мысль о верховномъ господствѣ угровъ для бояръ честолюбцевъ, очевидно, не была непріятною.

[4]) M. P. H. II, 439.

[5]) а съ нимъ многіе Угры, но не русскіе, Ип. л., 534.

личѣ, какъ было оно и въ другихъ русскихъ земляхъ, а исключительная роль его обнаруживалась только при условіяхъ, какія въ другихъ земляхъ отсутствовали; но при этомъ надо замѣтить, что даже угорское сосѣдство и содѣйствіе не были въ состояніи сообщить этому явленію дѣйствительную силу и значеніе.

Соединеніе Галича и Волыни подъ властью Романа составляетъ новый моментъ въ исторіи нашей области. Доудѣльное единство земли было возстановлено, благодаря случайности—прекращенію княжескаго рода Ростиславичей, но историкъ напрасно будетъ искать обнаруженія внутренней розни и разлада между главными составными частями новаго княжества. Даже признака чего-нибудь подобнаго не откроетъ самое тщательное изысканіе. Правда, главный источникъ—Волынская лѣтопись—не даетъ намъ о времени княженія Романа почти ничего: пробѣлъ, ничѣмъ не замѣнимый. Но по всему видно, что вниманіе Романа было обращено не на внутреннія дѣла, ибо борьба съ боярствомъ вовсе не требовала особыхъ усилій, а на внѣшнія. Кіевъ, Польша и начинающая выглядывать изъ своихъ дебрей Литва—вотъ на что̀ направлена вся дѣятельность Романа, и не безуспѣшно: объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ общеизвѣстное преданіе объ отношеніи его къ Литвѣ, такъ и вполнѣ согласная отмѣтка даты смерти Галицко-Волынскаго князя у польскихъ анналистовъ [1]).

По смерти Романа наступаетъ въ Галичѣ смутный періодъ, продолжавшійся цѣлыхъ 37 лѣтъ. Восемнадцать разъ въ теченіе этого времени мѣнялись правители. Лѣтопись отмѣчаетъ этотъ періодъ какъ время „многаго мятежа, великой льсти, безчисленной рати“, измлада не дававшихъ Даніилу покоя [2]). Мы видимъ въ этомъ явное обнаруженіе того вліянія, которое можетъ быть констатировано, но не подлежитъ научному объясненію. Весь этотъ періодъ представляетъ крамолу въ самомъ полномъ смыслѣ слова [3]).

Но когда въ 1245 году Даніилу удалось наконецъ потушить ее,

---

[1]) *Андріяшевъ*, Очеркъ, 151, пр. 2.

[2]) Ип. л., 501, 508.

[3]) Борьба полна сценъ возмутительныхъ, напримѣръ, расправа Игоревичей съ боярами и бояръ съ Игоревичами. Замѣчательно, что и послѣ этого не прекратились притязанія Черниговскихъ князей на Галичъ. Это подтверждаетъ мнѣніе *Смирнова*, Судьбы, 28, укладывающаго настоящую борьбу въ старыя рамки борьбы Мономаховичей и Олеговичей. *Дашкевичъ*, Княж. Д. Г. 46, пр. 1, съ нимъ не согласенъ, но его доказательства—гаданія.

все его вниманіе обращается на то же, на что была направлена дѣятельность его отца. Изслѣдователи единогласно считаютъ главною заслугой Даніила собираніе земли [1]). Мы видѣли, что въ дѣйствительности Даніилъ шелъ по пути, указанному Романомъ. Вотъ почему слѣдуетъ разглядѣться въ тѣхъ предѣлахъ, на которые могла быть направлена эта дѣятельность.

Въ общемъ они опредѣляются указаннымъ выше направленіемъ стремленій Романа на Польшу и Литву [2]).

Русская историческая наука долго не имѣла смѣлости стать на дѣйствительной межѣ русскаго племени. Не говоримъ о нашихъ ученыхъ; даже галицкіе, ближе знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, и тѣ какъ бы не рѣшались сразу стать на этой межѣ. Зубрицкій [3]) въ 1837 г. остановился на притокѣ Сана — Вислокѣ. Въ 1849 году онъ долженъ былъ однако ступить шагъ впередъ: не Вислокъ, а Вислоку отъ ея истоковъ до впаденія въ Вислу, а по крайней мѣрѣ до города Бржостка, вынужденъ былъ Зубрицкій, въ виду неоспоримыхъ фактовъ, признать естественною границей русской народности на западѣ [4]). Еще далѣе пришлось ступить А. И. Д(обрянскому), и опять-таки въ виду неотразимыхъ по своей убѣдительности фактовъ [5]). Можно думать, что это мнѣніе утвердится въ нашей наукѣ, по крайней мѣрѣ, Барсовъ въ своихъ прекрасныхъ „Очеркахъ“ воспользовался указаніями названныхъ мѣстныхъ ученыхъ. Западная граница русской народности проходила такимъ образомъ „по линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до самаго восточнаго угла нынѣшняго липтовскаго комитата“ [6]). Что граница Руси доходила почти до Кракова (fines Rus-

---

[1]) *Дашкевичъ*, Княженіе Д. Г., 59; *Андріяшевъ*, Очеркъ, 168.

[2]) Отношеній на восточныхъ границахъ княжества намъ не зачѣмъ касаться.

[3]) Rys do historyi narodu ruskiego w Galicyi.

[4]) Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg.

[5]) О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со временъ св. Владиміра. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, III.

[6]) *Н. П. Барсовъ*, Очерки, 112, пр. 198. Что Спишъ, лежащій на восточномъ склонѣ Татръ, отдѣляемый ими отъ польскихъ воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго, но не имѣющій никакой рѣзкой физической грани на востокѣ, связанный Попрадомъ съ землей Перемышльскою, былъ русскою землей, объ этомъ *Добрянскій*, О западныхъ границахъ, 139 слл., 151. Важны слѣды церковно-религіознаго единенія спишаковъ и перемышлянъ; о немъ „свидѣтель-

sie usque in Cracoa) это подтверждается показаніями древнихъ польскихъ географовъ [1]), слѣдами русскаго вліянія въ самомъ Краковѣ, наконецъ численностью русской Перемышльской епархіи, которая еще въ 1660 году, по донесенію папѣ Александру VII латинскаго епископа Станислава Сарновскаго, заключала въ себѣ 3400 приходовъ и 3 милліона душъ; между тѣмъ въ настоящее время, не смотря на увеличеніе населенія, она имѣетъ только 700 приходовъ и 800 тысячъ душъ [2]). Здѣсь, въ окрестностяхъ Кракова, русская народность остановилась на естественномъ рубежѣ — Вислѣ, но далѣе, отъ устья Сана, она, безъ сомнѣнія, переходила за этотъ рубежъ. Сандоміръ (Судоміръ) въ глазахъ лѣтописца былъ безспорно городъ русскій [3]). Можно думать, что русскіе жили въ окрестностяхъ Опатова. „Въ селѣ Шмелѣ (Радомской губерніи) дѣйствовало русское право и русскіе обычаи до 1505 года, когда они были отмѣнены королемъ Александромъ" [4]), а на правомъ берегу Вислы, въ Казимірѣ, существовала православная церковь еще въ XV вѣкѣ [5]). Мы шли до сихъ поръ по Вислѣ, переходя даже на лѣвый ея берегъ. Присутствіе русской народности на лѣвомъ берегу Вислы отъ устья Сана почти до устья Вепря не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя, вѣроятно, это были отдѣльныя поселенія, крайніе передовые пункты. Если они перешли Вислу, то несомнѣнно должны были опираться на правобережное населеніе. Въ свою очередь среди этого населенія отдѣльными островками должны были съ ранняго времени появляться поселенія польскія [6]).

ствуютъ древнія преданія и древніе антиминсы уцѣлѣвшихъ въ Спишѣ русскихъ церквей, освященные почти исключительно Самборско-Перемышльскими епископами или даже Кіевскими митрополитами", ib. 157. Не менѣе важны языковыя отличія спишаковъ отъ словаковъ и сходство съ просодіей угорскихъ и галицкихъ русскихъ, именно западныхъ лемковъ, какъ равно сходство съ ними въ одеждѣ, постройкахъ, занятіяхъ и самомъ тѣлосложеніи; ib., 155. О русскихъ въ Карпатахъ и Угорскихъ см. *Я. Головацкій*, Карпатская Русь, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, VI, стр. 351, пр. 2, и стр. 352, пр. 1.

[1]) Выписки изъ нихъ у *Зубрицкаго*, Gränzen, 16 сл.

[2]) Ibid., 25.

[3]) Ип. л., 548 и особенно 564.

[4]) *Лонгиновъ*, Червенскіе города, 65.

[5]) Запись Евангелія святодуховской церкви Иваномъ Шапникомъ Леонтіевичемъ. *Востоковъ*, Описаніе Рум. муз. 185.

[6]) Впрочемъ съ ранняго времени — лишь въ восточномъ углу Перемышльской земли. — До Люблинской земли польская колонизація не могла скоро добраться. Болотистые берега Пилицы, Радомки и лѣсистые гребни свято-крыжскихъ горъ должны были въ первое время представлять непреодолимыя препят-

Если обратимъ вниманіе, что въ настоящее время этнографическая граница русскаго племени пролегаетъ по незначительнымъ водораздѣламъ между Вислой, Вепремъ и Бугомъ, то прійдемъ къ убѣжденію, что русское племя отступило нѣсколько къ востоку лишь подъ вліяніемъ вѣковаго напора, какой представляетъ исторія. Остановка на этомъ водораздѣлѣ была бы явленіемъ совершенно непонятнымъ, ибо здѣсь нѣтъ никакого рубежа, который могъ бы задержать разселеніе. Это впрочемъ признаютъ и польскіе изслѣдователи. „Передовые посты ляшскихъ поселеній", говоритъ С. Смолька [1],—„рано проникли до Сана, но были вытѣснены оттуда русскими сосѣдями еще на канунѣ возникновенія исторической Польши [2]. Къ сѣверу отъ устья Сана только по самому берегу Вислы изрѣдка ютились малопольскія поселенія; все люблинское плоскогоріе до рѣки Вепря долгое время оставалось пустыней, разграничивающею Польшу отъ Руси". „Только одна полоса на этомъ пространствѣ", говоритъ прекрасно изучившій мѣстность Е. М. Крыжановскій [3],—„представляла въ старину удобство для поселеній, именно небольшая область Быстрицы, впадающей въ Вепрь. Положеніе этой области, географическая связь съ страною по Вепрю, оторванность и удаленность отъ Вислы, указываютъ на несомнѣнную первоначальную принадлежность ея тому же населенію, которое заняло пространство между Бугомъ и Вепремъ, а выше устья Быстрицы переходило за Вепрь. Это самое положеніе области показываетъ невозможность въ ней поселеній мазов-

ствія. *С. Смолька*, Мешко, 15. Въ спискахъ приходскихъ католическихъ костеловъ за 1326 г. на всю территорію нынѣшнихъ Решовскаго и Ясельскаго уѣздовъ насчитывается лишь 18 католическихъ приходовъ, которые расположены на правомъ берегу Вислоки, наконецъ, въ самомъ углу между Вислой и Саномъ 9 костеловъ, причитающихся къ Сандомірскому архидіаконату. *Theiner*, M. P., I, 244; *Я. Головацкій*, Карпатская Русь, 363. Ср. также у *К. Стадницкаго*, O początkach, списокъ католическихъ храмовъ съ половины XIV в. до 1500 г.: въ нынѣшнихъ предѣлахъ Львовской и Перемышльской епархій онъ насчитываетъ всего *шесть* храмовъ до времени Ягайла. То же слѣдуетъ сказать о Радомскомъ (*Theiner*, ib., 261, 442) и Люблинскомъ (ib., 261, 443) архидіаконатахъ. Замѣчательно: нѣкоторые настоятели, напримѣръ, de Novocastro (не Гродекъ ли?), Czastoboravicz (теперь это уже Ченстоборовице), de Bicheva (Быхава) — помѣчены какъ: inobediens, nunquam solvit. Врядъ ли это должно объяснять чѣмълибо другимъ, кромѣ православнаго сосѣдства.

[1]) Мешко, 15.

[2]) Къ сожалѣнію, Смолька не сообщилъ источника, откуда заимствовано это свѣдѣніе.

[3]) Забужная Русь, 47.

скихъ или бѣлохорватскихъ“. Люблинъ, однако, видимъ въ рукахъ поляковъ. Но до XIII вѣка отношенія его къ Польшѣ были весьма неопредѣленны, иногда своекорыстны и вѣроломны. Только съ этого времени онъ окончательно входитъ въ составъ Польскаго государства [1]), но одновременно обнаруживаются притязанія на него и со стороны Романа [2]). Преждевременная смерть его не позволила осуществиться широкимъ замысламъ, но въ лицѣ Даніила они возрождаются снова и, быть можетъ, на нѣкоторое время успѣшно [3]). Несомнѣнно, подъ властью русскихъ находился Люблинъ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка [4]). Притязанія на него возобновляются даже при Юріѣ Болеславѣ [5]), составляя такимъ образомъ для Руси необходимую, нудящую потребность, отъ которой она не могла отказаться даже тогда, когда во главѣ ея стоялъ человѣкъ чуждый, даже враждебный интересамъ русской народности. Притязанія были уже во всѣхъ отношеніяхъ запоздалыя. Левъ Даниловичъ, заботившійся о Львовѣ, придвинулся ближе къ Кракову безъ всякой пользы, а въ

---

[1]) Мнѣніе *Репеля*, Исторія, 295, пр. 16, считающаго показанія силезскихъ хроникъ, умалчивающихъ о Люблинской землѣ, какъ удѣлѣ Генриха, наиболѣе правдоподобными, оспариваетъ *К. Гурскій*, Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią, Przew. lit. i nauk 1875 г. стр. 576, пр. 3. „Не можетъ быть“, говоритъ онъ,—„и рѣчи о пріобрѣтеніи поляками Люблинской земли между 1138—1205 гг.“. Но въ данномъ случаѣ это косвенное доказательство не уясняетъ положенія, ибо несомнѣнно, до XIII вѣка Люблинъ былъ весьма мало связанъ съ Польшей. Мнѣніе Крыжановскаго, что до этого времени Люблинъ представлялъ своего рода Сѣчь, пріютъ бродячаго и гулящаго люда (Забужная Русь, 48), кажется намъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

[2]) „Дайте ми Люблинъ съ землею“, говоритъ онъ посламъ Лешка. Россійск. Библіотека, 301.

[3]) Входилъ ли Люблинъ въ составъ владѣній Даніила — вопросъ спорный. Главное свидѣтельство лѣтописи св. Креста, M. P. H. III, 72: anno domini 1244 Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succendunt, et castrum pro se edificare ceperunt, et turim muratam fecerunt, скорѣе говоритъ о временномъ господствѣ русскихъ. *К. Стадницкій*, Synowie, II, прилож., рѣшительно отвергаетъ занятіе Люблина Даніиломъ. За нимъ пошелъ *Дашкевичъ*, Княж. Д. Г., 70, пр. 4. Также думаетъ и *Крыжановскій*, Забужна Русь, 49. *Линиченко,* Взаимныя отношенія, 178, пр. 4, полагаетъ, что „съ 1244 по 1253 г. Люблинская земля оставалась въ какихъ-то вассальныхъ отношеніяхъ къ Руси“. Кажется, это наиболѣе вѣрно. Во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XIII вѣка встрѣчаемъ частыя упоминанія люблинскихъ кастеляновъ въ документахъ князей Краковскихъ и Сандомірскихъ; *Röpell*, G. P., 524, пр. 79.

[4]) *К. Стадницкій*, ibid., 223; *Шараневичъ*, Исторія, 119, 122.

[5]) См. выше, 50, пр. 3.

то же время былъ выдвинутъ новый польскій сторожевой пунктъ—Луковъ и затруднены сообщенія южной части Галицко-Владимірской земли съ сѣверною — съ Берестьемъ, Мельникомъ, Дрогичиномъ. Во всякомъ случаѣ Люблинъ еще долго оставался городомъ польскимъ лишь офиціально. Въ немъ находилась вывезенная изъ Кіева святыня—частица древа Св. Креста, и до конца XIV столѣтія въ немъ было не болѣе четырехъ костеловъ [1]).

Если вѣрно замѣчаніе Лонгинова [2]) объ отсутствіи указаній на русскій элементъ въ городахъ Люблинской земли, за исключеніемъ самого Люблина [3]), то русскія поселенія по Вислѣ (даже на лѣвомъ берегу рѣки) придется объяснять движеніемъ сюда съ юга — отъ Сана. Сухое, почти безводное пространство люблинскаго плоскогорья не могло привлекать поселенцевъ съ восточной стороны [4]); земли по водораздѣлу между Вепремъ и Быстрицей составляли украйну; но въ такомъ случаѣ безспорные признаки господства русскаго элемента въ Люблинѣ, въ связи съ притязаніями на него Галицко-Владимірскихъ князей, получатъ особенное значеніе и важность. Врядъ ли можно сомнѣваться, что, при правильномъ ходѣ исторіи, Люблинъ окончательно перешелъ бы подъ власть русскихъ князей; ляшская окраина, охваченная Русью, вошла бы въ составъ земель русскихъ, ибо только по линіи Вепря, отъ впаденіи въ него Тысменицы, она упиралась въ сплошныя польскія земли Мазовіи.

Что касается сѣвернаго Забужья, или пространства между Вислой, Бугомъ и Вепремъ (по нижнему теченію его), то оно, по описанію Е. М. Крыжановскаго [5]), имѣетъ слѣдующій видъ: „Люблинское плоскогорье переходитъ за Вепрь на сѣверъ, а здѣсь раздѣляется р. Ливцемъ съ впадающею въ него съ лѣвой стороны Збучинкою на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна идетъ между Ливцемъ и Вислой до самаго сѣвернаго угла ея на Наревѣ; другая, давши ис-

---

[1]) *Лонгиновъ*, Червенскіе города, 83, 88. Позже въ Люблинѣ насчитывалось 30 костеловъ и 19 монастырей, *W. Zieliński*, Monografia Lublina, Люблинъ. 1878, стр. 19. Эта многочисленность костеловъ и монастырей лучше всего доказываетъ порубежно-миссіонерское положеніе города; всѣ коренные польскіе города бѣдны святынями.

[2]) Червенск. города, 126.

[3]) Но, напримѣръ, о Красникѣ см. ib., 230: только въ 1400 году былъ построенъ здѣсь Тенчинскими латинскій костелъ и подавлена русская народность.

[4]) *Крыжановскій*. Заб. Р., 47.

[5]) Ibid., 76.

токи Ливцу, тянется между Ливцемъ и Дрогичиномъ до Буга. — У Дрогичина плоскогорье, не доходя нѣсколькихъ верстъ къ Бугу, круто обрывается и даетъ мѣсто обширнымъ лугамъ по лѣвому берегу рѣки. Изъ этого плоскогорья берутъ свое начало рѣчки на право и на лѣво, впадающія въ Бугъ и въ Вислу. По лѣвую сторону его, отъ Вепря до Нарева къ Вислѣ, видимъ только малые ручьи, впадающіе въ Вислу и начинающіеся не вдали отъ нея. Посреди плоскогорья течетъ Ливецъ и впадаетъ въ Бугъ, не имѣя на своемъ теченіи никакихъ сообщеній ни съ Вислой, ни съ Бугомъ (кромѣ своего устья). Иной характеръ представляетъ мѣстность по правую сторону плоскогорья. Она во всю длину и ширину изрѣзана рѣчками и ручьями, впадающими въ Бугъ. Главную артерію этого края составляетъ р. Кросна, съ впадающею въ нее Зелявой и нѣсколькими ручьями, получающими свое начало въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими, впадающими непосредственно въ Бугъ. Эта полоса идетъ отъ р. Влодавы и колѣна Вепря, простирается вглубь края отъ Буга на 70 и болѣе верстъ и къ сѣверу постепенно суживается и тѣснѣе прижимается къ Бугу. Имѣя въ виду способъ и характеръ первоначальныхъ поселеній, можно напередъ сказать, что плоскогорья сами, неудобныя для поселеній, не допустятъ занятія цѣлаго этого края (между Бугомъ и Вислою) однимъ племенемъ и будутъ долгое время служить раздѣломъ между двумя пріютами поселенцевъ по Бугу и по Вислѣ, — что лѣвый берегъ Буга въ этихъ мѣстахъ занятъ будетъ тѣмъ же племенемъ, что и на правомъ берегѣ его, которое далеко вглубь края раскинетъ свои поселенія, а по правую сторону Вислы поселенія долгое время будутъ тѣсно жаться къ ней, къ своему роду-племени за Вислой“.

И западная часть сѣвернаго Забужья составляла Украйну. Однимъ изъ извѣстныхъ намъ южныхъ ея пунктовъ было „село на Вькраиницѣ именемъ Воинь“ [1]) (Радинскаго уѣзда). Отсюда она простиралась почти по прямой линіи до Нура, до котораго доходилъ округъ Дрогичина, крайняго сѣвернаго пункта Даніиловыхъ владѣній [2]). Русскія поселенія здѣсь то двигались впередъ къ сѣверу, то нѣсколько отступали [3]). У Визны сходились владѣнія волынскія, мазовскія, ятвяжскія. Главнымъ городомъ страны было

[1]) Ип. л., 586.

[2]) *Дашкевичъ*, Княж. Д. Г., 71.

[3]) Ип. л., 578.

Берестье, сначала принадлежавшее великимъ князьямъ Кіевскимъ[1]); въ половинѣ XII в. оно перешло къ Волынскимъ, и хотя тѣсно къ Волынской землѣ не примкнуло, но изъ состава ея не выдѣлялось. Русскіе князья обращали бдительное вниманіе на утвержденіе здѣсь русской народности. Со времени Владиміра Святаго часто были предпринимаемы походы на ятвяговъ, пока наконецъ въ 1256 г. Даніилъ не нанесъ имъ окончательнаго удара[2]).

Русская народность въ очерченныхъ нами предѣлахъ никогда вполнѣ объединена не была[3]). Но со времени соединенія Галицкаго и Владимірскаго княжествъ начался объединительный процессъ и полнѣе всего выразился при Даніилѣ. Въ этомъ и заключается главная его заслуга. Много было у Даніила широкихъ плановъ, большая часть ихъ развѣялась еще при его жизни, но закладка будущаго крѣпкаго государственнаго порядка не пропала, скоро перешла въ сознаніе и выразилась не только въ титулѣ послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя, но и въ гораздо болѣе полныхъ значенія, хотя менѣе громкихъ фактахъ, загадочный смыслъ которыхъ разъясняется вполнѣ только сознательными усиліями поддержать созданное единство. „Въ юго-западной Руси и въ Подляшско-Холмскомъ краѣ несомнѣнно совершался тотъ же процессъ созданія русской на-

---

[1]) Припять и притокъ Буга—Мухавецъ составляли естественную связь Берестья съ Кіевомъ.

[2]) *Андріяшевъ*, Очеркъ, 42. Ср. библіографическую замѣтку *Н. П. Барсова* на изданіе *П. Н. Батюшкова*, Холмская Русь, 1887, оттискъ изъ *Варшавскаго Дневника*, стр. 10. Въ сѣверномъ Забужьи сходились крайнія сѣверныя поселенія волынянъ съ крайними южными поселеніями дреговичей. На небольшомъ пространствѣ нынѣшней Сѣдлецкой губерніи изслѣдователи отмѣчаютъ нѣсколько племенныхъ разновидностей, *П. Житецкій*, Очеркъ звуковой исторіи Малор. нарѣч., Кіевъ, 1876; Холмская Русь, 1887 г., гл. 1-я. На нашъ взглядъ, признаки этихъ разновидностей нѣсколько преувеличены.

[3]) Разумѣемъ русскихъ въ Угорщинѣ, Спишѣ, земляхъ Краковской и Судомірской. Что касается сѣвернаго Забужья, то оно, какъ сказано, тянуло первоначально къ Кіеву, затѣмъ до окончательнаго включенія его въ составъ земель волынскихъ, по видимому къ Турово-Пинскому княжеству (*Андріяшевъ*, Очеркъ, 46 слл.). Со времени Романа Галицко-Волынскіе князья обращали въ эту сторону особенное вниманіе. О Дрогичинскомъ округѣ знаемъ, что въ тридцатыхъ годахъ XIII вѣка онъ былъ захваченъ Мазовскимъ княземъ, благодаря, надо думать, смутамъ въ Галичѣ. Въ 1237 году Конрадъ Мазовскій поселилъ здѣсь Добринскихъ рыцарей (*Watterich*, Gründung d. deutschen Ordensstaates, 119, пр. 239). При Даніилѣ Дрогичинъ былъ возвращенъ: здѣсь совершилась его коронація.

родности, какъ и въ другихъ мѣстахъ расчлененной на княжескія волости Руси; слагались и крѣпли земщина и ея ядро—община-міръ, подъ охраной княжеской власти, устроительницы земскаго порядка, подъ духовнымъ руководствомъ народной церкви“ [1]).

О времени послѣднихъ Даниловичей мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній знаемъ только, что они оставались князьями Галицко-Владимірской земли, которая, по прекращеніи Даніилова потомства, переходитъ къ Юрію-Болеславу почти въ полномъ объемѣ [2]). По всему можно судить, что связь частей Галицко-Волынской земли укрѣпилась. Даніилъ выдвинулъ Холмъ, Левъ—Львовъ, подъ конецъ главнымъ городомъ является старый Владиміръ; Галицко-Волынская земля составляетъ уже цѣльный организмъ, крѣпость котораго особенно обнаружилась въ разсмотрѣнной нами борьбѣ. Въ первый моментъ ея мы видимъ, что отражаютъ Казиміра Димитрій Дѣтко и Даніилъ Острожскій, представители галицкаго и волынскаго боярства, нашедшіе, однако, въ отраженіи польскаго набѣга общій интересъ.

Подъ 1351 г. встрѣчаемъ у Длугоша любопытный разказъ о двухъ польскихъ измѣнникахъ, старавшихся облегчить литовцамъ переправу черезъ Вислу [3]). Разказъ заслуживаетъ вниманія, и съ полною основательностью, хотя не безъ наивности, отмѣчаетъ его Зубрицкій: „Иначе“, говоритъ онъ,—„нельзя отстоять славы польскаго народа, какъ допустивъ, что оба измѣнника были русскіе“ [4]). И заключительный моментъ борьбы не лишенъ характерныхъ фактовъ. Мы не рѣшаемся указывать на какую-то невѣрность Олехны Дмитровича, за котораго двукратно ручаются князья и бояре русскіе [5]), потому что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о личности и винѣ Олехны не имѣемъ [6]); но нельзя не указать на дѣйствія владѣльца Крупы (около Красностава), не желавшаго подчиниться польскому господству, вводимому Ягайломъ. Въ отдаленномъ по времени отголоскѣ

---

[1]) *Н. П. Барсовъ*, Замѣтка, 14.

[2]) Не принимаемъ въ разчетъ литовскихъ пріобрѣтеній, ибо, въ виду извѣстнаго намъ договора 1331 года, они, собственно, лишь временно нарушали установленный порядокъ. Если потомъ Берестье отошло къ Кейстуту, то это было слѣдствіемъ распредѣленія силъ Гедиминовичей, для болѣе успѣшной борьбы съ Польшей.

[3]) Длугошъ, IX, 241.

[4]) Повѣсть, 138.

[5]) Въ 1387 году, при чемъ неустойка 1000 гривенъ, Cod. epist. med. aevi; II, № 11, и въ 1388 г. съ болѣе легкими условіями, Арх. Санг., I, № 11.

[6]) Нѣтъ ихъ и у *Голембіовскаго*, Panowanie Wład. Jag. 1, 77.

объ этомъ событіи, оно получаетъ совершенно польскій характеръ шляхетскаго самовольства [1]). Такъ ли? Слишкомъ безумнымъ было бы сопротивленіе отдѣльнаго лица, безъ всякихъ болѣе уважительныхъ и глубокихъ причинъ. И пана Крупу мы причисляемъ къ разряду лицъ, въ сознаніи которыхъ крѣпко утвердилась идея Романа и Даніила. Она была до такой степени живуча, что воскресала при удобномъ случаѣ даже значительно позже. Подъ 1431 годомъ находимъ у Длугоша разказъ о сожженіи русскими города Буска и переходѣ на сторону Свидригайла державцы Олеска, Богдана Рогатынскаго: „Упомянутый Богданъ", говоритъ Длугошъ,—„получилъ отъ короля значительныя имѣнія, тѣмъ не менѣе безъ всякой нужды перешелъ къ Свидригайлу" [2]). Конечно, нужда была тою необходимостью, которой не могъ постигнуть Длугошъ. Всѣ эти факты, согласные съ общимъ ходомъ событій, получаютъ особенно важное значеніе, полны глубокаго смысла, который совершенно пропадаетъ при всякомъ другомъ объясненіи ихъ. Въ этомъ случаѣ исторія земли, объединенной Даніиломъ, представляетъ явленіе въ высшей степени достойное вниманія. До недавняго времени даже такіе факты ея исторіи, какъ личность ея послѣдняго правителя, оставались загадкой. Загадка наконецъ, разрѣшилась, но то, что̀ составляло самую сущность внутренней жизни страны, что̀ поддерживало и удержало въ ней жизнь,—крѣпость ея состава, выработанная вѣками исторической жизни, осмысленная дѣятельностью такихъ лицъ, какъ Романъ и Даніилъ, и столь блистательно выразившаяся въ продолжительномъ и упорномъ противодѣйствіи польскому господству, все это пока еще не стало достояніемъ науки и совершенно чуждо нашей общественной мысли. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ мало знакомы съ исторіей нашей окраины, а гордый взоръ иноплеменный не хочетъ, да и не въ состояніи замѣтить красоту въ ея „смиренной наготѣ". Представить полную картину внутренней жизни страны со времени утвержденія въ ней польскаго господства—дѣло чрезвычайно трудное: приходится прокладывать дорогу по цѣлинѣ. Наша попытка является первою, и это, надѣемся, послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ ея недостатковъ.

---

1)
Krol Jagiełło bił Krzyżaki,
A pan Krupa chciał być taki;
Na coś porwał się nieboże,
Krupa jagłą być nie może.
Кохановскій.

2) Длугошъ, XI, 449.

Едва ли можно теперь вообразить себѣ даже приблизительно картину полувѣковой борьбы. Сообщенный нами фактическій ея очеркъ представляетъ лишь блѣдный перечень главнѣйшихъ ея моментовъ. Всего, что составляетъ ужасъ войны, что заставляетъ народы молиться о ея отвращеніи—кровопролитіе, пожары, опустошенія, нерѣдко полное уничтоженіе мирныхъ плодовъ вѣкового труда—всего этого мы не касались вовсе. А между тѣмъ слѣпая стремительность напора, не отступавшая ни передъ чѣмъ, всемѣрныя старанія отразить его, обусловившія такую необыкновенную продолжительность борьбы, даютъ полное основаніе считать ее жестокою и безпощадною, подобно всѣмъ другимъ войнамъ національно-религіознаго харатера. Польскіе анналисты сообщаютъ намъ много свѣдѣній о пожарахъ и жестокостяхъ „литовцевъ“ (то-есть, русскихъ), громы негодованія за это металъ на нихъ и Римъ; русскіе источники говорятъ, что поляки „много зло христіаномъ сотвориша“. Если при этомъ вспомнимъ свидѣтельство лѣтописи о татарскихъ набѣгахъ въ концѣ XIII вѣка („учиниша землю пусту всю“), вспомнимъ, что татарскій набѣгъ на Польшу въ 1340 г. наполнилъ ужасомъ Венгрію, то, безъ всякаго сомнѣнія, лишь съ большимъ трудомъ будемъ въ состояніи представить себѣ картину внутренняго состоянія края, и жалобы Владислава Опольскаго на малонаселенность страны [1]) не покажутся намъ удивительными. Гораздо болѣе удивительно, что и теперь, точно также, какъ потомъ, во время набѣговъ крымскихъ татаръ, на мѣсто обращенныхъ въ пепелъ селъ являлись новыя поселенія, на мѣсто истребленнаго или уведеннаго „добытка“ являлся откуда-то новый „добытокъ“. Шараневичъ сравниваетъ галичанъ съ муравьями, по тщательности и быстротѣ возстановленія обычнаго теченія жизни [2]); Кулишъ видитъ въ нихъ особенную „бытовую энергію“, развитую затрудненіями [3]). И дѣйствительно, нельзя не удивляться обилію жизненныхъ силъ страны, которая, по польскимъ извѣстіямъ, оказывала чарующее дѣйствіе даже на Людовика, знакомаго съ берегами Неаполитанскаго залива. Не странно ли, замѣчаетъ Зубрицкій,—вездѣ въ документахъ, рядомъ съ селами, встрѣчаемъ упоминаніе о мельницахъ? Правители подтверждаютъ запро-

---

[1]) Consideratis defectibus gentis, qua in dicta terra Russie caremus. А. Гр. З., II, № 5; in qua defectus gentis non modicos patimur, ib., № 4.

[2]) *Шараневичъ*, Rys, 45.

[3]) Исторія возсоединенія, III, гл. 27.

дажу селъ и мельницъ, они же владѣютъ мельницами во Львовѣ, отдаютъ въ аренду треть мельничныхъ доходовъ. Мельницы жалуются церкви и духовенству, какъ вѣрный доходъ. То же съ банями, а гдѣ мельницы и бани составляютъ такую важную и вѣрную статью, надо думать, населеніе и его благосостояніе были не малы [1]). Благословенная страна („kraj błogosławieństwa, kraj niedoli"—такъ навываетъ ее Шайноха) могла выдержать матеріальныя бѣдствія, по видимому, даже не пострадавъ отъ нихъ; „недоля" ея сказалась иначе. Какъ именно—увидимъ сейчасъ. Остановимся прежде всего на фактѣ, который невольно обращаетъ на себя вниманіе и въ то же время рисуетъ общія отношенія обѣихъ сторонъ — польской и русской. Можно думать, не боясь ошибиться, что за время польскаго владычества въ странѣ число документовъ, имѣющихъ къ ней отношеніе до 1433 г., то-есть, до времени окончательнаго ея соединенія съ Польшей, превышаетъ 1000 [2]). Изъ этого числа за время до 1506 г. Лисевичъ насчитываетъ всего 47 русскихъ [3]). Если изъ этого числа исключить документы Өеодора Любартовича и Свидригайла, которые не могутъ считаться представителями польской власти, затѣмъ, изъ общаго числа откинуть документы молдавскіе, какъ равно даваемые православной церкви или выданные духовными лицами, которые, понятно, не приходилось писать иначе, какъ по русски, то число русскихъ документовъ за полтора вѣка сократится почти на половину. Вотъ какой запасъ памятниковъ русской жизни въ русской области сохранился до настоящаго времени отъ польскаго господства! Въ

---

[1]) Kronika miasta Lwowa, 51, пр. 16. О мельницахъ дѣйствительно встрѣчаются упоминанія даже за время Казиміра: 1359 г. львовскіе райцы отдаютъ въ аренду плотнику Ульриху мельницу въ Збоискахъ, пожалованную раньше княгиней Анной Львовской богородичной церкви, А. Гр. и З., III, № 7; 1360 г. Казиміръ позволилъ Гинку Солтысу изъ Любуша, „considerata probitate" основать мельницу, ib., № 11; 1365 г. отдаетъ треть мельницы (то-есть, доходовъ) Конраду изъ Пруссіи, consideratis et inspectis magnis et utilibus servicys seu laboribus ib., № 14 и т. д. Позднѣе различались: 1) molendinae hereditariae civitatum et oppidorum, 2) molendinae hereditariae villarum; 3) molendinae manueles; 4) molendinae ventiles, и соотвѣтственно этому взимались разныя подати, *Шараневичъ*, Rys, 41, пр. 44.

[2]) За время съ 1340 (?) до 1506 г. *Лисевичъ*, Język urzędowy na Rusi Czerwonej 1340—1506, Przew. nauk. i lit. 1886 г., насчитываетъ 2000, при чемъ въ однихъ А. Гр. и З.—1200.

[3]) Изъ нихъ даны: Казиміромъ—2; Владиславомъ Опольскимъ—2; Ягайломъ—9; Өедоромъ Любартовичемъ—9; Свидригайломъ—3.

виду такого факта Я. Ѳ. Головацкій [1]) утверждаетъ, что русскіе памятники были истребляемы. Лисевичъ считаетъ такое мнѣніе не заслуживающимъ вниманія, и хотя ничѣмъ фактически его не опровергаетъ,—ибо, если Головацкому и не были извѣстны нѣкоторые изданные позже акты, то число послѣднихъ такъ ничтожно, что врядъ ли измѣнило бы его мнѣніе,—то все-таки нельзя не признать, что дѣйствительно нѣтъ никакихъ основаній считать мнѣніе Головацкаго справедливымъ [2]). Позднѣйшимъ польскимъ административнымъ и судебнымъ властямъ не зачѣмъ было уничтожать старые документы: это могло вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ; проще было требовать ихъ перевода съ русскаго языка и новаго засвидѣтельствованія, что̀, какъ видно изъ Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, и дѣлалось. Слѣдовательно, причину ничтожнаго количества извѣстныхъ намъ русскихъ документовъ, касающихся Галичины, должно усматривать въ другомъ. Она сама откроется намъ, если мы внимательно къ нимъ отнесемся, а такого отношенія безспорно заслуживаютъ немногія архивныя свидѣтельства, напоминающія о существованіи русскаго элемента въ исконно-русской землѣ. Мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя относятся къ переходному времени до Ягайла, какъ наиболѣе характерныхъ. Два изъ нихъ даны Казиміромъ.

1) Въ первомъ (безъ даты) онъ жалуетъ слугѣ своему Ивану три дворища въ Перемышльскомъ округѣ съ землей, лугомъ, ѣзами и ловищами въ полную собственность, безъ всякой службы. Документъ данъ въ Казимірѣ, но въ числѣ присутствующихъ былъ русскій бояринъ Глѣбъ Дворыковичъ (Дворсковичъ) [3]).

2) Другой документъ 1361 г. (въ день св. Іакова въ Сандомірѣ) [4]), представляетъ подтвержденіе Ходку Быбельскому [5]) грамотъ на вла-

---

[1]) Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ со второй половины XIV вѣка, Наук. Сборн. 1865 г.

[2]) Надо, впрочемъ, сказать, что Головацкій предполагаетъ истребленіе русскихъ памятниковъ не столько въ отдаленное, сколько именно въ недавнее время. „Г. Люд. Зеленьскій“, говоритъ онъ,—„работавшій много въ архивѣ древнихъ гродскихъ и земскихъ книгъ, . . . говорилъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ одну книгу (старинную), которая содержала самыи грамоты и акты, по русски писаны. Куда тая книга подѣлась изъ архива, неизвѣстно“. Ib. III, стр. 182, пр.

[3]) А. Ю-З. Р., II, № 62.

[4]) А. Гр. и З., I, № 5.

[5]) Въ Перемышльской землѣ это былъ бояринъ самый знатный.

дѣніе землями, данными еще княземъ Львомъ „и иными старыми князьями“. Изъ неофиціальныхъ лицъ въ качествѣ присутствующихъ упоминаются панъ Вербота Ставишинъ, панъ Глѣбъ Дворсковичъ, панъ Васько Кузьмичъ [1]). Другихъ русскихъ памятниковъ личнаго участія Казиміра въ имущественныхъ дѣлахъ его русскихъ подданныхъ нѣтъ.

3) Въ 1359 г. Петрашъ Радцѣовскій покупаетъ у Анны Радивонковой (то-есть, жены Родіона) „дѣднину и вотнину“ (полъстава, мельница, корчма, дворища „и со всѣмъ што коли отца еѣ прислушало“) за 40 гривенъ [2]). Внуки и родственники Анны не должны вступаться во владѣніе [3]). Свидѣтели: панъ староста Русской земли Ота Пилецкій, воевода Цтиборъ, писарь Яшко, затѣмъ слѣдуютъ земляне съ Ходкомъ Быбельскимъ во главѣ [4]), затѣмъ упоминается Олефѣрко судья, панъ войтъ перемышльскій, гость изъ Угоръ; назначается, гдѣ пить могорычъ (за копу грошей). Писалъ грамоту старостинъ писарь „дьякъ изъ Болестрашичъ именемъ Дьячковичъ“. Въ заключеніе упоминаются, какъ присутствующіе: попъ Петръ и „корчмитъ“ Олехновичъ Семенъ „[5]).

4) Въ 1366 году въ Перемышлѣ [6]) тотъ же Петръ Радцѣовскій покупаетъ у братьевъ Шюльжичей „дѣдицто Пнеколътъ (Пникутъ) [7]) съ разными угодьями [8]) за 100 гривенъ. Продажа совершалась передъ паномъ Пилецкимъ, старостою Русской земли; свидѣтели: владыка Ларіонъ, крылошане, панъ Петръ Ивановичъ, панъ Ходко Быбельскій, Стецко и Ходко Лоевичи [9]), затѣмъ восемь другихъ, они то титулуются словомъ панъ, то нѣтъ; панъ Яшко писарь Круиницкій... Богданъ Тивунъ, войтъ Перемышльскій „ис мѣстичи“ [10]), судья Орефѣрко, владычинъ тивунъ Иванко Губка. Опредѣляется мо-

---

[1]) Оба послѣдніе—несомнѣнно русскіе.

[2]) А. Гр. и З., VIII, № 3.

[3]) Это даетъ основаніе полагать, что имѣніе составляло ея личную собственность, вѣроятно, приданое.

[4]) Только при немъ—панъ, при другихъ, исключая иноземца Гугарта, нѣтъ

[5]) Могарычъ, однако, пьютъ не у корчмита, а на дому у Быбицкаго.

[6]) А. Гр. и З., VIII, № 5.

[7]) Въ 1385 г. владѣтелемъ его является уже нѣкто Петръ Стрыйскій, пожаловавшій его латинской перемышльской каѳедрѣ. Ib., VII, № 16.

[8]) Со всемъ уездомъ того села и сычемь и с колодяземь и сь лѣсомь и з боргьми и свепеты за рѣкою и сь сѣножатьми и землею того села.

[9]) Всѣ они прикладываютъ свои печати.

[10]) Панъ Ожегъ Солнячковичъ, Глѣбко и братъ его Костько Бѣзна.

горычъ [1]). Писалъ „поповичъ Болестрашицкій именемъ Дьячковичъ Василювъ сынъ поповъ Кость прузвищемъ Сорочичь".

5) Въ 1371 г. (?) во Львовѣ [2]) Вятславъ Дмитровскій покупаетъ дворище съ землей у Скибичей [3]) за 6 копъ грошей вѣсного серебра. Получивъ деньги, они сдали имѣніе „при пану Блотишевскомъ воеводѣ Львовскомъ". Свидѣтели: мѣстичи: панъ Кнефль и Михно войтъ Ярославскій; бояре: Петръ Мошенка, Ходко Лоевичъ; попы: Діонисій, попъ Юрко Кропышевичъ, и попъ Лой; сосѣди окольные: Онисимъ; дьяки: Степанъ Мелеховичъ, Мелентій Купевичъ, Семенъ Понахидичъ, Иванъ Кузьмичъ; бортники: Пашко, бортникъ изъ Емелина, Юрко Мошничъ, Михно Великопольскій, Голко Залѣскій. — „А выѣздилъ ту землю Ходоръ Чюлчичь, тожъ объѣздилъ отъ пана Оты старосты". Писалъ Грюдковичъ Иванъ въ домѣ Кнефля.

6) Въ 1377 году 26-го или 31-го декабря въ Бахорѣ [4]) Владиславъ Опольскій [5]) жалуетъ пустошь Владиміру Волошину въ полную собственность на волошскомъ правѣ, съ обязанностью, по заселеніи, платить съ крестьянина князю два широкихъ гроша. Присутствовали все, по видимому, поляки. Писалъ княжій писарь Костко Болестрашицкій.

7) Въ 1378 г. [6]) Хонка, жена Васьки Дьядковича съ дѣтьми, внучатами и „со всѣмъ племененъ" продаетъ монастырь Калениковъ съ церковью Успенія Перемышльскому протодіакону Ивану Губкѣ [7]), брату его Федору и ихъ дѣтямъ за 20 гривенъ вѣснаго серебра. Покупаютъ его Иванъ Губка и Федоръ, по благословенію епископа Ларіона, но „тому монастыреви не отлучаться отъ святого Ивана у вѣки; хто коли его купилъ, тому слушати къ святому Ивану" (тоесть, Перемышльской каѳедральной церкви). При этомъ были бояре-земляне: панъ Ходко Быбельскій съ двумя сыновьями — Андреемъ и

---

[1]) „За двѣ гривны вѣсны, и меду за гривну, а пива за гривну", питъ у Андрея Лысаго.

[2]) А. Гр. и З., VII, № 8.

[3]) Василя... Гѣнка и въ ихъ сыновця у Оленка... у всихъ трии.

[4]) А. Гр. и З., VII, № 13.

[5]) Называетъ онъ себя здѣсь: Bożeju Miłostiju My kniaź Wołodysław Opolskoy ziemli y Wielunskoy z. y Ruskoy z. Hospodar y diedicz wieczny ziemlam tiem Samoderzec Kniaz... Документъ изъ бумагъ Нарушевича, латинскими буквами переписанъ, надо думать, для него.

[6]) А. Гр. и З., II, № 9.

[7]) См. выше документъ 4-й.

Васильемъ; панъ Глѣбъ Дворсковичъ съ двумя сыновьями Ванькой и Пехномъ; панъ Ивашко Дроздъ, Васко Кузьмичъ, панъ Михаилъ Потрутовичъ, панъ Гавріилъ Кодробышевичъ, съ двумя сыновьями, Сеньковича два: Михайло и Ивашко, Стецко Кдешицкій, Игнатко Черневичъ, затѣмъ упоминаются три попа, а въ заключеніи Несторъ Ценаревичъ [1]). Могарычъ за полгривны въ домѣ Олеша, „а писалъ грамоту Костко дьякъ Болестрашицкій".

8) Въ 1381 г. во Львовѣ [2]). Дѣтко изъ Зубри вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Альбертомъ, по совѣту „брата своего пана Бруна", продаетъ лугъ Григорію Давидовскому „za sisnaycith seth hrossy". Присутствовали панъ Михайло Ивановичъ, панъ Яско Мазовшанинъ, панъ Хонко (Ходко) Лоевичъ, панъ Мичко Бруніо „czny pan Gorgy Mossonczicz". Хотко Грутковичъ и другіе. Продажа совершалась во Львовѣ „v korotkoho Lenola w domu. A pisał Bahran pisar Lwowski". Подтверждаетъ продажу Андрей староста Русской земли.

9) Въ 1386 г. іюня 27-го [3]) панъ Михаилъ Ивановичъ закладываетъ на годъ имѣніе Осташку Давидовскому, сыну Григорія, за девятнадцать гривенъ съ порукою Ходка Лоевича. Свидѣтели – чиновники [4]).

Наиболѣе интересный изъ перечисленныхъ документовъ—седьмой. Сдѣлка, которой онъ касается, довольно важная. Цѣнность имущества — 20 гривенъ вѣснаго серебра. Изъ этой суммы 15 гривенъ дается чистыми деньгами, въ уплату остальныхъ 5 гривенъ Губка даетъ шубу, крытую дорогимъ сукномъ, и какъ бы въ придачу еще 12 лисицъ, и не смотря на важность сдѣлки, она не носитъ рѣшительно никакого офиціальнаго характера, заключается сторонами въ присутствіи „добрыхъ людей", и даже тотъ самый Костко Болестрашицкій, котораго въ другихъ документахъ мы встрѣчали какъ писаря „старостинаго" или „княжаго", не рѣшается употребить этотъ офиціаль-

---

[1]) Мы выписали всѣхъ присутствующихъ ибо нѣтъ сомнѣнія, что все это русскіе люди: „и сталася торгувля межи добрыми людьми, межи бояры и межи крылошаны св. Ивана".

[2]) *Przegl. Archeol.* 1882, стр. 72, № 1. Bozéiu Miłostiu, Wielebnoho kniazia Ruskoho Władisława se ja pan Andrias starosta ruskojej ziemli... все это при сопоставленіи съ датой возбуждаетъ сомнѣнія.

[3]) А. Ю.-З. Р., II, № 61.

[4]) Указаннымъ у Лисевича документомъ 1378 г., гдѣ Владиславъ Опольскій жалуетъ Драгоміру и Негрѣ села въ Галицкомъ округѣ, я не имѣлъ возможности пользоваться.

ный титулъ, а называетъ себя лишь „дьякомъ“. Присутствіе „добрыхъ людей“, благословеніе владыки, какъ въ данномъ случаѣ, считались совершенно достаточною гарантіей. Если обратить вниманіе, что вообще во всѣхъ документахъ офиціальная сторона какъ бы отодвигается на второй планъ [1]), что даже офиціальныя обязанности—объѣздъ границъ продаваемой земли-производился предварительно своими, русскими людьми, и потомъ уже какъ бы провѣрялся лицомъ офиціальнымъ [2]), что—надо думать—требовалось покупателемъ полякомъ [3]), далѣе, что за офиціальными засвидѣтельствованіями и подтвержденіями русскіе, даже значительно позже, вовсе не гонялись[4]),—придемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что они по возможности уклонялись отъ какихъ бы то ни было столкновеній съ офиціальнымъ, то-есть, польскимъ міромъ, стараясь рѣшать дѣла между собою, такъ сказать, семейно, примѣръ чего и представляетъ намъ документъ седьмой. „Слишкомъ велика была разница между учрежденіями, которымъ подчинялось галицко-русское племя, и общимъ складомъ понятій, выработанныхъ въ немъ его собственною жизнью“ [5]). Съ другой стороны, мы видѣли, какъ утверждалось въ странѣ польское господство: отъ главы католическаго міра поляки постоянно слышали о „схизматикахъ, коварныхъ невѣрныхъ“; временная пріостановка

---

[1]) Явственно она выступаетъ лишь въ двухъ: „а продали и уздали ему добровольно и у вѣки дѣтемъ его *передъ* паномъ Пилецкимъ, старостою рускоѣ земли“ (4); „яко въздали *при* пану Блотишевскомъ, воеводѣ Ильвовъскомъ“ (5); въ третьемъ нашемъ документѣ офиціальныя лица—староста, воевода и писарь, помѣщены на первомъ мѣстѣ и подъ рядъ, но въ качествѣ лишь свидѣтелей: „а на то послуси“, а не лицъ санкціонирующихъ; въ четвертомъ писарь Яшко помѣщенъ заурядъ съ другими, въ числѣ которыхъ, очевидно, по необходимости (такъ какъ сдѣлки заключались между русскими и поляками), видимъ и инородцевъ.

[2]) Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать: „а выѣздилъ ту землю Ходоръ Чюлчичъ, тожъ объѣздилъ отъ пана Оты старосты“ (5).

[3]) Вацлавъ Дмитровскій, очевидно тотъ же сынъ Жеготы Голуховскаго, который въ 1364 году, по просьбѣ старосты Оты, получилъ отъ Казиміра с. Дмитровичи (Львовск. окр.) А. Гр. и З., II, № 2.

[4]) 1455 г. Петръ Свистельницкій въ спорѣ съ Григоріемъ, архіепископомъ Львовскимъ, „obtulit literam quendum ruthenicalem, que continebat, quod dominus Kmyta capitaneus Russie fecisset granicies, sed non nominat villas.... et dominus archiepiscopus dixit: adhuc non detrahendo tue litere, quero a te domine Petre, quare *ita diu* cum ista litera *siluisti* et tui antecessores siluerunt per 30 aut 40 et plus annos“. А. Гр. и З., IV, 163.

[5]) *Кулишъ*, Исторія возсоединенія, III, 258.

войны вызывала его негодованіе и давала поводъ къ напоминаніямъ, а постоянныя тревоги и волненія, испытываемыя поляками отъ русскихъ,—какія все это плохія условія для совмѣстной жизни и добрыхъ мирныхъ отношеній! Польскимъ воинамъ и чиновникамъ не было, конечно, дѣла до тѣхъ взглядовъ, которые проповѣдывалъ Римъ, но, съ одной стороны, его представители могли находить удобную почву для распространенія этихъ взглядовъ даже въ массѣ бывшихъ на Руси поляковъ, а съ другой—естественно сложившійся характеръ отношеній польскаго и русскаго элементовъ, даже безъ посторонних подстрекательствъ, совершенно не располагалъ къ миру и согласію. Поляки и русскіе должны были смотрѣть другъ на друга какъ на враговъ, и таковы были условія, что ничто не смягчало этихъ отношеній. Вотъ почему Галицкая Русь со времени польскаго завоеванія какъ будто не обнаруживала официально никакихъ признаковъ русской жизни. Рѣдко-рѣдко въ актахъ встрѣчается упоминаніе о русскихъ людяхъ, которые въ виду крѣпкихъ городовъ съ сильными гарнизонами должны были замкнуться въ своемъ тѣсномъ кругѣ, о жизни коего молчатъ польскіе памятники. Это умолчаніе тѣмъ болѣе характерно, что рядомъ идетъ дѣятельность, поражающая своею напряженностью: разныя доходныя статьи, обширныя пространства земли, то съ угодьями, то для заселенія раздаются въ полное наслѣдственное владѣніе, большею частью на нѣмецкомъ правѣ, де-Скорничамъ, Лимбирдамъ, Сланчамъ [1]), Конрадамъ изъ Пруссіи, Владиславамъ изъ Ленчицкой земли, Фалькамъ, Рейнгольдамъ, Ниноткамъ, Стехерамъ, Дитмарамъ; съ ихъ именами мы встрѣчаемся чуть ли не на каждой страницѣ Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, за время до Ягайла. Только чужеродцы и были надежною опорой польской власти; къ нимъ она и обратилась, на нихъ излила всѣ свои милости. Еще на первыхъ порахъ опредѣлилась невозможность мирной совмѣстной жизни поляковъ съ русскими. Программа уничтоженія Руси была формулирована еще Спыткомъ Мельштынскимъ: „Больше всего“, говорилъ онъ, — „возвысило Римъ паденіе враждебнаго Кареагена: такъ и мы не будемъ безопасны, пока существуютъ

---

[1]) Очень сомнительно, чтобы Ничко Сланчъ (А. Гр. и З., II, № 6) былъ полякъ—Слонка, какъ думаютъ издатели актовъ и *А. Стадницкій*, Ziemia lwowska.—У Тейнера, M. P. I, № 820 встрѣчается въ 1363 г. Henricus et Nicolaus fratres dicti Slancz вмѣстѣ съ пятью другими—все нѣмцы, какъ cives Vratislavienses; въ 70-хъ годахъ тотъ же Николай Сланчъ является уже землевладѣльцемъ на Руси.

русскіе; если ихъ не уничтожимъ, сами пропадемъ“ [1]). Вотъ естественное объясненіе характера взаимныхъ отношеній поляковъ и русскихъ. Съ утвержденіемъ въ странѣ польскаго господства, русская жизнь должна была поникнуть, — нечего, слѣдовательно, и ожидать значительнаго числа русскихъ памятниковъ. Если они и были, то хранились, конечно, не въ государственномъ архивѣ. Вотъ почему, судя по массѣ оставшихся отъ того времени документовъ, можно утверждать, соблюдая, по видимому, самую строгую научность вывода, что, просматривая ихъ, кажется, перелистываешь документы малопольскіе, а если прибавить къ этому естественно искаженныя въ устахъ переселенцевъ названія мѣстностей, то выводъ, къ которому пришелъ А. Стадницкій [2]), явится совершенно логическимъ. Кажется, однако, для категорическаго заявленія подобныхъ мнѣній требуется нѣчто большее, чѣмъ наивность или близорукость [3]). Господство поляковъ въ странѣ было желѣзнымъ, и даже Владиславъ Опольскій, „pacis sectator, indefessus ejus prosecutor“, былъ, по польскому воззрѣнію, не подходящимъ. Привлечь какъ можно больше поселенцевъ, а такими по преимуществу являлись нѣмцы, затѣмъ уже поляки (по крайней мѣрѣ, такъ было въ первое время), сосредоточить матеріальную силу въ ихъ рукахъ—вотъ задача правителей, для которыхъ русскій элементъ былъ все время элементомъ не надежнымъ; потому ко всѣмъ рѣшительно, кромѣ русскихъ, были щедры и милостивы польскіе правители. Пришельцы отлично понимали свое положеніе, и мы видѣли, какъ въ соприкосновеніи съ русскими они выступаютъ на первое мѣсто: мѣстичи Кнефль и Михно являются на первомъ планѣ даже передъ такими русскими боярами, какъ Ходко Лоевичъ [4]).

Такова общая картина положенія русскихъ галичанъ и внутрен-

[1]) *Заморовичъ*, Hist. m. Lwowa, 50, цитуемъ по статьѣ *Ант. Добрянскаго* въ *Перемышлянинѣ* 1853 г.

[2]) См. выше, стр. 172, пр. 3.

[3]) Это можно утверждать рѣшительно о его выводѣ: „że nowi osadnicy z sąsiednich ziem polskich w wielkiej liczbie sprawadzani bywali i ziemia lwowska *już na początku XIV w, jeżeli nie pierwej* (?!) znaczną ludność polską i katolicką miała“, хотя не указано ни одного документа раньше 1350-хъ годовъ: за время Казиміра—двѣ грамоты изъ актовъ: 1355 и 1364 г. и одно пожалованіе 1352 г. Стехерамъ изъ Kroniki *Зубрицкаго*, врядъ ли точное; ср. А. Гр. и З., III, № 25, и II, № 1.

[4]) См. документъ 5-й. Конечно, эти „мѣстичи“—мѣщане, а не крупные помѣщики, какъ думаетъ *Зубрицкій*, Повѣсть, 136, пр.

нихъ отношеній въ странѣ, со времени утвержденія въ ней польскаго господства. Уничтожить Русь Польша оказалась не въ силахъ, но никогда это стремленіе не обнаруживалось такъ ярко, какъ именно въ первое время ея господства на Руси. Чрезвычайно ясно рисуютъ такое положеніе дѣлъ голые факты приведенныхъ нами документовъ. Намъ остается лишь дополнить общую картину разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ частностей внутренней жизни страны. Начнемъ съ отношеній административныхъ.

Описавъ первый побѣдоносный походъ Казиміра въ 1340 году, Длугошъ заставляетъ его поставить во главѣ страны и города начальника оставленнаго во Львовѣ польскаго гарнизона [1]). Результатомъ втораго, лѣтняго, похода въ томъ же 1340 году является у Длугоша, какъ извѣстно, голословное заявленіе объ обращеніи Руси въ польскую провинцію [2]). Никакихъ другихъ указаній на внутреннія распоряженія Казиміра въ якобы занятой имъ Галичинѣ у Длугоша не находимъ. Чрезъ сто лѣтъ послѣ Длугоша пробѣлъ этотъ восполнилъ Кромеръ. „Покоривъ Русь", говоритъ онъ, — „Казиміръ, въ собраніи русскихъ подданныхъ, обратилъ страну въ провинцію и учредилъ въ ней палатиновъ, кастеляновъ, префектовъ, судей и другихъ чиновниковъ, сообразно польскимъ порядкамъ и установилъ для русскихъ право одинаковое съ польскимъ" [3]). Нечего, кажется, пояснять, что показаніе Кромера представляетъ лишь логическое распространеніе краткаго сообщенія Длугоша объ обращеніи Руси въ польскую провинцію.

На самомъ дѣлѣ съ административнымъ представителемъ польской власти встрѣчаемся во Львовѣ не раньше 1352 года. Таковымъ является нѣкто Авраамъ, „capitaneus Russie" [4]). По всей вѣроятности, онъ оставался въ этой должности и въ 1358 году [5]); впрочемъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній о немъ не имѣемъ [6]). Въ 1359 году „старостою русскоѣ землѣ" является уже панъ Ота Пилецкій [7]), называемый въ другихъ извѣстныхъ намъ русскихъ грамотахъ „паномъ Пилецкимъ" [8]),

---

[1]) Длугошъ, IX, 197.
[2]) Ibid., 198.
[3]) Кромеръ, XII, 208.
[4]) А. Гр. и З., II, 2.
[5]) Ibid., пр. 1; но титуловался: capitaneus Lamburgensis.
[6] Можетъ быть, даже армянинъ, какъ думаетъ Петрушевичъ.
[7]) А. Гр. и З., VIII, № 3.
[8]) Ibid., № 5.

а то и просто „паномъ Отою“[1]). Это—Оттонъ изъ Пильчи, по гербу Топорчикъ [2]). Въ 1366 году онъ былъ назначенъ воеводой Сандомірскимъ, и въ послѣдній разъ встрѣчаемъ его въ этомъ году при совершеніи извѣстной намъ запродажи имѣнія Пникутъ [3]). Преемникомъ его былъ Янъ Кмита [4]), остававшійся старостою, по всей вѣроятности, до передачи Людовикомъ Руси Владиславу Опольскому [5]). Въ теченіе семи лѣтъ оставался Владиславъ правителемъ Руси, а потому личность его не можетъ быть для насъ безразличною. Краткая характеристика ея покажетъ намъ, чего могла ожидать Русь отъ Владислава. Подобно своему отцу, Владиславъ, какъ и всѣ тогдашніе силезскіе Пясты, не усматривалъ на родинѣ достаточнаго для себя поприща. Съ Польшей связывала его лишь пястовская кровь, но и та давно вслѣдствіе браковъ была разбавлена кровью иноплеменною. Близкое родство съ мадьярскими Анжуйцами указало Владиславу на ихъ дворъ, какъ самый удобный для исканія счастья, и онъ отправился туда, а благодаря своей оборотливости, скоро добился близости къ Людовику. Если посредничество Владислава въ переговорахъ касательно свадьбы сына императора съ одною изъ дочерей Людовика можетъ быть объясняемо родствомъ посредника, то приказъ, данный Владиславу Людовикомъ—спѣшить въ Краковъ „ad campatiendum infirmitati regiae“, какъ выражается Янъ [6]), доказываетъ, что Владиславъ къ этому времени пользовался уже полнымъ довѣріемъ своего патрона. Онъ оправдалъ это довѣріе: главнымъ образомъ, благодаря ему было уничтожено завѣщаніе послѣдняго Пяста. Назначая Владислава правителемъ Руси, Людовикъ тѣмъ охотнѣе платилъ за оказанную услугу, что такимъ образомъ

[1]) Ibid., VII, № 8, подобно тому, какъ въ латинскихъ: Othoneque capitaneo Rusie, ib., III, 34.

[2]) Ib., III. 34, пр. 2. См. также *М. Дзѣдушицкій*, Starostowie ruscy i lwowscy, Przew. lit. i nauk. 1875 г. Впрочемъ здѣсь перечень первыхъ старостъ небрежный.

[3]) А. Гр. и З., VIII, № 5. Собственно въ актахъ онъ упоминается подъ 1359, 1364, 1365 и 1366 гг. Въ виду указаннаго выше перемѣщенія его въ Сандоміръ онъ не могъ имѣть никакого отношенія къ Руси въ 1370 году, а потому дата Калужняцкаго въ документѣ, ib., VII, № 8, очевидно, не вѣрна, но не можетъ быть вѣрною и дата Зубрицкаго: 1351 годъ.

[4]) Ibid., VII, № 7; упоминается также, ib., IV, 163.

[5]) 10-го октября 1372 г.: А. Гр. и З., III, № 20; ср. *Э. Брейтеръ*, Владиславъ Опольскій. Львовъ. 1889, стр. 43, пр. 3.

[6]) М. Р. Н., II, 636.

удачно маскировалось включеніе Галичины въ составъ угорскихъ земель. Въ дѣятельности Владислава на Руси польскіе историки отмѣчаютъ безъ колебанія однѣ лишь положительныя черты. За то все остальное въ его личности и дѣятельности представляется имъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ [1]). Дѣйствительно, Владиславъ былъ авторомъ перваго проекта о раздѣленіи Польши [2]). Вообще въ личности новаго правителя Руси было не мало энергіи и предпріимчивости, но обнаруживалось полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. Съ одной стороны силезское происхожденіе, съ другой анжуйская атмосфера, въ которой было такъ много простора для широкихъ плановъ, жажды власти и гдѣ не было мѣста ни для какихъ другихъ высшихъ принциповъ, кромѣ династическаго—не могли выработать ничего другаго.—Вотъ какого рода личность назначилъ Людовикъ правителемъ Руси [3]). Мы уже говорили, что другаго болѣе подходящаго для своихъ цѣлей человѣка Людовику нельзя было найдти, но уже одно то, что ни разу онъ не употреблялъ Владислава для дѣла чистаго и праваго, сообщаетъ этому назначенію особенный характеръ. Дѣйствительно, развѣ не странно, что человѣкъ чуждый всякой нравственности является орудіемъ высшихъ цѣлей—интересовъ религіи и культуры! Вѣдь именно съ этой точки зрѣнія правленіе Опольскаго на Руси вызываетъ общія похвалы польскихъ историковъ. Надо, впрочемъ, сказать, что въ этомъ случаѣ имъ плохо удается справиться даже съ

---

[1]) *Э. Брейтеръ*, Влад. Оп., 235.

[2]) *Каро*, III, 125.

[3]) Галицкіе историки: *Зубрицкій*, Повѣсть, 164; *Шараневичъ*, Исторія, 215 и Rządy Wład. Op. na Rusi, Bibl. Ossol., 1864, IV, 266, совершенно неосновательно утверждаютъ, что Галицкая Русь была дана Владиславу въ полную наслѣдственную собственность, какъ бы въ вознагражденіе старшей линіи Пястовъ за потерю польской короны. Правда, папа въ письмахъ къ Владиславу, называлъ Русь: tua terra, *Theiner*, M. P., 1, 712, а самъ Владиславъ титуловалъ себя, какъ мы видѣли, дѣдичемъ и самодержцемъ, но первое понятно, а противъ титула не зачѣмъ было возражать Людовику, хорошо знавшему сущность вещей, тѣмъ болѣе, что Владиславъ вполнѣ отъ него зависѣлъ. Документъ, представленный Владиславомъ Сигизмунду о замѣнѣ имѣнія Топольничанъ на Галицкую Русь доказываетъ только, что Сигизмундъ повѣрилъ поддѣлкѣ; *К. Стадницкій*, Synowie, II, 108. Во всѣхъ документахъ государемъ считается Людовикъ, а Владиславъ является лишь правителемъ. Характерно отношеніе поляковъ къ невинно-наивному проявленію патріотизма галицкихъ историковъ: Trudno czytać bez oburzenia, a przynajmniej bez smiechu w Zubrzyckim, jak usiłuje przedstawić Opolczyka samodzielnym władcą Rusi, który wreszcie „zniechęcił się do tej władzy“ *Дзѣдушицкій—Przewodn*, 1875 г., 432, пр. 10.

логическими противорѣчіями [1]). Общій характеръ правленія Опольскаго на Руси совершенно вѣрно опредѣлилъ Брейтеръ по тѣмъ задачамъ, какія преслѣдовалъ въ своей дѣятельности ея правитель: 1) уничтоженіе православія и введеніе католицизма, 2) учрежденіе администраціи, отдѣльной отъ польской, 3) привлеченіе на свою сторону—вѣрнѣе, на сторону Венгріи—населенія и подъемъ его благосостоянія покровительствомъ торговлѣ [2]) и 4) главнымъ образомъ, колонизація страны какими бы ни было элементами лишь бы не польскими, а слѣдовательно, по преимуществу нѣмецкими [3]). Считаемъ въ данномъ случаѣ лишнимъ приводить ссылки на документы; всѣ они—а ихъ въ актахъ множество—касаются главнѣйше пожалованія земель инородцамъ для основанія поселеній на нѣмецкомъ правѣ или жалуютъ нѣмецкое право городамъ и селамъ, или наконецъ, представляютъ пожалованія католическому духовенству. Какъ должны были отзываться всѣ эти мѣры на русской странѣ и на православномъ населеніи, нечего, кажется, пояснять... И при Владиславѣ встрѣчаемся съ „русскими старостами"—Викторомъ [4]), Яшкомъ Радломъ, [5]), Андреашкомъ [6]), но конечно, они не имѣли никакого значенія. По удаленіи Владислава [7]) правителемъ Руси являются венгерскіе намѣстники—Гумпрехтъ, затѣмъ Янушъ, наконецъ Эмерикъ Вебекъ, титулующій себя по смерти Людовика: „totius Regni Russie capitaneus". Такой же титулъ употреблялъ и преемникъ Эмерика Андрей.

Такимъ образомъ представителя польской власти въ Галичинѣ встрѣчаемъ не раньше 1352 г., то-есть, лишь съ того времени, когда она, по договору съ Литовскими князьями, была формально передана во временное владѣніе Казиміра; до этого времени польская администрація не могла въ ней имѣть мѣста. Что касается роли первыхъ польскихъ старостъ на Руси, то можно думать, что она заключалась въ подтвержденіи или совершеніи разнаго рода гражданскихъ актовъ

---

[1]) Въ отзывахъ польскихъ историковъ о личности Опольскаго эти противорѣчія очень не трудно замѣтить, ихъ избѣжалъ лишь *К. Стадницкій*, Synowie, II, но за то онъ выше мѣры идеализировалъ Людовика и Владислава.

[2]) Рѣчь, конечно, идетъ о городскомъ инородческомъ населеніи.

[3]) *Э. Брейтеръ*, Влад. Оп., 56—57.

[4]) А. Гр. и З., II, 6, 8.

[5]) Ibid., II, 11, 12.

[6]) Ibid., VII, 22; VIII, 19, 20

[7]) 13-е января 1379 г., ibid., III, № 27.

и судопроизводствѣ; но было бы совершенно напрасно требовать болѣе или менѣе точнаго опредѣленія круга и объема ихъ власти, какія пытается установить для нихъ Р. Губе, приравнивая власть русскихъ старостъ власти старостъ великопольскихъ [1]). Галицкая Русь до самаго 1387 г. составляла предметъ не порѣшеннаго спора и находилась на военномъ положеніи. Главнымъ распорядителемъ здѣсь былъ самъ король, устремившій на нее все свое вниманіе и силы. Она поэтому можетъ быть названа „королевщиной", какъ и называютъ ее нѣкоторые [2]), но лишь въ такой мѣрѣ, какъ и всякая другая область, занятая войсками и находящаяся все время ихъ пребыванія въ полномъ, по условіямъ военнаго времени, совершенно не ограниченномъ распоряженіи ихъ верховнаго начальника, то-есть, государя. Въ такомъ именно положеніи оставалась Галицкая Русь все время при Казимірѣ, потому что все время продолжалась борьба. Собственно говоря, положеніе не измѣнилось и при Людовикѣ, но стало какъ бы постояннымъ, обычнымъ для Галицкой Руси. Во всякомъ случаѣ съ 1372—1387 гг. она не имѣла никакого отношенія къ Польшѣ. Правленіе Владислава представляетъ замаскированное, а правленіе Маріи совершенно открытое господство угровъ. По окончательномъ присоединеніи Галицкой Руси къ Польшѣ, старостой русскимъ является Янъ Тарновскій, воевода Сандомірскій. „Можно бы отсюда заключать", говорятъ издатели Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, — „что при Ягайлѣ, по присоединеніи Руси Ядвигой, земля эта не составляла ни отдѣльнаго воеводства, ни отдѣльной провинціи, а была присоединена къ воеводству Сандомірскому" [3]). Но и это предположеніе врядъ ли основательно, хотя, по видимому,

---

[1]) *R. Hube*, Wyrok lwowski roku 1421, Варшава 1887 г., стр. 29: sąd zostający pod kierunkiem starosty, w rzeczywistości jest zupełnie co do składu swego takim samym sądem, na jaki w tyh czasach natrafiamy w Koronie, a zwłaszcza w Wielkopolsce.

[2]) *Ступницкій*, O moncтach halicko-ruskich, цитуемъ по Горжицкому, Połączenie, 102.

[3]) А. Гр. и З., II, 28, пр. 1. „Кажется", продолжаютъ издатели актовъ,—„это вытекаетъ и изъ документа 1388 г., ib., № 17, въ которомъ Русь называется districtus terra, nec non civitas Lamburgensis. Съ этимъ замѣчаніемъ не согласенъ *Дзѣдушицкій*, Starostowie; такъ какъ 1) нѣтъ на это прямого указанія; 2) присоединеніе большей части къ меньшей было бы явленіемъ „удивительнымъ и даже уродливымъ". Мы тоже не согласны съ издателями актовъ, но по другимъ соображеніямъ. Что касается „уродливости" явленія, то слѣдуетъ замѣтить, что таковую представляетъ не одна область, а вся Польша, по соединеніи ея съ Литвой-Русью.

оно можетъ находить подтвержденіе въ томъ, что послѣ короткаго промежутка времени, когда старостой русскимъ былъ Гнѣвошъ изъ Далевицъ (1393—1395 гг.) [1]), видимъ опять во главѣ страны того же воеводу Сандомірскаго Яна Тарновскаго (до 1401 г.) [2]). Но дѣло вотъ въ чемъ: если при Казимірѣ Галицкая Русь, по естественному складу вещей, зависѣла непосредственно отъ короля, то Ягайло никоимъ образомъ не могъ смотрѣть на нее иначе какъ на „королевщину". Мы видѣли, что дѣйствія малопольскихъ пановъ въ 1387 г. вызвали неудовольствіе Ягайла, который затѣмъ распоряжается галицко-владимірскимъ наслѣдіемъ вполнѣ произвольно, выдѣляя изъ него части то для князей Мазовскихъ, то для Свидригайла, то для Ѳедора Любартовича. Вотъ почему съ 1401—1407 гг. въ Галицкой Руси даже не встрѣчаемся со старостами, и затѣмъ съ 1407 до 1434 г., когда, по включеніи Руси въ составъ земель польскихъ, староста Янъ Менжикъ сталъ первымъ русскимъ воеводой, встрѣчаемъ шесть лицъ [3]), поочередно смѣняющихся на должности старосты русскаго, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ титулуются то capitaneus Russie generalis, то большею частью просто capitaneus Russie или terre Russie, то наконецъ только capitaneus Lamburgensis [4]).

Быстрая смѣна правителей Галицкой Руси, какъ равно и то, что даже титулъ ихъ не былъ офиціально установленъ, показываетъ, что они были лишь временными намѣстниками короля, смѣнялись по его усмотрѣнію, или иначе, что Галицкая Русь съ 1387 до 1434 г. составляла личное достояніе польскаго государя, „королевщину", которою онъ, какъ мы видѣли, и распоряжался совершенно произвольно. Такое отношеніе страны къ Польшѣ опредѣлялось, конечно, уже не военнымъ положеніемъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что государемъ Польши былъ великій князь Литовскій. Надо впрочемъ замѣтить, что поляки не имѣли никакихъ основаній быть недовольными такимъ положеніемъ вещей. Потому ли, что Ягайло былъ ре-

---

[1]) А. Гр. и З., III, 106.

[2]) Ibid, III, 111, 146, 147.

[3]) Флоріана изъ Корытницы, Ивана изъ Обихова, Петра Мельштынскаго, Спытка Тарновскаго, Петра Влодковича изъ Харбиновицъ и наконецъ Яна Менжика изъ Домбровы.

[4]) Такъ титулуется Иванъ изъ Обихова: А. Гр. и З., VII, 61, IV, 82, 92, 93; но 102: Jvone de Obichow Capitaneo Russie, и даже только capitaneus lamburgensis, ib, 80, 83. Тоже и Флоріанъ: IV, 60, 69, 71, называется capitaneus lamburgensis, a ib., 75—capitaneus terre Russie.

негатъ, или потому, что онъ былъ слабъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но несомнѣнно, никто больше его не сдѣлалъ зла русской народности въ Галичинѣ. Мы видѣли, какъ поступилъ онъ въ Перемышлѣ; онъ же, какъ сказано, дотировалъ Холмское епископство; ему же обязанъ львовскій капитулъ и учрежденіемъ, и богатымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, а въ 1430 г. онъ предоставилъ Львовскому архіепископству всѣ права и вольности, какими пользовалось архіепископство Гнѣзненское [1]). Въ Львовской епархіи имъ построено было 24 приходскихъ костела; въ Перемышльской больше 30 [2]). Благодаря его безумной щедрости, поляки получали обширныя земельныя пожалованія, такъ что Едлинское постановленіе относительно Галицкой Руси является, безъ всякаго сомнѣнія, результатомъ хозяйничанья Ягайла въ своей „королевщинѣ“.

Постараемся теперь опредѣлить хотя въ общихъ чертахъ положеніе и роль отдѣльныхъ классовъ русскаго общества въ Галичинѣ, по занятіи ея поляками. Начнемъ съ высшаго. Ярославская битва 1245 г. считается обыкновенно концомъ видной роли галицкаго боярства. Несомнѣнно однако, что высшій классъ русскаго общества былъ и послѣ, и долженъ былъ быть, въ большей или меньшей мѣрѣ, классомъ руководящимъ. Время по смерти Даніила слишкомъ темно, чтобы можно было сколько-нибудь опредѣленно судить о внутреннихъ отношеніяхъ страны. Съ значительною вѣроятностью можно однако полагать, что сломленное боярство не могло скоро оправиться. Извѣстная намъ грамота Андрея и Льва 1316 г. и первыя двѣ грамоты Юрія Болеслава 1325 и 1327 гг. не подписаны боярами; князья, слѣдовательно, дѣйствовали самостоятельно. Послѣднія двѣ грамоты того же князя, 1334 и 1335 гг., подписаны: первая — baronibus nec non comilitaribus, вторая—dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque. Но весьма можно затрудняться, кого изъ подписавшихся слѣдуетъ отнести къ тому или другому разряду, и вообще имѣли ли дѣйствительное значеніе эти разряды. Если баронами считать палатиновъ (воеводъ), то надо все-таки сказать, что мы рѣшительно не знаемъ, въ чемъ состояло ихъ положеніе и значеніе. Врядъ ли это были тѣ воеводы, о которыхъ говоритъ Зубрицкій, какъ объ „уѣзд-

---

[1]) А. Гр. и З., IV, № 79.

[2]) *Я. Головацкій*. Карпатская Русь, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1875, VI.

ныхъ земскихъ судьяхъ", хотя бы и уголовныхъ [1]). Въ своей „Хроникѣ Львова" [2]) онъ называетъ ихъ „nizszego rzędu officyaliści sądowi", а таковые ужъ никоимъ образомъ не могли быть призываемы къ княжему двору и составлять княжую раду. Вагилевичъ [3]) не соглашается съ Зубрицкимъ, но на основаніи лишь тѣхъ же грамотъ Юрія Болеслава. Съ другой стороны, указанныхъ „воеводъ" [4]) нельзя считать воеводами въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Подписи въ грамотѣ 1339 г. даютъ основаніе предполагать одно изъ двухъ: или русскій высшій классъ отшатнулся отъ Юрія, или послѣдній рѣшился идти на проломъ, не обращая ни на что вниманія. То и другое одинаково могло вести къ катастрофѣ, постигшей печальной памяти послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя. Съ другой стороны, если въ концѣ XIV вѣка выдвигаются знатные роды на Волыни, происхожденіе которыхъ большею частью темно, если, далѣе, вкладная запись Юрія Даниловича „Холмскаго", величавшаго себя такъ, по весьма вѣроятному предположенію Лонгинова [5]), по мѣстному происхожденію, какъ потомъ Острожскіе, Збаражскіе и другіе, можетъ давать нѣкоторое основаніе предполагать, что и это явленіе зародилось скорѣе на галицкой, чѣмъ на собственно волынской почвѣ, то во всякомъ случаѣ его нельзя приводить въ связь съ старымъ галицкимъ боярствомъ и его традиціями. Это явленіе новое, получившее не малую поддержку въ мѣстныхъ смутахъ и безурядицахъ конца XIV и начала XV вѣка [6]). Такимъ образомъ за весь темный періодъ правленія послѣднихъ Даниловичей мы ничего опредѣленнаго о положеніи и роли боярства сказать не можемъ. Но несо-

---

[1]) Повѣсть, 136, пр. 38.

[2]) Стр. 38.

[3]) А. Гр. и З., III, 15.

[4]) Напримѣръ, воевода Цтиборъ, А. Гр. и З., VIII, № 3. „Воеводы", упоминаемые въ грамотахъ за время польскаго господства, были, по всей вѣроятности, городовые подстаросты, бургграфы, А. Гр. и З.: V, 72: Preczlaus... woyewoda castri Leopoliensis, и ib, 87: Preczlao Burgrabio castri Leopoliensis. Но иногда рядомъ съ бургграфами существуютъ воеводы; въ такомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ считать ближайшими помощниками старостъ. Вообще ихъ положеніе не ясно; ср. *Р. Губе*, Wyrok, и *Кс. Лиске*, Kilka uwag o sądownictwie czerwonoruskiem, *Kwartaln.*, 1888, III.

[5]) *Лонгиновъ*, Грамоты Юрія II, *Чтенія* 1887 г., II, 39.

[6]) Напримѣръ, извѣстные намъ Быбельскіе у Окольскаго и Нѣсецкаго являются уже князьями, потомками римскаго рода Бибулусовъ, бѣжавшихъ изъ Рима при Юліи Цезарѣ, *Наук. Сборн.* 1865 г., IV, 266 сл.

мнѣнно оно существовало и должно было составлять высшій классъ, наиболѣе богатый, наиболѣе вліятельный. Въ тяжелую годину галицкой жизни, во время нашествія Казиміра, мы видимъ двухъ бояръ, давшихъ врагу энергичный отпоръ, обратившихся за содѣйствіемъ къ татарамъ и на нѣкоторое время значительно охладившихъ завоевательный пылъ Польскаго короля. Нѣтъ такимъ образомъ никакихъ основаній отвергать мнѣніе Ржежабка [1]), что бояре или, какъ онъ выражается, „bojarské vojevody" при Юріи Болеславѣ начинаютъ подымать голову. Польское завоеваніе должно было захватить галицкое боярство лишь на первой стадіи его стремленія къ образованію политически-вліятельнаго класса. Такъ или иначе, высшій классъ на Руси долженъ былъ быть; онъ могъ не составлять установившейся политической силы, но онъ долженъ былъ обладать матеріальными средствами, будучи классомъ землевладѣльческимъ, долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ нравственнымъ вѣсомъ. Землевладѣльцевъ русскихъ было, можно думать, не мало, если нѣкоторыя пожалованія даже во Львовѣ еще 1378 г. приходилось дѣлать главнымъ образомъ въ ихъ присутствіи [2]). Въ другихъ мѣстахъ— такъ сказать, въ провинціи — приходилось обходиться при ихъ посредствѣ еще значительно позже [3]). Мы видимъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ намъ по подписямъ на перечисленныхъ русскихъ документахъ русскихъ бояръ и землянъ при дворѣ Казиміра, въ свитѣ князя Владислава, — да и какъ могло быть иначе? Но среди сплошнаго дождя всевозможныхъ пожалованій иноземцамъ, какими ничтожными каплями должны показаться немногія пожалованія, выпавшія на долю русскихъ! [4])

---

[1]) *Часоп.*, 140.

[2]) А. Гр. и З., VIII, № 13, гдѣ, за исключеніемъ двухъ официальныхъ лицъ, все русскіе: Андрей Дядковичъ, Ходко Быбельскій, Глѣбъ Дворсковичъ, Ходко Лоевичъ, Dirsuaco (?) Дворсковичъ.

[3]) Съ русскими землевладѣльцами—„дѣдичами": Васькомъ Войтицкимъ и Иваномъ Дзюдзомъ Ступницкимъ еще въ 1425 (?) разграничивалъ староста Самборскій Влодекъ городскія земли отъ монастырскихъ, А. Гр. и З., VI, № 14.

[4]) *Ходку Лоевичу*, въ 1373 г., villam nostram Choszdzecz (колом. окр.), А. Гр. и З., V, № 8; *Ваську Тептуковичу*, въ 1375 г., villas nostras Strzelicze (жидач.). Wirzbąsz (Вербижъ?), et Mikaitinicze (колом.), Ibid. № 10; въ 1416 г. Ягайло увеличилъ это пожалованіе новыми землями, *Ржищевскій*, Cod. d. Pol., I, № 34, *Глѣбу Дворсковичу*, въ 1375 г., villam nostram Byskowycze (перем.), А. Гр. и З., VIII; № 9. Столь часто упоминаемый въ качествѣ присутствующаго Ходко Быбельскій—важное лицо среди русскихъ; имя его обыкновенно стоитъ на первомъ мѣстѣ,

Высшіе классы обыкновенно примыкаютъ къ власти, составляютъ ея опору. Не то было въ Галичинѣ. Особеннаго старанія со стороны высшаго галицкаго класса заслужить милости новыхъ правителей не видно. Въ Актахъ Гродскихъ и Земскихъ за разсматриваемое время часто мелькаетъ имя Ходка Быбельскаго. Это былъ знатный перемышльскій бояринъ, владѣвшій весьма значительными имѣніями не только въ Перемышльскомъ, но и въ Городенскомъ и Теребовльскомъ округахъ. Очень былъ оборотливъ панъ Ходко: служилъ Казиміру и получилъ, какъ мы видѣли, отъ него подтвержденіе на владѣніе имѣніями, бывалъ часто при дворѣ князя Владислава, столь же усердно служилъуграмъ при Эмерикѣ Бебекѣ, впослѣдствіи, когда Белзская земля досталась Сомовиту Мазовскому, Ходко заглядывалъ и къ нему [1]), и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ названныхъ правителей не оцѣнилъ его усердія: панъ Ходко до смерти не исправлялъ никакой должности и не былъ взысканъ милостями правителей. Другихъ знакомыхъ намъ по тѣмъ же подписямъ русскихъ бояръ встрѣчаемъ очень рѣдко [2]).

Послѣ сказаннаго выше, думаемъ, не надо объяснять причину этого, по видимому, страннаго явленія. Объ отношеніи Польши къ Руси мы имѣемъ одно темное извѣстіе—въ лѣтописи Быховца [3]), повторяемое Стрыйковскимъ [4]). Извѣстіе это говоритъ о какой-то рѣзнѣ русскихъ бояръ, учиненной поляками въ Перемышлѣ. Въ новѣйшихъ польскихъ сочиненіяхъ она объясняется или такъ, что Казиміръ хитростью овладѣлъ Перемышлемъ [5]), или даже такъ, что послѣ успѣ-

---

а гдѣ онъ является вмѣстѣ съ митрополитомъ Антоніемъ—непосредственно послѣ него (ibid., II, 6, 7; VIII, 14; IX, 1.); но онъ не удостоился, кажется, никакихъ милостей. Только при Ягайлѣ въ 1406 г. сыновьямъ его, Андрею и Григорію, была подтверждена грамота Казиміра отъ 1361 г., переведенная при этомъ на латинскій языкъ, и даны земельныя пожалованія, ibid., V, № 27. Въ документѣ оба брата названы indivisi, а такъ какъ дѣлежи входятъ во всеобщее употребленіе лишь позже (*Шараневичъ*, Rys, 68 пр. 9 и 10), то съ большою вѣроятностью въ совмѣстномъ владѣніи Быбельскихъ можно видѣть не маіоратъ, а древній русскій обычай. Ср. выше, стр. 198, пр. 3.

[1]) *Анат. Левицкій.* Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla, Перемышль. 1881, стр. 122.

[2]) Въ латинскихъ документахъ А. Гр. и З. встрѣчаемъ пана Ходка приблизительно 13 разъ, Глѣба Дворсковича—6, Ходка Лоевича—3, Ваську Тептяковича—2, Ваську Кузьмича 1 разъ.

[3]) См. выше, стр. 58, пр. 2.

[4]) II, 232.

[5]) *А. Левицкій,* Obrazki, 104.

ховъ 1349 г. онъ созвалъ бояръ въ Перемышль, особенно наиболѣе ему враждебныхъ, и „вынудилъ у нихъ уступки въ пользу польской короны, а также, можетъ быть, и въ пользу низшихъ классовъ“ (!!) [1]). Послѣднее объясненіе особенно характерно: только что передъ этимъ, задавая себѣ вопросъ о правдивости извѣстія, Горжицкій отвѣчаетъ: „Кажется да, ибо въ противномъ случаѣ врядъ ли рѣшился бы литовскій хронистъ бросить въ глаза польскимъ панамъ подобные укоры“. Трудно не согласиться съ справедливостью этого заключенія. Конечно, даже съ точки зрѣнія средневѣковаго искусства „управлять“ поступокъ Казиміра врядъ ли могъ быть названъ „легальнымъ и разумнымъ“ [2]), но нельзя не признать, что подобный поступокъ соотвѣтствовалъ тому характеру польско-русской борьбы на галицкой почвѣ, какимъ она должна была отличаться въ первое время. Казиміръ показалъ себя сразу, а русскіе бояре, какъ мы видѣли, не остались глухи къ данному имъ уроку. Они запомнили его твердо и за немногими исключеніями [3]) тщательно избѣгали сношеній съ представителями польской власти. Обратимъ теперь вниманіе на пожалованія польскихъ правителей полякамъ и всевозможнымъ иноземцамъ со включеніемъ даже жидовъ [4]). Вездѣ жалуемое имѣніе называется въ нихъ „villa nostra, villa ducalis, villa regalis“, нигдѣ нѣтъ упоминаній о прежнихъ владѣльцахъ. Это замѣтилъ еще А. Стадницкій, полагая, что всѣ эти земли были прежде княжескими, а по завоеваніи стали королевщинами. Такое объясненіе весьма мало соотвѣтствуетъ характеру борьбы. Конечно, княжескія земли стали королевщинами, но нельзя не предполагать значительнаго числа конфискацій обычныхъ послѣ завоеванія, а тѣмъ болѣе послѣ такого завоеванія. Мы это не предполагаемъ, а прямо утверждаемъ. Говоря о набѣгѣ татаръ на Русь 1442 г., Длугошъ [5]) кончаетъ такъ: „польскіе бароны, добившись у короля пожалованія городовъ и селъ

[1]) *К. Горжицкій*, Połączenie, 81.

[2]) Ibid., 82.

[3]) Трудно рѣшительно обвинять пана Ходка въ искательствѣ у поляковъ: русскіе его не чуждались, и онъ пользовался у нихъ полнымъ довѣріемъ. Не исполнялъ ли Ходко тяжелой, но неизбѣжной роли посредника? То обстоятельство, что онъ, какъ извѣстно, не получалъ никакихъ милостей, косвенно подтверждаетъ нашу догадку. Въ такомъ случаѣ и пана Ходка слѣдуетъ отнести къ числу лицъ, не посрамившихъ своего русскаго имени.

[4]) Пожалованіе села Вербижа (Щирецкаго округа) жиду Волчку, А. Гр. и З., II, № 45 и 46.

[5]) XII, 683.

на Руси (то-есть, въ Галичинѣ) и въ Подоліи, изгоняли оттуда жителей и дѣдичей (antiquos incolas et haeredes), и тѣ, угнетаемые бѣдностью и нуждой, доводимые до отчаянія, бѣжали къ татарамъ и приводили ихъ опустошать земли, изъ которыхъ были изгнаны". Можно ли проговариваться такими вещами лишь для поученія? Конечно, нѣтъ... Сто лѣтъ спустя послѣ перваго движенія Казиміра на Русь, она все еще продолжала быть ареной возмутительныхъ насилій, практикуемыхъ не только надъ безправнымъ низшимъ классомъ, но и надъ классомъ владѣльческимъ! Что̀ же было при Казимірѣ? Прямаго подобнаго Длугошевскому заявленія источники не даютъ, а прикованные къ документамъ, мы не смѣемъ дать волю воображенію, не рѣшаемся обобщить ихъ отдѣльныя хотя и не малочисленныя данныя. Ограничимся фактами, констатируемыми самими поляками. „Не прошло и пятидесяти лѣтъ, а не осталось и слѣда того кичливаго червонорусскаго боярства, которое еще въ 1340 г. фактически управляло страной", говоритъ К. Горжицкій [1]), и это замѣчаніе можно понимать даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ А. Левицкій указываетъ только три старыхъ уцѣлѣвшихъ до нынѣ галицкихъ дворянскихъ рода— Красицкихъ, Дрогоёвскихъ и Шептицкихъ [2]); всѣ остальные, существующіе въ Галичинѣ въ настоящее время, связались съ нею лишь послѣ ея завоеванія поляками и, какъ опора новой власти, явились сюда изъ-чужа. Что̀ сталось съ русскими боярами, объ этомъ можно судить предположительно; предположенія, однако, получаютъ значительную долю вѣроятности, при сопоставленіи судьбы бояръ, оставшихся вѣрными народности и вѣрѣ въ другихъ мѣстахъ русскаго и литовскаго міра, гдѣ Польша не имѣла того права вполнѣ неограниченно распоряжаться, какимъ пользовалась въ Галичинѣ. Цѣлый рядъ такихъ бояръ былъ низведенъ поляками сначала въ разрядъ путныхъ, а потомъ и холоповъ. Ихъ имена пропали для исторіи безслѣдно. Папроцкій, Велендекъ, Нѣсецкій, старательно списавшіе фамиліи всѣхъ окатоличившихся родовъ литовско-русскихъ, не обмолвились про нихъ ни единымъ словомъ [3]). Такъ и останутся они въ русской исторіи нѣмымъ, но тѣмъ болѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ русскаго героизма и самоотверженія.

---

[1]) Połączenie, 82.

[2]) Obrazki, 124.

[3]) См. XIV т. Актовъ Виленской археографической коммиссіи и предисловіе, XXI, пр. 2.

Такъ сказалось польское господство на высшемъ классѣ; что же говорить о вліяніи его на тѣ классы, которые ужъ рѣшительно никакъ не могли улечься въ рамки польскаго и западно-европейскаго общественнаго строя. Таковы были упоминаемые въ пятомъ документѣ бортники и дьяки. Первые въ скоромъ времени перестаютъ существовать, какъ свободный классъ. Ихъ участки стали собственностью помѣщиковъ [1]). Дьяки, связанные съ церковью, быть можетъ, нѣсколько долѣе бортниковъ удержали свое положеніе, по крайней мѣрѣ, еще при Ягайлѣ встрѣчаемъ дьяковъ—Сѣнко, Льенъ [2]),—получающихъ пожалованія съ правами и обязанностями дѣдичей.

Постепенно и они должны были пасть жертвой новыхъ условій и порядковъ. До какой степени эти порядки были разрушительны, лучшій примѣръ представляетъ судьба мелкихъ земельныхъ владѣтелей, дворищанъ [3]). Дѣло въ томъ, что этотъ классъ русскаго общества довольно близко подходилъ къ мелкому шляхетству, которое наполняло Великую Польшу и Мазовію, и слѣдовательно, не столь, по видимому, рѣзко отступалъ отъ строя польской общественной жизни. Мелкіе землевладѣльцы Западной Руси впослѣдствіи сослужили не малую службу полякамъ въ подготовительномъ процессѣ политическаго слiянія Польши и Литвы, но при первомъ столкновеніи своемъ съ Русью Польша обнаружила столь мало ассимиляціонной силы, до такой степени враждебно и разрушительно было ея вліяніе на Галицкую Русь, что этотъ классъ русскаго общества въ значительномъ числѣ долженъ былъ обратиться въ крестьянъ, слѣдовательно, несвободныхъ. Короли, въ своихъ пожалованіяхъ помѣщикамъ, молча или прямо включали сюда и прилегающія дворища, предоставляя такимъ образомъ дворищанъ произволу крупнаго владѣльца. Какъ поступали послѣдніе—видно изъ посягательства Яна Чебровскаго на Петра Сороку, избѣжавшаго на этотъ разъ своей печальной участи только благодаря тому, что Мартынъ Романовскій заявилъ передъ судомъ подъ присягой, „что указанный Сорока не крѣпостной, а свободный владѣлецъ земли, дворищанинъ“ [4]).

---

[1]) *Шараневичъ*, Rys, 70, пр. 13.

[2]) Ibid., 69: дьякъ Льенъ въ 1391 былъ пожалованъ за военныя заслуги.

[3]) Точное опредѣленіе дворища находимъ въ пожалованіи Владислава Опольскаго Лимбирду: unus fundus, in quo solus residet, qui in polonico dicitur dworzisko, А. Гр. и З., II, № 5.

[4]) *Шараневичъ*, Rys, 70—71, пр. 16; годъ не указанъ, но Мартына Романовскаго de Swyrsch встрѣчаемъ въ числѣ присутствующихъ въ актѣ 1464 г. А. Гр. и З., IX, 94.

Безъ этого, можно думать, Петръ Сорока сталъ бы крѣпостнымъ пана Чебровскаго; ибо и крѣпостные порядки стали на Руси явленіемъ всеобщимъ лишь со времени польскаго господства. О положеніи крестьянъ въ Галичинѣ при русскихъ князьяхъ можно судить по двумъ документамъ. Одинъ—пожалованіе княземъ Львомъ Тутеню и Монтсѣку села Добаневичи [1]); другой извѣстенъ намъ лишь въ приведенномъ выше подтвержденіи Казиміромъ въ 1361 г., Ходку Быбельскому его владѣній [2]). Въ обоихъ документахъ крестьяне прямо не называются, но по первому, можно думать, на нихъ лежали обозначенныя въ документѣ повинности (поборы и работы); вины и головнитство указываютъ на право суда владѣльца. Въ другомъ о крестьянахъ не упоминается вовсе [3]), что̀ весьма важно, такъ какъ первый документъ касается передачи села княжаго. Если оно и не было заселено княжею челядью, то во всякомъ случаѣ полная власть князя (если подъ головнитствомъ разумѣть власть судебную) не можетъ еще служить безспорнымъ доказательствомъ такой же власти частныхъ владѣльцевъ, а передача этого права лицамъ, нарочито вызваннымъ самимъ княземъ, не можетъ представлять явленія заурядняго. Если же въ подтвержденіи частнаго владѣнія, при всей подробности обозначенія владѣльческихъ статей, не встрѣчаемъ яснаго и опредѣленнаго указанія на отношенія къ крестьянамъ, то кажется, съ значительною вѣроятностью можно предполагать, что по русскимъ порядкамъ право суда надъ крестьянами, живущими на землѣ владѣльца, не соединялось съ пожалованіемъ ему земли [4]).

---

[1]) А. Ю.-З. Р., II, № 60 и А. Гр. и З., I, № 4. Документъ безъ даты и свидѣтелей. Село Добаневичи (Перемышльскаго округа) жалуется: „исъ землею. исъ сѣножятими исъ гаѣ исъ дубровами. исрѣкою. и ставомъ, испотоки. искрипицими. *со оусьми поборы. исвинами. исъ головнитъствомъ* (въ А. Ю.-З. Р.: половинитьствомъ?) *и серпомъ. искосою.* исмлиномъ. со оусѣми ужитки. какъ есмы сам. держялъ.

[2]) А. Гр. и З., I, № 5: то все есмо потвердили, непорушно на вѣкы слузѣ нашому вѣрному Ходкови Быбельскому, и дѣтем его, со всѣми обезды тых дедин, што тут писаны сут, со всѣми границями яко из вѣка, вѣчно прислушало к тым селум, исъ землею, исъ сѣножатми, исъ гаями, исъ дубровами, исъ лѣсомъ, исъ бортми, исъ пчолами, исъ болоты, исъ рѣками, исъ мыты, исъ ловищи, исъ потоки, дамниця и путниця, со всѣми ужитки што нынѣки сут, и потом могуть быти...

[3]) Путниця — вѣроятно, путная повинность, какъ въ Литвѣ путные бояре; дамниця—быть можетъ, damnum terrestre?

[4]) *Шараневичъ*, Rys, 59, пр. 90, въ примѣръ судебной власти владѣльца приводитъ Самборщику Снытка Мельштынскаго; но дѣло въ томъ, что Снытко

Вообще въ Галичѣ къ половинѣ XIV вѣка коренныя формы русской жизни остаются въ полной силѣ. Если въ чемъ Галичъ опередилъ другія западно-русскія земли, оставшіяся подъ литовскимъ владычествомъ, то развѣ въ томъ, что наслѣдственность земель утвердилась здѣсь еще при русскихъ князьяхъ [1]); поэтому въ земельныхъ спорахъ нерѣдко ссылались на старыя грамоты, на опредѣленныя въ нихъ границы, на старыхъ людей. Но даже въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ оговорки, съ требованіемъ согласія государя на перемѣны въ имущественномъ владѣніи [2]).

Громадный наплывъ иноземцевъ не остался безъ вліянія. Не связанные съ страной искатели наживы стремились къ возможно скорому обогащенію, отсюда частые переходы земель изъ рукъ въ руки. Они окончательно упрочили безусловное владѣніе землей, послѣ чего продажа и вообще сдѣлки по имѣніямъ совершаются не передъ старостой, а въ земскомъ судѣ; но они же свидѣтельствуютъ, что система новыхъ владѣльцевъ въ разсматриваемое нами время заключалась не въ правильной, а въ хищнической эксплоатаціи. Вотъ почему, если до 1433 г. землевладѣльческія права отличались отъ польскихъ, хотя обязанности владѣльца, по естественному порядку, должны были ложиться на крестьянъ, то еще болѣе должна была усиливать ихъ тяжесть указанная система земельной эксплоатаціи. Послѣ Едлинской конституціи вся тяжесть повинностей падала на крестьянъ. Кромѣ поборовъ натурой (куры, яйца, сыръ, три чвертни ржи и овса), они должны были исполнять всѣ работы.

Когда затѣмъ дѣдичъ сталъ по отношенію къ крестьянамъ въ положеніе государя, онъ получилъ право налагать новые поборы —

владѣлъ на княжескихъ правахъ, почему, какъ указано выше, и называлъ русскихъ князей своими предшественниками. Пожалованіе Казиміромъ Рѣшова Пакославу въ 1354 г. (*Ржищевскій*, Cod. dipl. Pol., I, № 119), равно какъ пожалованіе Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 г. братьямъ Дмитрію и Ивану (*Грабовскій*, Zrodła, I, 141) не даютъ въ данномъ случаѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, потому что соединяются съ Магдебургскимъ правомъ; въ другихъ земельныхъ пожалованіяхъ Владислава на новыхъ владѣльцевъ налагается главнымъ образомъ обязанность военной службы, а крестьяне отдѣльно за себя вносятъ въ казну по 2 гроша широкихъ (богемскихъ) ко дню св. Мартина (А. Гр. и З., V, 9, 14; VII, 15, 18 и др.); но въ то же время въ пожалованіи Казиміромъ Жеготѣ: Kmethones vero ipsius coram nullo (respondebunt), nisi coram suo domino et herede, ib., II, 4.

[1]) *Шараневичъ*, Rys, 61, считаетъ это не подлежащимъ сомнѣнію.

[2]) Nostro tamen ad hoc consensu speciali accedente, А. Гр. и З., II, № 6.

натурой и деньгами; является „поголовщина“, но при этомъ, хотя дякла и серебщизна уничтожены, прежнія дани — еще отъ временъ русскихъ князей — праздничное и куница—остались [1]).

Мы говорили объ отношеніи правителей Галицкой Руси къ иноземцамъ.

Иноземный элементъ долженъ былъ сосредоточиться главнымъ образомъ въ городахъ. Уже при Казимірѣ волной хлынула въ Галичину нѣмецкая колонизація: 1200 семей поселились во Львовѣ, который за время съ Казиміра до XIV вѣка называется у Зиморовича нѣмецкимъ [2]). Одною изъ главнѣйшихъ задачъ Владислава Опольскаго было, какъ извѣстно, покровительство той же нѣмецкой колонизаціи. Богатство страны и ея выгодное географическое положеніе—между западной Европой и Черноморскимъ побережьемъ—давно сосредоточили здѣсь значительный контингентъ предпріимчивыхъ иноземцевъ, число которыхъ должно было особенно увеличиться при Даніилѣ, а подъ конецъ XIII вѣка нѣмцы начинаютъ играть роль даже во Владимірѣ [3]). Не мало было въ Галичинѣ армянъ [4]) и жидовъ. Весь этотъ чужеродный элементъ, преданный одной лишь наживѣ, вносилъ въ русскіе города нравственное растлѣніе. Но при русскихъ князьяхъ онъ не могъ быть столь опасенъ просто потому, что не имѣлъ той воли и того простора, какіе открылись для него при польскомъ владычествѣ. Зло, несомнѣнно вносимое этимъ элементомъ, должно было въ значительной мѣрѣ ослабляться, какъ крѣпостью русскаго общественнаго строя, такъ и воздѣйствіемъ власти. Такъ, по крайней мѣрѣ, было при Даніилѣ, когда Галицкая Русь принимала дѣятельное участіе въ оживленной торговлѣ [5]), можно думать, не исключительно въ пользу поселившихся въ ней инородцевъ, но и къ выгодѣ кореннаго населенія. Польское владычество и на русскіе города оказало такое же вліяніе, какъ на другія стороны русской жизни. Документы открываютъ намъ такую же кипучую дѣятельность польскихъ правителей: городамъ дается нѣмецкое право, на нѣмецкомъ же правѣ основывается множество селъ и

---

[1]) *Шараневичъ*, Rys, 67.

[2]) *Каро*, III, 59, пр. 1.

[3]) Ип. лѣтоп., 596.

[4]) По Зиморовичу армяне выстроили себѣ каменную церковь во Львовѣ въ 1363 г., но вѣроятно, и раньше былъ здѣсь армянскій храмъ, *Зубрицкій*, Kronika, 39.

[5]) *Дашкевичъ*, Княж. Д. Г., 80 сл. и прр.

новыхъ поселеній, и все это лишь затѣмъ, чтобы дѣйствительнѣе ослабить и даже вовсе уничтожить силу кореннаго населенія. При пожалованіи нѣмецкаго права Львову въ 1356 году Казиміръ выражается такъ: „Желая всѣми мѣрами содѣйствовать процвѣтанію города, даемъ ему нѣмецкое право, устраняя совершенно права и обычаи русскіе, каковы бы они ни были, такъ какъ они обыкновенно лишь мѣшаютъ и нарушаютъ право нѣмецкое“ [1]). Правда, далѣе король какъ особенную милость предоставляетъ армянамъ, жидамъ, сарацинамъ, русскимъ и другимъ пользоваться своими правами; но не трудно понять, каково могло быть это пользованіе, по крайней мѣрѣ со стороны русскихъ, въ присутствіи городскаго адвоката и при общемъ настроеніи, принудившемъ Владислава Опольскаго въ 1372 г., при пожалованіи тому же Львову земли, сдѣлать ясную оговорку, что и русскіе имѣютъ право пасти на ней лошадей и скотъ [2]), хотя ни жиды, ни сарацины не требовали такой специальной оговорки. Русскіе еще долго потомъ исключались изъ магдебургскаго права. Такъ въ 1405 году Ягайло даетъ, съ этимъ условіемъ, магдебургское право селамъ Годовичи и Жидатичи [3]). То же видимъ въ его пожалованіи жиду Волчку 1423 года [4]). Нѣсколько лѣтъ спустя между этимъ же Волчкомъ и крестьянами пожалованнаго ему села Вербижа возникли недоразумѣнія [5]), разрѣшенныя великимъ маршаломъ короннымъ, Яномъ Олесницкимъ, не въ пользу крестьянъ. При пожалованіи грамоты городу Буску въ 1411 году прямо сказано, что ни одинъ русинъ не могъ курить вина и приготовлять солодъ [6]).

Вотъ въ какое положеніе поставило русскихъ галичанъ польское владычество. Мы назвали его желѣзнымъ, но кажется, и это слово далеко еще не выражаетъ всего ужаса дѣйствительности, невольно поражающей даже при томъ поверхностномъ сопоставленіи фактовъ, какіе сведены нами въ настоящемъ очеркѣ. Представляемое поль-

---

[1]) А. Гр. и З., III, № 5.

[2]) Ibid., № 21.

[3]) Ibid., II, № 33: volumus insuperque tantum Poloni, Theutonici et homines nostre fidei jure prescripto gaudere debeant et potiri.

[4]) Ibid., № 42: eximimus insuper, absolvimus et perpetuo liberamus kmethones et omnes incolas ville predicte (Вербижъ) Katholicos dumptaxat ab omni jurisdiccione чиновниковъ.

[5]) Ibid., № 53. Изъ крестьянъ названъ Чурило. Документъ со многими поврежденіями.

[6]) *Шараневичъ*, Rys, 94, пр. 65.

скими изслѣдователями въ столь идеальномъ свѣтѣ, польское владычество не оставило, какъ мы видѣли, ни одной стороны русской жизни ея правильному и свободному развитію. Во всемъ произошелъ крутой, возмутительно насильственный переворотъ. Удивительно ли, что прямымъ слѣдствіемъ его были тѣ явленія, которыя впослѣдствіи освѣтили Польшу такимъ кровавымъ блескомъ, хотя и разыгрались за предѣлами Галичины? Подъ 1469 годомъ Длугошъ упоминаетъ „о многочисленномъ войскѣ татаръ изъ бѣглыхъ грабителей и изгнанниковъ, которыхъ они, на своемъ языкѣ, называли казаками“. Откуда брались эти изгнанники, показываетъ приведенное выше свидѣтельство того же Длугоша о доведенныхъ до отчаянія галицкихъ и подольскихъ жителяхъ и дѣдичахъ, вынужденныхъ бѣжать къ татарамъ, благодаря дѣйствіямъ поляковъ. Казалось, на древне-русскомъ займищѣ Владиміра Святаго все было разрушено поляками. Но прирожденной связи и они не въ силахъ были разорвать: Галицкая Русь все время носила исключительное названіе Руси, а историкъ, старающійся проникнуть во взаимныя отношенія западно-русскихъ земель, не можетъ не указать на постоянную, живую и тѣсную связь Карпатскаго Подгорья съ Поднѣпровьемъ [1]).

---

[1]) *Кулишъ*, Исторія возсоединенія Руси, III, гл. 27.

V.

Галицко-Волынская земля во второй половинѣ XIV вѣка въ исторической литературѣ [1]).

Особенности географическаго положенія Галицко-Волынской земли и исключительность ея исторической роли отразились и на относящейся къ этой землѣ исторической литературѣ. Изъ русскихъ земель Галицко-Волынская представляетъ территорію, на которой впервые столкнулась Русь съ передними — хотя и не Германо-Романскими державами западной Европы—Чехіей, Угріей, Польшей. Оттого занимающая насъ область привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только русскихъ и польскихъ, но и чешскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей, и можно сказать, ни одна изъ русскихъ земель не вызвала такой богатой исторической литературы, какъ земля Галицко-Волынская [2]). Насъ

---

[1]) Въ настоящемъ дополнительномъ очеркѣ мы желаемъ представить не библіографическій перечень источниковъ и пособій, относящихся къ предмету нашего изслѣдованія, а состояніе его научной обработки, и отношеніе къ нему польской и русской исторіографіи.

[2]) Отношенія къ Чехіи касаются начальнаго темнаго періода нашей исторіи; къ тому же они такъ мимолетны, что ихъ можно считать развѣ предзнаменованіемъ будущаго, если только возможны въ наукѣ такого рода допущенія. Во всякомъ случаѣ они относятся къ области изначальнаго духовнаго славянскаго единенія и чужды политическаго характера. По объясненію *В. Э. Регеля*, учредительныя грамоты Пражской епархіи представляютъ возобновленіе Велико-Моравской епархіи св. Меѳодія: Сборникъ статей, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1883. Гораздо болѣе были продолжительны, а потому и важны, и не столь отвлеченнаго характера отношенія Галичины и Угріи. Слѣдъ ихъ до сихъ поръ остается не только въ офиціальномъ титулѣ Угорскихъ государей, но и въ существованіи полумилліона русскихъ подданныхъ Угорской короны. Въ виду этого отношенія къ Угріи должны бы обратить на себя вниманіе русскихъ историковъ. Путь начинаютъ уже прокладывать русскіе слависты.

интересуютъ отношенія ея къ Польшѣ, продолжающіяся до настоящаго времени, а ближайшую нашу задачу составляетъ обозрѣніе періода съ 1340 по 1433 г. Вполнѣ удовлетворительное исполненіе такой задачи встрѣчаетъ, однако, не мало препятствій. Мы неоднократно отмѣчали, что занимающій насъ періодъ ускользнулъ отъ вниманія изслѣдователей. Главнымъ образомъ это обусловлено отсутствіемъ отдѣльнаго, такъ сказать, спеціальнаго источника, который бы опредѣлялъ значеніе періода и болѣе или менѣе исчерпывалъ его фактическія данныя [1]). Благодаря этому, а отчасти и по другимъ причинамъ чисто политическаго характера, указанный періодъ вовсе не былъ выдѣленъ и значеніе его совершенно пропадало [2]). Разсмотрѣніе его эпизодически входило въ исторію отношеній Польши и Литвы-Руси, при чемъ и здѣсь Галичъ былъ старательно выдѣляемъ изъ состава послѣдней. Относительно его дѣло ограничивалось 1340 годомъ. Собственно говоря, нельзя и удивляться этому. Болѣе или менѣе правильная постановка вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему періоду, стала возможна лишь въ самое послѣднее время. Если многіе вопросы литовско-русской исторіи были разработаны уже К. Стадницкимъ, еще въ 50-хъ годахъ, то лишь съ выходомъ въ свѣтъ „Очерка исторіи великаго княжества Литовскаго“ В. Б. Антоновича (1878 г.), они получили въ наукѣ полное право гражданства, ибо „Очеркъ литовско-русской исторіи“ К. Н. Бестужева-Рюмина [3]), хотя

Спеціально исторіей Угріи и ея отношеніями къ славянству занимается *К. Я. Гротъ*. Общее указаніе на значеніе для насъ исторіи Угріи см. его „Новые труды по исторіи Венгріи“ — Сборникъ, какъ выше, стр. 57—63. Его же „Моравія и Мадьяры“ (С.-Пб. 1881) имѣетъ къ Галичинѣ довольно отдаленное отношеніе; но книга „Изъ исторіи Угріи и Славянства“ (Варшава. 1889) прямо касается Галицкихъ отношеній за время съ 1141 по 1173 г.—Въ нашей литературѣ русской Угорщинѣ посвящено не мало статей. Перечень ихъ, составленный *Ѳ. М. Истоминымъ*, см. въ книгѣ: Угро-русскія народныя пѣсни, *Г. А. де-Воллана*. С.-Пб. 1885, стр. 2, пр. 1; но бо̀льшая часть ихъ имѣетъ или чисто этнографическій характеръ, или разсматриваетъ позднѣйшее время. Вопросъ о времени поселенія русскихъ за Карпатомъ и объ ихъ отношеніи къ остальному русскому міру до настоящаго времени остается открытымъ.

[1]) Акты и документы, имѣющіе въ данномъ случаѣ особенное значеніе, стали издаваться лишь въ самое послѣднее время. Наука только еще начинаетъ пользоваться ими.

[2]) Въ монографіи, посвященной подготовкѣ Люблинской уніи, *A. Mosbach*, Poczatki Unii lubelskiej, Познань. 1872, для занимающаго насъ періода отводитъ всего двѣ страницы.

[3]) Русская Исторія, т. 2, вып. 1-й. С.-Пб. 1885.

былъ напечатанъ ранѣе труда Антоновича, сталъ общедоступнымъ лишь значительно позже. Окончательно многія подробности были выяснены съ появленіемъ „Замѣтокъ по исторіи Литовско-Русскаго государства“ Н. П. Дашкевича въ 1882 г. Всѣ эти труды предшествовали появленію изслѣдованія Ржежабка [1]), поставившаго вопросъ о личности Юрія II внѣ всякаго сомнѣнія и намѣтившаго отношенія Галицко-Волынской земли въ первой половинѣ XIV вѣка къ Польшѣ и Литвѣ. Правда, Ржежабка предупредилъ Бѣлевскій (въ 1872 г.), но его замѣчаніе о личности Юрія II, высказанное въ примѣчаніи [2]), не могло обратить на себя надлежащаго вниманія. Антоновичъ лишь отмѣтилъ его, считая „не лишеннымъ правдоподобныхъ основаній“ [3]). Дашкевичъ принялъ, но не остановился на немъ подробнѣе [4]).

Въ такомъ же положеніи осталось дѣло и по выходѣ названныхъ изслѣдованій отдѣльными книгами въ 1885 г. [5]). Даже въ 1887 г. вопросъ не только не подвинулся, но какъ будто даже отодвинулся [6]). Нечего, слѣдовательно, и ожидать правильнаго разъясненія занимающаго насъ періода, тѣмъ болѣе, что сдѣланное Ржежабкомъ составляетъ лишь введеніе. Немногимъ раньше Ржежабка обслѣдованъ былъ Рейфенкугелемъ [7]) вопросъ о положеніи католицизма въ Галицко-Волынской землѣ, но и этотъ трудъ, хотя замѣченный нашими учеными, не оказалъ существеннаго вліянія на дальнѣйшее развитіе вопроса, а небольшая замѣтка К. Стадницкаго [8]) объ этомъ же вопросѣ на-

---

[1]) Jiři II, poslední kníže veškeré Malé Rusi, *Časop. Mus. Kral. Česk*, 1883 г. Русскій переводъ этого изслѣдованія съ дополненіями А. А. Куника, оказался, къ сожалѣнію, для насъ недоступнымъ.

[2]) М. Р. Н., II, 621 пр. 1.

[3]) Очеркъ, 51.

[4]) Замѣтки, 46. Обѣщанная имъ же отдѣльная монографія по исторіи южной Руси во второй половинѣ XIII вѣка и первой XIV, Ib, 46, пр. 2, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не появлялась.

[5]) Первоначально они печатались въ *Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ.*

[6]) *Андріяшевъ*, Очеркъ, 207, пр. 2: „во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ (о личности Юрія II) не можетъ быть рѣшенъ въ ту или иную сторону съ помощью только источниковъ, которые теперь у насъ есть“. Конечно, если считать источниками только то, что было подъ руками г. Андріяшева. См. здѣсь же его заявленіе о грамотѣ Юрія II 1339 г.

[7]) Die Gründung der römisch katholischen Bisthümer in den Territorien Halicz und Wladimir. Archiv für oster. Gesch. 1875, т. 52.

[8]) O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łacińskiego obrządku na Rusi halickiej i Wołyniu. Львовъ. 1882.

ходится къ труду Рейфенкугеля въ такомъ же отношеніи, какъ замѣчаніе Андріяшева къ труду Ржежабка.

Такимъ образомъ только въ самые послѣдніе годы сдѣланы весьма важные шаги къ правильной постановкѣ вопросовъ, относящихся къ исторіи Галицко-Волынской земли въ XIV вѣкѣ. Одновременно увеличивался актовый матеріалъ, но разбросанность его и нерѣдко явная тенденціозность значительно затрудняли изслѣдованіе. Вотъ почему если всякій научный трудъ представляетъ работу въ большей или меньшей степени мозаическую, то такой характеръ преимущественно должна была получить наша работа.

Изъ многихъ памятниковъ намъ приходилось брать лишь маленькіе отрывки. Характеризовать по поводу такихъ отрывковъ самые памятники, къ тому же вообще извѣстные, было бы, на нашъ взглядъ, излишне. Таковы прежде всего лѣтописи русскія [1]). Сюда же можно отнести лѣтописи литовскія [2]), Длугоша съ послѣдователями и такъ называемую Дубницкую хронику. На этомъ разрядѣ источниковъ намъ впрочемъ приходилось останавливаться въ изложеніи, котораго, по характеру предмета, мы не могли лишить критическихъ отступленій.

Главнѣйшими источниками для насъ служили акты. Первое по значенію мѣсто принадлежитъ документамъ папской канцеляріи, опубликованнымъ Тейнеромъ [3]). Мы указывали, какое громадное вліяніе на ходъ борьбы за Галичъ имѣлъ Римъ, между тѣмъ относящіеся сюда документы папской канцеляріи до Тейнера были извѣстны главнымъ образомъ изъ Райнальдова собранія (Annales ecclesiastici), гдѣ ихъ помѣщено самое незначительное число. Недостатокъ могъ быть нѣсколько восполняемъ булларіями монашескихъ орденовъ [4]), но

---

[1]) Лаврентьевская, Ипатская, Воскресенская, Никоновская, Новгородскія—въ Полн. Собраніи русск. лѣтописей; Сукрасльская, изданная кн. *М. А. Оболенскимъ*, Москва 1836 г. Сюда же относится Кенигсбергская, которою, къ сожалѣнію, мы пользовались только въ ненадежномъ изданіи 1767 г. Библіотека Россійская историческая, С.-Пб., и Исторія Россійская *Татищева*, чч. 2 и 3. Москва 1773—1774.

[2]) Библіографическій ихъ обзоръ сдѣланъ *А. И. Барбашевымъ* въ *Библіографѣ*, 1888 г. № 2.

[3]) Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia ab *Aug. Theiner*, t. I (1217—1409). Romae. 1860.

[4]) Bullarium ordinis fratrum Praedicatorum, opera *Thomae Ripoll*. Romae. 1720, слл.; *Wadding*, Annales minorum, Romae. Не мало папскихъ грамотъ помѣщено у *Voigt*'a, Cod. dipl. prussicus, т. I—II. Кенигсбергъ. 1836—1842; *Тургенева*, Histor. Russ. Monum., т. 1, 1841, и Suppl. 1848. Здѣсь же помѣщены нѣкоторые акты, доставленные Зубрицкимъ изъ галицкихъ архивовъ (перечень

1) собранія эти до такой степени рѣдки, что изслѣдователи почти лишены возможности ими пользоваться; 2) изданныя еще въ началѣ прошлаго вѣка, они недостаточно критичны [1]).

Почти всѣ важные для насъ акты сведены въ Тейнеровомъ собраніи, при чемъ значительнѣйшая часть ихъ появилась въ свѣтъ впервые въ его изданіи, которое отличается всѣми достоинствами. Точный хронологическій указатель сопровождается краткимъ, но всегда вѣрнымъ изложеніемъ содержанія документа, что значительно облегчаетъ пользованіе. Вообще изданія Тейнера [2]) представляютъ нѣчто монументальное. Для исторіи занимающаго насъ предмета они представляютъ надежнѣйшее руководство.

Съ 1868 года стали издаваться во Львовѣ Акты Гродскіе и Земскіе [3]). Со втораго тома изданіе ведетъ профессоръ Львовскаго университета Кс. Лиске, сообщившій ему опредѣленный, единообразный характеръ. Томы издаются не по вѣкамъ [4]), а каждый заключаетъ въ себѣ выборку актовъ съ древнѣйшаго времени, при каждомъ, кромѣ оглавленія, помѣщенъ подробный указатель лицъ и мѣстъ. Проф. Лиске справедливо гордится изданіемъ. Оно доказываетъ его удивительное трудолюбіе и энергію. Это богатое собраніе актовъ даетъ, однако, для времени Казиміра сравнительно немного. Со времени правленія Владислава Опольскаго число актовъ значительно возрастаетъ. Наибольшая часть ихъ относится къ XV вѣку. Русскихъ актовъ въ собраніи всего лишь нѣсколько. Для характеристики внутреннихъ отношеній въ странѣ это матеріалъ единственный.

Вотъ главнѣйшіе источники, которыми мы пользовались постоянно. Какъ фактическія данныя, такъ и главнѣйшіе выводы, обоснованы

ихъ помѣщенъ въ предисловіи подъ буквами: і, к)., но въ Актахъ Грод. и Земск. они напечатаны исправнѣе и полнѣе.

[1]) Рейфенкугель указалъ не мало ошибокъ въ доминиканскомъ булларіи.

[2]) Кромѣ указанныхъ Mon. Pol. et Lith., имѣютъ отношеніе къ нашему предмету его же Monumenta Hungariae.

[3]) Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. Мы пользовались девятью томами 1868—1883 гг. Всего въ настоящее время издано 12 томовъ. Съ 10-го тома изданіе измѣняетъ характеръ. 10-й томъ заключаетъ въ себѣ реестръ актовъ (oblata) львовскихъ до конца XVIII в., 11-й томъ — реестръ судебныхъ актовъ сапоцкихъ (1423—1462); 12-й—таковые же акты галицкіе съ 1435 г.

[4]) Что составляетъ главнѣйшее неудобство изданія.

нами на ихъ показаніяхъ. Другими собраніями источниковъ намъ приходилось пользоваться лишь попутно [1]).

Изданіе Актовъ Гродскихъ и Земскихъ по своему характеру примыкаетъ къ тому направленію польской исторической науки, которое рекомендуетъ ее съ прекрасной стороны. Движеніе, начавшееся въ ней съ нынѣшняго столѣтія, представляетъ вообще явленіе весьма отрадное и поучительное. Еще въ 1802 году Коллонтай въ одномъ изъ своихъ писемъ считалъ необходимымъ: 1) дополнить и издать дипломатарій Догеля; 2) озаботиться изданіемъ критическаго изслѣдованія произведеній, относящихся до исторіи; 3) напечатать тексты старыхъ анналистовъ и историковъ (scriptores rerum polonicarum) съ необходимымъ ученымъ аппаратомъ, 4) наконецъ, составить рядъ монографій, имѣющихъ въ виду разъясненіе внутреннихъ отношеній.

---

[1]) Отмѣтимъ главнѣйшіе: 1) Monumenta Poloniae historica, томы: I — 1864, II—1872 г. изданы *А. Бѣлевскимъ*; III—1878 г. и IV—1884 г. Краковскою академіей. Кромѣ польскихъ анналистовъ здѣсь помѣщенъ цѣлый рядъ лѣтописцевъ (рочниковъ), изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ значеніе и для насъ. Не всегда, какъ мы видѣли, говоря о хроникахъ Яна и Траски, изданіе можно назвать безукоризненнымъ, но богатство заключающагося здѣсь матеріала неоспоримо, а приложенныя къ каждому памятнику предисловія особенно важны по тщательному описанію рукописей.

2) Codex diplomaticus Poloniae, томы I—1847, II—1848—1852 гг. (въ двухъ частяхъ) *Ржищевскаго* и *Мучковскаго*, т. III—1858 г.—*Бартошевича*; въ послѣднемъ помѣщена между прочимъ грамота Юрія II отъ 1339 г.

3) Codex dyplomatyczny księztwa Mazowieckiego. *Т. Любомірскаго*. Варшава. 1863. имѣетъ отношеніе къ нашему вопросу по нѣкоторымъ актамъ между Литвой и Мазовіей. Изданіе безъ всякаго критическаго аппарата и даже указателя.

4) Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum... Парижъ — Берлинъ. 1862. представляетъ плохую попытку регистрировать акты краковскаго государственнаго архива.

5) Archiwum książąt Lubartowiczów - Sanguszków w Sławucie, т. I. Львовъ. 1887 г. Здѣсь помѣщенъ договоръ Любарта съ Казиміромъ въ 1366 г. и нѣсколько актовъ весьма важныхъ для первоначальной исторіи князей Острожскихъ. Неблагопріятный и въ значительной мѣрѣ справедливый отзывъ Прохаски объ этомъ изданіи см. въ *Ateneum* 1887 г. Второй томъ не представляетъ для насъ интереса.

Русскія изданія: Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I. С.-Пб., 1846, и Акты южной и западной Россіи, т. II. С.-Пб. 1865, интересны для насъ лишь по нѣсколькимъ, помѣщеннымъ въ нихъ документамъ. Другія изданія источниковъ, къ которымъ намъ приходилось обращаться, указаны въ примѣчаніяхъ.

Польская историческая наука какъ будто не теряетъ изъ виду этого широкаго плана и посильно стремится къ его осуществленію, а благородная иниціатива отдѣльныхъ лицъ и широкій, все болѣе и болѣе крѣпнущій въ польскомъ обществѣ интересъ къ родной исторіи въ значительной степени помогаетъ этому. Въ смыслѣ оживленія польская историческая наука представляетъ явленіе дѣйствительно поучительное [1]). Таково ли оно вообще, сказать не беремся. Мы судимъ здѣсь о польской исторической литературѣ съ точки зрѣнія ея отношеній къ занимающему насъ вопросу — вопросу, представляющему больное мѣсто польской науки, какъ равно и польской жизни, но съ другой точки зрѣнія мы, къ сожалѣнію, и не можемъ оцѣнивать ея въ данномъ случаѣ. Въ польской литературѣ 1863 годъ считается гранью, рѣзко отдѣляющею старое направленіе отъ новаго. „Перемѣна", говоритъ В. Смоленскій,— „сказалась и въ общественныхъ идеалахъ, и въ философскихъ взглядахъ... Вмѣсто философскаго идеализма молодежь стала усваивать себѣ, правда, не изъ первыхъ рукъ— взгляды Конта, Тэна, Дарвина, отдѣлалась отъ узости католицизма и шляхетчины и высоко подняла знамя свободной мысли и демократизма. На мѣсто прежнихъ, столь дорого стоившихъ порывовъ, поставлена была программа органическаго труда, свобода научнаго изслѣдованія, борьба съ авторитетами". Одновременно слѣдуетъ отмѣтить факты, которые должны были оказать на развитіе польской исторической науки самое благотворное вліяніе. Въ 1869 г. учреждена была каѳедра польской исторіи въ краковскомъ университетѣ, въ 1872 г. Краковское ученое общество преобразовано въ академію наукъ, съ 1882 г. каѳедра польской исторіи открыта и во Львовскомъ университетѣ. Научное оживленіе должно было естественно въ значительной степени подняться, а соотвѣтственно новому настроенію польскаго общества, оно должно было сказаться въ новыхъ формахъ. И оно дѣйствительно сказалось. Выраженіемъ его явилась „Исторія Польши" М. Бобжинскаго [2]). Не то, конечно, важно, что самъ Бобжинскій выступилъ съ ней, какъ представитель новаго направленія, новой исторической школы, важно, что таковымъ его признали всѣ. Принципы этой новой школы слѣдующіе: 1) нельзя пользоваться исто-

---

[1]) Главнѣйшіе факты, сюда относящіеся, суммированы у *Вл. Смоленскаго*, Szkoły historyczne w Polsce, гл, IV, *Ateneum*, 1886 г., XI.

[2]) Два тома. Варшава. 1880, изданіе 2-е. Теперь появилось уже и 3-е, съ добавленіями.

ріей для доказательства какой нибудь апріорной системы; 2) нельзя искажать исторической правды для какихъ бы ни было видовъ: 3) основой историческаго суда должно быть строгое знаніе социальныхъ и политическихъ наукъ [1]). Каково должно быть состояніе исторіи, какъ науки, тамъ, гдѣ подобные принципы провозглашаются торжественно, понятно само собою. Несомнѣнно однако, что провозглашеніе ихъ служитъ доказательствомъ сознанія болѣзненной ненаучности направленія, господствовавшаго раньше, и въ нѣкоторой степени естественно въ ней утвердившагося, благодаря особымъ обстоятельствамъ, при которыхъ приходилось развиваться польской исторической наукѣ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно нельзя не усматривать поворота въ польской исторіографіи, точнѣе поворота во взглядахъ польскихъ историковъ на задачу и пріемы научныхъ работъ [2]). Но изъ этого же слѣдуетъ, что, не смотря на количественное богатство трудовъ, польская исторіографія только теперь пытается стать наукой, по крайней мѣрѣ, только теперь она рѣшилась громко провозгласитъ положенія, которыя вообще вездѣ считались азбучными. Это торжественное развертываніе научнаго знамени съ надписью: „объективность" всего ярче свидѣтельствуетъ о младенческомъ состояніи польской исторической науки, а фактически оно вполнѣ подтверждается отношеніемъ ея къ занимающему насъ вопросу. Если въ трудахъ прежнихъ польскихъ историковъ этотъ вопросъ былъ поставленъ и рѣшался неправильно, то это и неудивительно. Научная обработка польской исторіи началась въ тяжелую годину польской исторической жизни, когда трудно было и требовать спокойнаго отношенія къ минувшему [3]). Въ виду тяжелаго настоящаго это минувшее представляло единственное утѣшеніе. Еще и въ настоящее время этнографическая Польша представляется политической мысли поляковъ, какъ „удушливый провинціальный закоулокъ, въ которомъ не можетъ хватить воздуха для польской груди"; еще и теперь предпочитаютъ они мечтать о минувшемъ, нежели тѣсниться въ этомъ

---

[1]) *Смоленскій*, Szkoły, *Ateneum*, 1886 г., XII. У *Бобринскаго*, Dzieje, I, 62, эти положенія выражены гораздо многословнѣе.

[2]) Подробнѣе объ этомъ у *Н. И. Карѣева*, Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней, *Вѣстн. Евр.* 1886 г., и отдѣльно по польски: Najnowszy zwrot w historyografji polskiej. С.-Пб. 1888.

[3]) Спокойствія не могли соблюсти поляки даже при изданіи документовъ: „niektorzy, jak Raczyński Edward opuszczali z tekstu pomników nielicujące z ich przekonaniami ustępy". *Смоленскій*, Szkoły, *Ateneum*, 1886, XI, 313.

закоулкѣ [1]). Что же должно было быть въ первую минуту послѣ катастрофы! Подъ впечатлѣніемъ ея перо выпало изъ рукъ Нарушевича: въ 1793 году, при свиданіи съ королемъ, въ отвѣтъ на его ободренія онъ сказалъ, что не возьметъ пера въ руки, что теперь ему не для кого писать. Но собственно говоря, и начинать свой трудъ ему приходилось уже тогда, когда признаки предстоящей грозы сказывались вполнѣ ясно. Удивительно ли, что онъ съ особенной отрадой переносился къ далекому прошлому. Передъ умственнымъ его взоромъ носились образы славныхъ предковъ, могучихъ польскихъ государей, расширившихъ предѣлы государства, торжествовавшихъ надъ его врагами. Всѣ вопросы по линіи Буга и Карпатъ, даже подробнѣе, чѣмъ у позднѣйшихъ историковъ, разработаны Нарушевичемъ, и всѣ оказались у него въ пользу Польши [2]).

Еще менѣе можно ожидать правильной постановки вопроса о русскихъ земляхъ у Лелевеля, писавшаго какъ разъ въ то время, когда поляки обратили всѣ силы на заживленіе тяжелыхъ ранъ, и когда, благодаря отношенію русскаго правительства, это какъ будто казалось возможнымъ. Извѣстно, на что была направлена система общественнаго образованія и воспитанія, подъ руководствомъ А. Чарторыжскаго и Ѳ. Чацкаго. Почти одновременно въ польской художественной литературѣ возникаетъ такъ называемая украинская школа, облекающая политическія мечты поляковъ въ поэтическіе образы. При такомъ общественномъ настроеніи можно только удивляться Лелевелю, что онъ, все-таки, удержался въ извѣстныхъ границахъ, что онъ, напримѣръ, не скрывалъ роли и значенія русскаго вліянія въ Литовскомъ государствѣ [3]).

Краковская историческая школа, представительница современной польской исторіографіи, не только не шагнула впередъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, но, можно сказать, запутала и затемнила его. Всѣ главнѣйшіе ея представители: Бобжинскій, Шуйскій, Смолька, въ нѣкоторыхъ вопросахъ не всегда согласные между собой, въ вопросѣ объ отношеніяхъ Польши къ Руси-Литвѣ рѣшительно

---

[1]) *К. Валишевскій*, Historyografia polska przed krytyką rossyjską, *Kwartalnik* 1888, IV.

[2]) Въ разработкѣ вопросовъ, касающихся Руси, Нарушевичъ шелъ за Длугошемъ, у котораго, какъ извѣстно, по обстоятельствамъ времени, было не мало причинъ рѣшить ихъ категорически.

[3]) Dzieje Litwy i Rusi aż do Unii z Polską w Lublinie, Полн. собр. V, 134.

сходятся въ признаніи польской культурной миссіи и благодѣтельности польскаго вліянія [1]), съ тою развѣ разницей, что болѣе другихъ трезвый Бобжинскій меньше налегаетъ на значеніе католицизма, на что особенно напираетъ Шуйскій. Середину между ними занимаетъ Смолька, но за то его труды, вообще прекрасные по тщательной отдѣлкѣ и изложенію (иногда, впрочемъ, слишкомъ вычурному), отличаются особенностью, которую, кажется, всего вѣрнѣе можно назвать мистическимъ сентиментализмомъ [2]). Въ этомъ случаѣ Смолька, быть можетъ безсознательно возобновилъ отчасти манеру Шайнохи, хотя все таки не достигъ того совершенства въ изложеніи, какое невольно плѣняетъ въ трудахъ этого замѣчательнаго мастера слова [3]); съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что Смолька направилъ идеализацію не на бытъ, какъ Шайноха, а на политическую жизнь Польши. У всѣхъ названныхъ писателей Краковской школы несомнѣнно богатый запасъ свѣдѣній: роль и значеніе русскаго элемента въ литовскомъ государствѣ они могли бы обосновать гораздо тверже, нежели Лелевель; много частностей получаетъ у нихъ и новую вѣрную постановку, и новое болѣе вѣрное освѣщеніе, чѣмъ прежде; общее, однако, не измѣняется нисколько [4]). Въ ихъ трудахъ польская исторіографія сдѣлала громадные техническіе успѣхи: распредѣленіе матерьяла, общая конструкція сочиненій, наконецъ, изложеніе — все это доведено до высокой степени совершенства, но сущность дѣла остается прежняя, старая [5]). „Краковъ“, говоритъ В. Смоленскій, — „представляетъ

---

[1]) См. выше, стр. 172.

[2]) Всего ярче онъ сказывается въ его книжкѣ по поводу пятисотлѣтія соединенія Литвы съ Польшей. Rok 1386. Краковъ. 1886.

[3]) Характеръ его произведеній извѣстенъ. Въ своихъ очеркахъ, касающихся Руси, онъ останавливается на времени позднѣйшемъ: Dwa lata dziejów naszych (1646, 1648), Jak Ruś polszczała — эпизодъ изъ исторіи XVI в. Нашего періода отчасти касается его „Ядвига и Ягайло“.

[4]) Особенно, напримѣръ, у *Смольки*, Kiejstut i Jagiełło, гдѣ очень ярко выставлена мысль о паденіи Литвы, какъ русской державы при Ягайлѣ, но тутъ же см. § 4: Litwa i Moskwa, и § 6: Ruska cerkiew.

[5]) Несомнѣнно большіе таланты названныхъ Краковскихъ ученыхъ въ значительной степени сглаживаютъ недостатки ихъ трудовъ. Мы ихъ не перечисляемъ, такъ какъ они вообще извѣстны, а тѣ, которыми мы пользовались, цитованы, съ приведеніемъ полныхъ заглавій, въ примѣчаніяхъ. Къ чему приводятъ Краковскія идеи, при отсутствіи крупнаго таланта, лучше всего показываютъ вышедшія въ прошломъ году во Львовѣ сочиненія: *Э. Брейтера*, Влади-

очагъ догматовъ въ обширномъ значеніи этого слова", а современное положеніе поляковъ въ Галичинѣ, прибавимъ отъ себя, по прежнему весьма мало благопріятствуетъ спокойствію польской мысли. Въ большой энциклопедіи Оргельбранда, бывшей въ началѣ 60-хъ годовъ главнымъ центромъ представителей польской мысли, о народности и языкѣ русскихъ галичанъ сказано слѣдующее: „народъ одного племени съ польскимъ, а его нарѣчіе очень близко къ польскому языку, такъ, что полякъ и русинъ могутъ безъ труда понимать другъ друга" [1]). И въ 1886 г. то же самое считаетъ возможнымъ говорить Смолька, усматривая въ русскихъ галичанахъ таинственные впрочемъ и для него самого признаки извѣчной ихъ связи и начальнаго единства съ поляками [2]). Однимъ словомъ, если теорія воспитанника Кременецкаго лицея Валеріана Врублевскаго [3]) потеряла всякій научный кредитъ въ примѣненіи къ коренной Польшѣ, то она и теперь еще сохраняетъ въ польской наукѣ силу относительно связанныхъ съ Польшей литовско-русскихъ земель, для которыхъ польское „слово", то-есть идея, выставляется спасительнымъ и въ трудахъ современныхъ, несмотря на новую фактическую разработку историческаго матеріала, ясныя указанія коего остаются по прежнему невразумительными, ибо ими не желаютъ вразумляться [4]). Повторяемъ, краковская школа производитъ чрезвычайно грустное, можно сказать, удручающее впечатлѣніе. Для поль-

---

славъ кн. Опольскій, и *К. Горжицкаго*, Соединеніе Червонной Руси съ Польшей при Казимірѣ.

[1]) Enc. powsz. VI, 479.

[2]) Rok 1386, стр. 95.

[3]) Słowo dziejów polskich. Лейпцигъ. 1858—1860. Три тома.

[4]) Это сказывается между прочимъ и на отношеніи Краковской школы къ вопросу о вліяніи на Польшу тевтонизма. Нарушевичъ старался обходить вопросъ объ отношеніи польскихъ князей къ нѣмецкимъ императорамъ; гдѣ нельзя было обойти его, смягчалъ тяжесть дѣйствительности. Напримѣръ, по поводу униженія Болеслава IV въ Кришковѣ, Нарушевичъ говоритъ: „Uchylają się narody przed narodami w przykrych dla siebie okolicznościach, zachowując czasowi poprawę losów swoich", Исторія, VI, 39, пр: 3. Прямѣе, хотя тоже не безъ прикрытія истины, смотритъ въ глаза дѣйствительности Лелевель. См. его O związkach z Niemcami krolów polskich, Polska wiek. śr, II. Познань. 1847. Но ни Нарушевичъ, ни Лелевель не прикрывали другихъ сторонъ нѣмецкаго вліянія. „Kraj cały, говоритъ Лелевель, — mógł niepodległość i narodowość stracić", Dzieje Polski, Полн. Собр., II, 45. Нарушевичъ вовсе не увлекается нѣмецкимъ правомъ, считая его выгоднымъ лишь для отдѣльныхъ частныхъ лицъ, но осла-

ской исторіи вопросъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси есть вопросъ основной. Вотъ почему неправильная его постановка имѣетъ рѣшительное вліяніе на состояніе всей науки. У поляковъ могутъ выходить прекрасныя изданія источниковъ, могутъ появляться прекрасныя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, обличающія и высокій талантъ, и глубокую эрудицію авторовъ; но до коренной переработки вопроса объ отношеніяхъ къ Руси, въ ихъ наукѣ не будетъ прочнаго фундамента, на которомъ она могла бы твердо опираться. Дѣйствительный вкладъ въ изученіе исторіи русско-польскихъ отношеній составляютъ не произведенія ученыхъ краковской школы, а труды не принадлежащаго къ ней К. Стадницкаго. Его біографическіе очерки Гедиминовичей давно пріобрѣли почетную извѣстность. Безъ нихъ рѣшительно нельзя обойтись при изученіи исторіи Литвы-Руси. Къ сожалѣнію, отдѣльныя біографіи не даютъ цѣльной картины состоянія Литовско-Русскаго государства при Гедиминовичахъ. Подробности, однако, разработаны Стадницкимъ прекрасно. Лучшіе его очерки—біографіи трехъ Гедиминовичей: Ольгерда, Кейстута и Любарта [1])—касаются прямо нашего періода.

Въ противоположность традиціонной неизмѣнности взглядовъ польской исторической науки на русско-польскія отношенія, русская историческая наука, особенно въ послѣдніе годы, представляетъ правильный ростъ, правильное и неуклонное развитіе. Тотъ же 1863 годъ, который поляки ставятъ гранью въ исторіи своего общественнаго развитія, можно принять за грань въ развитіи и нашей общественной мысли, и нашей науки въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу. Польскій, точнѣе западно-русскій вопросъ сталъ предметомъ

бляющимъ силу государства, Исторія, IX, 147 пр. Совсѣмъ иначе, какъ мы видѣли (см. гл. I), смотрятъ на этотъ вопросъ Краковскіе ученые, забывъ даже Шайноху, изобразившаго вліяніе тевтонизма, какъ въ Bolesław Chrobry i Odrodzenie się Polski za Władysława Lokietka, такъ и въ Jadwiga i Jagiełło, гл. VIII.—Разница въ ученой дисциплинѣ сказывается особенно ярко, при сопоставленіи трудовъ Краковскихъ съ трудами Репеля и Грюнгагена, не называемъ Каро, его трудъ въ этомъ отношеніи несравненно ниже труда Репеля. Впрочемъ и сами поляки начинаютъ надлежаще оцѣнивать труды Краковскихъ ученыхъ, см. *Вл. Смоленскій*, Szkoły, гл. VI, *Ateneum* 1886, XII.

[1]) Olgierd i Kiejstut. Львовъ. 1870. Lubart xiąże Wołynski (Synowie Gedymina, т. 2-й). Львовъ. 1853.

живыхъ обсужденій нашихъ публицистовъ [1]), а что гораздо важнѣе — исторія западной Руси и Литвы стала съ того времени предметомъ постоянной научной разработки; вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе раскрывалось ея общерусское значеніе. Шагъ за шагомъ предѣлы русскаго міра какъ бы возстановлялись въ русской исторической наукѣ, которая въ трудахъ послѣднихъ годовъ стала наконецъ на фактическомъ русскомъ рубежѣ [2]).

---

[1]) Этой стороны мы не будемъ касаться. Наиболѣе важное указано *Н. И. Карѣевымъ*, Паденіе Польши въ исторической литературѣ. С.-Пб. 1888, гл. V.

[2]) См. выше, стр. 185 слл. Очеркъ изученія литовско-русской исторіи въ главнѣйшихъ чертахъ представленъ у *Н. Дашкевича*, Замѣтки, предисловіе. Въ частности, замѣчанія объ отношеніи русскихъ историковъ къ Забужью высказаны *Е. Крыжановскимъ*. Забужная Русь, 55, 3 — 4. См. также предисловіе *Я. Головацкаго*, къ III т. Актовъ Виленск. Археогр. Коммиссіи. Въ трудахъ галицкихъ ученыхъ объемъ вопроса обыкновенно суживается. Во всякомъ случаѣ имъ принадлежитъ заслуга опредѣленія крайняго западнаго русскаго рубежа (Зубрицкій, А. Добрянскій). Въ новѣйшихъ галицкихъ трудахъ нельзя не отмѣтить явной тенденціозности. Укажемъ какъ на примѣръ на Geschichte der Union *Ю. Пелеша* и Obrazki Przemyśla *А. Левицкаго*.

2007055009